

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Суменков Сергей Юрьевич

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант –
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации
А. В. Малько

Саратов – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ	31
Глава 1. Методологические подходы к изучению исключений в праве	31
Глава 2. Общая характеристика исключений как правового предписания	58
Глава 3. Классификация исключений в праве	86
Глава 4. Правила и исключения как парные юридические категории	114
Глава 5. Допустимость исключений в праве и специфика их восприятия в контексте различных типов правопонимания	134
РАЗДЕЛ II. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ	165
Глава 1. Вопросы терминологического объективирования исключений в праве	165
Глава 2. Нормы-исключения как особая разновидность юридических норм	216
Глава 3. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве	246
Глава 4. Судебная практика и исключения в праве: аспекты взаимосвязи	270

РАЗДЕЛ III. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ.....	303
Глава 1. Целевое предназначение исключений в праве.....	303
Глава 2. Исключения в праве как юридические средства.....	325
Глава 3. Исключения как прием юридической техники	344
Глава 4. Проблемы оптимизации исключений в праве и пути их решения	362
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	387
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	391

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Важной характеристикой права, во многом отражающей качество и эффективность правового регулирования, служит способность права воспринимать и оперативно реагировать на предельно широкое многообразие общественных отношений и разнородность их участников. В современных условиях, при значительно усилившейся роли права, реакция последнего на полиморфию социальной среды не только влечет устранение пробелов правового регулирования, но и, что самое главное, обеспечивает в рамках права возможность согласования и удовлетворения неоднородных и разноплановых интересов многочисленных субъектов общественных отношений.

Между тем эталонная природа права детерминирует преобладание в нем единых для всех, стандартизированных правил. Действительно, абсолютно любой коллектив людей может возникнуть, существовать и развиваться только на основе правил, регламентирующих поведение членов социума. Однако ни одно правило, в силу шаблонности последнего, не в состоянии охватить многообразие жизненных ситуаций и учесть всех задействованных в них субъектов. Во избежание конфликтов, угрожающих целостности общества, придания гибкости социальной регламентации нужны исключения из правил.

Правила и исключения направлены на сохранение и развитие общества, только правила выполняют роль основы, а благодаря исключениям достигается гибкость его конструкции. Исключения являются материальным отражением разнообразия, что особенно актуально для социальной сферы: ведь в рамках одного общества, класса, группы, коллектива, семьи люди могут вести неодинаковый образ жизни и иметь разные интересы.

Именно многообразие интересов, невозможность их абсолютного ограничения и необходимость в сочетании обуславливает появление

исключений из правил. Исключения в состоянии гармонизировать общественные отношения, ориентировать мотивацию людей на положительное поведение, учитывать и согласовывать разнообразные интересы людей, детерминированные объективными потребностями.

Феномен исключения состоит в том, что, не нарушая правила, оно предлагает иной вариант регуляции. Поэтому исключения, равно как и правила, находят свое внешнее выражение в социальных нормах.

Для права, как особой совокупности социальных норм, выполняющего роль государственного регулятора, исключения из правил необходимы так же, как и сами правила. Игнорирование разнообразного характера общественных отношений, фактических обстоятельств, личности людей в конечном итоге приведёт к несправедливости.

Острота проблем, связанных с исключениями, детерминирована как качественными, так и количественными факторами. В частности, в современном российском законодательстве не существует нормативного правового акта, который не содержал бы прямо или завуалированно исключения из единого для всех правила.

Злободневность и важность обсуждения наличия исключений в праве более чем очевидна.

Иной, альтернативный правилу, вариант регуляции, который подразумевает исключение, с одной стороны, и поразительное, без преувеличения, множество исключений, с другой, неизбежно вызывает размышления о нивелировании стандартизирующего эффекта права и возможности правовых норм быть эталонами, образцами, моделями поведения.

Подобные вопросы обуславливают сомнения в способности права выступать в качестве общеобязательного нормативного регулятора, направленного на упорядочивание общественных отношений. Более того, это порождает справедливые опасения торпедирования исключениями общих правил и, как следствие, вероятность злоупотребления исключениями в

процессе их реализации. В таком контексте исключения зачастую оцениваются в качестве негативного явления, подрывающего функциональные возможности права.

Традиционным стало восприятие права в качестве общего, единого для всех регулятора, направленного на унификацию и стандартизацию соответствующих общественных отношений. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит тем не менее реально понимать то, за счет чего достигается универсальность права, чем можно объяснить всеобщность права, способность адекватно реагировать на неоднозначные и динамичные жизненные казусы.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

На наш взгляд, среди ресурсов права, позволяющих адекватно отвечать многообразию окружающей действительности, магистральной является допустимость присутствия в праве такого феномена, как исключение. Это обладающая сложной природой и неоднозначным характером категория, которая создает множество вариантов поведения.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Посредством исключений обеспечивается требуемая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

Однако исключение никогда не должно подменять собой правило, ибо доминирование исключений неизбежно приведет к разрушению правовой конструкции общества и деградации правовой системы.

Дилемма исключений заключается в том, что они, не нарушая правило, все же предлагают иной, во многом не схожий с общим, вариант развития ситуации.

Вместе с тем, игнорируя потребность в исключениях из правил, право утратит свое качество всеобщего нормативного регулятора.

Квинтэссенция существования исключений в праве заключается в том, что они, при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам, не противостоят последним, не подрывают их положения, а, напротив, вместе с правилами направлены на полноценное урегулирование социальных связей.

Таким образом, объективная необходимость в исключениях как отражении разнообразия окружающей действительности и в то же время потенциальной возможности перехода в негативную составляющую правовой жизни объясняет актуальность и перспективность изучения аспектов, связанных с наличием исключений.

Степень научной разработанности проблемы. На настоящий момент, несмотря на всю очевидность как научной, так и практической значимости исключений в праве, их рассмотрение следует признать явно недостаточным. Среди мыслителей прошлого, занимавшихся вопросами исключений, можно назвать такие имена, как Р. фон Иеринг, Р. Давид, В. М. Гессен, Ф. Регельсбергер.

В число современных ученых, в той или иной плоскости затрагивающих в своих изысканиях тему исключений в праве, входят такие авторы, как С. С. Алексеев, В. М. Баранов, М. Л. Давыдова, Т. В. Кашанина, А. В. Малько, И. С. Морозова, И. А. Муравьев, Р. А. Ромашов, И. Н. Сенякин, А. Ф. Черданцев.

Однако в большинстве своем исследование исключений ограничивается изучением отдельных их разновидностей (в частности, льгот – И. С. Морозова; привилегий – В. И. Афанасьева; иммунитетов – А. Г. Репьев, С. С. Лампадова, Н. С. Сопельцева, Ю. А. Юшкова) или рамками какой-либо отрасли права (например, соотношение принципа юридического равенства и исключений – Н. С. Бондарь и Ю. В. Капранова; роль и место исключений в муниципальном праве – С. В. Корсакова; в уголовном праве исключения отчасти освещены в работах А. В. Измалкова, М. С. Коробейниковой, З. И. Королевой; в уголовном процессе – А. В. Осиповым).

Надо отметить, что изучение исключений носит, к сожалению, сопутствующий характер, выражающийся в том, что ученые анализируют исключения в ракурсе рассмотрения иной проблемы, являющейся объектом их научного интереса (юридической техники – М. Л. Давыдова, Т. В. Кашанина; судебной деятельности – П. А. Гук; толкования права – Н. И. Сухова).

В российской юридической науке непосредственно исключениям посвящена только одна диссертация¹. Несмотря на безусловные достоинства работы, необходимо отметить, что заявленная тематика, ограничивающая анализ исключений рамками законодательства, а также объем и уровень кандидатской диссертации не позволяют провести полномасштабное изучение обозначенной проблемы.

Высоко оценивая изыскания всех вышеназванных авторов, хотелось бы отметить, что они затрагивают лишь отдельные стороны проблематики исключений, не охватывая всей сущности указанного феномена в целом.

Представленная работа является первым комплексным исследованием исключений в праве монографического плана, освещающая широкий спектр вопросов, возникающих в связи с наличием исключений в праве.

¹ См.: Муравьев И. А. Законодательное исключение: (теория, практика, техника) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.

Объект исследования. Объектом диссертационного исследования выступает совокупность общественных отношений, возникновение, изменение и развитие которых обусловлено существованием и реализацией исключений в праве.

Предмет исследования. Предмет исследования включает в себя общие закономерности существования исключений как правовых предписаний, парных с правилами; классификационные основания стратификации исключений; специфику восприятия исключений в контексте различных типов правопонимания; терминологию, в которой отражается понятие «исключение в праве»; особенности норм-исключений и нормативного правового акта как базовой формы воплощения исключений; взаимосвязь судебной практики и исключений в праве; целевые установки исключений; характеристику исключений как юридических средств и как приема юридической техники; модели оптимизации исключений в праве.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационной работы состоит в формировании концепции исключений в праве, получении новых научных знаний о теоретических основах существования исключений, изучении форм внешнего выражения исключений, анализе и выявлении специфики инструментальной составляющей исключений, разработке практических рекомендаций, направленных на совершенствование создания и реализации исключений.

Выполнение данных целей обеспечивается достижением следующих **задач:**

- определить методологические подходы к исследованию исключений в праве;
- сформулировать дефиницию и признаки исключений в праве;
- провести классификацию исключений в праве;
- доказать парность правил и исключений в праве;
- оценить допустимость исключений в контексте различных типов правопонимания;

- указать нормативные термины, в которых воплощаются исключения в праве;
- проанализировать нормы-исключения как особую разновидность юридических норм;
- осветить проблемы изложения исключений в праве в тексте нормативного правового акта как основной формы их внешнего выражения;
- установить аспекты соотношения судебной практики и исключений в праве;
- уточнить целевое предназначение исключений в праве;
- рассмотреть исключения в праве в качестве юридических средств;
- выявить специфику исключений, действующих в качестве приема юридической техники;
- предложить меры по оптимизации исключений в праве при их практической реализации.

Методологическая основа исследования. Базовым методом научного познания был избран диалектический материализм. Именно законы, принципы и методы диалектики позволяют наиболее полно понять природу исключений из правил, осознать их всеобщность и объективность присутствия в праве как одной из форм человеческого бытия. Диалектический материализм помогает уяснить неразрывную связь исключений с правилами, объясняет сочетание в исключениях закономерного и случайного, взаимосвязь требуемой абстракции и необходимой конкретности.

Диалектический материализм дает возможность оценивать правило и исключение как парные категории. В подобном аспекте правило и исключение – это находящиеся в единстве и борьбе противоположности, неотделимые, одновременно взаимоотрицающие и взаимопроникающие друг в друга феномены.

С позиции системно-структурного метода исключение и правило представляют собой неразрывную систему, особого рода единое

нормативное предписание, занимающее собственное место в механизме правового регулирования.

Безусловно, важное значение имеет реализация кибернетического метода, который предполагает рассмотрение исключений как средств управления, в том числе и в социальных системах. В ракурсе данного метода первопричиной появления исключений обоснованно называется кибернетический по своей сути закон необходимого разнообразия жизни.

Присущая исключениям альтернативность выбора при их реализации обуславливает использование при исследовании исключений такого метода, как вероятностный анализ (теория вероятности).

Формально-юридический метод позволяет создать понятийный аппарат, необходимый для разработки теории исключений.

Теоретическая основа исследования. При разработке концепции исключений автор опирался на труды таких представителей общей теории права, как С. С. Алексеев, М. И. Байтин, В. М. Баранов, В. В. Лазарев, О. Э. Лейст, А. Б. Лисюткин, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузов, И. С. Морозова, И. Н. Сенякин, В. М. Сырых, А. Ф. Черданцев, В. М. Шафиров.

Палитра распространения исключений настолько широка, что их изучение неизбежно сопряжено с анализом целого ряда актуальных проблем теории права, в частности парности правовых категорий, теории законных интересов, правопонимания, юридической техники, дозволений, ограничений, запретов, форм права, судебной практики, правовых средств, юридической безопасности, иммунитетов в праве. Поэтому теоретической основой исследования стали научные изыскания таких ученых, как

А. М. Васильев, А. Г. Братко, П. А. Гук, М. Л. Давыдова, Т. В. Кашанина, В. С. Нерсисянц, В. В. Нырков, К. Е. Игнатенкова, П. А. Оль, Д. Е. Петров, И. М. Приходько, В. А. Сапун, В. В. Субочев, А. Г. Репьев, В. В. Трофимов, А. А. Фомин, К. В. Шундигов.

Рассмотрение исключений носит междисциплинарный характер, поэтому в диссертации использовались труды представителей отраслевых

юридических наук, ученых-социологов, филологов, философов, а также классиков марксизма-ленинизма.

Для раскрытия темы диссертационной работы применялись положения зарубежных мыслителей, в особенности таких как Р. Давид, Р. У. Эшби, О. Эрлих, Р. Паунд, Р. фон Иеринг, Ф. Регельсбергер.

Нормативно-правовая основа исследования. Нормативная основа исследования включает в себя широкий спектр различного рода нормативных правовых актов. В диссертации анализировались некоторые международно-правовые акты, а также акты, входящие в систему российского законодательства: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, в том числе и кодифицированные, подзаконные акты: указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, различного рода нормативные акты федеральных министерств и ведомств. Значительное внимание уделено исключениям, содержащимся в региональном законодательстве. Рассмотрению подвергались нормативные акты органов местного самоуправления и локальные акты.

Отдельную роль играют акты высших судебных органов, имеющих, по мнению автора, нормативный характер.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическую основу диссертации составляют правоприменительные и интерпретационные акты органов государственной власти, положения которых связаны с непосредственным применением исключений из правил.

К их числу относятся прежде всего акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ныне упраздненного Высшего Арбитражного суда РФ. Кроме того, эмпирическую основу исследования составили акты судов, относящихся к различным уровням и звеньям судебной системы России.

В совокупность правореализационных актов, в которых исключения находят свою реализацию в форме применения, входят также акты органов прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, равно как и акты

государственных органов исполнительной власти, а также муниципальные и локальные акты.

Научная новизна исследования. Новизна диссертации обусловлена прежде всего тем, что она представляет собой первое доктринальное исследование монографического уровня, посвященное комплексному общетеоретическому анализу существования исключений в праве, с целым рядом конкретных практических предложений по их совершенствованию.

Автор разработал принципиально новую научную концепцию исключений, основанную на доказательстве всеобщности и объективности наличия исключений, что проецируется на право и обуславливает бессмысленность отрицания их присутствия в праве. В ракурсе объективной природы исключений обосновывается сочетание исключениями качеств закономерности и случайности.

Новацией является трактовка исключений и правил как правовых предписаний, имеющих самостоятельное правовое значение, но неотделимых друг от друга, и, как следствие, восприятие исключений и правил как парных правовых категорий.

Проведенный классификационный анализ исключений носит не просто описательный характер, но позволяет сконцентрировать внимание на том, что исключения в праве предстают либо в виде дозволений, либо ограничений.

Безусловным новаторством выступает указание на интегрирующую роль исключений при рассмотрении такого глобального феномена, как право, равно как и предложенная автором дефиниция самого права как синтеза правил и исключений.

Научной новизной характеризуется представленная терминосистема, объясняющая смысл и значение терминов, в которых объективируется понятие «исключение в праве».

В результате изучения юридических норм, в которых воплощаются исключения, получены новые знания об особой разновидности специальных

норм – нормах-исключениях, а также автономной группе последних – исключительных нормах.

Аргументируется положение о том, что основной формой выражения норм-исключений в условиях правовой системы современной России является нормативный правовой акт; в данном контексте впервые освещены вопросы соотношения правил и исключений, содержащихся в нормативных актах различного уровня.

Новеллой диссертационного исследования является безусловное указание на взаимосвязь исключений в праве и судебной практики. Поддерживается идея о наличии у судебной власти правотворческой функции, результатом реализации которой в доминанте своей выступают нормы-исключения.

Отмечается, что целевое предназначение исключений в праве детерминировано факторами реальной жизни, что позволяет всесторонне учесть и, соответственно, удовлетворить законные интересы субъектов общественных отношений, обеспечив в конечном итоге справедливость правового регулирования.

Формулируется авторская дефиниция исключения как юридического средства.

В аспекте рассмотрения исключений как юридических средств новационным служит вывод о том, что исключения являются первичным, базовым компонентом, из них складываются все юридические средства, но при этом исключения одновременно выступают в качестве автономной группы юридических средств.

Новшеством отличается положение о том, что исключения как прием юридической техники обеспечивают сочетание в праве необходимого уровня абстракции и обязательной конкретности.

Обосновывается, что исключения не противоречат сущности и смыслу права, не отвергаются его природой. Определенные сложности, возникающие на практике в результате наличия исключений, могут и должны быть

нивелированы посредством научного изучения (сопряженного с выработкой соответствующих рекомендаций) проблематики исключений.

Представленное диссертационное исследование устраняет важнейший пробел юридической науки, убедительно доказывая, что баланс между разнообразными и находящимися в постоянной динамике общественными отношениями, с одной стороны, и правовым регулированием, априори наделенным эталонным эффектом, с другой, достигается благодаря присутствию в праве такого феномена, как исключения из правил.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исключения из правил обладают такими неотъемлемыми качествами, как всеобщность и объективность. Всеобщность обозначает наличие исключений во всех сферах бытия; объективность обуславливает присутствие исключений как данности, факта, имеющего место быть вне зависимости от чьих-либо волюнтаристических посылов.

Всеобщность исключений детерминирует появление их в праве. В свою очередь поразительное многообразие отношений, которые абсолютно невозможно охватить общими, едиными для всех правилами, объясняет объективную природу исключений в праве.

2. Объективность исключений генерирует их восприятие как закономерности, абстрактное существование которой не оспаривается. Исключение в таком контексте – результат отражения правовой необходимости, вызываемой потребностью упорядочить определенный спектр общественных отношений.

Конкретизированной формой закономерности выступает случайность, поэтому каждый отдельный эпизод, связанный с исключениями (их нормативное оформление либо реализация), имеет субъективный характер.

Соответственно, исключение из правил как абстракция – объективная закономерность; как непосредственный факт проявления – случайность, во многом субъективная.

Исключения в праве – уникальный феномен, позволяющий сочетать объективное и субъективное, закономерное и случайное, абстрактное и конкретное, обеспечивая тем самым максимальную эффективность правового регулирования.

3. Исключение в праве – закрепленное в нормах права и выражающееся в официально признанных формах, объективированное в специальных терминах предписание, выступающее в качестве юридического средства регламентации общественных отношений, подразумевающее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему вариант регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей.

Таким образом, определяющими характеристиками исключения в праве являются следующие.

Исключение в праве – это нормативно-правовое предписание, представляющее государственно-властное веление, легитимированное надлежащим образом. Исключение соотносится с нормативно-правовым предписанием на макро- и микроуровне. На макроуровне исключение вместе с правилом образуют магистральное предписание, что позволяет максимально полно регулировать соответствующие общественные отношения. На микроуровне исключение – предписание, подразумевающее альтернативный правилу вариант регуляции.

Восприятие исключения, равно как и правила, в качестве предписания детерминирует парность правил и исключений, объясняемую их взаимообусловленностью.

Исключение как предписание непосредственно связано с правилом, выступая в качестве изъятия из правила или (и) дополнения к нему.

Исключение-изъятие выводит из-под действия правила определенный компонент общественных отношений, подпадающих в целом под юрисдикцию этого правила.

Исключение-дополнение внедряет в правило какое-либо положение, позволяющее отступить от правила и реализовать иной вариант поведения.

Исключение находит свое закрепление только в издаваемых или санкционируемых государством юридических нормах. Внешнее выражение исключения получает в официально признанных формах, объективируясь с помощью специальной терминологии.

Исключение входит в инструментальный раздел права, является приемом юридической техники, служит особым юридическим средством, направленным на совершенствование правотворчества, оптимизацию правоприменения и обеспечение эффективности действия права в целом.

4. Основными критериями классификации исключений выступают способ воздействия исключения на правило и целевая направленность исключений.

В зависимости от способа воздействия на правило исключения стратифицируются на исключения-изъятия и исключения-дополнения.

Магистральным критерием классификации исключений служит целевая направленность, позволяющая признать, что исключения, существующие в праве, представляют собой или дозволения, или ограничения.

Дозволение и ограничение коррелируют друг с другом в проекции к бинарной группе иного порядка: «правило – исключение». Соответственно, если в качестве правила предстает дозволение, то исключением из него может быть только ограничение, и, наоборот, когда правило носит ограничительный характер, исключением выступает дозволение.

Смысл исключения-ограничения состоит в секвестировании дозволенного диапазона юридических возможностей субъекта посредством изъятия соответствующего правомочия или (и) внедрения дополнения, нивелирующего это правомочие.

Исключение-ограничение – комплексный феномен, включающий в себя исключения-запреты, исключения-обязывания, исключения-

ограничения (в узком, непосредственном смысле). Суть таких исключений отражается в запрещающем, обязывающем, ограничивающем компоненте регулятивного воздействия права.

Смысл исключения-дозволения состоит в увеличении диапазона юридических возможностей субъекта посредством изъятия положения, ограничивающего соответствующие правомочия, или (и) внедрения дополнения, умножающего такие правомочия либо расширяющее их пределы.

В качестве автономного образования в число исключений-дозволений входят исключения-преимущества. Суть таких исключений заключается в том, что сокращение ограничений посредством их изъятия или (и) увеличение правомочий посредством дополнения обеспечивает предпочтения (приоритет, превосходство, прерогативы) для тех субъектов, при определении правового статуса которых были установлены соответствующие изъятия или (и) дополнения.

Исключения-преимущества выражаются в виде льгот, привилегий, иммунитетов.

5. Исключения находятся в неразрывном единстве с правилами. Парность правил и исключений объясняется их взаимообусловленностью. Исключения могут быть только из правила, а последнее не существует без исключений. Парность правил и исключений проявляется в том, что правило и исключение представляют собой единое предписание, реализация которого позволяет праву наиболее полно регламентировать общественные отношения. Парность правил и исключений объясняется следующими факторами: исключение не может существовать вне правила; правило не может быть без исключений; правила и исключения при всей противоречивости отражают друг друга, подтверждая истинность и необходимость указанного дуализма.

Обозначение правил и исключений как парной категории позволяет утверждать о невозможности трактовки исключения как нарушения правила.

Напротив, исключение, будучи категорией парной с правилом, неотделимой от него, подразумевает иные, непохожие, альтернативные правилу установки, не нарушающие истинного содержания правила.

Правила и исключения как парные категории соотносятся друг с другом как общее и особенное (единичное), целое и часть. Однако правило как целое не состоит из исключений как части. В отличие от иных парных категорий, вышеназванная пара не выступает в виде дуалистического деления одного и того же явления.

6. Наличие исключений в праве допускается представителями различных учений о праве. В наибольшей степени исключения проявляются в контексте нормативного подхода, естественно-правовой теории, социологической школы, олицетворяющих соответственно догму права, философию права, социологию права.

Коллизии между указанными типами правопонимания носят полемический характер и не выступают непреодолимым препятствием к достижению научного консенсуса. Существование исключений является важным аспектом интеграционной юриспруденции, ибо их признание выступает в качестве несомненного синтезирующего фактора. Магистральными свойствами интеграции различных направлений понимания права являются: воплощение исключений в норме права; нацеленность исключений на достижение справедливости; реализация исключений уполномоченными на то субъектами.

Объединение различных учений вполне допустимо на основании констатации того факта, что право – это юридические нормы, которые учреждают правила и вводят исключения, реализуемые соответствующими субъектами для достижения и обеспечения справедливости.

7. Исключения в праве – категория, формулирующаяся в определенных лексико-семантических оборотах. Наиболее точным словесным оборотом применительно к исключению служит выражение «исключение в праве». При этом «исключение в праве» не вступает в противоречие со

словосочетаниями «юридическое исключение» и «правовое исключение», соотносясь с данными понятиями в качестве слов-синонимов.

Выражение «исключение в праве» обозначает как реально существующий правовой феномен, так и понятие, используемое юридической наукой для его обозначения.

Таким образом, исключение в праве – научное понятие, подразумевающее явление, которое имеет место в регулировании общественных отношений: санкционирование иного, отличного от общеустановленного, варианта поведения.

8. Исключение в праве как понятие выражается в юридических терминах. Эти термины выступают в качестве нормативно-правовых, поскольку именно через них происходит имплементация понятия «исключение в праве» в текст юридической нормы. К терминам, подразумевающим понятие «исключение в праве», в плане юридической техники относятся прежде всего такие, как «за исключением случаев», «исключительный случай», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения».

Термин «за исключением случаев» выступает в качестве базового для словосочетаний «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения». «Исключительный случай» – весьма специфический термин, обладающий автономной природой и предназначенный для освещения отдельных аспектов понятия «исключение в праве».

Близкими с исключениями терминами, связанными с оценкой того или иного эпизода как нестандартного, выступают такие как «случай, не терпящий отлагательства», «особый случай», «необходимый случай», «чрезвычайная ситуация».

Юридическими детерминантами исключений служат термины «исключительные обстоятельства», «исключительные личные обстоятельства», «особые обстоятельства», «уважительные причины», «чрезвычайные обстоятельства», «обстоятельства, исключаящие...».

Неоднозначную роль в терминологической системе исключений играют термины «особые условия», «особый порядок», «исключительный порядок».

9. В современном правотворчестве термины, обозначающие исключения, используются хаотично, без какого-либо учета их смысловой нагрузки. В качестве практического предложения в работе сформулирована терминосистема, позволяющая оптимизировать фиксацию и реализацию исключений. К терминам, входящим в данную систему, относятся прежде всего следующие.

«За исключением случаев» (в единичном варианте «случая») – магистральная формулировка, имеющая универсальное значение, характеризующая атипичность жизненного казуса. Словами-доминантами, позволяющими названному термину наиболее точно отображать правовое понятие, выступают слова «исключение» и «случай». В связи с этим можно предложить следующий алгоритм проявления понятия «исключение в праве» посредством термина «за исключением случаев»: норма устанавливает правило, которое действует в качестве унифицированного обязательного стандарта, за исключением специально оговоренных случаев.

«Исключительный случай» – нуждающаяся в правовом регламентировании, нетипичная, особая жизненная ситуация, для урегулирования которой применяются исключительные, отличные от общеустановленных правил, предписания. Определяющими свойствами исключительного случая выступают:

- а) отсутствие жесткой закреплённости, приблизительный и открытый их перечень;
- б) предельно широкая возможность усмотрения, констатации и разрешения;
- в) неоднозначный, экстраординарный характер.

Нормативный термин «за исключением» должен использоваться тогда, когда в тексте нормы, содержащей правило, буквально определяется, что следует считать исключением из него.

Нормативно-правовой термин «в порядке исключения» предполагает четкий алгоритм действий, позволяющих применять исключительное предписание.

Термин «в виде исключения» необходим для акцентирования внимания на том, что конкретное нормативное положение, допускающее выход за рамки единых правил, является именно исключением из них; трактуется сугубо как отдельное исключение из общих и многочисленных правил.

10. Исключения в праве в обязательном порядке должны быть закреплены в юридической норме.

Нормы-исключения представляют собой властные, общеобязательные, формально-определенные веления, учрежденные или санкционируемые государством и поддерживаемые им силой государственного принуждения. Особенностью анализируемых норм является то, что они содержат исключения, а значит, данные нормы устанавливают изъятия или (и) дополнения в правила, создавая альтернативный либо даже противоположный последним вариант регулирования общественных отношений; отличаются предельной конкретностью либо повышенной абстрактностью; могут быть реализованы только уполномоченными на то субъектами. Указанные нормы отличаются специфичной терминологией, позволяющей акцентировать их специфическую природу как исключений из правил.

Нормы-исключения являются особой разновидностью специальных норм. Отдельной группой норм-исключений выступают исключительные нормы.

Исключительная норма – это разновидность норм-исключений, направленная на урегулирование экстраординарной ситуации, облакаемая в соответствующую терминологию (связанную прежде всего с использованием

термина «исключительный случай») и находящая внешнее проявление в отдельном правовом предписании.

11. Норма-исключение объективируется во внешнем реальном мире в какой-либо юридически значимой форме. В правовой системе России, при всем ее своеобразии и специфике, ведущая роль принадлежит такой форме права, как нормативный правовой акт (НПА). Соответственно, нормы-исключения находят свое выражение в НПА.

Нормы-исключения, согласно классификации НПА, могут быть воплощены как в законах, так и подзаконных НПА, причем абсолютно в любой разновидности и тех и других. Однако главную функцию выполняют положения законов, поэтому исключения, содержащиеся в законах, имеют приоритет над правилами, зафиксированными в подзаконных НПА.

Нормы-исключения по-разному выражаются в НПА. Могут быть, хотя и достаточно редко, автономные НПА-исключения. Чаще встречается материализация норм-исключений в отдельных статьях (пунктах) НПА либо структурных элементах статьи: частях, пунктах, подпунктах, абзацах. Иногда нормы-исключения концентрируются в примечаниях или приложениях к НПА.

Наиболее распространенным и удобным способом имплементации исключения в текст НПА выступает законодательная оговорка. Несмотря на определенные сложности, именно оговорка наиболее целесообразна для сочетания правила и исключения как правового предписания. Приемлемый синтез правил и исключений из них, достигаемый посредством оговорки, позволяет НПА в наиболее полной мере регламентировать общественные отношения.

12. Исключения находят свое отражение в судебной практике. Уникальная взаимосвязь судебной практики и исключений в праве детерминирована тем, что только судебные органы могут формулировать исключения; давать общеобязательное разъяснение исключений в ходе толкования; применять исключения в процессе отправления правосудия;

контролировать как нормативное формулирование исключений, так и их реализацию. Подобное объясняется тем, что судебную практику следует трактовать как синтез, включающий в себя судебное правотворчество, судебное толкование, правоприменение, а также судебный контроль. С указанными разновидностями судебной деятельности корреспондируют такие акты, как судебные прецеденты, правовые позиции, правоприменительные акты, а также акты судебного контроля. Именно в этих актах и находят свое отражение нормы-исключения.

Непосредственно нормы-исключения формулируются в процессе судебного правотворчества. Объективизацией судебного правотворчества служит судебный прецедент, создание которого – прерогатива высших судебных органов государства. Судебное правотворчество соотносится с судебным нормотворчеством как форма (прецедент) и содержание (юридическая норма).

Создаваемая в результате судебного правотворчества норма-исключение отвечает требованиям конкретности, диалектически присутствующей в природе исключений.

13. Исключения в праве имеют сугубо практическую направленность, детерминированы факторами реальной жизни.

Исключения обращены на максимально полное удовлетворение интересов многочисленных и разнообразных субъектов общественных отношений. Достижению подобной цели способствуют такие целевые установки, как оперативность и дифференцированность правового регламентирования общественных отношений, а также обеспечение юридической безопасности их участников.

Конечной целью исключений выступает реализация в праве принципов справедливости и гуманизма.

Этой основополагающей миссии исключений сопутствует четко выраженная направленность на санкционирование дозволений и ограничений, в виде которых и выступают исключения.

14. Подтвержденная классификационным анализом констатация того, что непосредственными целями исключений в праве являются дозволение либо ограничение, обуславливает функциональную нагрузку исключений.

Исключения в праве выполняют следующие функции: стимулирующие и ограничительные; гарантирующие и компенсационные.

Ограничительные функции воплощают в жизнь, что вполне естественно, непосредственно исключения-ограничения, а также исключения, детерминирующие реализацию феноменов ограничительного характера (наказаний, мер принуждения и пресечения, цензов, лимитов).

Стимулирующую роль выполняют исключения, посредством которых можно заслужить преимущество. В первую очередь такую функцию реализует большая часть льгот, подавляющее количество привилегий и в некоторой степени иммунитеты.

Исключения, безусловно, осуществляют гарантирующую и компенсационную функции. В то же время надо учитывать, что сами по себе исключения гарантиями и компенсациями не являются.

15. Исключения входят в инструментальный компонент социальной сферы.

Юридические средства-исключения фиксируются в нормах права, что позволяет включать их в механизм правового регулирования (МПР). При этом исключения, с одной стороны, являются первичным, базовым компонентом, из которого складываются все юридические средства; с другой – исключения выступают в качестве автономной группы юридических средств.

Исключения существуют только как средства-инструменты, т.е. при закреплении их в нормативном акте. В этом и проявляется нормативная природа средств-исключений, а также их уникальный характер, заключающийся в том, что исключения как средства предназначены для обеспечения тех процессов и разрешения таких целей, которые могут быть достигнуты только за счет исключений.

Средства-исключения относятся к основным юридическим средствам, о чем свидетельствует, в частности, устойчиво сложившийся и реально функционирующий режим исключений. Режим исключений – это режим, основанный на реализации средств-исключений, характерный для права в целом, обеспечивающий в результате сочетания абстрактного и конкретного, максимально полного и эффективного регулирования общественных отношений.

Таким образом, юридическое средство-исключение – основное правовое средство инструментального характера, аккумулирующее в себе качества исключений и потому являющееся единственно возможным способом достижения определенных целей, детерминирующее наличие особого правового режима и выступающее в качестве приема юридической техники.

16. Исключение как прием юридической техники обеспечивает сочетание высокого уровня абстракции и обязательной конкретности, необходимых при изложении в юридической норме правового предписания, предусматривающего изъятие из правила или (и) дополнение в него.

В рамках юридической техники последней исключения относятся к правотворческой технике, поскольку направлены на экстраполирование в правовую норму иного, по отношению к правилу, варианта регламентации общественных отношений.

Как технико-юридический прием исключение позволяет надлежаще изложить в норме права (как содержании) и в нормативном правовом акте (как форме) предписание-исключение (микроуровень), содержащее отличающуюся от общей вариацию регулирования, не допуская при этом их коллизии. Благодаря данному приему обеспечивается существование единого предписания (макроуровень), интегрирующего в себе правило и исключение.

Исключения в качестве приема юридической техники выполняют как сугубо техническую роль, непосредственно влияя на структурирование

правового материала, так и воздействуют на содержательный процесс правотворчества, синтезируя предельно обобщенные формулировки с требуемой казуальностью.

17. Исключения не противоречат праву, не отвергаются его природой. Беспокойство вызывает не само присутствие исключений, а возможность злоупотребления ими. Наглядными примерами, детерминирующими озабоченность общественности при реализации исключений, выступают смертная казнь, правовой иммунитет, а также возможность исключений выступать в роли коррупциогенных факторов.

Опасения, связанные с исключениями, актуальны, поскольку доминирующей формой реализации исключений выступает правоприменение, а превалирующее число исключений основывается на правоприменительном усмотрении.

Фактором надлежащей реализации исключений является имплементация их в норму права. Только реальное присутствие исключений в правовой норме может служить правомерным основанием их реализации. При этом нужно избегать вуалирования исключений, подмены их иными терминами и понятиями. Необходимо точное и четкое указание (в том числе и в лексическом плане) на то, что выступает исключением из правила.

Нормы, содержащие исключения, должны не просто фиксировать их наличие, но и, несмотря на абстрактную составляющую большинства исключений, устанавливать хотя бы примерные рамки, пределы, условия их усмотрения и применения. В некоторых случаях следует императивно ограничивать либо даже запрещать констатацию и реализацию исключений.

При этом применение исключения не должно быть обыденным средством правоприменительной практики. Каждый факт усмотрения исключения, предпочтение исключения правилу при разрешении конкретной жизненной ситуации необходимо объяснять и мотивировать.

Мотивацию констатации исключения и решение о его применении, ход выполнения данного решения, а также результаты, достигнутые при

реализации исключения, следует фиксировать и оформлять в правоприменительном акте. Подобные акты, отражающие процесс выбора и применения исключения, должны находиться на усиленном контроле: судебном, прокурорском, а также со стороны вышестоящего руководства субъекта, реализующего исключение.

Теоретическая значимость работы. В диссертации доказывается реальность присутствия исключений в праве, а значит, бессмысленность и даже опасность их отрицания. Разработка концепции исключений способствует выработке доктринальной дефиниции, признаков, определению целей, классификации, условий их санкционирования и отнесения к разряду исключений. В процессе изучения исключений освещаются и разрабатываются такие важные, сложные и неоднозначные вопросы, как методологический потенциал юридической науки, теория правовых предписаний, место и роль классификации в научном анализе; парность правовых категорий, определение права, обсуждение различных разновидностей юридических норм, исследование форм и источников права, в частности нормативного акта, трактовка судебной практики в качестве особой формы права, корреляция целей и средств в праве, освещение соотношения механизма правового регулирования и правовых режимов, сочетание абстрактности и конкретности в правовом регулировании, проблемы усмотрения правоприменителей.

Выводы, полученные в ходе исследования, нашли свое отражение в учебном процессе при преподавании дисциплин «Теория государства и права» и «Проблемы теории государства и права», а также в учебниках, учебных и учебно-методологических пособиях по курсам «Теория государства и права» и «Проблемы теории государства и права».

Практическая значимость работы. Полученные результаты исследования имеют непосредственное практическое значение. В частности, предложенная в работе терминологическая система обозначения исключений позволит избежать двусмысленности, неточности и неопределенности при

формулировании исключений в правотворческом процессе. Ценность диссертации придают выводы автора относительно фиксации исключений в нормативных правовых актах и актах судебной власти.

Рекомендации, содержащиеся в последней главе диссертации, направлены на снижение рисков при реализации и особенно применении исключений, минимизации возможности злоупотребления ими.

Результаты исследования нашли свое отражение в общественной деятельности автора, имплементирующего основные положения теории исключений в работу различных органов государственной власти с целью ее оптимизации и совершенствования¹.

Апробация результатов исследования. Основополагающие выводы диссертационного исследования были отражены автором более чем в 80 публикациях, 32 из которых помещены в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ, в монографиях, коллективных монографиях, сборниках научных статей.

Выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

В ноябре 2014 года в Саратовском филиале ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» был проведен научно-

¹ Автор диссертации аккредитован Министерством юстиции РФ в качестве независимого эксперта, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством РФ; как представитель общественности является председателем комиссии по антикоррупционной экспертизе законопроектов и проектов нормативно-правовых актов Законодательного собрания Пензенской области, членом комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в отношении государственных гражданских служащих Пензенской области, замещающих должности государственной гражданской службы Пензенской области в Правительстве Пензенской области, и отдельных категорий лиц, а также аналогичных комиссий аппарата Уполномоченного по правам человека в Пензенской области, Законодательного Собрания Пензенской области, Комитета Пензенской области по физической культуре, спорту и туризму, Управления государственной инспекции в жилищной, строительной сферах и по надзору за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники Пензенской области.

методологический семинар на тему «Методология исследования исключений в праве», на котором автор выступил с докладом по заявленной проблематике.

Магистральные положения диссертации были апробированы автором в ходе выступлений на конференциях, научных семинарах, «круглых столах» международного, всероссийского и регионального уровня.

Структура работы. Структура работы определена целями, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех разделов, подразделенных на главы, заключения и библиографии.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ

Глава 1. Методологические подходы к изучению исключений в праве

Исключения из правил – поразительный по ареалу своего распространения феномен, являющийся неотъемлемой частью бытия, характерный для любой его сферы.

Исключения присутствуют в технологических¹ и технических² процессах, математике³, компьютерном программировании⁴, химии⁵,

¹ См., например: Кузьмин А. С., Романов А. А. О правилах, исключениях из правил и особенностях представления семантики в слабоструктурированных системах // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. 2014. № 10. С. 29–36 ; Малыгин В. М. Есть ли исключения из «правила потока» при определении значений ЭДС электромагнитной индукции // Электрика. 2015. № 1. С. 19–23.

² См.: Аллилуева Е. И., Гаркун Л. М. Цемент для гидротехнических сооружений: исключение или правило? // Цемент и его применение. 2007. № 1. С. 68–69.

³ См.: Чадаев А. М. Проекционные методы решения задачи Римана и сингулярных интегральных уравнений в исключительном случае : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Одесса, 1994 ; Свяжина Н. Н. Приближенное решение исключительного случая сингулярных интегральных уравнений на вещественной оси : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Одесса, 1996 ; Дубатовская М. В. Характеристическое синтегральное уравнение с бесконечным индексом в исключительном случае : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Минск, 1997 ; Кудряшова Н. Ю. Приближенные методы решения сингулярных интегральных уравнений в исключительных случаях : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Пенза, 2000 ; Урбанович Т. М. Сингулярные интегральные уравнения с ядром Коши в исключительных случаях : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Белгород, 2013 ; Перельман Н. Р. Об исключительном случае трехэлементной односторонней краевой задачи Карлемана в классах аналитических функций // Труды математического центра имени Н. И. Лобачевского. 2013. Т. 46. № 11. С. 365–366 ; Куприкова О. Н. Видоизмененная задача Неймана для квазигармонических функций третьего рода в исключительном случае // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 3 (27). С. 246–251 ; Расулов К. М., Смирнов А. Ю. Видоизмененная краевая задача типа Дирихле в классах квазигармонических функций в исключительных случаях // Системы компьютерной математики и их приложения. 2014. № 15. С. 191–192.

⁴ См., в частности: Кузнецов В. Е. Системы программирования с исключениями из правил : автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 1988.

⁵ См., например: Русанов В. Д., Животов В. К., Бабарицкий А. И., Демкин С. А. Смирнов Р. В., Чебаньков Ф. Н., Московский А. С., Бибииков М. Б., Коновалов Г. М., Сытнов О. В., Герасимов Е. Н. Новые аспекты кристаллохимии металлгидридов: подтверждения и исключения из правил // Физическая химия (Кристаллохимия. Химия твердого тела. Газы. Жидкости. Аморфные тела. Поверхностные явления. Химия коллоидов). 2005. № 3. С. 256–259.

биологии¹, медицине², лингвистике³ и т.д. Исключения активно применяются в философских⁴, исторических⁵, искусствоведческих⁶, социологических⁷ изысканиях.

Исключения – неотъемлемый элемент социальной модернизации, играющий наряду с правилами важнейшую роль в процессе становления человеческого общества, формирования социальных норм⁸.

Исключения являются фактором, предопределяющим правовое регулирование⁹. Магистральное значение здесь имеют нормы морали, которые, с одной стороны, обуславливают появление исключений в нормах

¹ См.: Баклушинская И. Ю. Слепушонки – исключение из многих правил // Природа. 2007. № 10. С. 29–37.

² См., например: Жарков П. Л., Бекзаян Г. Р. Исключительный случай полного исчезновения экстаза бедренной кости // Радиология-практика. 2008. № 5. С. 43–45 ; Луппова Н. Е., Приворотский В. Ф., Черных О. Г., Давыдова Н. И. Целиакия у детей: исключение из правил // Вопросы детской диетологии. 2009. Т. 7, № 2. С. 69–72.

³ Муравьева Н. В. Правила и исключения делового языка // Русская речь. 2005. № 1. С. 69–72 ; Ушакова Л. И. Орфографические правила и исключения // Русский язык в школе. 2008. № 4. С. 15–22 ; Паймина О. С. Оловянный, деревянный, стеклянный и прочие исключения из правил: случайность или закономерность? // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8–2. С. 139–141 ; Ушакова Л. И. Правописание корней с чередующимися гласными: правила и исключения // Русская словесность. 2011. № 3. С. 11–14 ; Осовина С. В. Отражение вариантности в немецком произносительном словаре «Deutsches Ausspracheworterbuch» (на примере исключений из правил чтения) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2014. № 2. С. 339–345.

⁴ См.: Мясников А. Г. Проблема исключений из долга правдивости: современные реконструкции практической философии И.Канта // CredoNew. 2006. № 4. С. 12–31.

⁵ См., например: Белов Д. Сталинград – это совершенно исключительный случай... // Родина. 2013. № 1. С. 78–80 ; Дементьев И. О. «Исключения из общего правила»: смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 75–88.

⁶ См.: Скакун А. А. «Исключения из правил» в системе классицизма: к проблеме развенчания стереотипов в научном и обыденном мышлении // Studia Culturae. 2001. № 1. С. 29–32.

⁷ См., например: Уйманов В. Н. Тюремный театр – элемент пенитенциарной системы или исключение из правил // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). С. 126–134.

⁸ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012. С. 62–92 ; Его же. Социальная сфера как основа исключений из правил // Правовая политика государства: теория, история, практика : сборник научных статей. Вып. 1 / отв. ред. Н.Г. Карнишина. Пенза : ИИЦ ПГУ, 2004. С. 141–150.

⁹ Суменков С. Ю. Исключения из правил как фактор предопределяющий правовое регулирование: социальный, философский, исторический аспекты // Доктрина права. 2010. № 3/4 (7/8). С. 15–23.

права¹, а, с другой, позволяют определить, что в том или ином обществе воспринимается как правило и исключение, и каким образом оценивается подобное соотношение². Вместе с необходимо учитывать и то, что «социальная среда своеобразна, вечно движется и постоянно изменяется, создавая неповторимые жизненные ситуации. При этом незыблемые когда-то правила исчезают либо становятся исключениями, а исключения подчас превращаются в правила»³.

Исключения заложены в самой правовой материи начиная с первичных элементов и заканчивая фундаментальными формами ее движения. Они являются интереснейшим феноменом, реально существующим в праве и потому нуждающимся в теоретическом осмыслении⁴.

Для нормативных правил, устанавливаемых государством, в определенной степени приемлемо их восприятие в качестве юридической догмы.

В методологическом плане такие догмы можно расценивать как фундаментальные правовые установления и конструкции, средства и методы правового регулирования, формы и правила юридической деятельности и

¹ Требования морали как факторы закрепления исключений в нормах права направлены прежде всего на достижение в правовом регулировании справедливости и гуманизма. Последние как раз и являются целями существования исключений в праве, о чем подробно будет сказано ниже.

² Например, КоАП РФ (ч. 2 ст. 3.9) устанавливает, что такое наказание как административный арест назначается лишь в исключительных случаях. Восприятие ареста как исключительного случая сохраняется и в проекте нового КоАП РФ (Законопроект № 957581-6). В свою очередь в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 6.7) указание на какую-либо исключительность применения административного ареста отсутствует. Тем самым (в контексте административной ответственности) содержание лица в условиях изоляции от общества (а в этом суть административного ареста) в России – исключение (исключительный случай), в Беларуси – правило.

³ Малько А. В., Суменков С. Ю. Исключения в праве: постановка проблемы в условиях реформ // Государство и право. 2006. № 10. С. 3.

⁴ На наш взгляд, исключения в силу таких их качеств, как всеобщность и объективность, непременно должны выступать не только в качестве объекта научного исследования, но и предмета юридической науки. См. об этом подробнее: Морозова И. С. Юридические исключения как объект научного исследования // Юридическая мысль. 2006. № 6. С. 19–30 ; Суменков С. Ю. Исключения из правил как объект и предмет юридической науки // Известия экономики и права. 2010. № 4. С. 10–14.

т.п., формирующиеся в процессе исторического развития права и воплощающиеся в конкретных правовых системах¹.

Однако в практическом аспекте право, состоящее из догматических правил, не обусловленных реальным развитием общества, никак не следует понимать в качестве подлинного и действенного регулятора общественных отношений. В таком случае право «не всегда может адекватно отразить, воспринять все то, что является актуальным, насущным для каждого члена общества»².

Для максимально возможного учета интересов, смягчения, «амортизации» противоречий и необходимы правовые исключения, которые допускают определенные отступления от единых правил и эталонов, остающиеся при этом в рамках права.

При этом творческий потенциал права не стоит преувеличивать. В природе общественной жизни имеются закономерности, игнорировать которые невозможно. Общество, государство и право имеют объективные законы своего существования, функционирования и развития. Подобно математическим, физическим, химическим формулам, аксиомам, теоремам, их следует воспринимать как данность.

Всестороннее познание законов общественного развития, максимально полная информация о базовых чертах субъектов и характере складывающихся между ними отношений позволяют сформулировать и внедрить в практику максимально эффективные правовые нормы³.

Подобная эффективность может быть достигнута, если нормы права не только представляют собой унифицированные стандарты, правила поведения, но и содержат исключения из них.

¹ См.: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 12.

² Субочев В. В. Законные интересы в механизме правового регулирования. М., 2007. С. 10.

³ См.: Пряхина Т. М. Конституционная доктрина современной России. Саратов, 2002. С. 9.

Таким образом, исключения в праве также выступают в качестве неотъемлемой части права и правовой жизни, объективной закономерности, обусловленной как самой сущностью права, так и всеми иными факторами (социальными, экономическими, культурными и т.д.).

Содержание и своеобразие исключений обуславливаются такими их качествами, как всеобщность и объективность.

Всеобщность заключается в том, что исключения воплощаются во всех сферах материи; объективность состоит в том, что они носят характер закономерности существования и развития всех явлений и права в особенности.

Подобное объясняется тем, что регулирование общественных отношений, осуществляемое во многом субъективно, неизменно должно опираться на объективные закономерности. Юриспруденция, используя исключения, устанавливает параметры нормального развития общества и государства, корректируя социальные процессы.

В данной связи важное значение приобретают методологические подходы к изучению юридической природы исключений. Рассмотреть весь арсенал современной методологии в рамках одной диссертации – крайне сложная задача. Поэтому в работе будут проанализированы только те методы, которые играют ключевую роль в разработке концепции исключений в праве.

В числе ведущих методов исследования исключений, хотелось бы в первую очередь выделить диалектический материализм, который выступает универсальным способом исследования окружающего мира вообще, правовых феноменов в частности и юридических исключений конкретно.

Диалектический материализм, бесспорно, следует считать всеобщим методом познания, с помощью него вполне реально получать объективные, истинные знания. Иное дело, что, как верно пишет Н. Н. Семенов, «материалистическая диалектика – не сборник правил: примени их и получишь правильный ответ. Нет, это общая направленность и культура

мысли, которые помогают каждому более целеустремленно ставить вопросы и разрешать загадки природы»¹.

Диалектический материализм определяется его создателями как наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления². Стержневой идеей диалектического материализма выступает взаимодействие и взаимосвязь материи и сознания.

Так, в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса, мир, разделенный на две большие сферы – материю и сознание, является единым. Основу единства составляет материальность мира. Материя и сознание вовсе не противоречат друг другу, а находятся в органическом взаимодействии. Мышление и познание предстают продуктами человеческого мозга, мыслительной деятельности личности, но сам человек представляет собой не что иное, как результат развития природы, ее неотъемлемую часть. Следовательно, и сознание человека – тоже продукт природы – находится с ней в неразрывном соответствии, единстве.

Последнее представляется особенно важным для осознания феномена исключений в праве.

Сущность исключений заключается в сочетании объективных и субъективных факторов. Так, исключения – постоянный атрибут бытия, неотъемлемый элемент материи.

Исключения из общих правил – это объективная закономерность; их наличие – беспристрастная правовая действительность, закон существования и развития права.

Закон в наиболее широком смысле – это постоянное и необходимое отношение между явлениями, существующими в объективном мире независимо от человеческого сознания³.

Вместе с тем особенностью исключений в праве служит то, что они могут реально выполнять свое предназначение – регулировать общественные

¹ Семенов Н. Н. Наука и общество. М., 1981. С. 280.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 145.

³ См.: Панин Д. М. Теория густот. М., 1993. С. 105.

отношения только тогда, когда они облечены в правовую форму, прежде всего закреплены в нормах права.

Наличие исключений – объективная реальность, которую не стоит игнорировать. Но процесс правотворчества во многом субъективен, зависит от многих конъюнктурных факторов. Право создается людьми и не может существовать отдельно от них.

В. П. Малахов правильно отмечает, что «надо воспринимать правовую реальность как опредмеченность душевных, физических и духовных сил человека, как то, что сродни человеку, подвластно ему и потому только становящееся вполне понятным»¹.

Поэтому в праве неизбежно присутствует элемент субъективизма, зависимость от воли субъекта правотворчества.

В идеале объективные законы общественного развития обязательно учитываются в субъективном оформлении правового регулирования.

Закон, как явление правовой действительности, формулируется и действует благодаря сознанию человека. Он – плод осмысленной деятельности, а любое сознание, даже коллективное, неизбежно несет в себе отпечаток субъективизма. В категории необходимых отношений находится точка соприкосновения объективных законов общественного развития и законов, воплощенных в правоустановлениях. Регулирование общественных отношений должно происходить посредством установления и поддержания необходимых связей, востребованных существующим миропорядком. Незнание законов общественного развития не избавляет от подчинения им и не мешает понимать последствия их нарушения².

Тем самым учет исключений из правил, их нормативное закрепление позволяют максимально увеличить эффективность правового регулирования и минимизировать разрыв между действующим законодательством и подлинным состоянием общественных отношений.

¹ Малахов В. П. Философия права. М., 2002. С. 6.

² См.: Пряхина Т. М. Указ. соч. С. 9.

В данном аспекте заслуживает несомненного одобрения позиция В. В. Лапаевой, предложившей оригинальную и значимую методику эмпирической оценки социальной обусловленности правовых норм. Ключевыми критериями оценки социальной обусловленности законодательства, по мнению В. В. Лапаевой, являются «анализ соотношения и поиск соответствия между нормами законодательства и фактически складывающимися формами и нормами социального общения, которые носят объективно обусловленный характер и обеспечивают нормальное функционирование общественных отношений»¹.

Объективный характер исключений из правил предопределяет их восприятие в качестве закона общественного развития; исключения, пользуясь терминологией Ж. Калиновского, выступают в виде «природного закона»², а нормы, содержащие исключения, являются нормами, продиктованными человеком в силу самостоятельной законодательной власти, данной ему природным законом³. Последнее, по нашему мнению, свидетельствует о том, что, несмотря на известную идеализацию ученым объективного «природного закона», Ж. Калиновский вовсе не отрицает очевидную необходимость формального (а значит субъективного) оформления вытекающих из данного закона норм.

Такие нормы есть отражение (адекватное или искаженное) естественной или общественной закономерности. «Норма... представляет собой характеристику фактического положения вещей: не только того, что должно быть, но и того, что уже есть, не только должного, но и сущего»⁴.

При этом отражение объективных закономерностей – «неотъемлемое свойство всех правовых мер, идет ли речь о законе или его применении, о

¹ Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987. С. 25.

² Kalinowski G. Le probleme de la vertite en morale en droit. Lyon, 1967. S. 197–199, 201–203, 212.

³ См.: Там же. С. 207.

⁴ Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 13.

правосудии или о регулировании общественных отношений»¹. Поэтому исключения находят свое выражение не только в нормативных актах, но и в материалах судебной практики, правоинтерпретационных актах, различных формах поднормативного регулирования², что неизбежно порождает необходимость тщательного их изучения.

Синтез в исключениях объективного и субъективного не только делает диалектический материализм основополагающим методом научного познания исключений, но и позволяет определять исключения в праве в качестве государственно-правовой закономерности, о чем подробно будет сказано в ходе настоящего исследования. Кроме того, зависимость исключений от субъективного фактора позволяет рассматривать их как причину и следствие социальной модернизации общества, а также важнейшего правового средства управления обществом, правовым дозволением либо ограничением, нормативным изъятием либо дополнением.

Магистральное значение в процессе познания исключений приобретают законы и принципы диалектики³. «Законы диалектики – гносеологическая база, на которой формируются философские и методологические принципы познания правовых явлений»⁴.

Среди законов диалектики особую роль при изучении сущности исключений в праве, их соотношения с правилами имеет закон единства и борьбы противоположностей.

Данный закон позволяет фиксировать противоречивость правовой материи: правило и исключение, регулируя одну и ту же область

¹ Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. Саратов, 1977. С. 83.

² См. об этом: Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование общественных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

³ См. об этом: Суменков С. Ю. Диалектический материализм как метод познания исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 75–80.

⁴ Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2001. С. 28.

общественных отношений, непременно «сталкиваются», «спорят» друг с другом.

Правило – общее предписание, единая установка; исключение есть отступление от данной установки, особая, отличная от общей модель регуляции.

Вместе правило и исключение представляют цельный правовой феномен, задействованный в достаточно четкой определенной сфере. В этом заключается единство правил и исключений; противоречие же состоит в том, что в рамках данного феномена, вследствие наличия исключений из правил, находят свое проявление казуальные отношения в праве. Как думается, такое сочетание характерно практически для каждого правового явления. Диалектика каждого феномена – это его сложная жизнь, выражающаяся в самой сути данного феномена¹.

Исключения в конечном итоге находят свое отражение в правилах. Здесь реализуется принцип симметричности, позволяющий добиться согласованности свойств между элементами системных связей и возможности оперировать ими в характеристике конкретного феномена. А. Б. Лисюткин отмечает: «Принцип симметричности – средство отражения признаков одного правового явления в другом. Данное логическое основание – это необходимое условие для отсутствия или преодоления противоречия в понятиях»².

При этом надо обязательно оговорить следующее обстоятельство. Исключения только тогда не противоречат праву, соответствуют ему, когда облечены в правовую форму. Именно это позволяет определять исключения как отклонения от правил, не нарушающие их.

Проявление исключений в правовой реальности можно фиксировать посредством реализации принципа единства общего и конкретного. Так,

¹ См.: Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. С. 205.

² Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. С. 45.

правило – общее понятие, некая абстракция, распространяющаяся на весь спектр регулируемых отношений и на всех участвующих в них субъектов. Исключение всегда более конкретно, чем правило, ибо оно детализирует в рамках общего как круг соответствующих отношений, так и их субъектов. Здесь вполне уместно также применение принципа взаимообусловленности.

Благодаря данному принципу можно обнаружить относительную зависимость правовых явлений в отношениях соответствия. Применительно к исключениям принцип взаимообусловленности позволяет отражать те из них, которые при своей внешней противоречивости по отношению к правилам все же соответствуют им.

Подобные исключения не просто существуют относительно правил: они являются результатом их наличия.

Возникновение исключений из правил всегда объясняется реальной причиной. «Именно причинность как внутреннее содержание детерминации и ее сущность отвечает на вопрос, почему произошло то или иное событие»¹. Принцип причинности позволяет, с одной стороны, выявить, объективно необходимые, действительно позитивные исключения из правил² и, с другой стороны, отграничить их от неоправданных, необоснованных исключений, инициированных волюнтаристическими причинами.

¹ Бородин С. В., Кудрявцев В. Н., Нерсесянц В. С. Социальные отклонения. М., 1989. С. 134.

² Надо отметить, что субъект правотворчества понимает, что появление исключений из правил в сфере правового регулирования должно быть детерминировано определенной причиной. Поэтому, например, такая формулировка, как «в исключительных случаях при необходимости» (в разных ее вариациях), достаточно часто встречается в текстах российских нормативных актов. См., в частности: п. «е» ст. 13 ФКЗ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2227); ч. 5 ст. 35.1 ФЗ от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232); п. 5 ч. 1 ст. 20 ФЗ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755); ч. 3 ст. 13 ФЗ от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249); ч. 2 ст. 13 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162).

В связи с этим для познания сущности феномена юридических исключений можно воспользоваться еще одним диалектическим принципом – необходимости и случайности. Данный принцип характеризует место и роль исключений среди других правовых явлений. Важнейшее значение здесь имеет общефилософская категория «необходимость», которая указывает на закономерность присутствия исключений в правовой жизни общества, отражает причинную связь исключения с правилом. Случайность в свою очередь объясняет субъективные факторы наличия исключений.

В развитии явлений социальной действительности «господствует необходимость, дополнением которой является случайность»¹.

Исключения как «случайности имеют свою детерминацию, и есть особые причины, которые вызывают их к жизни»².

При этом нельзя согласиться с тем, что случайность (а в нашем случае мы понимаем под ней исключение) «буйно и, как иные думают, не- законно врывается в устроенное и организованное единство»³.

Во-первых, исключения в праве – явление абсолютно законное, закрепленное в правовых актах, выступающее в качестве средства правового регулирования.

Во-вторых, исключения не врываются в организованное, в том числе и правовое единство – они часть этого единства. «Случайность, – отмечает А. Б. Венгеров, – есть проявление и дополнение закономерности»⁴.

Ю. Ю. Ветютнев определяет случайность как непредвиденное, нетипичное стечение обстоятельств в сфере государства и права,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 175.

² Венгеров А. Б. Теория права : в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 7.

³ Шестов Л. И. Странствование по душам // На переломе (философские дискуссии 20-х годов). Философия и мировоззрение / под ред. П. В. Алексеева. М., 1990. С. 362.

⁴ Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 9.

происходящее с малой степенью вероятности и не обусловленное сущностью права¹.

Применительно к исключениям бесспорным качеством случайности можно считать нетипичность. Действительно, исключение – необычное, особое, даже уникальное правовое разрешение нестандартной жизненной ситуации.

Что же касается непредсказуемости и малой степени вероятности как характеристик исключения, то данные свойства весьма относительны уже потому, что термин «малая степень вероятности» – понятие более чем нечеткое.

Кроме того, наступление исключительного случая, исключительных обстоятельств нельзя предугадать, но их можно предположить, спрогнозировать хотя бы в самом общем виде. Здесь вполне уместны метод социального прогноза, статистический метод, метод моделирования, математические методы, используемые в правоведении. Подобного не отрицает и сам Ю. Ю. Ветютнев, отмечая, «что случайное явление может быть предсказано... Поэтому характеристику случайности следует дополнить объективным фактором»².

Признание объективной составляющей в природе случайного, взаимосвязи случайного и закономерного позволяет решительно не согласиться с тем, что случайное не соответствует сущности права и не обладает собственно правовой природой³.

Данное утверждение несостоятельно, по крайней мере, в отношении исключений в праве. Государство, создавая эффективную модель правового регулирования, должно корректировать разнородные интересы общества, стремиться к компромиссу между различными слоями и группами населения,

¹ См.: Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006. С. 95 ; Его же. Закономерное и случайное в правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2005. С. 282.

² Ветютнев Ю. Ю. Закономерное и случайное в правовой жизни. С. 280.

³ См.: Там же. С. 281.

учитывать существование чрезвычайных, особых, исключительных случаев и обстоятельств. Подобное не может быть достигнуто только посредством унифицированных, единых для всех правил.

С выдвинутым тезисом согласны и противники наличия в праве как случайностей, так и исключений. «Право, – писал Г. В. Мальцев, – «враг» случайностей и импровизаций; оно не любит исключений из правил, хотя и вынужденно иногда с ними соглашаться»¹.

Сущность права переопределяет закономерность присутствия исключений; в свою очередь взаимосвязь необходимости и случайности в исключениях еще раз подчеркивает диалектическое единство объективного и субъективного в характере исключений, а также, что самое главное, обоснованность восприятия исключений в качестве закономерности.

Закономерное и случайное соотносятся между собой как общее и частное, как абстрактное и конкретное.

При этом как абстракция исключение из правил – объективная закономерность; как непосредственный, имеющий место быть факт проявления – случайность, во многом субъективная² (например, ст. 205 ГК РФ предусматривает, что в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите).

В качестве аналогии можно привести анализ юридического значения категории «ошибка». Ошибки в правовой сфере, абстрактная возможность их допущения, к сожалению, – объективная закономерность, необходимость

¹ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 49.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения в праве: закономерное и случайное // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2 (70). С. 203–207.

которой приходится констатировать; но каждый отдельный факт совершения ошибки – случайность.

«Диалектический принцип необходимости и случайности, – отмечает А. Б. Лисюткин, – обуславливает объективный характер ошибки, когда она рассматривается как результат действия устойчивых социальных факторов, то есть как проявление необходимости. Случайность подчеркивает нетипичность ошибки как фрагмента, выражающего казус в конкретном правовом отношении»¹.

Следовательно, надо признать, что общее (абстрактное) сочетается с конкретным как закономерность и случайность.

Случайность – особая, конкретизированная форма закономерности; случайность и закономерность представляют собой принципиальное единство и соответствуют сущности права. «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними уже включают в себя представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира. <...> Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и в особом невозможно»².

Взаимозависимость абстрактного и конкретного в природе исключений детерминирует такие методы их познания, как восхождение от абстрактного к конкретному и восхождение от конкретного к абстрактному.

Метод восхождения от конкретного к абстрактному предполагает, что констатация и осмысление реально существующих исключений, способно привести к выработке научной абстракции, непосредственно отражающей смысл категории «исключение».

Исключение из правила – это абстракция, представляющая собой результат теоретического отражения и познания существенного и необходимого. Признание исключения в качестве научной абстракции

¹ Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. С. 37.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 160.

обусловлено необходимостью научного объяснения многочисленных эмпирических сведений о фактических жизненных обстоятельствах, которые не укладываются в принятые стандарты, выбиваются из общих правил. Исключения в праве существуют реально, и эта реальность детерминирует их научное познание и понимание в качестве особой, самостоятельной абстракции.

Имеющиеся в действительности особые субъекты, уникальные случаи, исключительные положения детерминируют возникновение научной абстракции, посредством которой можно дать их научное обоснование, определить в качестве правовых феноменов, выделить признаки, найти генетическую связь с иными явлениями правовой жизни.

Именно поэтому восприятие исключения в качестве абстракции позволяет установить неразрывную взаимосвязь с правилом как более объемной категорией, считать правило и исключение из него целостным элементом правового регулирования, воспринимать исключение (по аналогии с правилом) неотъемлемой составляющей права. Как обоснованно полагали классики материалистической диалектики, самый верный способ дать определение того или иного феномена – «...подвести данное понятие под другое, более широкое»¹.

Посредством метода восхождения от конкретного к абстрактному представляется возможным предложить определение понятия «исключение в праве», описать его характерные признаки как родового, так и видового уровней, т.е. создать первоначальное теоретическое представление об отражаемом юридическом явлении, перейти от констатации исключений к научно обоснованной теории исключений в праве.

Прямо противоположным методом (как видно уже из самого названия) выступает метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Способность отражения многообразия взаимосвязей правовой действительности, являющаяся, по мнению многих ученых, отличительным

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149.

качеством такого метода¹, делает его важным инструментом познания исключений в праве как внешнего выражения разнообразия.

Исключение из правила – это абстракция, принятая и допускаемая в праве. Каждый отдельный случай проявления исключения – конкретика, реальное «бытие права». По нашему мнению, значение данного метода в том, что, обладая такой теоретической абстракцией, как исключение, можно определять тот или иной юридический факт как исключение из правила (либо наоборот, утверждать, что конкретное жизненное обстоятельство не подпадает под абстрактное понятие «исключение», а является каким-либо иным феноменом, например правонарушением).

Тем самым метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет наполнить абстрактное понятие «исключение» реальным содержанием, предопределяет необходимость для юридической практики создавать нормы, содержащие исключения, подтверждает фактами, практикой, что исключение – не надуманное научное измышление, а бесспорный элемент правовой жизни.

Используемый метод наглядно свидетельствует об объективном существовании исключений из правил в сфере права. «Теоретическое исследование, – писал Ф. Энгельс, – вовсе не обязано держаться только в чистой абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»².

¹ См., например: Аскназий С. И. Общие вопросы методологии гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Серия юридических наук. 1948. Вып. 1. С. 48–49 ; Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 98–111 ; Крылов В. Н. Роль научных абстракций в построении системы категорий теории права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985 ; Нерсисянц В. С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 26–35 ; Нырков В. В. Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 179–185 ; Орзих М. Ф. Содержание методологии юридической науки // Правоведение. 1973. № 1. С. 17–24; Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М., 1969. С. 119–120 ; Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 88 ; Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. С. 467–483.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 499.

В. М. Сырых, творчески проанализировав положения классиков марксизма относительно метода восхождения от абстрактного к конкретному, также приходит к выводу о том, что исследуемая действительность реальна и эта реальность учитывается субъектом ее познающим¹.

Последнее более чем актуально для исключений, являющихся внешним выражением многообразия реальности и составляющих вместе с правилами единое цельное правовое предписание.

По нашему мнению, наиболее приемлемыми для познания сущности исключений в праве служат следующие способы восхождения от абстрактного к конкретному:

1) началом восхождения от абстрактного к конкретному служит простейшая абстракция, которая является неразложимой в рамках исследуемого предмета. В. В. Нырков, развивая указанный тезис, предлагает использовать не одно, а пару простейших правовых понятий, фиксирующих в мышлении самое простое, «неразложимое» отношение в юридической действительности², – такой абстракцией в пределах отдельного эпизода правового регулирования определенного общественного отношения выступает связка «правило – исключение». Урегулирование того или иного жизненного факта происходит по установленному абстрактному правилу либо допускаемому исключению из него. В настоящем случае никакого более глубокого «разложения» абстракций (по крайней мере для субъектов правоотношений) не требуется. При этом природа исключения более конкретна, чем правила, ибо исключение делается из последнего, обладает более специфической сущностью. Допущение возможности исключения из правила есть простейшая абстракция, возникающая в сфере регулирования правовых отношений;

2) исходная абстракция в зародыше содержит все противоречия исследуемого предмета, из которого вырастают другие отношения и

¹ См.: Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. С. 473.

² См.: Нырков В. В. Поощрения и наказания как парные юридические категории. С. 36.

взаимосвязи, – сама возможность исключения предопределяет возникновение противоречий, ибо исключение предполагает иной, отличный от типового, вариант разрешения правового отношения. Такое противоречие свидетельствует не о противопоставлении исключения и правила, а об их диалектическом взаимодействии, когда одна категория взаимодополняет другую;

3) последовательность рассмотрения исследуемой категории определяется реальным отношением, в котором находятся отражаемые ими стороны в наиболее зрелом состоянии предмета, на момент исследования – правило и исключение из него (как две абстракции) всегда задействованы в конкретном правоотношении. Именно в нем они проявляются в практическом аспекте, когда непосредственно реализуются субъектом правоотношения, избирающим социальное действие по общему правилу либо пользуясь исключением из него. Тем самым в правоотношении абстрактные категории (в нашем случае правило и исключение) выражаются объективно и выступают в качестве способов регулирования того или иного жизненного казуса;

4) восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой объективный логический процесс, основывающийся на изучении реально существующего мира, общества – правило и исключение представляют неразделимую логическую цепочку, которая объясняется не только приемами научного познания, но и, как было сказано выше, вытекает из самой сути материи, является неотделимым свойством последней.

Названные и другие требования восхождения от абстрактного к конкретному составляют исходные принципы, основу для воспроизведения любой тотальной целостности как единства многообразного¹.

¹ См.: Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. С. 473.

Последнее утверждение, по нашему мнению, более чем оправдывает использование метода восхождения от абстрактного к конкретному при исследовании природы исключений в праве.

Многообразие – одновременно основа и условие возникновения и существования исключений. При этом общее правило всегда абстрактно. Оно не может охватить многообразие; исключение обладает конкретикой, оно воспроизводит каждую конкретную ситуацию, каждый момент развития того или иного отношения. Исключение (конкретное) вытекает из правила (абстрактное), сочетается с ним, вместе составляет единство многообразного.

Таким образом, необходимо отметить, что использование материалистической диалектики, ее законов, методов, способов вполне обоснованно, необходимо, ибо отражает саму суть изучаемого явления.

Однако для всестороннего познания сущности юридических исключений, помимо диалектического материализма, используются и иные методы. Среди них ведущая роль принадлежит системно-структурному подходу, методу моделирования и кибернетическому методу.

Системно-структурный подход представляет собой одно из связующих звеньев философской методологии и конкретных наук, ставящее своей целью системное изучение исследуемых явлений.

Применительно к рассматриваемой проблеме за основу можно взять некоторые основные принципы системного исследования, предложенные И. В. Блаубергом, В. Н. Садовским и Б. Г. Юдиным¹:

– системное исследование характеризуется подходом к исследуемой системе как целому и исходящими отсюда представлениями о ней и ее элементах; исключение и правило как раз и составляют единую систему (нормативное предписание), занимающую центральное место в механизме

¹ См.: Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 49.

правового регулирования. Исключение является элементом правила, они соотносятся между собой как часть и целое;

– устойчивые связи образуют структуру системы, т.е. обеспечивают ее упорядоченность; направленность этой упорядоченности характеризует организацию системы; связь между правилом и исключением должна носить объективно-необходимый характер. Исключение не просто соответствует правилу: оно появляется благодаря нему и из него. Только в этом случае происходит легитимация исключений и только в этом случае можно говорить о единой системе, в которую входят и исключение, и правило;

– связь между различными уровнями реализуется с помощью управления; в иерархии связи «правило – исключение» доминирование принадлежит правилу. Если исключение начинает преобладать над правилом, то происходит определенная «переоценка ценностей», и исключение возводится в ранг правила, а сама система «правило – исключение» утрачивает свою нормативную ценность и перестает реально регулировать общественные отношения¹.

Названные принципы системного подхода частично пересекаются с принципами диалектического метода, что вполне естественно, ибо

¹ Так, например, ФЗ от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (СЗ РФ. 2016. № 28, ст. 4559) изменена, в том числе, ч. 5 ст. 165 УПК РФ, позволяющая в исключительных случаях проводить отдельные следственные действия (обыск, выемку, наложение ареста на имущество) без санкции суда. Данная норма, объективно необходимая для проведения неотложных следственных действий, существовала с момента принятия УПК РФ. Однако упомянутым выше федеральным законом увеличен срок уведомления судьи и прокурора о проведении без санкции соответствующего следственного действия: с 24 часов до 3 суток. На наш взгляд, подобное изменение, никак не способствуя противодействию терроризму либо обеспечению общественной безопасности, иллюстрирует весьма опасную тенденцию: необоснованное расширение дискреционных полномочий правоприменителя. Кроме того, что во многом девальвируется само восприятие «исключительности» случая производства, в частности, обыска без санкции суда, под сомнение ставятся не только общие правила производства указанного следственного действия (ч. 1 и ч. 2 ст. 165 УПК РФ), но и основополагающие положения о неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ).

системный подход можно отчасти воспринимать как разновидность диалектики¹.

Именно с применением исключений в качестве средств социального управления связано использование кибернетического метода. При этом исключения в праве выступают как часть социальных, без которых невозможно осуществлять руководство обществом. «Специфику же общих теорий составляет их междисциплинарный характер, влекущий за собой, в свою очередь, всю многосложность отношений, существующих между этими теориями, а также богатство и разнообразие их «ролей» в процессе научного познания»².

С позиций кибернетики управление есть любое целенаправленное воздействие одной относительно самостоятельной системы на другую с целью вызвать те или иные изменения процессов, происходящих в управляемой системе. Управление заключается в выдаче решений на основании информации о состоянии управляемого процесса и знания цели управления. «В самом общем виде управление, – как справедливо замечает И. Б. Новик, – может быть определено как упорядочение системы, т.е. приведение ее в соответствие с объективной закономерностью, действующей в данной среде»³.

Правила и исключения – информационные атрибуты управления. Они присущи в одинаковой мере управлению во всех – биологических, технических, социальных – системах⁴.

Действительно, универсальность управления заключается в общности управленческих процессов в различных кибернетических системах, единстве некоторых аспектов управления, образования на их основе определенных закономерностей, в частности логической взаимосвязи правил и исключений.

¹ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г. Указ. соч. С. 49.

² Сичивича О. М. Сложные формы интеграции науки. М., 1983. С. 13.

³ Новик И. Б. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963. С. 25.

⁴ См. подробнее: Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 32–34.

Взаимозависимость правил и исключений характерна для интеграционных процессов, происходящих в биологических, технических и социальных системах и создающих своеобразное «единое управленческое пространство». Это позволяет сделать вывод о том, что общие признаки управления заключаются в упорядочении системы на основе взаимодействия правил и исключений.

Основным компонентом управления выступает регулирование: «совершенное регулирование исхода дает возможность полностью управлять исходом»¹. Применение регулирования очень обширно; оно охватывает большинство видов деятельности в психологии, социологии, экологии, экономике и многие виды деятельности почти в каждой области науки и жизни. Значит, управление в биологических, технических и социальных сферах имеет некоторые единые черты. Одним из важнейших общих признаков каждого из видов управления является максимальный учет существующих различий между их субъектами и объектами и, как следствие, разнообразие управленческих систем.

Разнообразие – одно из фундаментальных понятий кибернетики; оно означает, что либо две вещи ощутимо различны, либо одна вещь изменяется с течением времени. Именно разнообразие как элемент множества требует применения в управленческом процессе не только твердо установленных правил, но и возможности исключений из них. На сочетании правил и исключений основан общий управленческий (по своей сути кибернетический) закон необходимого разнообразия.

Р. У. Эшби считает, что если разнообразие измеряется логарифмически (что почти всегда удобно), то теорема приобретает очень простую форму: разнообразие исходов, если оно минимально, может быть еще более уменьшено лишь за счет соответствующего увеличения

¹ Эшби Р. У. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 303.

разнообразия, т.е. только разнообразие в R может уменьшить разнообразие, создаваемое D^1 .

Если отвлечься от подобных физико-математических выкладок, то закон необходимого разнообразия жизни, по мнению исследователя, имеет следующую формулировку: разнообразие может быть еще более уменьшено лишь за счет соответствующего увеличения разнообразия; а конкретнее: только разнообразие может уничтожить разнообразие².

Таким образом, разнообразие – объективное свойство материи, выражающееся во внешнем мире в форме всевозможных отступлений от общих правил, исключений из них. При этом регулирование, как составная часть управления, направлена на ограничение разнообразия, ибо управлять всегда легче на основе твердо установленных правил. Поэтому основным свойством регулирования является уменьшение разнообразия: при отсутствии регулирования разнообразие велико, при наличии – мало.

Однако регулирование никогда не сможет полностью устранить разнообразие в силу, как уже отмечалось выше, объективности последнего. Ограничение разнообразия есть отношение между двумя множествами, которое возникает, когда разнообразие, существующее при одном условии, меньше, чем разнообразие, существующее при другом условии.

Вместе с тем излишнее количество разнообразия, преобладание исключений над правилами либо возведение исключений в ранг правил также нельзя учитывать в качестве сугубо положительного аспекта. Как считает Г. Зоммергофф, «биологический вид продолжает существовать прежде всего благодаря тому, что его представители могут блокировать поток разнообразия (рассматриваемый как возмущение)»³. В то же время, по мысли этого же автора, «естественный отбор показал, какое преимущество

¹ См.: Эшби Р. У. Указ. соч. С. 293–294.

² См.: Там же. С. 294.

³ Sommerhoff G. Analytical biology. London, 1950. P. 54–55.

достигается, если впустить большое количество разнообразия в часть системы, а затем использовать его»¹.

Значение закона необходимого разнообразия жизни состоит в том, что он дает нам меру регулирования, предоставляет возможность выяснить отношения, существующие между различными типами разнообразия и информации (в виде правил и исключений), воздействующими на живой организм. Последнее крайне важно для актуализации взаимосвязи правил и исключений именно в сфере социального управления.

Действительно, говоря о некоторых общих чертах, существующих между управлением в различных системах, следует видеть границы этого общего и не переходить их. В противном случае исследователь вольно или невольно встанет на позиции редукционизма (механического сведения социального к биологическому, техническому).

Для предотвращения подобного следует использовать метод моделирования, позволяющий представить себе идеальную модель правового регулирования общественных отношений как с использованием исключений, так и без них. Критериями такой модели будут категории «должное», «возможное», «желаемое».

Должный критерий означает надлежащее правовое регулирование, максимальный учет всех законных интересов, выраженных в единых для всех правилах.

Возможный критерий подразумевает ирреальность достижения вышеуказанного результата. Причина тому – диалектика интересов субъектов правоотношений, в том числе каждой конкретной личности, общества и государства.

Желаемый критерий заключается в сочетании общих и частных интересов, которое возможно на основе общих правил и обоснованных разумных исключений из них.

¹ Там же.

Большое значение в процессе исследования исключений имеют математические методы научного познания, используемые в юридической науке.

«Множество», с одной стороны, является чисто математическим понятием, а с другой – данный термин точно указывает на объективный признак реального мира – «многообразие».

Многообразие существующей действительности не может быть охвачено стандартными, общими для всех правилами. Необходимы исключения из них, которые находятся в синтезе с правилами и вместе с ними отражают многообразие. «Множество есть многое, мыслимое нами как единое целое»¹.

Процесс использования в познании математических знаковых форм называется математизацией².

Применительно к изучению исключений из правил в математических знаковых формах находят выражение количественные отношения и пространственные формы правовых реалий, а операции с математическими знаковыми формами упрощают и облегчают юридическую деятельность, делая ее эффективнее.

В большинстве своем диспозитивная природа исключений, предоставляющая возможность обоснованного выбора уполномоченным субъектом права реализации исключения, основывается на том, что жесткая нормативная регламентация многих урегулированных правом общественных отношений тем не менее почти всегда оставляет для правоприменителей определенный набор (диапазон) вариантов действий по достижении конечного результата правоотношения.

¹ Даубен Д. У. Георг Кантор и рождение теории трансфинитных множеств // В мире науки. 1983. № 8. С. 76–86.

² О применении математических методов при исследовании исключений (в том числе иллюстрированного примерами из правоприменительной практики) см. подробнее: Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 32-34, 348-350.

Подобное свойство исключений детерминирует прогнозирование использования исключений и, соответственно, применения при их изучении математических методов познания, ведущая роль среди которых, на наш взгляд, принадлежит вероятностному анализу (теории вероятностей).

Важное значение при исследовании исключений имеют формально-юридический метод, а также средства и приемы герменевтики.

Формально-юридический метод необходим потому, что сама логика работы детерминирует выработку дефиниции исключения в праве, выделение его признаков, постановку целей.

В свою очередь перспективность герменевтики в том, что само по себе исключение в праве – языковое понятие, выражающееся в юридически значимых терминах.

Подводя итог всему вышесказанному возможно сделать следующие выводы.

Во-первых, исключения из правил – объективное свойство материи, проявляющееся во всех сферах реального мира.

Во-вторых, исключения из правил характерны в том числе и для права, что вызывает необходимость их тщательного исследования с позиций юриспруденции. При этом исключения выступают в качестве как объекта, так и предмета юридической науки.

В-третьих, основным методом постижения природы исключений выступает материалистическая диалектика с присущими ей законами и особенностями.

В-четвертых, наряду с вышеуказанным методом при исследовании исключений могут активно применяться синергетика, системно-структурный метод, кибернетический метод, метод моделирования, математические методы, формально-юридический метод, а также герменевтика.

Глава 2. Общая характеристика исключений как правового предписания

Исключения, имеющие место быть в регулировании общественных отношений, непременно должны характеризоваться собственными отличительными признаками, которые позволяют определять их как самостоятельный юридический феномен.

Между тем, несмотря на широкое присутствие исключений в нормативных предписаниях, комплексного изыскания характерных для них особенностей осуществлено не было.

И. А. Муравьев трактует исключение как технико-юридический прием, используемый в российском законодательстве¹. Обращая внимание на некоторую ограниченность самого лексического выражения «законодательное исключение», следует, бесспорно, согласиться с оценкой исключения как приема юридической техники.

Именно этот прием позволяет имплементировать в норму права альтернативный правилу вариант поведения. Исходя из того, что основной формой объективирования нормы права выступает нормативный правовой акт, исключение надо относить в арсенал правотворческой техники.

При этом, признавая реальную значимость существования такого технического приема, как исключение, не стоит все же воспринимать последнее как сугубо технико-юридический прием. В противном случае произойдет искусственное сужение рассматриваемого феномена, подмена всестороннего анализа исключения освещением очевидной, наиболее прагматической его составляющей.

В рамках инструментального подхода исключение можно обозначить не только как прием юридической техники, но и как правовое средство. Парадокса в этом никакого нет, если учитывать, что имеется в виду средство

¹ См.: Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 9.

не юридической техники, а совсем иной феномен – правовое (юридическое) средство. Речь, соответственно, идет не о синонимах (прием – средство), а об омонимах (исключения – технические приемы и исключения – юридические средства).

Подобное положение объясняется неразрывной взаимосвязью между юридической техникой, правотворчеством и правовым регулированием.

Так, в ходе правотворчества создаются нормативные акты; лицо, осуществляющее правотворческую деятельность, использует прием юридической техники – исключение из правила в целях издания качественного нормативно-правового акта; данный акт (а точнее содержащиеся в нем исключения, равно как, конечно, и правила) выступает средством, с помощью которого государство выполняет правовое регулирование общественных отношений.

Например, ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ (далее – ФЗ № 193-ФЗ) был принят в целях создания правовых условий для применения в РФ альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений (ч. 1 ст. 1 ФЗ № 193-ФЗ).

Немаловажной чертой процедуры медиации служат сроки ее проведения. В ч. 1 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ закреплено правило относительно такого срока: «Сроки проведения процедуры медиации определяются соглашением о проведении процедуры медиации. При этом медиатор и стороны должны принимать все возможные меры для того, чтобы указанная процедура была прекращена в срок не более, чем в течение шестидесяти дней».

Вместе с тем законодатель резонно предполагает, что на практике могут быть какие-либо непредвиденные нештатные обстоятельства,

¹ СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

препятствующие осуществлению медиации в срок, установленный правилом. Поэтому субъект законотворческого процесса, применяя термин «исключительный случай», абстрактно формулирует ситуацию, при которой допустимо продление медиационной процедуры. Так, согласно ч. 2 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ «в исключительных случаях в связи со сложностью разрешаемого спора, с необходимостью получения дополнительной информации или документов срок проведения процедуры медиации может быть увеличен по договоренности сторон и при согласии медиатора».

В свою очередь при конструировании ч. 3 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ использовался казуистический прием изложения материала – посредством термина «за исключением» четко определено событие, не подпадающее под общее правило: «Срок проведения процедуры медиации не должен превышать сто восемьдесят дней, за исключением срока проведения процедуры медиации после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, не превышающего шестидесяти дней».

На наш взгляд, по поводу частей 2 и 3 исследуемой статьи можно сделать следующие выводы.

Указанные структурные компоненты ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ созданы в результате использования технико-юридического приема – исключения, о чем недвусмысленно свидетельствует употребление нормативно-правовых терминов «исключительный случай» и «за исключением». Благодаря названному приему законодателю удалось достичь необходимой абстракции и требуемой конкретности в правовой регламентации проведения процедуры медиации.

При этом надо признать, что нормы, содержащиеся в ч. 2 и ч. 3 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ, являются исключениями из правила, устанавливающего унифицированный стандарт срочности учреждаемой законом процедуры.

Данные исключения выступают в качестве юридических средств, направленных на должное проведение и повышение эффективности процедуры медиации.

Взятые вместе, правила и исключения представляют собой единый правовой комплекс, надлежащим образом упорядочивающий реализацию

примирительных процедур и обеспечивающий достижение целей, закрепленных в ч. 1 ст. 1 ФЗ № 193-ФЗ.

Здесь можно только солидаризоваться с С. С. Алексеевым, который пишет о цепочке «из общих правил и исключений, когда законодатель, искусно используя нормативные обобщения и различные порядки регулирования, достигает всестороннего учета многообразных жизненных обстоятельств»¹.

Упоминание о правилах заслуживает самого пристального внимания, ибо, по нашему мнению, связку «правило – исключение» необходимо рассматривать как нормативное предписание, в котором правило неотделимо от исключения и наоборот.

Предписание, в частности такая его разновидность, как нормативно-правовое предписание (НПП), – категория достаточно сложная и неоднозначная².

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 240–241.

² См.: Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С. 34 ; Апт Л. Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973 ; Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118 ; Пиголкин А. С., Вопленко Н. Н. Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды ВНИИСЗ. М., 1979. Вып. 16 ; Парфентьев А. Л. Нормативно-правовое предписание и его виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980 ; Евграфов П. Б. Соотношение структуры советского права и советского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1981 ; Мирошниченко Т. Н. Нетипичное нормативное предписание: его природа и предписание. Харьков, 1984 [Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР 05.12.84] ; Заец А. П. Согласованность нормативных предписаний как условие повышения эффективности правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1985 ; Его же. Система советского законодательства (проблема согласованности). Киев, 1987 ; Пучков О. А. Воспроизведение нормативных предписаний как способ формирования советского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988 ; Тяжкий В. Г. Типовые предписания и государственные рекомендации в системе советского трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988 ; Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991 ; Борисов Г. А. Отправные нормативные установления советского законодательства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991 ; Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002 ; Ее же. Нормативно-правовое предписание в теории права. Волгоград, 2003 ; Ее же. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб, 2009.

Прежде всего возникает вполне резонный и одновременно архисложный вопрос о соотношении нормы права и нормативного предписания, а также корреляции указанных феноменов правил и исключений.

М. И. Байтин характеризовал норму права в целом как общеобязательное, формально-определенное предписание¹.

Весьма показательной выглядит и позиция А.В. Мицкевича, по мнению которого «нормы права являются общеобязательными предписаниями государства, воплощаемыми тем или иным способом... в сознании и поведении большинства людей»².

Таким образом, юридическая норма оценивается как формально-определенное, общеобязательное предписание.

По нашему мнению, подобная позиция является абсолютно верной, но с учетом того, что в норме права одновременно содержится и правило, и исключение (-ия) из него. Тем самым норма права как предписание соединяет в себе: а) правило; б) исключение (-ия) из данного правила.

Совпадение нормы права и НПП как синтеза правила и исключения детерминирует постановку вопроса о парности указанных феноменов.

Парность правила и исключения заключается в том, что вместе они представляют собой единое НПП, позволяющее полноценно регламентировать ту или иную сферу общественных отношений (а в глобальном смысле – все общественные отношения, выступающие объектом правового регулирования)³.

Вместе с тем необходимо понимать, что речь идет о предписании на макроуровне, т.е. предписании, интегрирующем в себе правила и исключения из них.

¹ См.: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 208.

² Там же. С. 561

³ Центральным моментом здесь выступает диалектическая взаимозависимость правила и исключения: существование правил детерминирует появление исключений; исключения возможны только при наличии правил.

Подобного рода предписания далеко не всегда могут быть выражены в одной норме. Поэтому, наряду с нормами-правилами, существуют и нормы-исключения.

В таком случае НПП – это достаточно объемная категория, включающая в себя нормы-правила и нормы исключения; НПП и норма права соотносятся как целое и часть.

Однако если исходить из заявленной выше позиции о тождестве предписания и нормы права, то следует рассуждать об НПП на микроуровне: предписаниях-правилах¹ и предписаниях-исключениях².

Обоснованием возможности указанной стратификации предписаний служит соответствие и правил, и исключений, как минимум, двум важнейшим характеристикам НПП:

- а) НПП – государственно-властное веление;
- б) НПП выражается в тексте официального источника³.

Тем самым НПП (вне зависимости от того, подразумевает ли оно правило либо исключение) представляет собой государственно-властное веление, оформленное надлежащим образом.

¹ В частности, интересна, хотя и не бесспорна, точка зрения М. Л. Давыдовой, согласно которой норма права – это нормативно-правовое предписание, содержащее правило (См.: Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. С. 186).

² Здесь нельзя согласиться с М. Л. Давыдовой, называющей среди компонентов НПП, не имеющих самостоятельного регулятивного значения, термины, отсылки, оговорки, исключения, перечни, сроки (См.: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 112). Однако, если следовать подобной логике, то в регулирующем воздействии надо отказать не только исключению, но и правилу, поскольку исключение подразумевает собой вариант регуляции альтернативный тому, который содержится в правиле. Кроме того, обращает на себя внимание хаотичный, предельно разнородный набор компонентов, которым М.Л. Давыдова отказывает в регулятивном значении.

³ В частности, С. С. Алексеев считал, что НПП – это «элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативно-правового акта» (Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 81). В. М. Сырых обозначает НПП как «цельное, логически завершенное и формально закрепленное в тексте нормативно-правового акта властное веление правотворческого органа» (Сырых В. М. Теория государства и права. М., 1998. С. 111). В. В. Лазарев и Т. Н. Радько определяют НПП как «государственно-властное веление, получающее логическое завершение, формально-определенное закрепление в официальном тексте» (Общая теория прав и государства / под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 201).

Подобное предписание воплощается в нормах права¹, что придает как правилу, так и исключению юридическую легитимацию и, соответственно, обеспечение силой государственного принуждения. В свою очередь нормы находят свое внешнее выражение в различных формах права, прежде всего в форме нормативного правового акта.

«Привязка» исключения к правилу имеет непосредственное практическое значение, ибо показывает как правовые нормы (и правила, и исключения) объективируются в официально признанной форме права (в первую очередь в условиях российской правовой системы – в нормативном акте).

В таком аспекте синтез правила и исключения составляет нормативно-правовое предписание, позволяющее оптимально сочетать форму (соответственно, нормативный акт) и содержание (нормы-правила и нормы-исключения). «НПП как «единица измерения» нормативного акта, – справедливо отмечает М. Л. Давыдова, – выступает в качестве связующего звена между формой и содержанием в праве на уровне начальных его элементов»².

В контексте рассуждений о макро- и микроуровне предписаний, содержащих правила и исключения, надо понимать, что они находятся между собой в диалектическом единстве, соотносятся как целое и часть. С одной стороны, генеральное предписание неизбежно подразделяется на компоненты, воплощающие в себе либо правила, либо исключения. С другой стороны, предписание-правило и предписание-исключение в своей целостности как раз и составляют общее магистральное предписание, максимально полно охватывающее тот или иной спектр общественных отношений.

¹ Хотелось бы особо подчеркнуть, что в данном случае речь не идет об абсолютном отождествлении нормы права и НПП. Это отдельная проблема юридической науки, по которой было и будет высказано множество различных, зачастую противоречивых доводов. Применительно к разрабатываемой тематике (парности правил исключений) необходимо иметь в виду лишь то, что слово «предписание» используется для обозначения неотделимых друг от друга феноменов правовой регуляции – правила и исключения.

² Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. С. 151.

Неразрывная связь исключения и правила не только выступает отличительной характеристикой НПП, но и в определенной степени служит доказательством ошибочности тезиса о несамостоятельности исключений.

По нашему мнению, не может быть исключений без правил, равно как и трудно представить существование правила без исключений¹.

Такая взаимозависимость не означает поглощения одного феномена другим и утраты тем самым собственной функциональной роли какого-либо элемента².

Именно поэтому видится неточной тенденция отождествления исключений и правил, в частности специальной разновидности последних.

Например, Д. Ф. Абузярова, рассуждая о проблемах размещения автомобильных дорог, пишет: «К сожалению, в ситуациях, когда необходимо в кратчайшие сроки предоставить земельные участки для строительства важных государственных объектов, государство вынуждено устанавливать *специальные правила* по изъятию земельных участков применительно к конкретной ситуации. Возможность принятия отдельных нормативных правовых актов, предусматривающих *исключения из общих правил* изъятия земель для государственных и муниципальных нужд, установлена подп. 3 п. 1 ст. 49 ЗК РФ»³ (курсив наш. – С.С.).

Оставляя без комментариев затронутую апорию, хотелось бы все же выяснить, о чем, собственно, идет речь: о специальных правилах либо исключениях из правил.

Ответ на данный вопрос более чем актуален, ибо дистанция между указанными категориями достаточно ощутима.

¹ См. об этом также: Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // *Философия права*. 2010. № 6. С. 60–64.

² На наш взгляд, подобный вывод актуален для всех парных правовых категорий, так как было бы ошибочным само предположение о приоритете одного из их компонентов над другим только вследствие констатации парности.

³ Абузярова Д. Ф. Некоторые правовые проблемы, возникающие при изъятии земель для размещения автомобильных дорог // *Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения)* : сб. тезисов докладов (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / отв. ред. О. С. Ростова. Саратов, 2011. С. 246.

Разница специальных правил и исключений может быть проанализирована на примере анализа нормативного акта из регионального законодательства.

В частности, Закон Пензенской области от 28 марта 2011 г. № 2048-ЗПО «Об обеспечении жилыми помещениями отдельных категорий граждан на территории Пензенской области»¹ (далее – ЗПО № 2048) устанавливает правила, определяющие правовой режим обеспечения жилыми помещениями, распространяющиеся не на всех граждан (ст. 51, 52, 57 Жилищного кодекса РФ), а лишь на некоторые их категории.

Указанные правила затрагивают отдельные группы людей, обособленность которых детерминирована прохождением военной либо правоохранительной службы. Кроме того, своеобразие наблюдается в способе выбора жилого помещения.

В этом смысле положения, закрепленные в ЗПО № 2048, бесспорно, имеют специальный характер. Однако они являются все же правилами, а не исключениями, поскольку не предусматривают выхода за рамки общих правил.

ЗПО № 2048 не учреждает какого-либо иного порядка обеспечения граждан жильем; его специфика сводится к развитию, уточнению, конкретизации норм федерального законодательства, прежде всего Жилищного кодекса РФ, ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»², ФЗ от 8 декабря 2010 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан»³.

Таким образом, специальное правило подразумевает тот же стандарт поведения, что и правило общего характера: первое целиком и полностью находится в русле второго. Особенности, позволяющие выделять специальное правило из общего, касаются специфических условий, ситуаций, субъектов, обстоятельств и т.д. Но эти различия не носят принципиальный

¹ Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. 2011. № 33 (107).

² СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331.

³ СЗ РФ. 2010. № 50, ст. 6600.

характер, ибо не предполагают, по сравнению с исключениями, качественно иной, альтернативный, а иногда и прямо противоположный способ правового регулирования.

Надо отметить, что ЗПО № 2048 содержит исключения из действия специального правила. В частности, при определении категорий граждан, на которых распространяется данный закон, п. 2 ч. 2 ст. 1 ЗПО № 2048 употребляет следующую формулировку: «члены семей военнослужащих (за исключением военнослужащих, участвовавших в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих)».

На наш взгляд, суть исключения заключается в возможности реализации отличного от унифицированного (будь то общего либо специального) правила, варианта юридического разрешения жизненного казуса.

Исходя из сделанных выводов, можно заявить о том, что правила и исключения, несмотря на их парность, выступают в качестве самостоятельных правовых компонентов; исключения и правила (в том числе и особые, специальные разновидности последних) нельзя отождествлять¹.

Именно поэтому для обозначения исключений и требуется специальная терминология, своего рода «терминосистема», которая дает возможность однозначно определять, что собственно является исключениями, а также, что немаловажно, позволяет дифференцировать последние.

Единство правил и исключений обуславливает не только их взаимодействие, но и тесную обратную связь. Влияние правил на исключения состоит в первую очередь в том, что правила выступают в качестве основы появления исключений – здесь надо четко признать: нет правила, значит, априори не может быть (даже потенциально) исключений.

¹ В частности, Т. В. Кашанина пишет: «Одним словом, исключения из общего правила должны быть действительно исключительным правилом» (Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 194).

Исключения, безусловно, также воздействуют на правила, легитимируя альтернативный либо даже прямо противоположный правилу вариант поведения.

Надо отметить, что «допускаемый со стороны государства вариант коррекции (уточнения) общенормативной модели поведения»¹, как характеризует исключение И. А. Муравьев, есть уже следствие, но не причина. Поэтому актуальным остается вопрос: что в исключении позволяет корректировать единое для всех правило?

На наш взгляд, исключение как предписание микроуровня предстает по отношению к правилу в виде:

- а) изъятия из правила;
- б) дополнения к правилу.

По поводу того, что изъятие из правила подразумевает исключение из правила, по большей части нет никаких сомнений.

Подобной позиции категорично придерживается И. Н. Сенякин².

С. С. Алексеев, характеризуя режим исключений, утверждает, что он «вводится законодателем как изъятие – то, что представляет «иное» по сравнению с общим порядком»³.

Аналогичного мнения придерживается И. С. Морозова: «Нормативные изъятия представляют собой отклонения от единых типизированных требований нормативного характера. Иными словами, это исключения из конкретных долженствований, необходимостей, императивов, предусмотренных действующими нормативно-правовыми актами»⁴.

Разделяя в целом подобную трактовку изъятия как исключения, все же нельзя согласиться с «привязкой» подобных исключений к долженствованиям, запретам и прочим повелительным требованиям,

¹ См.: Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 15.

² Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 77.

³ Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 202.

⁴ Морозова И. С. Нормативные изъятия и дополнительные преимущества: общетеоретические проблемы // Правоведение. 2006. № 3. С. 191.

объясняемой тем, что «нормативные изъятия касаются... необходимости совершить определенные действия»¹.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что исключения-изъятия могут быть направлены не только на установление обязанностей, но и на предоставление прав. В частности, многие нормативные акты, запрещая государственным или муниципальным служащим заниматься определенной деятельностью, как исключение разрешают осуществлять преподавательскую, творческую, научную деятельность.

Приведенный пример убедительно доказывает не только возможность существования исключений из запретов (что, как думается, бесспорно), но и также то, что исключения-изъятия весьма многоплановы, не ограничиваются только необходимыми долженствованиями, а, напротив, могут быть направлены на расширение правовых возможностей субъекта.

На наш взгляд, суть исключения, выступающего в роли изъятия, состоит в том, что такое исключение выводит из-под действия общего правила определенный компонент из тех общественных отношений, которые в целом подпадают под юрисдикцию этого правила².

Основания подобного изъятия различны. К ним можно отнести правовой статус лица, причем как специальный³, так и индивидуальный⁴;

¹ Там же. С. 192.

² См. об этом также: Суменков С. Ю. Исключения из правил как изъятия: сущностная характеристика в контексте правового регулирования // Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации : сб. докладов / под ред. док. юрид. наук А. В. Малько, док. юрид. наук В. М. Шафирова, док. юрид. наук А. В. Усса. – Красноярск, 2012. С. 297–302.

³ См., например: «Сотрудник Следственного комитета может быть уволен со службы в Следственном комитете по основаниям, предусмотренным трудовым законодательством (за исключением военнослужащего)» (ч. 2 ст. 30 ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15).

⁴ См., например: «Для граждан, впервые принимаемых на службу в Следственный комитет, за исключением граждан, окончивших образовательные учреждения высшего профессионального образования Следственного комитета, в целях проверки их соответствия замещаемой должности может предусматриваться испытание» (ч. 1 ст. 18 ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15).

пределы компетенции¹; фактические данные, имеющие юридическое значение²; технические аспекты³; объективные качества продукции⁴, специфику предмета⁵ и его юридический режим⁶; формы собственности¹ и т.д.

¹ См., например: «К компетенции генерального директора публично-правовой компании относятся вопросы осуществления руководства текущей деятельностью публично-правовой компании, за исключением вопросов, отнесенных к компетенции иных органов управления публично-правовой компании.» (ч. 1 ст. 12 ФЗ от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27, ч. 1, ст. 4169).

² См., например: «Квалификационная комиссия не вправе отказать гражданину, успешно сдавшему квалификационный экзамен, в аттестации в качестве патентного поверенного, за исключением случаев, если после сдачи квалификационного экзамена выявляются обстоятельства, предусмотренные частями 2 и 3 статьи 2 настоящего Федерального закона и являющиеся препятствием для проведения аттестации» (ч. 10 ст. 6 ФЗ от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» // СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 24).

³ См., например: «Консервирование сока может быть осуществлено только с использованием физических способов, за исключением обработки ионизирующим излучением» (п. 1 ст. 2 Технического регламента на соковую продукцию из фруктов и овощей (утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 882 // URL: <http://www.tsouz.ru>) (дата обращения 31.07. 2016).

⁴ См., например: «Молоко, получаемое от разных видов сельскохозяйственных животных, за исключением коровьего молока, должно соответствовать показателям, установленным стандартами, нормативными документами федеральных органов исполнительной власти, сводами правил и (или) техническими документами» (ч. 5 ст. 5 ФЗ от 12 июня 2008 г. № 88-ФЗ «Технический регламент на молоко и молочную продукцию» // СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2801 (*утратил силу*)).

⁵ См., например: «Добытые и произведенные драгоценные металлы, за исключением самородков драгоценных металлов, после необходимой переработки должны поступать для аффинажа в организации, включенные в перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации» (ч. 1 ст. 20 ФЗ от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1463).

⁶ См.: например: «Ломбард вправе принимать в залог и на хранение движимые вещи (движимое имущество), принадлежащие заемщику или поклажедателю и предназначенные для личного потребления, за исключением вещей, изъятых из оборота, а также вещей, на оборот которых законодательством Российской Федерации установлены соответствующие ограничения» (ч. 3 ст. 2 ФЗ от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах» // СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 3992).

Всеобъемлющий перечень критериев нормативных изъятий составить невозможно. Слишком много может быть случаев, оцениваемых как исключительных; весьма велика вероятность появления исключительных и особых обстоятельств, уважительных причин, особых условий и чрезвычайных ситуаций, выступающих в качестве причин, вызывающих необходимость правотворческой фиксации исключений; тяжело предсказуема экономическая, политическая, социальная конъюнктура, детерминирующая волю законодателя рассматривать тот или иной казус в качестве исключения из правила.

По нашему мнению, наиболее точным объяснением существования исключений в праве служит потрясающее многообразие жизненных отношений, подпадающих под правовое регулирование².

При этом не стоит вдаваться в крайности, безусловно определяя любое изъятие из нормы как исключение³. Последнее, как уже было сказано, предполагает не только изъятие, но и альтернативный правилу вариант поведения. Изъятие как норма фиксирует те условия, которые не могут быть реализованы в области родовых отношений между людьми⁴.

То же самое относится к исключениям, выступающим в виде дополнений.

¹ См., например: «Под резидентом свободного порта Владивосток понимается индивидуальный предприниматель или являющееся коммерческой организацией юридическое лицо, государственная регистрация которых осуществлена на территории свободного порта Владивосток согласно законодательству Российской Федерации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), которые заключили в соответствии с настоящим Федеральным законом соглашение об осуществлении деятельности и включены в реестр резидентов свободного порта Владивосток» (ч. 1 ст. 10 ФЗ от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // СЗ РФ. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4338).

² См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения в праве как результат отображения многообразия жизни // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 96–100.

³ См., в частности: Золотенков Я. В. Земельные участки для проведения геолого-разведочных работ: перевод, изъятие или исключение из правил // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2014. № 6. С. 70–72.

⁴ См.: Рабинович-Захарин С. Л. К вопросу о дифференциации советского трудового права // Вопросы советского гражданского и трудового права. М., 1952. С. 104. (С данной цитатой можно согласиться полностью, за одним исключением: вместо «чаще всего» должно фигурировать «всегда»).

Вместе с тем надо признать, что воздействие исключения-дополнения на общее правило имеет более сложный характер в первую очередь потому, что достаточно трудно представить такое дополнение в правило, которое, не подменяя его общего смысла, предусматривает иную линию регуляции.

Здесь к тому же имеется непосредственная опасность отождествления специального (как синоним – дополнительного) правила и исключения-дополнения. «Норма-дополнение, – писал Ю. Б. Волегов, – это просто дополнительное правило, которое устанавливается сверх, в дополнение к основному»¹.

Доказать, что дополнительное правило и исключение-дополнение, хотя и весьма похожие, но между тем разные юридические феномены, можно на примере ст. 16 «Требования, предъявляемые к гражданам Российской Федерации, принимаемым на службу в Следственный комитет» ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 403).

В ч. 1 ст. 16 указанного Закона установлено, что «Сотрудниками Следственного комитета могут быть граждане Российской Федерации (далее - граждане), получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами и способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности».

В свою очередь ч. 2 ст. 16 оговаривает ситуацию, что на должности следователей СКР в исключительных случаях могут назначаться граждане, получающие юридическое образование в аккредитованных образовательных учреждениях не менее половины срока получения образования.

Весьма интересное положение закреплено в ч. 3 анализируемой статьи: «На отдельные должности федеральной государственной службы в

¹ Волегов Ю. Б. Значение дифференциации для совершенствования трудового законодательства // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 51.

² СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15.

Следственном комитете могут назначаться граждане, не имеющие высшего юридического образования, при наличии у них иного высшего образования, полученного по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе и соответствующего замещаемой должности».

При рассмотрении данной совокупности норм, регламентирующих требования к гражданам, желающим служить в Следственном комитете РФ (СКР), возникает вопрос: что здесь является общим правилом, что исключением из него, а что надо считать дополнительным правилом?

Закономерно будет предположить, что общее правило зафиксировано в ч. 1 ст. 16, кратко резюмируя которую, можно выявить следующие требования к кандидатам¹:

- а) гражданство РФ;
- б) наличие юридического образования, полученного в вузе, имеющем государственную аккредитацию;
- в) должный уровень профессиональных и моральных качеств;
- г) надлежащее состояние здоровья.

На наш взгляд, дополнительным (по отношению к указанному) правилом выступает норма ч. 3 ст. 16, в соответствии с которой на отдельные должности в СКР может быть принят человек, получивший не юридическое, а иное высшее образование.

Это правило дополнительное, потому что оно расширяет содержание генерального установления, распространяясь на людей, претендующих на службу в СКР, но не в качестве сотрудников².

Здесь более чем уместно упоминание об «отдельных должностях», что корреспондирует ч. 5 ст. 15 ФЗ № 403, согласно которой «Отдельные должности в Следственном комитете могут замещаться федеральными

¹ Надо отметить, что в ч. 4 ст. 16 ФЗ № 403 определены обстоятельства, условия и факторы, при которых гражданин не может быть принят на службу в СКР.

² Согласно п. 5 ст. 4 ФЗ № 403 сотрудниками СКР являются: «руководители следственных органов Следственного комитета, следователи, также другие должностные лица Следственного комитета, имеющие специальные или воинские звания либо замещающие должности, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий».

государственными гражданскими служащими, которые проходят службу в соответствии с ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Таким образом, речь идет о лицах, с одной стороны, находящихся на службе в СКР, с другой стороны, не являющихся сотрудниками данного органа, не имеющих специальных или воинских званий².

Поэтому можно констатировать дуализм правового статуса таких субъектов, обуславливающий то, что наряду с общими правилами, устанавливающими требования к претендентам на занятие должности в СКР, учреждаются дополнительные, позволяющие учитывать специфику данной категории граждан.

Такая специфика заключается в том, что гражданские служащие СКР непосредственно не выполняют первую из основных задач, стоящих перед СКР: оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (п. 1 ч. 4 ст. 1 ФЗ № 403).

Именно это детерминировало создание дополнительного правила, согласно которому человеку, стремящемуся быть зачисленным на гражданскую службу в системе СКР, не обязательно иметь высшее юридическое образование.

Надо признать, что в этом случае анализируемое дополнительное правило опирается на норму ФЗ № 79 (ч. 3 ст. 12), предусматривающую

¹ Далее по тексту – ФЗ № 79.

² Согласно ст. 11 ФЗ № 79 (СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215), гражданским служащим присваиваются классные чины в соответствии с замещаемой должностью гражданской службы в пределах группы должностей гражданской службы.

наличие высшего профессионального образования для ряда групп должностей и категорий гражданской службы¹.

Подобное свидетельствует как о взаимодействии ФЗ № 403 и ФЗ № 79, так и об определенной автономности последнего (в качестве дополнительного правила) при правовой регламентации поступления на государственную гражданскую службу в СКР.

Таким образом, абсолютно прав И. Н. Сенякин, который, характеризуя место дополнительного правила по отношению к общему, пишет об их автономности и самостоятельности².

Диаметрально противоположна оценка сочетания общего правила³ и исключения.

Исключения и правила не могут быть независимы друг от друга; исключения появляются на основе правил и существуют за счет правил: пока есть правило, есть и исключение. Нельзя говорить о параллельном бытии исключений и правил, ибо нельзя отделять часть от целого.

Феномен исключения как раз и заключается в том, что оно, будучи порождением правила и действуя в рамках правила, тем не менее предполагает отличный от правила вариант регулирования.

Такие качества характерны как для исключений-изъятий, так и для исключений-дополнений.

Специфической чертой последних выступает то, что они внедряют в правило какое-либо положение (также детерминированное многообразием жизни), которое позволяет:

¹ Здесь обязательно стоит учитывать, что если ФЗ № 79 допускает наличие профессионального образования, соответствующего направлению деятельности для должностей гражданской службы категории старшей и младшей групп должностей гражданской службы (ч. 5 ст. 12), то ФЗ № 403, как уже было указано выше, требует для гражданских служащих исключительно высшего образования.

² См.: Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. С. 76.

³ В контексте рассматриваемой проблематики представляется целесообразным анализ соотношения именно общего правила и исключений, в то же время, как уже неоднократно было отмечено выше, исключения имеются и из дополнительных правил.

1) отступить от генерального предписания, предусмотренного правилом;

2) реализовать иную, по сравнению с правилом, линию поведения.

Именно эти факторы¹ в совокупности и позволяют разграничить дополнительное правило с исключением-дополнением.

Поэтому, возвращаясь к разбираемому примеру, можно сделать вывод, что исключением из общего правила, устанавливающего требования к претендентам на службу в СКР, является норма, закрепленная в ч. 2 ст. 16 ФЗ № 403, согласно которой на должности следователей по районам, городам и приравненных к ним, в том числе специализированных следственных подразделений СКР, в исключительных случаях могут назначаться граждане, обучающиеся по специальности (направлению) «юриспруденция» в аккредитованных вузах не менее половины срока получения образования, при отсутствии академических задолженностей.

Названная норма выступает исключением, потому что затрагивает правило об обязательном наличии высшего юридического образования у сотрудников СКР (ч. 1 ст. 16 ФЗ № 403).

Присутствие данного исключения позволяет принять в СКР человека, имеющего незаконченное высшее юридическое образование (разумеется, при соответствии иным условиям, продиктованным правилом)².

О том, что указанное предписание – исключение, а не дополнительное правило, свидетельствует ряд моментов.

Во-первых, здесь нет никакого дуализма¹ регулирования, ибо обе нормы установлены одним законом, учреждающим требования к гражданам РФ, поступающим на службу в СКР.

¹ Как думается, здесь нужно еще раз уточнить, что, кроме выделенных двух, есть еще один, уже обговоренный фактор – неразрывная связь исключения с правилом.

² Это наглядный практический пример, объясняющий как взаимосвязь правил и исключений, так и уникальность исключений, позволяющую им олицетворять иной вариант регуляции, не схожий с правилом, но не нарушающий последнее и, в конечном итоге, ему соответствующий.

Во-вторых, эти требования касаются одной группы субъектов – сотрудников СКР. В частности, исключение из правила о высшем юридическом образовании распространяется на следователей, т.е. лиц, непосредственно выполняющих задачи, стоящие перед СКР, в первую очередь – расследование уголовных дел.

Тем самым при приеме на службу в СКР на должность следователя² у претендента, согласно правилу, должно быть высшее юридическое образование; в соответствии с исключением – достаточно обучаться по юридической специальности, окончив предварительно три курса по указанной специальности.

В-третьих, то, что разрешение принимать на должность следователя человека с неполным высшим юридическим образованием является исключением из правила, подтверждается позицией законодателя, методологически верно использующего для обозначения подобного дозволения нормативно-правовой термин «исключительный случай», наиболее ярко отражающий характерные свойства понятия «исключение»³.

Таким образом, на примере действующего законодательства можно четко установить различия между общим правилом, дополнительным правилом и исключением из правила, а также осветить особенности последнего, выступающего как дополнение в правило⁴.

В связи с этим стоит также отметить, что, хотя исключения-дополнения встречаются в нормативных актах все же реже, чем

¹ В данном конкретном случае говорится о дуализме, поскольку требования к лицам, поступающим на государственную гражданскую службу в СК РФ, зафиксированы в двух нормативно-правовых актах: ФЗ № 403 и ФЗ № 79.

² Надо оговориться, что речь идет о должностях следователя в следственных подразделениях первичного звена системы СКР.

³ См. об этом: Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 71–82.

⁴ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения из правил как дополнения и дополнительные правила: аспекты разграничения (на примере законодательных требований к кандидатам на службу в Следственный комитет РФ) // Второй пермский конгресс ученых-юристов : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 28–29 октября 2011 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2011. С. 35–37.

исключения-изъятия, их воздействие на общественные отношения более интенсивно, экстраординарно, наглядно, что и предопределяет выбор терминологии.

Однако, как думается, не стоит преувеличивать деление исключений на дополнения и изъятия. Грань между ними, бесспорно, присутствует, хотя на практике бывает достаточно тяжело определить, что, собственно, выступает в качестве «классического» изъятия либо дополнения¹.

Кроме того, субъект правотворчества может использовать исключение-изъятие и исключение-дополнение в комплексе для достижения необходимой полноты регулирования правом общественных отношений². Поэтому можно согласиться с И. Н. Сенякиным: «Исключительные предписания выступают дополнением либо к общим, либо к специальным нормам с более высокой степенью абстрактности, причем таким дополнением, которое предписывает изъятие из правил указанных норм»³.

Здесь более чем уместным представляется замечание по поводу связи исключительных предписаний и норм.

¹ Например, п. 32 Положения о факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования (утв. Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 152 // СЗ РФ. 2008. № 11, ч. 1, ст. 1025) вводит правило, в соответствии с которым: «Граждане, оканчивающие высшее учебное заведение, по завершении учебных сборов *проходят итоговую аттестацию* по военной подготовке в военной образовательной организации высшего образования, в воинской части, в ходе которой устанавливается уровень их теоретической и практической подготовки для выполнения военно-профессиональных задач и соответствие подготовки квалификационным требованиям, предъявляемым к выпускникам военных кафедр». Однако в этом же пункте содержится исключение из названного правила, звучащее следующим образом: «**В порядке исключения** итоговая аттестация может проводиться *в образовательной организации*» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.). Однозначно ответить на вопрос, чем же выступает такое исключение по отношению к правилу: изъятием либо дополнением – весьма затруднительно.

² На наш взгляд, наглядным примером такого сочетания служит п. 37 ч. 1 ст. 13 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 900), анализ которого будет приведен ниже. Здесь же следует оговориться, что в одном случае, связанном с употреблением термина «за исключением», речь идет об изъятии из общего правила; во втором, допускающем использование в исключительных случаях транспортных средств граждан, подразумевается дополнение к правилу.

³ Сенякин И. Н. Указ. соч. С. 79.

Исключения в праве должны быть обязательным образом отражены в юридических нормах, издаваемых либо санкционируемых государством и охраняемых им от нарушений. Весьма категорично заявляет по данному вопросу С. С. Алексеев: «...исключения не могут предполагаться, они всегда должны быть точно указаны в нормативных актах»¹.

Принципиально не затрагивая в настоящий момент разнообразие правовых форм, в которых могут выражаться исключения, а также особенностей норм, их содержащих², хотелось бы отметить следующее.

Именно сосредоточение исключений в нормах права легитимирует исключения, позволяет оценивать в качестве НПП, считать юридическим средством, предлагающим отличный, иногда прямо противоположный правилу вариант регуляции.

Непременным условием нормативного оформления исключения служит обязательное указание на то, что допускаемая корреляция правила выступает именно исключением из него³.

С. С. Алексеев по данному поводу ввел в оборот выражение «исчерпывающий перечень». В частности, он писал: «Существенным элементом режима исключений... является категория «исчерпывающий перечень» («перечисленное с полной точностью», по ленинским словам). <...> При этом социальный и юридический эффект исчерпывающего перечня проявляется в полной мере тогда, когда он действительно выражен в полном списке обстоятельств, категорий лиц и т.д., списке замкнутом, «с точкой».

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 202.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 17–21.

³ На наш взгляд, достижению поставленной задачи способствует соответствующая терминология, использование которой в юридических нормах будет недвусмысленно свидетельствовать о наличии исключения из правила. Поэтому еще раз подчеркнем, что отрицательной тенденцией является стремление завуалировать исключения такими словами, как «если», «кроме», «помимо» и т.п. Подобные выражения требуют расширенного толкования, что недопустимо по отношению к исключениям, ибо может детерминировать злоупотребление.

Иначе на практике могут возникнуть трудности, а значение перечня сведено на нет»¹.

На наш взгляд, примером такого перечня может служить ч. 3 ст. 12 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»², в которой в пунктах с первого по шестой детально перечислены исключительные личные обстоятельства, обуславливающие исключения из общих правил.

В то же время С. С. Алексеев понимал всю сложность создания полного списка исключений, где будет детально расписано, что следует считать исключением. Сама природа исключений как нестандартных нормативных предписаний, детерминация их разноплановости и многообразия регулируемых общественных отношений объективно противостоят абсолютизации их перечисления. «Но здесь достоин внимания, – отмечает в связи с этим С. С. Алексеев, – вот какой момент: при известных обстоятельствах социальный и юридический эффект, характерный для исчерпывающего перечня, может быть достигнут и в случаях, когда он выражен не в полном, замкнутом списке, а в списке открытом, допускающем расширение перечисляемых обстоятельств, вопросов»³.

Таким образом, можно резюмировать следующее:

1) существует необходимость обязательного указания на то, что определенное нормативное предписание выступает в качестве исключения из единого для всех правила;

2) не всегда возможно директивно установить конкретный жизненный фактор, служащий основанием для констатации исключения.

Например, ч. 2 ст. 17 ФЗ от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» гласит: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления или должностные

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 203–204.

² СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2037.

³ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 205.

лица, которым направлены обращения Общественной палаты, обязаны проинформировать Общественную палату о результатах рассмотрения соответствующего обращения в течение тридцати дней со дня его регистрации. В исключительных случаях руководитель органа государственной власти, руководитель органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе продлить срок рассмотрения указанного обращения не более чем на тридцать дней, уведомив об этом Общественную палату»¹.

Как видно, в данной норме предусмотрена возможность усмотрения исключения из правила (в частности, исключения из правила о сроках рассмотрения запроса Общественной палаты). Для этого соответствующее должностное лицо того органа, в который направлен запрос, оценивая ситуацию как исключительную, принимает властное решение.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли воспринимать исключение как оценочное понятие, зависящее от усмотрения правоприменителя?

Оценочное понятие – категория, традиционно вызывающая интерес у представителей юридической науки. На наш взгляд, исключения гармонично сочетаются с оценочными понятиями в силу того, что многие предписания, предусматривающие вероятность исключения, объективно не могут носить конкретизирующего характера и их реализация зависит от оценки компетентного субъекта².

Подобная позиция основывается на примерах из действующего законодательства. В частности, согласно УПК РФ, срок расследования дела может быть продлен на 6 либо 12 месяцев. Дальнейшее продление осуществляет только руководитель СКР в исключительных случаях (ч. 5 ст. 162).

¹ СЗ РФ. 2005. № 15, ст. 1277.

² См. об этом также: Суменков С. Ю. Исключения в праве как оценочное понятие // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. Тольятти, 2014. № 3. С. 65–71.

Конституционный Суд РФ, характеризуя конституционность названной нормы, однозначно указал, что употребляемый термин «исключительный случай» (равно как и «особая сложность») является оценочным понятием, который наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике¹.

Вместе с тем в отношении исключений не стоит обязательно увязывать свободу усмотрения их реализации с олицетворением исключениями оценочных понятий. Например, нельзя однозначно установить присутствие последнего в следующей норме, содержащей тем не менее значительную дискрецию правоприменителя: «Председателю Следственного комитета Российской Федерации предоставляется право присвоения гражданину, поступающему на службу в Следственный комитет, в порядке исключения первого специального звания до подполковника юстиции включительно в соответствии с должностью, на которую гражданин назначается»².

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 985-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст Определения официально опубликован не был).

² Пункт 27 Положения о Следственном комитете Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 6, ст. 572).

Кроме того, и это самое главное, далеко не все исключения выступают в качестве оценочных понятий; равно как и не каждое исключение абсолютно зависит от правоприменительного усмотрения¹.

Даже констатация исключительного случая, опирающаяся на соответствующий алгоритм², может (хотя и крайне редко)³ содержать безусловные указания, направленные на признание какого-либо случая в качестве исключительного. В частности, исключительный случай был совершен гр. Г., который 19 ноября 2008 г., не имея права на управление транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял автомобилем и совершил ДТП, что дало основание мировому судье, рассмотрев материалы дела, считать гр. Г. виновным по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ и подвергнуть его наказанию в виде административного ареста⁴.

Согласно КоАП РФ (ч. 2 ст. 3.9) административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях. Но в санкции ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ предусмотрен только один,

¹ Показательным в этом смысле является п. 1 ст. 6 ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2010. № 48, ст. 6252), согласно которому «Акты законодательства Российской Федерации о таможенном деле, а также указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, принятые в соответствии с настоящим Федеральным законом (далее – иные правовые акты Российской Федерации в области таможенного дела), применяются к отношениям, возникшим после дня вступления их в силу, и не имеют обратной силы, **за исключением случаев, прямо установленных** частью 2 настоящей статьи» (выделено нами. – С.С.). Очевидно, что указанное исключение никак не обозначает оценочного понятия, а также не предоставляет малейшей возможности какого-либо правоприменительного усмотрения.

² Здесь будет уместным напомнить, что алгоритм признания и разрешения исключительного случая в самом общем виде включает в себя: а) наличие реального жизненного события; б) предоставление компетентному субъекту права оценки такого казуса как исключительного; в) принятие последним, исходя из собственного усмотрения, властного решения, имеющего юридически значимые последствия. См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.

³ Как думается, подобное положение подтверждает нашу концепцию о том, что из каждого правила есть исключение, в том числе исключение из правила о констатации исключительного случая.

⁴ См.: Архив судебного участка № 1 Кольшлейского района Пензенской области. Дело № 5-560/2008.

безальтернативный вид наказания – административный арест¹. Следовательно, действия гр. Г., а также других лиц, к которым в соответствии с указанной нормой был применен административный арест, должны считаться исключительными случаями.

Подобная исключительность объясняется беспрецедентно сложной, напряженной ситуацией на дорогах России и необходимостью жесткой борьбы с проявлениями фактов пьянства за рулем².

Таким образом, воплощение исключением оценочного правового понятия, равно как и возможность относительной свободы правоприменительного усмотрения, не может восприниматься в качестве типичного признака, присущего абсолютно всем исключениям в праве.

Подводя итог характеристике исключений, необходимо резюмировать следующее.

Во-первых, исключение – это НПП, представляющее государственно-властное веление, легитимированное надлежащим образом. На макроуровне исключение вместе с правилом образует магистральное предписание, что позволяет максимально полно регулировать соответствующие общественные отношения. На микроуровне исключение – предписание, подразумевающее альтернативный правилу вариант регуляции.

Во-вторых, исключение органически связано с правилом, выступая с ним в качестве парных категорий. Парность правил и исключений детерминирована их взаимообусловленностью. Исключения могут быть только из правила, а последнее не существует без исключений.

В-третьих, исключение как предписание коррелирует с правилом, выступая в качестве изъятия из правила или (и) дополнения к нему. Исключение-изъятие выводит из-под действия правила определенный

¹ За исключением субъектов перечисленных в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ.

² По данным официального сайта ГИБДД МВД России, за период с января по август 2016 г. по вине водителей, управлявших легковыми автомобилями и находившихся за рулем в состоянии опьянения, совершено 7114 ДТП, в результате чего 1888 человек погибли, а 10223 человек получили ранения // URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 18.09.2016).

компонент общественных отношений, подпадающих в целом под юрисдикцию этого правила. Исключения-дополнения внедряют в правило какое-либо положение, позволяющее отступить от правила и реализовать иной вариант поведения.

В-четвертых, исключение в праве находит свое закрепление только в издаваемых или санкционируемых государством юридических нормах. Внешнее выражение исключения получает в официально признанных формах, объективируясь с помощью специальной терминологии.

В-пятых, исключение входит в инструментальный раздел права, является приемом юридической техники, служит особым юридическим средством, направленным на совершенствование правотворчества, оптимизацию правоприменения и обеспечения эффективности действия права в целом.

Таким образом, исключение в праве – закрепленное в нормах права и выражающееся в официально признанных формах, объективированное в специальных терминах предписание, выступающее в качестве юридического средства регламентации общественных отношений, подразумевающее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему вариант регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей.

Глава 3. Классификация исключений в праве

Классификация – метод научного познания, базирующийся на признании многообразия исследуемых явлений и необходимости их систематизации по определенным критериям¹.

Философские начала классификации² детерминируют ее всеобщий характер, проникновение в иные научные отрасли³, прежде всего в такие, которые подвергают анализу имеющееся разнообразие общества⁴, многоаспектность социальных связей⁵, а также институциональных образований, их регулирующих. К их числу, безусловно, относится право, в связи с чем классификация играет важную роль в процессе изучения юридических закономерностей и феноменов.

Классификационные приемы и способы, традиционно используемые при рассмотрении категорий международного права⁶, более чем применимы

¹ Показательным выступает само этимологическое значение слова «классификация» – от лат. *classis* (разряд) и *facere* (делать).

² См., например: Мейен С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67–79 ; Митрофанова С. С. Гносеологический анализ классификационной проблемы в современной науке : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 1986 ; Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986 ; Субботин А. Л. Классификация. М., 2001.

³ См. об этом, в частности: Кедров Б. М. Классификация наук : в 2 т. М., 1961. Т. 1 ; 1965. Т. 2.

⁴ См., например: Хайдаков С. М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980 ; Волкова Н. Н. Классификация занятий (профессий). М. ; Полтава, 2006 ; Колпаков А. В. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. Экономическая наука эпохи перемен. М., 2008.

⁵ См., в частности: Андреев В. Г., Толстова Ю. Н. Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982 ; Теория классификации и анализ данных : материалы Всесоюзного совещания / под ред. Ю. А. Воронина. Новосибирск, 1982.

⁶ См., например: Фитуни Л. А. О научной классификации и систематике межгосударственных торговых договоров и соглашений // Научные записки Института внешней торговли. М., 1955. С. 165–183 ; Чалый А. А. К вопросу о классификации международных договоров в законодательстве Союза СССР: международные отношения и международное право // Вестник Киевского университета. 1980. Вып. 10. С. 64.

для упорядочивания полиморфии, встречающейся как в публично-правовых¹, так и в частно-правовых отношениях².

В связи с этим хотелось бы с сожалением отметить, что современная юриспруденция не уделяет достаточного внимания вопросам классификации³; это характерно как для отраслевых наук, так и для общей теории государства и права⁴.

Данная тенденция не может быть оправдана, особенно в контексте признания того, что «классификация выступает не просто как констатация уже достигнутого знания, но выполняет важную методологическую функцию:

¹ См. об этом, например: Гумашвили Л. Э. Теоретические основы криминалистических классификаций и их значение в судебном доказывании (на примере построения и использования классификации документов по делам о хищениях социалистического имущества) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979 ; Образцов В. А. К криминалистической классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33. С. 90–98 ; Дыбовская Н. В. Классификация субъектов насильственных преступлений против личности // Правоведение. 1981. № 4. С. 36–41 ; Головин А. Ю. Роль классификации в разработке новых и совершенствовании существующих правовых понятий (на примере криминалистической науки) // Современное состояние российского законодательства и его систематизация : материалы круглого стола (23–24 сентября 1998 г., г. Тула). М., 1999. С. 269–276 ; Маршакова Н. Н. Систематизация и классификация в уголовном законодательстве: теоретико-прикладные аспекты. Н. Новгород, 2007.

² См., например: Чернышев В. И. Классификация обязательств из неосновательного приобретения (сбережения) имущества // Защита субъективного права и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1977. Вып. 2. С. 56–61 ; Звягинцева М. Л. Классификация мер защиты в советском семейном праве // Развитие социальной деятельности Советского государства и права. Свердловск, 1980 ; Фролов А. Д. Классификация правовых средств, стимулирующих устойчивость трудовых правоотношений // Материальное право и процессуальные средства его защиты. Калинин, 1981.

³ Подобный пробел неприемлем в связи с тем, что некоторые нормативно-правовые акты имеют непосредственно классификационную направленность. См., в частности: Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 2007. № 22, ст. 2640; Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2009 г. № 767 «О классификации автомобильных дорог в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 40, ч. 2, ст. 4703; Приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 21 ноября 2008 г. № 48 «Об утверждении Положения о Единой всероссийской спортивной классификации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 7. С. 139.

⁴ В качестве аргумента, доказывающего, что теория и права не утратила полностью интереса к проблемам классификации, можно привести следующую монографическую работу: Баранов В. М., Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве. Н. Новгород, 2005.

осуществляя систематизацию определенной предметной области, она вместе с этим задает общее направление ее дальнейшего целенаправленного исследования...»¹.

На наш взгляд, последнее более чем актуально относительно исключений, присутствующих в правовой сфере. Как неоднократно указывалось, основой бытия исключений выступает реально существующее разнообразие окружающей действительности, которое не может быть охвачено едиными для всех унифицированными стандартами.

Способность исключений к классификации подтверждается тем, что исходные начала классификации – универсальность² и фундаментальность³ – органически проецируются на такие базовые качества исключений, как всеобщность и объективность⁴.

Огромное, без преувеличения, количество исключений в праве, чрезвычайное многообразие форм проявления, поражающая неоднородность и широчайший спектр применения детерминируют необходимость их группировки и систематизации.

¹ Субботин А.Л. Классификация. М., 2001. С. 10–11.

² См.: «Классификационные основания в познании универсальны, что подтверждается спектром выполняемых классификацией функций, ее исследовательским потенциалом, позволяющим достаточно эффективно применять классификационные методы как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях научной деятельности, а также ее содержательно-функциональной взаимосвязанностью с другими формами познания (теорией, описанием, объяснением, сравнением, аналогией)» (Степкина М. В. Гносеологический статус классификации как формы познания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2006. С. 8).

³ См.: «Классификационные основания в познании фундаментальны. Способность, умение классифицировать в широком смысле – это сущностная характеристика, основополагающий атрибут человеческого сознания в целом, что отражается на процессе как обыденного, так и рационального, научного познания. Классификация – это синтетическое образование, включающее в себя различные построения, существующие в различных типах деятельности. Сам акт «называния» предметов есть их простейшая классификация. На разных уровнях, осознанно или неосознанно, человек классифицирует постоянно. Язык, мышление, знание имеют классификационную структуру, соответственно, классификация обладает не только гносеологическим, но и онтологическим статусом, поскольку является конституирующим свойством не только познания, но и бытия человека. Этим подтверждается ее фундаментальность и значимость» (Степкина М. В. Указ соч. С. 8–9).

⁴ Здесь вполне уместно сочетание следующих пар: 1) универсальность – всеобщность; 2) фундаментальность – объективность.

Классификация исключений на разряды, виды, типы производится по различным критериям.

В зависимости от способа воздействия на правило исключения стратифицируются на исключения-изъятия и исключения-дополнения. Механизм воздействия исключений на правила был подробно проанализирован выше, в предыдущей главе настоящего исследования. В качестве ремарки можно еще раз отметить, что исключения-изъятия выводят из-под действия правила определенный компонент общественных отношений; исключения-дополнения имплементируют в правило положение, позволяющее реализовать иной, по сравнению с магистральным, вариант поведения.

Важнейшее значение при классификации исключений имеет телеологический подход, поскольку поставленные цели объясняют и оправдывают присутствие в праве такого специфического феномена, как исключение из правил.

По целевой направленности исключения в праве подразделяются на дозволения и ограничения. Развивая данную мысль, стоит признать, что исключения в праве олицетворяют собой или дозволения, или ограничения – иного, как думается, быть не может!

Дозволение и ограничение коррелируют друг с другом в проекции к бинарной группе иного порядка: «правило – исключение».

Соответственно, если в качестве правила предстает дозволение, то исключением из него может быть только ограничение; в ином случае, если правило носит ограничительный характер, исключением выступает дозволение.

В этой связи видится излишне усложненными, а потому не отвечающими правовым реалиям выводы И. А. Муравьева, разделяющего

исключения по способам правового регулирования на запреты, дозволения, обязывания¹.

Кроме того, что И. А. Муравьев совершенно необоснованно отождествляет способ и метод правового регулирования, не вполне понятно, почему собственно исключение одного метода активизирует, влечет, порождает механизм другого, в особенности, если следовать авторской логике, дозволения².

Гораздо более выверенными являются рассуждения С. С. Алексеева. По его мнению «...здесь общее все время соотносится с его «другой стороной» – исключениями из этого общего, с конкретными дозволениями (при ОбЗ)³ или конкретными запретами (при ОбД), с которыми они существуют в нераздельном единстве»⁴. Позиция ученого выражена предельно ясно⁵: запрет как исключение может быть только из общего правила-дозволения, а дозволение выступает исключением при наличии общего правила-запрета.

Выверенность концепции С. С. Алексеева ослабляется определенной односторонностью: анализом соотношения дозволения лишь с одним феноменом ограничительного характера – запретом.

¹ См. об этом: Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 9, 16.

² Возможно, что И. А. Муравьев в указанном контексте понимает слово «исключение» в значении «исключить» – «удалить из состава чего-нибудь», «не допустить», «устранить» (См.: Ожегов С. И. Словарь русского / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 206). Однако и подобное восприятие, по нашему мнению, не способствует раскрытию анализируемого суждения.

³ ОбД и ОбЗ – общие дозволения и общие запреты (в соответствии с сокращениями, применяемыми С. С. Алексеевым).

⁴ Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., С. 99.

⁵ См.: «Итак, когда в тексте нормативного акта приведен исчерпывающий перечень конкретных дозволений (при наличии ОбЗ), или конкретных запретов (при наличии ОбД), или когда из смысла акта следует, что предусмотрено «только это», то тем самым закон как бы говорит: «вот эти и только эти случаи являются исключениями, во всех же иных случаях действует в качестве общего начала дозволение или запрет». Следовательно, конкретные дозволения или конкретные запреты при наличии соответственно ОбЗ и ОбД потому и являются исключительными, что построены по принципу «только» – *только* эти дозволения, если установлен ОбЗ, или *только* эти запреты, если установлено ОбД» (Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 96).

Между тем по поводу соотношения правовых ограничений и запретов существует, как минимум, две точки зрения.

Согласно первой из них ограничения в сфере права многоаспектны, предстают в виде запретов, приостановлений, обязанностей, наказаний¹.

Иная позиция заключается в оппонировании расширенному пониманию ограничений, в признании самостоятельности каждой из названных категорий, и в первую очередь – правовых запретов².

В частности, А. Г. Братко, отрицая тождество запрета и ограничения, вместе с тем подразумевает под ограничением юридическую обязанность³.

В связи с этим весьма выверенным представляется мнение А. В. Малько, который возражая против резкого противопоставления ограничения и запрета, замечает: «На наш взгляд, соотношение запрета и правового ограничения можно выразить иначе: всякий запрет есть ограничение, но не всякое ограничение в сфере права – запрет. <...> Иначе говоря, понятие «ограничение» является родовым, а понятие «запрет» – видовым. Запрет есть лишь определенная форма правового ограничения»⁴.

¹ См. об этом: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 94–100.

² О соотношении ограничений и запретов, выступающих в качестве исключений см. также: Суменков С. Ю. Исключения из правил как юридические ограничения и правовые запреты // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3. С. 40–48

³ Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 17.

⁴ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. С. 95–96.

Высказанный тезис применим и при характеристике сочетания ограничений и обязанностей, а также иных феноменов, обладающих свойствами ограничений¹.

В то же время, и этого нельзя не признать, целый ряд нормативных правовых актов разделяет значения терминов «ограничение», «запрет», «обязанности». Показательным служит ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 79), содержащий следующие предписания: ст. 15 «Основные обязанности гражданского служащего»; ст. 16 «Ограничения, связанные с гражданской службой»; ст. 17 «Запреты, связанные с гражданской службой».

Проводит размежевание между ограничениями, запретами и обязанностями и ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³, требования которого проецируются на отношения, связанные с

¹ Высказанное суждение находит свое отражение в некоторых нормативных положениях. Например, ч. 1 ст. 4 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2037) гласит: «В отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие административные **ограничения**: 1) **запрещение** пребывания в определенных местах; 2) **запрещение** посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; 3) **запрещение** пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; 4) **запрещение** выезда за установленные судом пределы территории; 5) **обязательная явка** от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации»; согласно ч. 3 ст. 4 ФЗ от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» (СЗ РФ. 2007. № 1, ч. 1, ст. 44) «Правительство Российской Федерации на основании решения Президента Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным законом устанавливает перечень конкретных действий, на совершение которых вводится **запрет** совершения и (или) в отношении которых вводится **обязанность** совершения, **и иных ограничений**. В случае, если реализация специальных экономических мер требует решения Центрального банка Российской Федерации, то запрет совершения и (или) обязанность совершения действий и иные ограничения устанавливаются Центральным банком Российской Федерации во взаимодействии с Правительством Российской Федерации» (выделено нами. – С.С.).

² СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

³ СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

федеральной государственной службой¹, государственной службой субъектов федерации², муниципальной службой³.

Следовательно, надо понимать, что слишком вольная трактовка ограничений во многом искусственна и не соответствует объективно существующим реалиям правовой системы России⁴.

Поэтому нельзя быть полностью согласным с И. М. Приходько, относящей к числу правовых ограничений «...запрет, приостановление, обязанности, умаление прав, пределы, лимиты, цензы, наказания, меры принуждения и пресечения, изъятия»⁵.

По поводу изъятий стоит заметить, что не всякое изъятие обязательно является ограничением; напротив, и выше уже приводились такие примеры, изъятие может выступать дозволением, представляя как исключение из общего правила-ограничения.

¹ См., например, ст. 40.2 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8, ст. 366); ч. 4 ст. 3 ФЗ от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3590); ст. 27.1 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331); ст. 17 ФЗ от 28 декабря 2010. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15).

² См., например, ч. 3 ст. 7 Закона Пензенской области от 9 марта 2005 г. № 751-ЗПО «О государственной гражданской службе Пензенской области» (Пензенские губернские ведомости. 2005. № 6. 18 марта).

³ Так, в ФЗ от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2007. № 10, ст. 1152) закреплены такие статьи: «Основные обязанности муниципального служащего» (ст. 12); «Ограничения, связанные с муниципальной службой» (ст. 13); «Запреты, связанные с муниципальной службой» (ст. 14).

⁴ В некоторых нормативно-правовых актах ограничения, запреты и обязанности не только обозначены как отличные друг от друга понятия; но и предусмотрены различные вариации отрицательного к ним отношения. В частности, согласно п. 11 ч. 4 ст. 3 ФЗ от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (СЗ РФ. 2011. № 45, ст. 6336), один из видов единовременного пособия не выплачивается военнослужащему «в связи с несоблюдением ограничений, нарушением запретов, неисполнением обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

⁵ Приходько И. М. Ограничения в российском праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 8.

Что же касается словосочетания «умаление прав», то, как думается, использование этой формулировки в современных условиях не вполне корректно; сама суть названного лексического оборота противоречит характеристике ограничения как правового феномена.

В российском законодательстве выражение «умаление права» встречается лишь в контексте указания на запрет подобного деяния¹. Соответственно «умаление права» – это не разрешенное законом деяние², иногда определяемое как синоним слова «дискриминация»³, которое не может быть ни правовым ограничением, ни исключением в праве.

¹ Даже в этом случае законодатель разделяет ограничение и умаление права. См.: «Референдум Российской Федерации не может быть использован в целях принятия решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, а также в целях **ограничения**, отмены или **умаления** общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, конституционных гарантий реализации таких прав и свобод» (преамбула ФКЗ от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2710) (выделено нами. – С.С.).

² См.: «Ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях *не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания*, гарантированных Конституцией Российской Федерации или вытекающих из международных договоров Российской Федерации (п. 3 ст. 2 ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465); «Перечисление прав, указанных в пунктах 2 и 3 настоящей статьи, *не должно толковаться как отрицание или умаление других прав несовершеннолетних*» (п. 4 ст. 8 ФЗ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177); «Обязательность использования государственного языка Российской Федерации *не должна толковаться как отрицание или умаление права* на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации» (п. 7 ст. 1 ФЗ от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23, ст. 2199) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.)

³ См., в частности: «В информационных теле- и радиопрограммах, публикациях в периодических печатных изданиях сообщения о проведении предвыборных мероприятий кандидатами, их доверенными лицами, политическими партиями, группами избирателей должны даваться исключительно отдельным информационным блоком, без комментариев. Такие информационные блоки не оплачиваются кандидатами, их доверенными лицами, уполномоченными представителями по финансовым вопросам, политическими партиями, группами избирателей. *В них не должно отдаваться предпочтение какому бы то ни было кандидату или не должна осуществляться дискриминация (умаление прав)* какого-либо кандидата, в том числе по времени освещения его предвыборной деятельности, объему печатной площади, отведенной для таких сообщений» (п. 5 ст. 46 ФЗ от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 171) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

В связи с признанием правовой природы ограничения хотелось бы предложить следующее: вместе с восприятием ограничения в широком смысле использовать подобный термин и в узком аспекте – как специфический инструментарий государства, направленный на юридическое оформление сужения возможностей субъекта.

Относительно сочетания исключений и ограничений вполне приемлем разумный синтез обоих подходов к пониманию последнего феномена.

Ограничения есть многоплановая категория, в которую входят различные юридические феномены; однако в качестве исключения ограничивающего характера могут выступать лишь запреты¹, обязанности² и собственно ограничения в строго определенном значении данного слова³.

Высказанное суждение находит свое полное подтверждение в норме, закрепленной в ст. 7.1 ФЗ от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»⁴: «На сотрудника таможенного органа распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной

¹ См., например, абз. 1 ст. 44 ФЗ от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17, ст. 1462).

² См., например: «Иностранные граждане, не поставленные на учет по месту пребывания в соответствии с настоящим Федеральным законом, не подлежат ответственности за нарушение правил миграционного учета, *за исключением случаев, если обязанность сообщить сведения о месте своего пребывания в соответствии с настоящим Федеральным законом возложена на соответствующего иностранного гражданина*» (ч. 2 ст. 24 ФЗ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 30, ст. 3285) (курсив наш. – С.С.).

³ В частности, ч. 2 ст. 16 ФЗ № 79 устанавливает буквально следующее: «Иные ограничения, связанные с поступлением на гражданскую службу и ее прохождением, за исключением ограничений, указанных в части 1 настоящей статьи, устанавливаются федеральными законами». Указанной норме корреспондирует, в частности, ч. 5 ст. 15 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162), согласно которой «медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральными законами».

⁴ СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3586.

гражданской службе Российской Федерации», **за исключением ограничений, запретов и обязанностей**, препятствующих исполнению сотрудником таможенного органа обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. **Установление таких исключений** и определение сотрудников таможенных органов, в отношении которых применяются **данные исключения**, в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

Таким образом, логичным представляется следующий алгоритм.

Ограничение в сфере правового регулирования выступает либо в качестве правила, либо исключения. В последнем случае, когда речь идет об исключении-ограничении правилом является дозволение.

Смысл исключения-ограничения состоит в секвестировании дозволенного диапазона юридических возможностей субъекта посредством изъятия соответствующего правомочия или (и) внедрения дополнения, нивелирующего это правомочие.

Исключение-ограничение – комплексный феномен, включающий в себя исключения-запреты, исключения-обязывания, исключения-ограничения (в узком, непосредственном смысле). Суть таких исключений отражается в запрещающем, обязывающем, ограничивающем компоненте регулятивного воздействия права.

Что же касается иных разновидностей ограничений, то, по нашему мнению, они не могут представлять собой исключения из правил. Подобное вовсе не отрицает теснейшей связи таких ограничений с исключениями¹.

В частности, наказания, сущность которых заключается в ограничении соответствующих прав и свобод, сами по себе исключениями не являются,

¹ См., например: Ломакина Е. Е. Реклама табака и табачных изделий: законодательные ограничения и исключения из правил // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2011. № 1. С. 104–111.

ибо наказание – не исключение, а, напротив, правило, устанавливающее вид и меру неблагоприятных последствий за определенный вариант поведения¹.

Такое правило может, что вполне естественно, сопровождаться исключениями; последние затрагивают аспекты, касающиеся назначения и применения наказания, специфику, связанную с субъектами, в отношении которых применяется наказание.

Показательной в данном контексте служит ст. 3.9 КоАП РФ «Административный арест». На наш взгляд, ч. 1 указанной статьи представляет собой правило (причем положения, касающиеся увеличения срока ареста, есть специальное правило), а вот часть вторая анализируемой статьи – «классическое» исключение из правила, о чем свидетельствует и задействованный субъектом правотворчества нормативно-правовой термин «исключительный случай»².

Аналогичным образом, как правила ограничительного характера, сочетающиеся с исключениями, следует рассматривать лимиты³, пределы⁴,

¹ Единственное, требующее отдельного рассмотрения исключение из приведенного тезиса – смертная казнь.

² В проекте нового КоАП РФ (ч. 2 ст. 4.13), внесенного в Государственную Думу ФС РФ 18.12.2015 (Законопроект № 957581-6), сохранено восприятие административного ареста как наказания, устанавливаемого и назначаемого лишь в исключительных случаях за отдельные виды грубых и повторных административных правонарушений и имеющего ограничения в отношении круга лиц, к которым он может быть применен (Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ // URL: <http://www.duma.gov.ru>) (дата обращения: 18.09.2016).

³ См., например: Количественные ограничения Банка России устанавливаются в исключительных случаях в целях проведения финансовой государственной политики (ст. 43 ФЗ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790).

⁴ Например, в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 7 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4159), органы исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования цен (тарифов) *«устанавливают тарифы, перечень которых приведен в статье 8 настоящего Федерального закона, за исключением предельных (минимального и (или) максимального) уровней тарифов на тепловую энергию (мощность), производимую в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии источниками тепловой энергии с установленной мощностью производства электрической энергии 25 мегаватт и более, предельных (минимальных и (или) максимальных) уровней тарифов на тепловую энергию (мощность), поставляемую теплоснабжающими организациями потребителям»* (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

цензы¹, меры принуждения² и меры пресечения³.

Надо отметить, что приведенная схема совмещения исключения с иным юридическими средствами характерна, как это ни парадоксально, и для категории, прямо противоположной ограничениям (и прежде всего наказанию), – правовому поощрению.

Связь между поощрением и исключением вполне очевидна⁴. Но, равно как и наказание, поощрения не могут быть исключениями. Последние лишь эскортируют поощрительные меры, вместе представляя единый нормативный комплекс, направленный на стимулирование заслуженного поведения субъектов.

¹ См.: «При рассмотрении гражданского дела, одной из сторон в котором является несовершеннолетний, объявленный в соответствии со статьей 27 ГК эмансипированным, необходимо учитывать, что *такой несовершеннолетний обладает в полном объеме гражданскими правами и несет обязанности (в том числе самостоятельно отвечает по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда), за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной ценз* (например, статья 13 Закона Российской Федерации «Об оружии», статья 19 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе»). Исходя из положений части третьей статьи 55 Конституции Российской Федерации такое ограничение прав и свобод является допустимым» (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 10–13 авг.) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

² См.: «В случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного *командир (начальник) обязан* для восстановления порядка и воинской дисциплины *принять* все установленные федеральными законами и общевойсковыми уставами **меры принуждения**, вплоть до задержания и привлечения нарушителя к предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности. При этом оружие может быть применено только в боевой обстановке, *а в условиях мирного времени – в исключительных случаях, не терпящих отлагательства*, в соответствии с требованиями статей 13 и 14 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации» (абз. 2 ст. 9 Дисциплинарного Устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. // СЗ РФ. 2007. № 47, ч. 1, ст. 5749) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

³ См.: ч. 2 ст. 108 УПК РФ.

⁴ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительные поощрительные санкции: понятие и сущность // Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2008. С. 261–271.

В качестве примера, подтверждающего выдвинутый тезис, следует проанализировать предписания, содержащиеся в п. 4 Статута «Орден за заслуги перед Отечеством»¹.

Так, единый стандарт награждения обозначенным выше орденом устанавливает следующая норма: «Награждение орденом «За заслуги перед Отечеством» осуществляется последовательно, от низшей степени к высшей. Лица, представляемые к ордену «За заслуги перед Отечеством» IV степени, как правило, должны быть награждены медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени».

Специальное правило, дополняющее общую директиву в отношении отдельных обстоятельств и некоторых субъектов, гласит: «За особо выдающиеся заслуги перед государством орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени без награждения медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени могут быть награждены лица, удостоенные звания Героя Российской Федерации, Героя Труда Российской Федерации, Героя Советского Союза или Героя Социалистического Труда, а также лица, которые награждены орденами Святого Георгия, Александра Невского, Суворова, Ушакова или которым присвоено почетное звание Российской Федерации категории «народный».

В свою очередь исключением из правила (как общего, так и специального) выступает такое положение: «В исключительных случаях Президент Российской Федерации может принять решение о награждении орденом «За заслуги перед Отечеством» лица, ранее не награжденного государственной наградой Российской Федерации».

¹ Статуты орденов Российской Федерации, положения о знаках отличия Российской Федерации, медалях Российской Федерации, почетных званиях Российской Федерации, описания названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации // Положение о государственных наградах Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 37, ст. 4643).

Таким образом, и обе разновидности правил, и исключение представляют собой предписание, регламентирующее порядок награждения одним из высших орденов государства. Однако, и это хотелось бы оговорить еще раз, сами по себе исключения поощрениями не являются¹.

Вместе с тем применение мер поощрения может детерминировать определенные преимущества у поощряемых персон².

В свою очередь исключения из правил могут находить свое олицетворение именно в преимуществах. «Преимущества – другая, отличная от ограничений форма проявления правовых исключений. Суть ее заключается в дозволении отдельным субъектам иметь особые, дополнительные права и (или), напротив, в освобождении от общеустановленных обязанностей»³.

По нашему мнению, исключения, которые выражаются в преимуществах, составляют систему, включающую в себя: льготы, привилегии, иммунитеты.

Само слово «льгота» означает «преимущественное право, облегчение, предоставляемое кому-нибудь как исключение из общих правил»⁴. Безусловно соглашаясь с тем, что не всякое исключение из правил есть льгота⁵, хотелось бы солидаризоваться с позицией И. С. Морозовой, однозначно воспринимающей льготы как исключения: «Льготы – особая разновидность юридических исключений, являющихся своего рода отклонениями от единых, типизированных правил нормативного

¹ См. подробнее о разграничении исключения в праве и правового поощрения: Суменков С. Ю. Исключительные поощрительные санкции: понятие и сущность. С. 263–267.

² Например, лица, удостоенные звания Героя Российской Федерации, обладают целым рядом льгот, право на которые зафиксировано в Законе РФ от 15 января 1993 г. № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 7, ст. 247).

³ Малько А.В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 36.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 334.

⁵ См.: Малько А. В., Морозова И. С. Льготы в российском праве (проблемы теории и практики). Саратов, 2004. С. 52.

регулирования»¹. При этом ученый не ограничивается лишь констатацией того факта, что правовая льгота выступает как исключение, а анализирует сущность льготы как исключения, заключающуюся в том, что она выражается в дополнении к правилам или (и) изъятии из-под действия правил.

«Таким образом, – пишет И. С. Морозова, – под льготой понимается разновидность юридических исключений, участвующая в создании специфического правового режима, в рамках которого субъект наделяется дополнительными возможностями юридического характера, связанными как с совершенствованием правомочий (дополнительные преимущества), так и с уменьшением объема различного рода долженствований (нормативные изъятия)»².

Надо отметить, что подобные качества характерны не только для льготы, но и для иных преимуществ, выступающих как исключения из правил. В частности, «в процессе регулирования общественных отношений привилегия предстает в виде исключительной нормы, которая проявляется либо в форме норм-дополнений, либо в форме норм-изъятий»³.

Привилегия (лат. *privilegium* – от *privus* «особый» и *lex* «закон») – исключительное право⁴, преимущество, предоставленное кому-либо. О том, что привилегия – исключение из общих правил, свидетельствует целевая направленность категории, устремленность на создание режима наибольшего благоприятствования для субъектов, ею обладающих. Современное российское законодательство крайне редко употребляет термин

¹ Морозова И. С. Основы теории правовых льгот. Саратов, 2007. С. 67.

² Там же. С. 66.

³ Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 10.

⁴ См., например: Афанасьева В. И. Привилегия как источник исключительного права в процессе становления и развития патентного права России X–XIX веков: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

«привилегия» для обозначения каких-либо особых преимуществ¹. Вместе с тем можно заметить, что подавляющее большинство нормативных правовых актов, в которых фигурирует указанный феномен, обращены на регулирование международно-правовых отношений и связанных с ними вопросов дипломатических и консульских сношений². Как думается, подобное объясняется не юридическими, а политико-популистскими лозунгами, спекулирующими на исторически негативном восприятии населения к самому слову «привилегия».

Такая тенденция крайне отрицательна, ибо, как ни парадоксально, приводит к обратному эффекту. Законодатель предпочитает обозначать привилегии как гарантии, субсидии, дозволения, пособия, компенсации и, в качестве наиболее распространенного термина, льготы. Тем самым облегчения условий жизни малообеспеченных, социально-незащищенных слоев населения ставятся на один уровень с весьма существенными преимуществами представителей привилегированных кругов³.

Затрагивая вопрос о соотношении привилегии и льготы, следует обязательно указать, что льгота – базовая, основополагающая категория, носящая более демократический характер, нежели привилегия⁴. Связано это, прежде всего, с достаточно узкой и весьма специфичной сферой

¹ См., в частности, ст. 7 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (СЗ РФ. 1997. № 41, ст. 4673); п. 2 ст. 30 ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918).

² См., например: ФЗ от 19 февраля 2005 г. № 5-ФЗ «О ратификации Конвенции о привилегиях и иммунитетах Шанхайской организации сотрудничества» // СЗ РФ. 2005. № 8, ст. 607 ; ФЗ от 29 марта 2008 г. № 31-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Соглашению между Правительствами Королевства Дания, Эстонской Республики, Финляндской Республики, Федеративной Республики Германия, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Польша, Российской Федерации и Королевства Швеция о привилегиях и иммунитетах Комиссии по защите морской среды Балтийского моря» // СЗ РФ. 2008. № 13, ст. 1187 ; ФЗ от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 7174.

³ См.: Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. С. 164.

⁴ По мнению римских юристов, *privilegium est quasi private lex* (привилегия есть как бы частный закон).

распространения привилегий, их качеством исключительных преимуществ, имеющих максимальные, наивысшие пределы и объемы¹.

В свою очередь правовой иммунитет есть разновидность привилегии (а значит, и исключения), реализуемой в сфере юридической ответственности². «Правовой иммунитет – это особая материально-процессуальная привилегия, распространяющаяся на строго указанных в нормах международного права, Конституциях, законах субъектов, регламентирующая их специальный статус путем наделения дополнительными гарантиями и преимуществами при привлечении к юридической ответственности или выполнении определенных обязанностей»³.

Надо отметить, что, несмотря на определенные различия в понимании иммунитета, в правовой науке сложилась унифицированная позиция, заключающаяся в восприятии иммунитета как исключения из общих правил⁴.

Таким образом, по нашему мнению, исключениями, выступающими в форме преимуществ, являются льготы, привилегии и иммунитеты.

Именно поэтому не следует однозначно относить все юридические преимущества⁵, равно как и преимущественные права⁶, к исключениям из правил.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории. С. 9.

² См.: Там же. С. 10.

³ Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. С. 127.

⁴ В частности, такой подход разделяют Ю. А. Юшкова (См.: Юшкова Ю. А. Иммунитет как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7) и А. Г. Репьев (См.: Репьев А. Г. Иммунитет как категория российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 7).

⁵ Так, наш взгляд, не исключение, а специальное правило содержит, например, Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 649 «О порядке предоставления учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы преимуществ в отношении предлагаемой ими цены контракта» (СЗ РФ. 2014. № 29, ст. 4153).

⁶ Например, не устанавливает исключений из правил ст. 179 ТК РФ «Преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников»; ст. 15 Водного кодекса РФ «Преимущественное право водопользователя на заключение договора водопользования на новый срок»; ст. 131 ЖК «Преимущественное право на вступление в члены жилищного кооператива в случае наследования пая».

Преимущества в праве – самостоятельная и заслуживающая отдельного изучения категория¹, которая соотносится с исключениями (льготами, привилегиями, иммунитетами) как целое и часть: каждое такое исключение – преимущество², однако не каждое преимущество – обязательно исключение³.

Аналогичным образом исключение-преимущество коррелирует с исключением-дозволением. Так, исключения, олицетворяющие преимущество, всегда подразумевают дозволения (в виде изъятий или (и) дополнений). Вместе с тем абсолютно не все исключения-дозволения устанавливают преимущества. К примеру, классическим дозволением, которое не предусматривает никаких преимуществ, служит предписание о том, что какой-либо субъект не вправе заниматься определенной оплачиваемой деятельностью, за исключением научной, преподавательской или иной творческой деятельности⁴.

Дозволение – важнейшая правовая категория, обеспечивающая социальную свободу и активность граждан, действительную демократию, творчество и созидательную деятельность людей⁵.

¹ См. об этом: Репьев А. Г. Категория «правовое преимущество»: к постановке научной проблемы исследования // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 48–51.

² См., в частности: Репьев А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика. М., 2013.

³ Иной вопрос в том, что в некоторых случаях термин «преимущество» используется, чтобы исключение из правил было бы не столь очевидным. Например, ст. 47 ФЗ от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (СЗ РФ. 2003. № 28, ст. 2895) гласит: «Для отдельных категорий пользователей услугами связи международными договорами Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться льготы и преимущества в части очередности оказания услуг связи, порядка и размера их оплаты». Как думается, в данной норме под термином «преимущество» завуалировано не что иное, как слово «привилегия», которое законодатель не желает употреблять по причинам, указанным выше.

⁴ В различных вариациях названное исключение фигурирует в целом ряде нормативно-правовых актов: ст. 18 ФЗ от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 143); ч. 1 ст. 2 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; ч. 4 ст. 34 ФЗ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020).

⁵ См. об этом, в частности: Игнатенкова К. Е. Дозволение как способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 3, 4.

Естественно, что не все дозволения выступают в виде исключений; последние являются обособленной частью дозволений, наличие которой обусловлено эластичной сущностью исключений, их направленностью на привнесение необходимой эластичности нормативному регламентированию, смягчению и приданию гибкости его жестким рамкам.¹

Смысл исключения-дозволения состоит в увеличении диапазона юридических возможностей субъекта посредством изъятия положения, ограничивающего соответствующие правомочия или (и) внедрения дополнения, умножающего такие правомочия либо расширяющее их пределы.

В качестве автономного образования в число исключений-дозволений входят исключения-преимущества. Суть таких исключений заключается в том, что сокращение ограничений посредством их изъятия или (и) увеличение правомочий посредством дополнения обеспечивает предпочтения (приоритет, превосходство, прерогативы) для тех субъектов, при определении правового статуса которых были установлены соответствующие изъятия или (и) дополнения.

Олицетворением исключений-преимуществ, как уже было сказано, служат льготы, привилегии, иммунитеты.

Иным критерием, не зависящим от того, предстают ли исключения как ограничения либо дозволения, выступает степень их определенности².

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения из правил как правовые дозволения: особенности юридической природы // X Всероссийские декабрьские юридические чтения в Костроме : сб. материалов : в 3 т. / сост. В. В. Груздев. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Т. 3. С. 106–114.

² И. А. Муравьев применительно к подобному основанию классификации предлагает такой критерий как «степень определенности технико-юридической конструкции» (Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника). 2009. С. 9, 18). На наш взгляд, такая формулировка является искусственно усложненной, отвлекающей внимание от природы исключений, которые непосредственно сами (а не абстрактная технико-юридическая конструкция) выступают в качестве точно определенных, относительно определенных, абсолютно не определенных.

По этому основанию исключения в праве можно стратифицировать на точно определенные, относительно определенные, абсолютно не определенные¹.

Существование первой группы исключений детерминировано конкретизирующим эффектом некоторых из них². В большинстве своем к подобным исключениям относятся те, которые обозначены в нормах права терминами «за исключением случаев (-ая)» либо «за исключением»³.

Относительно определенные исключения обусловлены различными факторами, при наличии которых санкционируется реализация исключения. В нормативных предписаниях, содержащих рассматриваемые исключения, устанавливаются ситуации⁴, называются обстоятельства⁵, отмечаются субъекты

¹ По мнению И. А. Муравьева при подобной стратификации следует использовать словосочетания «абсолютно определенные», «неопределенные», «относительно определенные» (Муравьев И. А. Указ. соч. С. 9, 18-19).

² Наглядный пример таких исключений – ч. 3.1 ст. 38 АПК РФ.

³ См. об этом: Суменков С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки // Проблемы права. 2011. № 1. С. 133–136.

⁴ См., например: «В отношениях с третьими лицами партнерство, участники партнерства и другие участники соглашения об управлении партнерством не вправе ссылаться на положения соглашения об управлении партнерством, *за исключением случаев, если они докажут*, что третье лицо в момент совершения сделки знало или должно было знать о содержании этого соглашения» (ч. 4 ст. 6 ФЗ от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49, ч. 5, ст. 7058).

⁵ См., например: «Требования пожарной безопасности, изложенные во вновь принятых нормативных документах, не распространяются на существующие объекты, здания и сооружения, введенные в действие в соответствии с ранее действовавшими нормативными документами, *за исключением случаев, когда дальнейшая эксплуатация таких объектов, зданий (сооружений) в соответствии с новыми данными приводит к недопустимому риску для безопасности жизни или здоровья людей*» (п. 39. Инструкции о порядке разработки органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями нормативных документов по пожарной безопасности, введения их в действие и применения (утв. Приказом МЧС РФ от 16 марта 2007 г. № 140 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 18. С. 96) (курсив наш. – С.С.).

(пол¹, возраст², специфика деятельности), закрепляются иные основания³, допускающие саму постановку вопроса об использовании исключений из правил.

Исчерпывающую классификацию таких исключений предложить невозможно в силу их крайней неоднородности, вызванной чрезвычайным многообразием общественных отношений⁴.

По нашему мнению, относительно определенные исключения можно разделить на два вида: а) устанавливающие (хотя и в диспозитивном аспекте)

¹ См., в частности: «К проведению работ по ликвидации аварии и ее последствий должны привлекаться прежде всего члены специализированных аварийных групп. При необходимости может быть привлечен другой персонал предпочтительно старше 30 лет, не имеющий медицинских противопоказаний, с учетом ранее полученных доз облучения. *Женщины могут привлекаться к работам лишь в исключительных случаях*» (п. 15.11 Санитарных правил СП 2.6.1.2040-05 «Обеспечение радиационной безопасности при проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации атомных судов «(СП РБ АС-2005)» (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 декабря 2005 г. № 36 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 9. С. 124) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

² Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 33 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2759), при размещении подозреваемых и обвиняемых, а также осужденных в камерах обязательно разделяются «несовершеннолетние и взрослые; в исключительных случаях с согласия прокурора в камерах, где содержатся несовершеннолетние, допускается содержание положительно характеризующихся взрослых, впервые привлекаемых к уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести».

³ См., например: «Передача несовершеннолетних братьев и сестер под опеку или попечительство разным лицам не допускается, за исключением случаев, если такая передача отвечает интересам этих детей» (ч. 6 ст. 10 ФЗ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755).

⁴ В связи с этим можно предложить еще один вид классификации исключений: в зависимости от детерминантов закрепления исключений в правовых нормах: а) субъективные факторы; б) объективные причины и обстоятельства.

общие начала и порядок реализации исключений¹; б) указывающие лишь на причину, в соответствии с которой можно задействовать исключение из правила. Например, согласно ч. 5 ст. 113 УПК РФ «привод не может производиться в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства». Соответственно никаких иных аргументов, кроме директивы о никак не расшифрованном «случае, не терпящем отлагательства», в анализируемом положении не содержится².

Данная разновидность исключений схожа с абсолютно не определенными исключениями. Различие заключается в том, что по поводу последних в юридической норме содержится лишь оговорка о принципиальной возможности существования исключений из правила³.

Вышеупомянутое разнообразие и многочисленность исключений позволяют разделить исключения на исключения из правил и исключения из исключений.

«Исключение из исключений» – выражение достаточно условное, хотя и используемое в юридической литературе⁴. Оно обозначает изъятие либо дополнение по отношению не к правилам, а уже к исключительным

¹ Так, в соответствии с ч. 1 ст. 77 УИК РФ в исключительных случаях отдельные лица приказом начальника следственного изолятора могут быть оставлены для отбывания наказания в данном учреждении. Такое исключение возможно только в следующей ситуации: лицо осуждено к лишению свободы; ранее не отбывало лишения свободы; отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима; имеется письменное согласие данного лица на оставление его в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Тем самым существует достаточно объемный перечень условий, при которых допускается применение исключения. Но окончательное решение об оставлении лица, равно как и констатация исключительности случая, остается за начальником соответствующего учреждения.

² См. подробнее: Суменков С.Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. № 7. С. 91–95.

³ См., например: «В исключительных случаях может быть произведена замена документов, удостоверяющих личность, иных документов защищаемого лица с изменением его фамилии, имени, отчества и других сведений о нем, а также может быть изменена внешность защищаемого лица в порядке, установленном Правительством Российской Федерации» (ч. 4 ст. 10 ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534).

⁴ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 196; Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника). С. 19.

предписаниям. Речь, следовательно, идет об исключениях второго, более глубокого уровня.

Надо отметить, что, несмотря на всю теоретизированность рассматриваемого словесного оборота, он находит свое отражение в некоторых правовых актах¹, что подтверждает обоснованность и необходимость его изучения.

Таким образом, если выделение «исключений из исключений» вполне объяснимо и оправданно, то констатация следующего критерия классификации исключений – по названию, не может не вызывать определенных сожалений.

По данному основанию анализируемый феномен можно подразделить на: а) исключения, при обозначении которых используется само слово «исключение», выраженное в различных нормативно-правовых терминах, особенности которых уже были проанализированы² – «за исключением случаев (случая)», «за исключением», «исключительный случай», «в порядке исключения», «в виде исключения»; б) исключения, не обозначенные каким-либо вышеуказанным термином, а завуалированные иными фразеологическими выражениями, в частности такими, как «отступление от правил»³, «как правило»⁴.

¹ Наглядным подтверждением существования «исключения из исключений» служит положение, закрепленное в п. 3 ч. 6 ст. 43 ФЗ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (СЗ РФ. 2010. № 16, ст. 1815), согласно которому запрещается проведение клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения с участием в качестве пациентов «военнослужащих, за исключением случаев проведения клинического исследования лекарственного препарата, специально разработанного для применения в условиях военных действий, чрезвычайных ситуаций, профилактики и лечения заболеваний и поражений, полученных в результате воздействия неблагоприятных химических, биологических, радиационных факторов. Клиническое исследование такого лекарственного препарата может проводиться с участием в качестве пациентов военнослужащих, за исключением военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, с соблюдением требований, установленных настоящим Федеральным законом в отношении гражданских лиц».

² См. об этом: Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83.

³ См., например, ст. 72 Воздушного кодекса РФ.

⁴ См., например, ч. 2 ст. 27 УИК РФ; абз. 2 ст. 111 Трудового кодекса РФ.

И. А. Муравьев верно пишет, что в качестве лексических операторов, позволяющих обнаружить исключения, используются также формулировки «кроме», «помимо», «не распространяется», «не учитывается», «не применяется», «без кого или чего-либо», «вместо», «наряду»¹. При этом надо учитывать и то, что иногда исключения не облакаются и в такую номенклатурную форму².

Признавая даже, что субъект правотворчества вынужден порой избегать, в том числе и по объективным причинам³, словосочетаний, в которых тем или иным образом фигурирует термин «исключение», хотелось бы выразить крайне негативное отношение к данной тенденции.

Как думается, терминологическая аккуратность обязана присутствовать в юриспруденции.

Это в особенности касается весьма специфического и неоднозначного понятия «исключение в праве», позволяющего реализовывать отличный от унифицированного стандарта вариант поведения.

Подобная практика, связанная с точным наименованием юридических феноменов, должна быть более чем характерна для исключений, вне зависимости от уровня их фиксации и, соответственно, сферы действия.

¹ См.: Муравьев И.А. Указ. соч. С. 14.

² См., в частности, ч. 1 ст. 60 АПК РФ.

³ Так, ч. 3 ст. 15 ФЗ от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6217) гласит: «При размещении в сети «Интернет» текстов судебных актов, вынесенных судами общей юрисдикции, **за исключением** текстов судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов *исключаются* персональные данные, **кроме** фамилий и инициалов истца, ответчика, третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, секретаря судебного заседания, рассматривавших (рассматривавшего) дело судей (судьи), а также прокурора, адвоката и представителя, если они участвовали в судебном разбирательстве» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).оборот с предлогом «кроме» здесь подразумевает не что иное, как исключение; по нашему мнению, причиной, по которой законодатель использует указанное слово, служит стремление избежать элементарной речевой ошибки.

В зависимости от только что названных критериев анализируемая категория подразделяется на исключения, закрепленные в нормах международного права¹; федеральных нормах²; нормах, изданных субъектами федерации³; муниципальных⁴ и локальных¹ нормах.

¹ В частности, в соответствии с подп. «а» п. 7 ст. 13 Конвенции по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.) «ассамблея собирается на очередную сессию раз в три года по созыву Генерального Директора и, кроме исключительных случаев, в то же время и в том же месте, что и Генеральная Ассамблея Организации» (Стокгольмский акт к настоящей Конвенции подписан от имени СССР 14 июля 1967 г. и ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1968 г. с оговоркой // Ведомости Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР. 1968. № 40, ст. 363); согласно п. «J» пп. «i» Конвенции о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, М., 1979. Вып. XXXIII. С. 385) «термин «автомагистраль» означает дорогу, специально построенную и предназначенную для движения автотранспортных средств, которая не обслуживает придорожных владений и которая, за исключением отдельных мест или во временном порядке, имеет для обоих направлений движения отдельные проезжие части, отделенные друг от друга разделительной полосой, не предназначенной для движения, или, в исключительных случаях, другими средствами» (данная Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 г. № 5938-VIII с оговорками и заявлениями // Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 20, ст. 305).

² Наиболее ярким примером выступает положение ч. 2 ст. 20 Конституции РФ о смертной казни.

³ Например, ч. 1 ст. 17 Закона Пензенской области от 10 апреля 2006 г. 1003-ЗПО «Об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Пензенской области» (Пензенские губернские ведомости. 2006. № 11. 24 апр.) гласит: «Официальная переписка Губернатора Пензенской области, Правительства Пензенской области, исполнительных органов государственной власти Пензенской области с иностранными партнерами ведется в соответствии с регламентом Правительства Пензенской области на русском языке, в исключительных случаях – на языке соответствующей страны».

⁴ Так, в соответствии с подп. 1.2 «а» п. 1.2 ч. 1 ст. 39 Устава города Пензы (принят решением Пензенской городской Думы от 30 июня 2005 г. № 130-12/4 // Официальный сайт администрации города Пензы // URL: <http://www.penza-gorod.ru> (дата обращения: 10.10.2015)) Управление образования города Пензы «организует предоставление дополнительного образования детей в муниципальных образовательных организациях (за исключением дополнительного образования детей, финансовое обеспечение которого осуществляется органами государственной власти Пензенской области)».

В свою очередь, исходя из методологического посыла о том, что норма права представляет собой содержание, которое в объективном реальном мире должно воплощаться в определенной форме, можно предложить классификацию исключений по форме их выражения. Здесь можно выделить исключения, зафиксированные в нормативных правовых актах, в актах судебной практики, в нормативных договорах, правовых обычаях.

Данный аспект существования исключений обязательно требует отдельного рассмотрения.

Что же касается иных оснований классификации, то еще можно предложить их огромное количество². Главное все же не в констатации бесконечного разнообразия исключений, а в возможности сделать следующие выводы.

Классификация позволяет систематизировать и типизировать многочисленные и неоднородные исключения, имеющие место быть в праве.

Все существующие исключения группируются в две страты: исключения-дозволения и исключения-ограничения.

Последние включают в себя исключения-запреты, исключения-обязанности и собственно исключения-ограничения (в узком непосредственном значении данного слова).

Специфической разновидностью исключений-дозволений выступают исключения-преимущества, в число которых входят льготы, привилегии, иммунитеты.

¹ Согласно п. 1 Требований, предъявляемых к лицам, претендующим на должность заведующего кафедрой (Квалификационные требования к педагогическим должностям в Пензенском государственном университете (юридический факультет) (утв. решением Ученого совета ЮФ 4 марта 2010 г., протокол № 7 // Сайт юридического факультета Пензенского государственного университета // URL: <http://www.uf-pnzgu.ru> (дата обращения: 10.10.2015)), «Заведующий кафедрой должен иметь ученую степень доктора наук или ученое звание профессора. В порядке исключения к конкурсу на должность завкафедрой могут быть допущены лица, имеющие ученую степень кандидата наук и ученое звание доцента».

² Например, И. А. Муравьев выделяет иные критерии классификации исключений: в зависимости от элемента структуры правоотношения, подвергаемого исключению; в зависимости от структурной части правовой нормы, подвергаемой исключению; по методу законодательной фиксации, по времени действия (см. об этом подробнее: Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника). С. 16–20).

Сложная природа исключений порождает появление не только исключений из правил, но и исключений из исключений.

Всеобъемлющий характер исключений обуславливает многогранность критериев их классификации, объясняет проникновение их в юридические нормы абсолютно любого уровня.

Глава 4. Правила и исключения как парные юридические категории

Парность явлений существующего мира всегда вызывала интерес исследователей, которые видели в ней одно из основных и крайне сложных качеств изучаемых феноменов¹.

В китайской философии парным категориям придавалось огромное значение; за ними признавалась основополагающая роль в качестве генетических предметных истоков стиля и формы мышления китайского этноса. Китайские философы выделяли такие парные категории, как:

- «Ли – Ци»: закон, принцип – пневма, субстрат;
- «Ю – У»: бытие, наличие – небытие, отсутствие;
- «Дун – Цзин»: движение – покой;
- «И – Лян»: одно, единое – два, противоположности;
- «Тянь – Жэнь»: небо, природа, объективное – человек, субъективное;
- «Ли – Мин»: сила человека, деятельность человека, его субъективные возможности – небесное предначертание, судьба, необходимость;
- «Цзянь – Цзоу»: количественные изменения – качественный скачок;
- «Син – Шэнь»: тело, телесность – дух, духовное, душа;
- «Чжи – Син»: знание – действие;
- «И – Ли»: долг, должное – выгода, польза;
- «Цань янь – Ши фэй»: опыт и практика – истинное и ложное;
- «Цзин – Цюань»: каноническое, ортодоксальное, принятое – новация, относительность.

Парные категории выступают как отражение дуального представления о сущности мира, онтологическом признаке бытия².

При этом сам термин «бытие» также включается в парные категории, коррелируя с понятием «небытие».

¹ См., в частности: Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 458.

² См. об этом: Кобзев А. И. О категориях традиционной китайской философии // Народы Азии и Африки. 1982. № 1. С. 47–58 ; Феоктистов В. Ф. Китайская классическая философия и современность (к методологической постановке вопроса) // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 29–41.

В классической диалектике все категории, тождественные пустому пространству, образуют универсальный класс – класс «небытие», а категории, тождественные материи, образуют второй универсальный класс – «бытие». Взяв за основу данную дихотомию, можно предложить целый ряд парных категорий:

- 1) пространство – материя;
- 2) идеальное – материальное;
- 3) актуальное – потенциальное;
- 4) абстрактное – конкретное;
- 5) бесконечное – конечное;
- 6) всеобщее – единичное;
- 7) количество – качество;
- 8) отношение – материя;
- 9) тождество – различие;
- 10) форма – содержание.

По мнению А. М. Зверева, все первые категории относятся к классу «небытие», а вторые, соответственно, к классу «бытие»¹.

На наш взгляд, «правило – исключение» можно рассматривать в качестве парных категорий.

В паре «правило – исключение» основополагающая нагрузка приходится на первый компонент. Действительно, не может быть исключения из правила, если нет самого правила; особенное немислимо без общего.

Таким образом, всякое правило автоматически вызывает возможность, по крайней мере потенциальную, наличия исключений из него. А. Ф.

¹ См.: Зверев А. М. Генезис и система парных категорий диалектики // URL: <http://zverev-kazan.narod.ru> (дата обращения: 07.02.2014).

Черданцев верно писал: «Любое же правило всегда имеет исключения, т.е. положения иного, чаще всего противоположного характера»¹.

Существование исключений объективно обусловлено наличием правил. Соответственно, прослеживается диалектическая взаимосвязь правил и исключений: если есть правило, значит, есть и исключение из него. Применительно к категориям «действительность» и «возможность» правило возникает как объективно существующая действительность, а исключение – как возможность (в зависимости от конкретных условий формальная или конкретная). «Действительностью является то, что существует реально, что уже наступило, проявилось; возможностью же считается то, чего еще нет, но что может наступить, проявиться»².

Здесь возникает резонный вопрос: может ли исключение нарушать правило?

Если воспринимать исключение лишь как внешнее противоречие правилу, то подобная трактовка имеет определенный смысл, особенно с учетом того, что исключения далеко не всегда носят сугубо позитивный характер.

Однако отождествление исключения с правонарушением (а в более широком смысле – вообще с нарушением правила) является в корне неверным.

Ф. Регельсбергер, рассуждая о соответствии исключительного права основным правовым принципам, обоснованно писал следующее. «Весьма распространёнъ взглядъ, по которому *ius singulare* представляет собою право, противное принципу, такъ какъ оно нарушаетъ послѣдовательное примѣненіе какого-нибудь правоваго принципа и имѣетъ въ своемъ основаніи не правовую идею, а просто соображенія цѣлесообразности. <...> Едвали, однако, можно признать правильнымъ то, чтобы положенія права,

¹ Черданцев А. Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3. С. 15.

² Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 352.

противныя принципу, были безпринципными. Скорѣе всего, они имѣютъ свой особый принципъ (ratio), который также развивается постепенно до своего полнаго значенія. Поэтому понятіе противоположнаго права, по меньшей мѣрѣ бесплодно. Мы должны, подобно римлянамъ, удовольствоваться внѣшнимъ противоположеніемъ общаго и исключительнаго права»¹ (орфография сохранена – С.С.).

Парность категорий свидетельствует о том, что они выступают как единый феномен, задействованный в той или иной сфере. В противном случае нельзя вести речь о парной категории.

Следовательно, не может быть в принципе парности категорий «правило – нарушение», ибо последнее не соответствует первому, разрушает предписания правила, не несет никакого положительного смысла.

Исключение из правила нельзя ассоциировать с нарушением правила. По нашему мнению, это совершенно разные явления. Исключения (при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам) не направлены против правил, не «торпедируют» какие-либо абсолютные ценности, а, напротив, подпадают под них, соотносятся с ними как часть и целое. Тем самым противоположности, находящиеся в паре, составляют единое целое.

В. И. Ленин, обосновывая тезис о единстве и борьбе противоположностей, писал: «Наличие в каждом явлении, процессе внутренних противоречий, взаимоисключающих и в то же время взаимоопределяющих сторон, моментов, борьба которых служит источником движения, в диалектической логике обуславливает требование необходимости раздвоения единого и познания противоречивых частей его»².

Противоречивость исключения, не нарушающего при этом правило, понимание правила и исключения как противоположностей, находящихся в единстве, во многом обусловили выбор материалистической диалектики, ее

¹ Регельсбергеръ Ф. Общее ученіе о правѣ / пер. И. А. Базанова; подъ ред. Ю. С. Гамбарова. М., 1897. С. 116.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316.

законов в качестве основного метода научного познания исключений из правил.

Таким образом, парность правил и исключений объясняется следующими факторами:

- а) исключение не может существовать вне правила;
- б) правило не может быть без исключений, ибо, как предписание общего характера, оно не в состоянии охватить все разнообразие мира;
- в) правила и исключения при всей противоречивости отражают друг друга, подтверждают истинность и необходимость данной связки.

Детерминантом парности правила и исключения следует считать категории «всеобщее» и «единичное» («И – Лян»: единое и противоположное).

В паре «правило – исключение» общим, конечно, является правило. Исключение выступает в качестве единичного, особенного, индивидуального.

Единичное – относительно обособленный объект; процесс со всей совокупностью присущих ему признаков, неповторимых, характерных только для данного предмета сторон, свойств.

Единичное отличает данный предмет от других, в том числе подобных ему предметов, по его пространственным, временным и иным свойствам. Тем самым в этих свойствах отражается качественная определенность предмета, его индивидуальность.

Исключение относится к единичному потому, что оно более конкретно, охватывает в рамках общего более узкие, отдельные стороны. Крайним проявлением единичного выступает уникальное. При этом исключение как единичное находится в рамках правила (общего). Во всяком отдельном, единичном (как в проявлении материи) есть черты, которые повторяются, – это общее.

Общее – категория, необходимая для обозначения повторяющихся сходных черт, признаков, принадлежащих многим вещам, группам, единым суммам связей.

В движении бытия есть тенденция устойчивости и изменчивости: общее – устойчиво (необходимо), а единичное – изменчиво (случайно). Всякое единичное богаче, сложнее общего. Однако общее глубже единичного, так как является сущностью предмета. Общее существует лишь в отдельном, оно есть лишь частичка отдельного. Всякое общее лишь частично, приблизительно охватывает отдельные предметы. Единичное всегда существует в связи, которая ведет к общему.

Единичное и общее (исключение и правило) – противоположности. Единичное имеет тенденцию не повторяться, общее тяготеет к повторению. Их взаимодействие является источником развития отдельного (в сфере правового регулирования – каждого отдельного правоотношения). Взаимопроникновение правил и исключений происходит на уровне всеобщего – общего – отдельного – единичного (индивидуального).

Правила и исключения тем самым взаимно дополняют друг друга, вместе охватывают всю сферу, в которой они задействованы как парные категории. Правила и исключения представляют собой определенную систему, их соотношение в ней, как уже было сказано, стоит рассматривать как соотношение целого (правило) и части (исключение).

Сказанное позволяет сделать вывод о нахождении данных категорий в единой структурной организации, где правило порождает исключение, исключение наличествует благодаря правилу.

«Часть, как таковая, имеет смысл только по отношению к целому, она несет на себе черты его качественной определенности и не существует самостоятельно»¹.

Целое так же немислимо без части, как часть без целого. «Целым называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также то, что так объемлет объемлемые

¹ Зелькина О. С. Категория «структура» в системе категорий диалектики // Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971. С. 166.

им вещи, что последние образуют нечто одно»¹. Правило должно иметь исключения, общему не стоит подменять единичное.

Парадокс взаимоотношений правила и исключения заключается в том, что правило как целое не состоит из исключений как частей. Правила и исключения – находящиеся в паре, но относительно независимые феномены, диалектическая взаимосвязь которых не означает их полного тождества.

«Целое» и «часть» – не совпадающие, во многом противоположные категории. В части не только специфичность целого, но и индивидуальность, своеобразие, зависящее от природы исходного элемента. Часть отделена от целого, обладает относительной автономностью, выполняет свои функции в составе целого. Наряду с этим «целое управляет частью... по крайней мере, в главном»².

Следует обратить внимание на то, что не каждый элемент может оказаться частью. Понятие части соотносимо только с понятием целого (целостности) и означает момент, фрагмент целостности, необходимо заключающий в себе ее специфичность. Подобное характерно именно для парных категорий, в том числе безусловно для дуалистической цепочки «правило – исключение».

Весьма оригинальную точку зрения на соотношение исключений и правил высказывал Р. Иеринг, по мнению которого иногда именно исключение может превалировать над правилом, выступая основной формой реализации последнего. Так, он отмечал: «Исключенія часто являются лишь формой, въ которой правило расширяется, совершенствуется, измѣняется съ виду»³ (*орфография сохранена – С.С.*).

Высказанное утверждение, при всей его оригинальности, находит свое подтверждение в российском законодательстве.

¹ См.: Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 174–175.

² Диоген И. Избр. философ. соч. М., 1941. С. 322.

³ Иеринг Р. Юридическая техника / пер. съ нѣм. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1906. С. 62.

Например, ч. 1 Правил добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017¹) гласит: «Настоящие Правила предусматривают порядок добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации (далее – водные биоресурсы)».

В свою очередь весьма интересное положение содержит ч. 2 анализируемого документа. Согласно названной норме «добыча (вылов) водных биоресурсов *допускается в исключительных случаях* в целях сохранения водных биоресурсов, осуществления мониторинга состояния их популяций, осуществления их искусственного воспроизводства или акклиматизации, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (курсив наш. – С.С.).

Тем самым получается, что добыча указанных водных биоресурсов, возможна только как исключение из правила.

Добыча (вылов) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биоресурсов априори признается исключительным случаем – лишь на основе такой констатации она потенциально допустима, следствием чего является создание правил, регламентирующих порядок этой добычи.

Конечно, приведенный нормативно-правовой акт достаточно своеобразен и, бесспорно, выступает в качестве яркого примера исключения в праве. Но его наличие, равно как и рассмотренная выше позиция Р. Иеринга, позволяет сделать вывод о том, что определенное (в большинстве случаев) доминирование правила над исключением ни в коем случае не свидетельствует об утрате исключением своей уникальности и самостоятельности.

¹ СЗ РФ. 2009. № 2, ст. 223.

Напротив, необходимо заметить, что исключение обладает весьма интересной сущностью, позволяющей ему, будучи категорией парной с правилом, неотделимой от него, подразумевать иные, непохожие и даже противоречащие правилу установки, не нарушающие, однако, истинного содержания правила.

По нашему мнению, состояние внутренней гармонии, согласованности находящихся в паре противоположностей должно характеризовать не только дихотомию «правило – исключение», но и каждую парную категорию.

Парность, как уже было сказано, характерна для всех процессов и явлений объективного мира. Право, как важнейшая часть бытия, также подвержено парности отдельных категорий, методологической оценкой которых выступают законы диалектики, в особенности закон единства и борьбы противоположностей.

Всеобщность и объективность детерминируют присутствие правил и исключений в сфере правового регулирования. Рассмотрение их в качестве парных юридических категорий позволяет полнее изучить природу исключений из правил, их взаимосвязь с правилами, установить элементы как единства правил и исключений, так и противоположности. «Для отнесения соотносимых юридических понятий к числу парных категорий, – писал А. М. Васильев, – в каждой паре необходимо определить специфическое единство противоположностей и раскрыть его через различия, тождества, переходы применительно к существенному первого, второго и т.д. порядка, проявляющемуся в раздвоении противоречивых моментов и сторон»¹.

¹ Васильев А. М. Диалектическая связь категорий общей теории права // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 18.

Именно А. М. Васильев на монографическом уровне поставил вопрос об изучении парных категорий как особой формы диалектического познания реальности¹.

На настоящий момент следует признать, что высказанные А. М. Васильевым положения остаются актуальными, но, к сожалению, не получили должного развития.

Отчасти подобное можно объяснить тем, что взаимосвязь целого ряда парных категорий, таких как «норма права – правоотношение»; «материальное право – процессуальное право»; «объективное право – субъективное право»; «частное право – публичное право»; «субъективное право – юридическая обязанность», представляется очевидной, не нуждающейся в дополнительных пояснениях.

Данная позиция является в принципе неверной и легкомысленной. В. В. Нырков абсолютно прав в том, что поверхностного изучения парных правовых категорий явно недостаточно для отражения в теоретическом мышлении всей сложности реального взаимодействия диалектических противоположностей юридической действительности². Это особенно злободневно в связи с тем, что для научной теории важен не просто факт констатации парности тех или иных категорий, но и, что самое главное, исследование их взаимозависимости, корреляции и эффективности в механизме правового регулирования.

Так, понимание И. Н. Сенякиным унификации и специализации законодательства в качестве парных, неразделимых категорий позволило ему сделать целый ряд выводов, имеющих не только теоретическое значение, но и способствующих практическому совершенствованию системы российских нормативно-правовых актов³.

¹ См. об этом: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 238–262.

² См.: Нырков В. В. Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 188.

³ См.: Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики. Саратов, 1993.

Среди современных исследователей, обративших особое внимание на вопросы существования парных категорий в праве, следует также выделить А. В. Малько, В. В. Ныркова, А. А. Рудакова.

А. В. Малько, анализируя природу правовых стимулов и ограничений, предложил рассматривать их в качестве парных юридических категорий, резонно заметив, что эта парность «есть своеобразное проявление действия диалектического закона единства и борьбы противоположностей (как источника в том числе и социально-правового развития)»¹.

Автор дает весьма подробную характеристику каждому из признаков парности, проецируя их не только на пару «стимул – ограничение», но и раскрывая общие черты, присущие всем парным категориям².

Подобное представляется особенно важным, ибо разрешает ставить вопрос о выработке алгоритма, позволяющего определять соответствующие понятия в качестве парных категорий.

Необходимость такого общеметодологического алгоритма очевидна, ибо не все соотносимые между собой феномены следует рассматривать в качестве парных. От этого предостерегал А. М. Васильев, отмечавший, в частности, следующее: «Думается, что связь категорий «правонарушение» и «юридическая ответственность» хотя и фиксирует определенные причинно-правовые зависимости между правонарушением и юридической ответственностью, но связи между противоположными сторонами одной сущности не выражает. Здесь представлены разнородные правовые явления, которые не противостоят друг другу как крайности, поэтому их понятийное отражение не может рассматриваться как связь парных правовых категорий»³.

Достаточно успешную попытку формирования модели (алгоритма) установления парных абстракций как специфических логических форм

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 110.

² См.: Там же. С. 110–127.

³ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. С. 245–246.

предпринял В. В. Нырков: не ограничиваясь анализом парности правового поощрения и правового наказания, он предложил собственное видение процесса констатации парности юридических категорий¹.

Высоко оценивая и во многом разделяя позицию В. В. Ныркова, хотелось бы отметить, что предложенную им схему определения парности категорий не стоит абсолютизировать, ибо она носит достаточно условный характер, что подтверждает и сам автор.

Один из алгоритмов определения парности основан на положении А. М. Васильева о необходимости освещения парных категорий в аспекте причинно-следственного взаимодействия. Речь, на примере пары «норма права – правоотношение», идет о возможности передачи ведущей роли одной противоположности другой в ходе постоянной развивающейся их связи (в результате коренных изменений самого взаимодействия или внешних условий). Таким образом, А. М. Васильев считал возможным рассматривать парные правовые категории как постоянно меняющиеся местами, т.е. сначала одна выступает причиной, а другая следствием, затем наоборот².

Данный тезис не бесспорен для дихотомии «правило – исключение», хотя, действительно, в процессе развития общественных отношений «неизбежно происходит определенного рода «переоценка ценностей», трансформация правил, на которых основывалось общество. При этом незыблемые когда-то правила исчезают либо становятся исключениями, а исключения подчас превращаются в правила»³. Примером может служить смертная казнь, которая в процессе эволюции государства выступала и в

¹ См.: Нырков В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов, 2006. С. 86–87.

² См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. С. 253–256.

³ Малько А. В., Суменков С. Ю. Исключения в праве в условиях реформ: постановка проблемы // Государство и право. 2006. № 10. С. 3.

качестве повсеместно применяемого наказания, и в качестве исключительной его меры¹.

Основываясь на философских знаниях и прежде всего на законе единства и борьбы противоположностей, а также синтезируя позиции В. М. Васильева, А. В. Малько, В. В. Ныркова, А. А. Рудакова, можно предложить следующие признаки констатации парности правовых правил и исключений.

1. *Правило и исключение неотделимы друг от друга.* Это обусловлено тем, что именно правило детерминирует наличие исключения. При этом спецификой пары «правило – исключение» служит то, что, в отличие от связки «стимул – ограничение», вышеназванная пара не выступает в виде дихотомического деления одного и того же явления. Следовательно, здесь нет классического раздвоения феномена. Краеугольной категорией в данном случае считается правило, неотъемлемой, хотя и автономной, частью которого выглядит исключение.

Так, ч. 3 ст. 91 УИК РФ содержит правило о том, что переписка осужденного и защитника цензуре не подлежит. Однако из этого правила существует исключение, касающееся случаев, когда администрации известно о готовящемся данным осужденным правонарушении.

И правило, и исключение составляют единое предписание, регламентирующее отношения, связанные с перепиской осужденных. Доминантой выступает правило, устанавливающее общий, основной порядок обращения с перепиской. Исключение предназначено для регулирования особых, весьма специфических обстоятельств. Отсутствие такого исключения будет не только обозначать пробельность уголовно-исполнительного законодательства, но и, исходя из конкретного рассматриваемого примера, реально затруднять предупреждение преступлений.

Правила и исключения едины как цельное предписание, только такое единство позволяет полноценно регулировать ту или иную сферу

¹ См., например: Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России. История. Политика. Право. М., 2003.

общественных отношений. «Парные категории, – верно отмечает А. А. Рудаков, – не работают друг без друга, либо эффект от их действия многократно снижается»¹.

Подобное единство в приведенном выше примере осознавал и законодатель, располагая и правило, и исключение из него в одной и той же части ст. 91 УИК РФ.

2. *Взаимоотрицание правил и исключений как противоположностей* – исключение обладает самостоятельной природой, оно не сливается с правилом, предполагая альтернативный правилу вариант регулирования. То, что правило является основой исключения, не означает верховенства над ним. В рамках органического взаимодействия исключение не утрачивает своих особенностей. «Взаимодействующие противоположности... «не размываются до неузнаваемости», а, напротив, сохраняют до определенных пор свою качественную определенность»². Так, ч. 8 ст. 10 ГПК РФ гласит: «Решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних». Данное исключительное положение в соответствующем случае не только имеет приоритет над общим правилом обнародования решения суда, но и, по сути дела, отрицает его, устанавливая совершенно иной вариант оглашения воли суда.

3. *Взаимопроникновение правил и исключений* обусловлено единством рассматриваемых феноменов. Как уже неоднократно отмечалось, не может быть правил без исключений, равно как и исключения существуют лишь относительно правил. Синтез противоположностей объясняется их взаимозависимостью, называемой в биологических и социальных системах «органической связью», в правовой сфере детерминируется необходимостью комплексного регулирования общественных отношений, достижения

¹ Рудаков А. А. Указ. соч. С. 72.

² Проблема связей и отношений в материалистической диалектике / В. С. Тюхтин, Г. Д. Левин, И. Г. Герасимов и др. М., 1990. С. 87.

максимально полного регламентирования их правом. Единая основа правила и исключения как противоположных сторон нормативного предписания априори предполагает, что они, пользуясь словами Ф. Энгельса, «столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и... они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг в друга»¹.

Примером взаимопроникновения противоположностей, выступающих в качестве правила и исключения, могут служить нормативные предписания, закрепленные в ст. 57 Жилищного кодекса РФ, которая устанавливает порядок предоставления жилых помещений по договорам социального найма. В соответствии с ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очередности, исходя из времени принятия таких граждан на учет, **за исключением** (выделено нами. – С.С.) установленных ч. 2 ст. 57 ЖК РФ случаев.

Часть 2 ст. 57 ЖК РФ содержит достаточно обширный перечень лиц, обладающих правом получения жилого помещения в виде исключения вне очереди.

В рассматриваемом примере правилом выступает положение о том, что жилые помещения предоставляются нуждающимся гражданам в порядке очередности их записи на учет; соответственно исключением из этого правила является положение о возможности внеочередного наделения жильем.

Вышеуказанные правило и исключение – это единое предписание, регламентирующее организацию получения жилья по договору социального найма; при этом парность правила и исключения детерминирована их взаимопроникновением.

Так, нельзя вести речь о внеочередности безотносительно к понятию очередности – ведь если нет очереди, то соответственно нельзя ничего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 22.

приобрести вне этой очереди. Само словосочетание «вне очереди» предполагает наличие очереди (правила), иначе какая-либо внеочередность (исключение) полностью теряет свой смысл.

Исключение получается «встроенным» в правило, а последнее служит источником, точнее основой, исключений. Здесь стоит согласиться с Г. Гегелем, считающим что истина противоположностей «состоит лишь в их соотношении друг с другом, что каждое из них в самом своем понятии содержит другое»¹.

Понимание внеочередности как исключения обусловлено тем, что такое исключение не просто изымает из очереди субъекта, в ней состоящего; внеочередной порядок может быть распространен на лицо, находящееся совершенно вне рамок данной очереди.

Подобный тезис подтверждается судебной практикой. В частности, в одном из определений Конституционного Суда РФ весьма четко указано на то, что «ни из статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, ни из каких-либо других его положений не следует, что обязательным условием внеочередного предоставления жилья гражданам, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания, является нахождение гражданина на учете в момент возникновения обстоятельств, обусловивших непригодность жилого помещения для проживания»².

4. *Неравноценность правил и исключений* – диалектическая взаимосвязь данных феноменов предполагает их определенное «неравенство» в механизме правового регулирования. Такое неравенство не имеет дискриминационного смысла, отражает сущность взаимодействия правила и исключения.

¹ Гегель Г. Наука логики : в 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 63.

² Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 376-О-П «По жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 26, ст. 3264.

По нашему мнению, неравноценность правила и исключения – величина непостоянная. Она обладает количественными и качественными сторонами, обусловленными природой, направленностью и спецификой реализации правила и исключения.

В. В. Нырков, характеризуя особенности неравноценности противоположностей, правильно пишет: «Дело здесь в относительном доминировании, преобладании, перевешивании, различии в уровнях и стадиях развития противоположности»¹.

Так, квинтэссенцией неравноценности в паре «правило – исключение» выступает то, что приоритет правила проявляется в количественной составляющей: правило априори охватывает более широкий спектр общественных отношений и рассчитано на многочисленность случаев применения.

Исключение предназначено для отдельных моментов (обусловленных как объективными, так и субъективными факторами), возникающих в процессе опосредования правом общественных отношений. Жизненных эпизодов, регламентируемых исключением, гораздо меньше, чем тех, на которые распространяется правило (иначе исключение теряет свой смысл, перестает быть исключением и становится правилом).

Однако именно в тех случаях, где появляется легитимная возможность воплощения в жизнь исключительных предписаний, где «сталкиваются» правило и исключение, доминирование отдается исключению. Это более чем обоснованно, ибо исключение как раз и направлено на правовое разрешение нетипичной ситуации, находящейся тем не менее в орбите правового регулирования.

В качестве примера превалирования исключения над правилом и, более того, появления возможности выхода посредством исключения за рамки правила служит норма, согласно которой «в исключительных случаях при невозможности выполнения в полном объеме требований по физической

¹ Нырков В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. С. 48.

защите на ядерном объекте, установленных настоящими Правилами и разработанными в соответствии с ними ведомственными нормативными актами, руководство ядерного объекта (для объектов, охраняемых внутренними войсками Министерства внутренних дел Российской Федерации или вневедомственной охраной полиции, – совместно с руководством соответствующих воинских частей или подразделений) обязано принять компенсирующие организационно-технические меры»¹.

Подобный приоритет исключения над правилом отражает качественный аспект неравноценности правила и исключения как парных юридических категорий.

Единство количества и качества не только подтверждает неразрывность правил и исключений, но и позволяет достигать определенного паритета между ними, необходимого для обеспечения эффективности и полноты правового регулирования.

5. *Включение в связи более высокого порядка* – правило и исключение не находятся в вакууме; их анализ возможен только с учетом того, что данная дихотомия является органической частью какой-либо высшей системы. На этом и основано использование системно-структурного метода как средства познания исключений из правил.

Если говорить об исключениях из правил в правовой сфере, то следует исходить из того, что и правило, и исключение как по отдельности, так и в синтезе выступают в качестве компонента, посредством которого право выполняет свои функции – регламентирует и охраняет общественные отношения.

Предписание «правило – исключение» не только обладает внутренним структурным делением (собственно правило и исключение из него), но и выступает в качестве необходимого элемента более сложной многоуровневой

¹ Часть 51 Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов (утв. Постановлением Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 // СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4081).

правовой конструкции. Наглядным примером служит ст. 9 ФЗ от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности»¹, допускающая (в качестве исключения) принятие целой совокупности разноплановых нормативных актов, затрагивающих вопросы отношения кредитной организации и государства.

Таким образом, исключение – важнейшее и объективно необходимое условие полноценного правового регулирования. Исключение из правила не служит самоцелью, не существует только для того, чтобы быть. Исключение не отделяется от правила, и наоборот.

Парность правил и исключений объясняется:

а) самим свойством парности как одной из главных характеристик объективного мира;

б) соотношением правила и исключения как общего и единичного, целого и части;

в) наличием в сфере права таких свойств, как единство правил и исключений в качестве противоположностей, взаимоотрицание правил и исключений, взаимопроникновение правил и исключений, неравноценность правил и исключений, включение их в связи более высокого порядка².

Особенность парности правил и исключений заключается в том, что они выступают в качестве нормативного предписания, благодаря которому появляется возможность наиболее полно регламентировать общественные отношения.

Правило и исключение, безусловно, представляют собой парные правовые категории наряду с такими «классическими» парными феноменами, как «норма права – правоотношение», «материальное и процессуальное право», а также с относительно недавно устоявшимися

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27, ст. 357.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // Философия права. 2010. № 6. С. 60–64.

парными понятиями «стимулы и ограничения», «цели и средства», «публичное и частное право».

В контексте доказательства необходимости и возможности признания правила и исключения в качестве парных категорий можно привести мнение А. М. Васильева, отмечавшего, что «возможны, видимо, и иные сочетания парных юридических понятий, и не только в ряду основных правовых категорий, но и в понятийных рядах, подытоживающих существенное второго, третьего и т.д. порядка в праве»¹.

Парность правил и исключений как правовых категорий достаточно отчетлива, равно как и ее влияние на развитие и регламентацию общественных отношений.

¹ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. С. 258.

Глава 5. Допустимость исключений в праве и специфика их восприятия в контексте различных типов правопонимания

В аспекте рассуждений об исключениях в праве невозможно не затронуть проблему права. Поэтому необходимо указать на авторское восприятие права, ибо именно от понимания права зависит не просто постановка вопроса о допустимости исключений из юридических правил, но и собственно разрешение дилеммы о том, содержит ли право правила (а значит и исключения) поведения субъектов общественных отношений.

Перспективность изучения исключений объясняется именно тем, что их присутствие в праве не может подвергаться сомнению вне зависимости от концептуально противоположных подходов к праву.

Так, аккумуляция в праве государственной воли общества (постулате нормативного подхода¹) даже в идеале не может быть достигнута посредством использования унифицированных стандартов поведения, которые в силу своей шаблонности не способны учитывать объективные и субъективные различия между коллективными и, тем более, индивидуальными участниками регулируемых правом общественных отношений.

Соответственно для обеспечения эффективной регуляции государству необходимы не только формально-определенные правила, но и дозволенные исключения из них.

¹ См.: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 80.

Для отечественной юридической науки традиционными выступают следующие основные концепции правопонимания¹: нормативная, социологическая, естественно-правовая².

Нормативизм (легизм, юридический позитивизм, нормативный подход к пониманию права) основан на признании неразрывной связи права с государством, которое создает либо санкционирует юридические нормы.

Историческая основа данного подхода связана прежде всего с учением И. Бентама, согласно которому не стоит возводить все присущие от природы качества человека в закон. Вместо этого следует давать возможность реализации лишь тем свойствам человека, которые соответствуют критериям полезности; всем остальным чертам человеческой личности надо противопоставлять наиболее суровые законы³. Законодательство призвано направлять людей «к производству величайшего количества счастья»⁴.

Именно «мотивы законодателя», по мнению И. Бентама, детерминируют издание тех или иных законов.

Несмотря на некоторые волюнтаристические начала в понимании права, для проблематики исключений важным следует считать то, что законодатель в силу утилитарных соображений практичности способен волевым решением допустить исключения из им же созданных правил.

¹ См.: Лейст О. Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 3.

² В. К. Бабаев выделяет три основных подхода к пониманию права, фактически совпадающих с предложенными О. Э. Лейстом концепциями: узконормативный, социологический, философский (см.: Бабаев В. К. Понятие права // Общая теория права : курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 21–22). В. С. Нерсесянц также предлагает три типа правопонимания: легистский (позитивистский), естественно-правовой (юснатуралистический), либертарно-юридический (см.: Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15). Позиция О. В. Мартышина выражается в определении четырех типов понимания права: нормативизм, социологическая юриспруденция, теория естественного права, философское понимание права (см.: Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21).

³ См.: Зорькин В. Д. Буржуазный либерализм в Англии. И. Бентам // История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1998. С. 396.

⁴ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. С. 371.

Продолжателем традиций учения И. Бентама считается Д. Остин, предложивший отождествлять право с приказами государства. Право, по мнению ученого, – это выраженный в виде определенных правил приказ суверена¹.

Закон в данной трактовке понимается как правило, установленное для господства одного мыслящего лица над другим.

Отправными критериями для теории исключений здесь служат два момента:

- а) право выражается в виде властных правил;
- б) подобные правила исходят от государства.

На неразрывную связь права с государством обращал внимание видный представитель отечественного позитивизма Г. Ф. Шершеневич. «Право, – писал исследователь, – представляет собой нормы, определяющие отношения человека к человеку угрозою на случай нарушения известным страданием, которое будет причинено установленными для этой цели органами государственной власти»².

Однако право, считал Г. Ф. Шершеневич, создается государством не произвольно, а на основе объективных моментов: «Когда утверждается, что право развивается, складывается под условием склада экономических отношений, то против этого невозможно возражать с точки зрения исторической действительности»³.

Именно объективные условия (в числе которых экономические факторы играют приоритетную роль) оказывают непосредственное влияние на необходимость использования государством в процессе правового регулирования не только правовых правил, но и санкционированных исключений из них.

¹ См.: Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy positive Law. London, 1873. Vol. 1. P. 89.

² Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 74 ; Его же. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 212.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 2. С. 494.

Значительный вклад в развитие теории права внесли представители марксизма-ленинизма, определяющие право с позиции классового подхода¹.

Надо отметить, что марксистское правопонимание связано с наличием экономического базиса и юридической надстройки, обоюдное влияние которых друг на друга очевидно.

Сложная, неоднозначная природа материалистических отношений детерминировала многообразие права, их регламентирующего, в том числе и для предельно возможного учета интересов господствующего класса. С другой стороны, в содержание права входят разнообразные юридические нормы, необходимые для достижения максимальной эффективности правового регулирования.

В связи с этим верно подмечено, что содержание права конкретизирует сущность права данного общества во всем многообразии составляющих его норм². При констатации многообразия норм права следует иметь в виду, что содержание права, наряду с нормами-правилами поведения, включает в себя и нормы-исключения.

Наличие последних в содержании права объясняется тем, что содержание, в отличие от сущности³, всегда индивидуально, включает в себя как общее, так и единичное⁴. Исключения – необходимый элемент права потому, что содержание права во многом обусловлено социальными

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 443.

² См., например: Александров Н. Г. К критике пережитков буржуазной идеологии в определении права // Советское государство и право. 1948. № 10. С. 47 ; Шебанов А.Ф. Форма советского права. М., 1966. С. 16–17.

³ Сущность – это главное, основное в любом предмете, явлении. Сущность – категория устойчивая, глубинная, относительно малоизменяемая. Сущность обуславливает содержание; сущностное в явлении остается всегда, при любых изменениях содержания и формы. Проведенный выше анализ взглядов классиков марксизма-ленинизма на право позволяет сделать вывод о том, что сущность права в их понимании – выражение интересов воли господствующего в государстве класса.

⁴ См.: Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 165.

потребностями¹, отражает закрепление социальной структуры конкретного общества².

Положения марксистско-ленинской теории права нашли свое дальнейшее развитие в трудах советских юристов.

Не отрицая, конечно, влияния идеологических особенностей, характерных для историко-политической обстановки рассматриваемого периода, хотелось бы отметить, что выдвинутый тезис о том, что на право оказывает влияние экономическая обстановка в обществе и, соответственно, право выражает интересы представителей экономически сильных классов, имеющих власть в государстве, вовсе не представляется абсурдным.

Экономика выступает в качестве ведущего фактора, оказывающего влияние как на содержание, так и на сущность права. Иные факторы – духовные, социальные, демографические и т.д., вторичны по сравнению с экономическими условиями развития. Политика, в том числе и государственная, также зависит от материального базиса общества. Субъекты, занимающие ведущее положение в экономической жизни страны, безусловно, оказывают влияние на политическую деятельность государства, в том числе и на ее правотворческую составляющую.

Данную позицию за несколько лет до установления Советской власти отстаивал Г. Ф. Шершеневич. «Фактически влияние в государстве, – отмечал исследователь, – обеспечивается за классом, имеющим наибольшую экономическую силу. Соответственно этому политический порядок складывается всегда в пользу предоставления власти экономически сильнейшему классу»³.

Развивая указанную мысль без всякого «налета» идеологии, Л. С. Явич писал: «В самом широком плане право может рассматриваться как момент господствующего способа производства, как свойство общественных

¹ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2000. С. 320-323.

² См.: Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 20.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 2. С. 494.

отношений и форма их осуществления, которая в условиях государственности непременно приобретает юридическое качество, т.е. политическое опосредование»¹.

Соответственно тяжело отрицать, что право – юридическое средство государственного управления обществом. На формирование права оказывают влияние различного рода детерминанты, важнейшей из которых является экономика.

Вместе с тем марксистский подход к праву, исключая саму возможность возведения в закон, наряду с волей господствующего класса, также и проявлений воли других классов и слоев общества², отрицающий сочетание в праве классового и общечеловеческого, акцентирующий внимание преимущественно на принудительной стороне права, становился все более односторонним, упрощал реальные представления о праве. Таким образом, сама жизнь обнаружила несоответствие многих положений марксизма о праве действительности³.

В связи с коренными переменами, связанными с проведением демократических реформ, представители нормативизма получили возможность отойти от многих идеологических штампов, непременно связывающих содержание права с его классовой сущностью.

На наш взгляд, нормативный подход к пониманию права приемлем для констатации того факта, что право представляет собой совокупность не только нормативных правил, но и исключений из них.

¹ Явич Л. С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М., 1978. С. 218.

² Особенно категоричным в этом вопросе был В. И. Ленин, считавший, что только когда «воля выражена как закон, установленный властью», она становится государственной (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 340). В свою очередь, властью в государстве обладали представители привилегированных классов.

³ См. об этом: Байтин М. И. О современном нормативном понимании права // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 98–107.

Подобный вывод базируется на следующих основных моментах¹, непосредственно исходящих от нормативного восприятия права.

Во-первых, право представляет собой совокупность юридических норм в их материалистическом понимании, подразумевающих правила поведения.

Соответственно, если существуют нормы-правила, значит, могут быть и нормы, устанавливающие исключения из данных правил; там, где есть правила, предполагается и присутствие исключений из этих правил; наличие исключений – неотъемлемое свойство каждого правила. Парность правил и исключений, о которой говорилось выше, не отменяется и в сфере правового регулирования.

Во-вторых, нормы права издаются, изменяются, отменяются, а также санкционируются государством и охраняются им от нарушений возможностью применения мер государственного принуждения².

Тем самым если государство устанавливает нормы, учреждающие правила, то оно компетентно в императивном порядке санкционировать исключения. В данном аспекте исключения, равно как и правила, создаются на основе государственно-властного решения; облекаются в форму нормативных предписаний.

В-третьих, и это самое главное, всеобъемлющий характер правового регламентирования, широта охвата объектов указанного процесса и неоднородность участвующих в нем субъектов детерминируют появление исключений из унифицированных, единых для всех стандартов поведения. Такие исключения необходимы государству для оптимизации реализации права, повышения результативности проникновения государственно-правового воздействия в различные сферы общественных отношений.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Допустимость исключений из правил в контексте нормативного подхода к пониманию права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (18). С. 9–17.

² На наш взгляд, предельно точно связь государства и права определяется О. Э. Лейстом: «Право создается государством в том смысле, что норма становится правовой с момента официального признания (или создания) ее государством и определения санкций за ее нарушение» (Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. С. 146).

Право не должно игнорировать многообразие жизненных обстоятельств, особенно с учетом того, что оно, как государственная воля общества, определяется «экономическими и духовными, а также национальными, религиозными, демографическими, природными и иными условиями его жизни»¹.

Для максимально возможного юридического опосредования разнообразных факторов окружающей действительности государство нормативно оформляет исключения из им же созданных правил.

Таким образом, восприятие права в рамках современного нормативного подхода к его сущности и содержанию вполне допускает наличие исключений из общих, единых для всех правил.

Вместе с тем в контексте рассмотрения исключений в праве не стоит гиперболизировать нормативное направление, придавая ему полный приоритет как учению, идеально подходящему для объяснения факта существования исключений.

В частности, представители нормативизма весьма преувеличивают роль права как специфического инструментария государства².

Подобное видение права опасно тем, что оно может полностью отрицать существование исключений. Исходя из того, что принимаемые государством нормы есть общеобязательные правила поведения, предельно четко регламентирующие жизнь людей, возникает вопрос: почему и для чего (кого) из них должны быть исключения?

«Сам по себе нормативный подход к пониманию права, – верно замечает В. В. Лазарев, – был бы неплох. Уязвимым его делает, как это ни парадоксально, государство. В силу различных причин в определенных обстоятельствах оно удовлетворяется устаревшими нормами или, хуже того,

¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 60.

² См.: Зорькин В. Д. Юридический позитивизм // История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1983. С. 495.

издает акты, идущие вразрез с жизнью, принимает нормы, работающие на консервативные силы»¹.

Между тем юридическая практика свидетельствует не только об ирреальности абсолютного регулирования правом общественных отношений, но также и о том, что надлежащая (т.е. учитывающая бесконечное разнообразие и постоянную динамику общественных отношений) правовая регламентация допустима лишь при предоставлении определенной свободы субъектам, реализующим право.

Направление, подразумевающее под правом действия и решения правоприменителей (прежде всего судей), получило в юридической науке название социологической теории права².

Представители данного течения «стали изучать право не в качестве самодовлеющей, оторванной от жизни системы абстрактных норм, формализованных предписаний, а как «живой порядок», как сеть конкретных правоотношений, как систему действующих норм»³.

Одним из основных представителей социологической юриспруденции является австрийский правовед О. Эрлих, который уже в ранних своих работах в области гражданского права («О пробелах в праве»; «Молчаливое волеизъявление») подвергал критике идею об отсутствии пробелов в праве и о возможности полностью урегулировать гражданский оборот с помощью сформированного государством права⁴.

¹ Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 10.

² П. А. Оль исходит из широкого понимания термина «социологическое направление в юриспруденции» (Оль П. А. Указ. соч. С. 121–122). Такая трактовка имеет ряд положительных моментов; однако в контексте изучения исключений из правил предпочтительным, на наш взгляд, является «узкий» подход к социологическому направлению, так как для реализации исключений необходимо не просто интуитивное восприятие права всеми участниками социальных отношений, а именно теми из них, которые наделены возможностью принятия властных решений, т.е. правоприменителями.

³ Зорькин В. Д. Социологическая юриспруденция // История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1983. С. 610.

⁴ См. об этом: Антонов М. В. Интеграция знаний о праве в творчестве Ойгена Эрлиха // Государство и право. 2011. № 1. С. 80.

О. Эрлих отмечал, что сам тезис о беспробельности права связан с рецепцией римского права, в рамках которого юристы полагали возможным найти нормативные правила, определяющие регулирование любых жизненных ситуаций. По мере развития и усложнения общества и усиления роли государства место римского права заняла публично-властная деятельность государства. Возникновение к XVII в. полицейского государства О. Эрлих ассоциировал с сопутствующим этому процессу стремлением поставить судебный корпус под полный контроль государства¹ через возложение на судью обязанности всегда обосновывать свое решение со ссылками на текст закона – «не всегда справедливого, но всегда верного и предугадываемого права»².

Отмечая лишь то, что суд также является неотъемлемой частью государственного аппарата, хотелось бы согласиться с позицией ученого, состоящей в том, что в текстах закона невозможно заключить все разнообразие социальной жизни: подобно попытке остановить поток воды в запруде «это будет уже не живым потоком, а застоявшейся водой»³.

Право, по мнению О. Эрлиха, беспробельно и представляет собой единое целое⁴; такое единство достигается за счет непосредственного правотворчества, осуществляемого судьями и другими «юридическими чиновниками» в каждом конкретном деле⁵.

Тем самым в контексте исследования исключений, краеугольным моментом учения О. Эрлиха выступает то, что, «несмотря на государственный характер права, оно в конечном итоге опирается на

¹ См.: Там же.

² Ehrlich E. Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft // Ehrlich E. Recht und Leben: gesammelte Schriften zur rechtstatsachenforschung zur freirechtslehre. Berlin, 1967. S. 186.

³ Ehrlich E. Die Soziologie des Rechts // Ehrlich E. Gesetz und lebendes Recht: vermischte kleinere Schriften. Berlin, 1986. S. 243.

⁴ Согласно предлагаемой нами концепции целостность права как раз и достигается за счет того, что оно представляет собой совокупность правил и исключений из них. При этом применение последних во многом зависит от усмотрения компетентных субъектов.

⁵ См.: Ehrlich E. Die juristische Logik. Tübingen, 1918. S. 142.

человеческие отношения»¹. Огромное разнообразие таких отношений влечет признание мыслителем невозможности абсолютной их регламентации юридическими нормами и необходимости поэтому свободы усмотрения определенных субъектов (прежде всего судей) в правореализационном процессе.

Весьма позитивным представляется то, что О. Эрлих разграничивал правила поведения нормы права, отмечая эволюционность их возникновения. Так, первоначально спонтанно формируются правила поведения участников социального общения. Эти правила являются конвенциональными и, следовательно, отличаются от норм своей гибкостью². «И уже из этих правил поведения, которые подвижны и изменчивы, с течением времени образуются правовые нормы, основной признак которых – поддержка со стороны авторитетной социальной власти»³.

Правила, таким образом, обладают некоторой эластичностью (по разным причинам и за счет разных факторов, в том числе и вследствие наличия исключений из них). Юридическая норма фиксирует как правило, так и исключения из него. Именно присутствие исключений в норме детерминирует диспозитивность применения последних⁴.

Наряду с О. Эрлихом, важная роль в становлении социологической юриспруденции принадлежит Р. Паунду.

Восприятие Р. Паундом права как средства достижения компромисса и гармонии интересов в обществе предопределяет инструментальный подход к праву, понимание его в качестве «социальной инженерии»⁵.

С помощью права, согласно воззрениям Р. Паунда, указываются линии поведения индивидов, в результате чего аннулируются или минимизируются

¹ Румянцева В. Г. Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 15.

² См.: Антонов М. В. Указ. соч. С. 84.

³ Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Wien, 1913. S. 52.

⁴ Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. S. 172.

⁵ См.: Paund R. Interpretations of legal history. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1946. P. 156.

социальные противоречия: «Устранение конфликта и предотвращение ущерба, насколько это возможно, при удовлетворении бесконечных человеческих желаний... – это может по праву считаться задачей или большим рядом задач социальной инженерии»¹.

В данном контексте можно смело заявить: исключения как раз и выступают в качестве юридических средств, благодаря которым можно, насколько это допустимо, обеспечить компромисс многочисленных и разнообразных интересов, гармонизировать и примирить претензии и требования многочисленных субъектов общественных отношений².

Инструментальный подход позволяет не только осознать, что исключения существуют не сами по себе и для себя, но и объяснить превалирование усмотрения в процессе их реализации.

Так, можно определить абстрактную ситуацию, в которой применим такой специфический инструментарий, как исключения из общих правил, но нельзя (относительно большей части исключений) стопроцентно указать, в какой конкретной ситуации вместо правил будут использованы исключения. Ответ на вопрос о разрешении конкретного казуса посредством исключений либо без них потенциально может дать лишь юридическая практика, на основе которой формируется реальный правопорядок.

Исключения – детерминированный практикой способ удовлетворения интересов, позволяющий отступать от жестких правил нормативного регулирования, не нарушая их. Более того, пользуясь терминологией исследователя, исключения из установленных государством правил – это та обусловленная реальными жизненными факторами «жертва, на которую

¹ Ibid. P. 156–157.

² В данной части исследования специально не делается непосредственный акцент на целях исключений. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения, которое будет предпринято отдельно.

вынужден идти создавший нормативные правила законодатель в целях обеспечения правопорядка»¹.

Идеи О. Эрлиха и Р. Паунда получили развитие в трудах таких ученых, как А. Леви-Брюль, К. Ллевелин, Д. Френк, Б. Кардозо, О. Холмс, а также их российских коллег – С. А. Муромцева, Н. М. Коркунова, П. Сорокина, Н. С. Тимашева.

В современной российской юридической науке положения социологической школы во многом трансформировались в разрешение проблем использования социологических методов в юриспруденции². М. В. Немытина по данному поводу весьма категорично замечает: «При этом социологический подход в рамках типологии правопонимания не стоит путать с социологическими методами исследования»³.

Соответственно тому, что право – неотъемлемая часть жизни социума, вполне целесообразно в процессе его познания использование социологических методов. Именно тем, что появление исключений в праве – результат социальных процессов, объясняется отмеченная выше необходимость применения в настоящем исследовании целого «пласта» социологических методов изучения исключений.

¹ В связи с этим весьма точно замечание В.Г. Румянцевой относительно восприятия права Р. Паундом: «Отмечая генетическую и функциональную связь права с интересами индивидов, с экономической, политической, социальной действительностью, ученый толковал право как факт социальной жизни. Интерпретация права как правоотношения, как защищенного интереса, как правопорядка, как отправления правосудия выдвинула важную проблему несводимости права к нормативным суждениям законодателя» (Румянцева В. Г. Правовое учение Роско Паунда. С. 52).

² См. об этом: Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права : учебник для вузов. М., 1995 ; Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987 ; Ее же. Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. 1989. № 9. С. 27–35 ; Ее же. Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. 1992. № 7. С. 19–25 ; Ее же. Общественное мнение и законодатель // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 16–20 ; Ее же. Социология права в системе обществоведения // Государство и право. 2000. № 4. С. 81–90; Гревцов Ю. И. Социология права : курс лекций. СПб., 2001.

³ Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 108.

Таким образом, краугольные моменты социологической школы права не только подтверждают существование исключений в сфере правовых отношений, но и доказывают необходимость таких исключений¹.

Подобный вывод возможен, если исходить из следующих положений социологической теории.

Во-первых, как только что было сказано, в рамках данного направления право воспринимается как неотъемлемая часть социальной сферы и подвержено воздействию тех же закономерностей и процессов, которые характерны для всех иных социогенных институтов.

Подобное, в свою очередь, проецирует взгляд на всеобщий характер исключений, их детерминацию особенностями устройства и развития человеческого общества. Если исключения присутствуют в социальном регулировании, то, бесспорно, их не может не быть в диапазоне реализации права. Учет жизненных факторов привел к тому, что «право стало рассматриваться прежде всего в динамике, как функционирующая система, в связи с чем на передний план выступила проблема правоотношений, взаимодействий между конкретными субъектами в конкретной жизненной ситуации»². Следует признать, что в отношениях конкретности исключения обладают большей актуальностью, чем абстрактные правила.

Во-вторых, признание сторонниками анализируемого направления многообразия общественных отношений влечет констатацию невозможности их надлежащего регламентирования посредством единых стандартов поведения.

Исключения как раз и выступают в качестве средств, позволяющих преодолевать шаблонность права, обеспечивать гибкость и дифференцированность правового воздействия, удовлетворяя обширный спектр законных интересов участников правоотношений. Последнее

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения в праве и социологическая школа «живого права»: современные аспекты взаимопроникновения // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения : сб. тезисов докладов (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / отв. ред. О. С. Ростова. Саратов, 2011. С. 28–30.

² Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. С. 121.

особенно важно в аспекте «инструментального» подхода к пониманию права, который, как отмечалось выше, разделяется многими представителями социологической юриспруденции.

В-третьих, смещение акцента при определении права с проблемы нормы (догмы права) на юридическую, прежде всего судебную, практику. Речь идет о соотношении должного (нормы-предписания) и сущего (отражения потребностей реальной жизни). Несмотря на все различия, касающиеся степени названного сопоставления, основополагающей идеей юристов-социологов выступает то, что право как совокупность норм-предписаний должно максимально отражать потребности реальной жизни, что достигается только путем предоставления широкого диапазона усмотрения в ходе применения права.

Реализация исключений, и об этом говорилось в этой главе, во многом базируется на усмотрении правоприменителя, в первую очередь судьи. Расширенные пределы правоприменительного усмотрения – одна из основ социологической теории права – имеет прямое отношение к тому тезису, что уникальность фактических обстоятельств препятствует однозначному указанию в юридической норме на использование либо неиспользование исключительных положений.

Судебная практика выступает оптимальной формой проявления исключений¹; классическим примером служит ст. 64 УК РФ, дополнительный интерес к которой вызывается тем, что часть содержащихся в ней исключений в целях либерализации уголовных наказаний трансформировалась в правила².

¹ См. об этом: Гук П. А., Суменков С. Ю. Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 123–130.

² Речь идет о ФЗ от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (Российская газета. 2011. 11 марта), основной смысл которого заключается в устранении в ряде статей кодекса низшего предела у некоторых видов уголовных наказаний. Тем самым значительно расширяется сфера судебного усмотрения и снимается сама постановка вопроса об обязательном установлении «исключительных обстоятельств» для назначения наказания ниже низшего предела.

Подобные тенденции не только свидетельствуют об определенной сопоставимости теории исключений с социологическим направлением понимания права, но и позволяют согласиться с тем, что *«в российском правоведении необходимо разрабатывать концепции в русле социологического типа правопонимания, нацеленные на выявление реально существующих в обществе отношений правового свойства и создание адекватных потребностям общества механизмов правового регулирования»*¹.

Вместе с тем хотелось бы отметить ряд аспектов, наличие которых позволяет высказать критические замечания относительно достижения полного консенсуса между идеями социологической юриспруденции и теорией исключений.

Так, вызывает настороженность стремление игнорировать специфику права как особенного регулятора жизни социума.

Помимо отрицания определенной самостоятельности права, существенным недостатком (касательно тематики исключений) служит тезис о второстепенности роли правовых норм, а в некоторых случаях и полное их игнорирование. В частности, по мысли одного из представителей социологической школы права Д. Френка², право – не правило, а решение правоприменителя, прежде всего судьи³.

Подобная трактовка, фактически нивелирующая нормативное понимание права, обуславливает целый ряд вопросов.

Один из них непосредственно затрагивает проблематику настоящего исследования. Так, если право не состоит из норм, устанавливающих формально определенные правила поведения, то не актуальна идея о наличии в праве исключений.

¹ Немытина М. В. Указ. соч. С. 110.

² Позиция указанного ученого заключается в развенчании мифа о праве – «широко распространенного убеждения, что юридическое решение представляет собой результат применения установленных ранее правил к конкретным фактам» (Frank J. Courtson Trial. Mythand Realityin American Justice. Princeton, 1949..

³ См.: История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1998. С. 668.

Правоприменительный акт и есть абсолютное правило для разрешения конкретной жизненной ситуации; на этом основании из него не может быть исключений.

Данный посыл не только противоречит методологической установке о нераздельности правил и исключений; он напоминает казуистичность права средних веков.

Более того, придание феноменальной роли усмотрению правоприменителей совершенно не учитывает реальной опасности злоупотреблений со стороны последних.

Именно соответствие исключений основным принципам права, направленность исключений на обеспечение прав и свобод граждан позволяют утверждать об обоснованности признания исключений в рамках доктрины естественного права.

Естественно-правовая теория является учением о праве, имеющем, пожалуй, наиболее длительный путь развития, в основе которого мысль о существовании двух систем права – естественного и позитивного. «Основы европейских представлений о естественном праве были заложены греческими философами, в первую очередь софистами, с которыми справедливо связывают первые попытки специальной разработки представлений о государстве и праве. Происходит рационализация идеи мирового порядка. Возникает сопоставление писаного и неписаного (или божественного, всеобщего) закона. Последний называют иногда и естественным правом»¹.

Божественный характер естественного права оценивается сквозь призму природных качеств.

¹ Мартышин О. В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2. С. 65.

Тем самым основным детерминантом естественного права выступает всеобщность – соответствие природным законам бытия¹.

Здесь хотелось бы акцентировать внимание на всеобщем характере исключений, присутствии их буквально во всех сферах материи, о чем подробно было сказано выше. Поэтому право как элемент сущего также обладает исключениями. С другой стороны, всеобщность исключений проецирует их появление в праве.

Более того, исключения необходимы естественному праву для преодоления конфронтации с правом позитивным.

Юристы Древнего Рима отмечали, что когда законы не отвечают потребностям самой жизни, то возникает необходимость обращения к иным источникам². Принятие такого решения объяснялось тем, что иначе поступать нельзя, не вступив в противоречие с естественным порядком вещей³.

Наша принципиальная позиция заключается в том, что вынесение подобного решения допустимо благодаря присутствию исключений. Исключения, в которых отражаются природные основы бытия, позволяют внедрять (насколько это возможно) в биологические потребности человека социальные установки общества.

Исключения как раз и выступают теми средствами, которые позволяют гармонично сочетать индивидуальные и общественные начала, что и предопределяет высокую значимость исключений в процессе социальной модернизации.

¹ Так, еще Гераклит и Демокрит усматривали первооснову общественных отношений в природе (см., например: Виц Б. Б. Демокрит. М., 1979. С. 118–124 ; Кессиди В. Х. Гераклит. М., 1982. С. 173–175).

² См. об этом: Кофанов Л. Л. Возникновение и развитие римского права в VIII–V вв. до н. э. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 16.

³ См.: Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб., 2001. С. 115.

Немаловажным свойством естественного права является обеспечение им справедливости в процессе воздействия на людей¹. Римские мыслители практически отождествляли справедливость (*aequitas*) и естественное право (*jus naturale*).

О справедливости, но уже с теократических позиций, писали виднейшие представители средневекового богословия – Аврелий Августин и Фома Аквинский. И Августин, и Аквинский признают, что несправедливый, т.е. противоречащий естественному праву, закон, подлинным законом не является, и ему можно не подчиняться, если это не причиняет большого вреда обществу.

Фома Аквинский, развивая концепцию Аврелия Августина², предложил следующую конструкцию права: вечный закон, природный закон, человеческий закон³.

Вечный закон является продолжением Божественного разума, который управляет миром. Соответственно, вечный закон отличается всеобщностью, справедливостью и разумностью⁴. Природный закон представляет собой отражение установок вечного закона в сознании человека.

Человеческий закон мыслитель выводит из вечного закона через закон естественный. При этом «Фома отмечает, что естественный закон носит характер общих принципов, и это делает необходимым введение более конкретных *правил* (курсив наш. – С.С.) в форме человеческих законов»⁵.

¹ См.: Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М., 2001. С. 403.

² Аврелий Августин (354–430 гг.), один из наиболее ярких представителей схоластики, в своих работах «Град божий» и «Град земной» описывал такую иерархию законов: вечный закон, естественный закон, временный (человеческий) закон. Их соотношение таково: временный закон оправдан как подтверждение вечного закона, воспринимаемого людьми посредством естественного закона, запечатленного в душах людей и представляющего собой божественный голос в человеческой совести (см. подробнее: Августин Аврелий. Исповедь // Абеляр П. История моих бедствий : пер. с лат. М., 1992. С. 25).

³ Цит. по: История философии права. СПб., 1998. С. 75-77.

⁴ См.: Там же. С. 75.

⁵ Мартышин О. В. Метафизические концепции права. С. 66.

Следовательно, человеческие законы выступают в виде правил, которые, исходя из естественной природы права, могут и должны иметь исключения. Подобное объясняется соотношением вечного, природного и человеческого законов, где природному закону, как верно указывает П. А. Оль, отводится роль некоего опосредующего звена между законом вечным и законом человеческим¹.

Таким образом, всеобщность исключений детерминирует их естественность, которая органически воспринимается человеческим разумом как необходимое (в тех случаях, когда общие правила неуместны либо бессильны) средство урегулирования конкретных жизненных ситуаций.

Всеобщий характер, природность и стремление к справедливости наглядно проявились в доктрине естественного права в период разложения феодализма и проведения буржуазных революций XVII–XVIII вв.² Основными представителями данной теории были Т. Гоббс, Д. Локк (Англия), Ф. Вольтер, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо (Франция), А. Н. Радищев (Россия)³.

Квинтэссенцией воззрений названных мыслителей было разделение права на позитивное и естественное, придание последнему качеств всеобщности, природности и справедливости, что в свою очередь служило детерминантом идеи об естественных и неотчуждаемых правах человека.

Таковую же позицию, что понятия добра и зла, справедливого и несправедливого присущи человеческой природе и потому право вырастает из самой жизни, основываясь на общечеловеческих ценностях свободы, частной

¹ См.: Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. С. 73.

² По точному замечанию Г. Ф. Шершеневича, XVII и XVIII столетия – лучшая пора естественного права (цит. по: Русская философия права (антология) / под ред. А. П. Альбова. СПб., 1999. С. 197); аналогичным образом И. А. Покровский определяет данный период как «эпоху естественного права» (Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 62).

³ См.: Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936 ; Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3 ; Вольтер Ф. Избр. произв. М., 1947 ; Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955 ; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938 ; Радищев А. Н. Собр. соч. : в 3 т. М. ; Л., 1938. Т. 1 ; 1952. Т. 3.

собственности и стремления к счастью, занимали в конце XIX – начале XX вв. немецкий юрист Р. Штаммлер, а также видные российские правоведы П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, Е. Н. Трубецкой, Б. Н. Чичерин.

После Второй мировой войны интерес к естественному праву перешел в практическую плоскость в связи с принятием ООН в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, которая провозглашала приоритет и защиту естественных прав и свобод человека¹.

В современной России положения естественно-правовой теории воспринимались после распада СССР и принятия ныне действующей Конституции РФ как безусловно положительные.

В числе сторонников концепции естественного права двух последних десятилетий стоит назвать Р. З. Лившица, Е. А. Лукашеву, Л. С. Мамута, Г. И. Муромцеву, В. С. Нерсесянца, А. И. Семитко, В. А. Четвернина.

Резюмируя основные положения рассматриваемого учения, можно спроецировать следующие аспекты их взаимосвязи с признанием существования исключений в праве.

Во-первых, возведение естественного права в качество всеобщего, исходящего от самого устройства мира метафизического закона, определяющего жизнь людей.

Как уже было сказано выше, всеобщность права детерминирует появление в нем исключений, которые также обладают признаком всеобщности и присутствуют буквально везде, а соответственно и в праве.

Во-вторых, констатация природного характера естественного права, позволяющего учитывать интересы и потребности личности. По мнению В. М. Шафиров, «человеко-центристский подход более адекватно выражает идею права»².

¹ К концу столетия доктрина естественного права была внедрена в тексты основных законов практически всех стран Запада, а также большинства государств Восточной Европы и СНГ.

² Шафиров В. М. Естественно-позитивное право. Красноярск, 2004. С. 34.

Исключения как раз и необходимы праву для учета многообразия свойств каждого отдельного человека.

Вместе с тем является очевидным тот факт, что любая общность людей предполагает игнорирование и даже ограничение части интересов отдельных субъектов. Подобное объясняется тем, что полное сочетание всего спектра индивидуальных, зачастую противоречивых интересов не только недостижимо, но и деконструктивно¹.

Исключения позволяют добиваться приемлемого синтеза личного и общественного, индивидуального и коллективного, биологического и социального. Обладая большим конкретизирующим эффектом, нежели правила², исключения обеспечивают максимально возможное выражение персонифицированных особенностей, создавая тем самым определенный баланс правового регулирования.

В-третьих, олицетворяя собой справедливость, естественное право подразумевает привнесение ее в отношения между людьми.

Между тем именно принцип справедливости служит одним из основных условий появления исключений. Для максимального и всестороннего учета многочисленных и разнообразных факторов объективного и субъективного характера нужны исключения из общих правил, ибо унифицированные стандарты не способны регламентировать все многообразие бытия. В противном случае правовое воздействие будет необоснованным, неэффективным, а в конечном итоге – несправедливым.

При этом наличие исключения как части во многом обеспечивает справедливость правила как целого. Тем самым создается единая система

¹ Поэтому нельзя согласиться с Л. В. Петровой, которая утверждает: «Сущность права сверхъюрдическая. Она укоренена в природе человека. Разумны те законы, которые отвечают человеческой природе. Наукой, изучающей природу человека, является «философская антропология», согласно которой суть и смысл «естества и природы человека» составляет его «свободная воля», а в познании собственного естества, а значит и человеческой природы в целом – ключ к уяснению естественного права» (Петрова Л. В. О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. № 2. С. 39).

² По нашему мнению, исключения всегда более конкретны, чем правила, которые носят общий характер и имеют абстрактную природу. В противном случае происходит трансформация исключения в правило и наоборот.

правовых установок, гарантирующих справедливость правового регулирования.

Таким образом, есть все основания полагать, что тезис о наличии исключений в сфере права соответствует концептуальным положениям естественно-правовой теории¹.

Вместе с тем в рассматриваемой доктрине есть целый ряд моментов, которые позволяют говорить о некотором отторжении идеи о существовании исключений в праве.

Прежде всего речь идет о самом понятии права: отвергая нормативный тип правопонимания, современные сторонники естественно-правовой школы² не выдвинули того определения права, которое несомненно имело бы практическое значение.

Не сомневаясь в том, что право и закон не тождественные друг другу понятия, хотелось бы задаться вопросом: чем руководствоваться субъекту, участвующему в правоотношениях, если воспринимать право в изложенной выше интерпретации?

Идеи, декларации, представления, не облеченные в юридическую форму и не подкрепленные возможностью применения государственного принуждения, не могут реально устанавливать и обеспечивать права, обязанности и ответственность людей.

Проецируя проблему понимания права на тематику настоящего исследования, надо отметить, что не может быть юридического правила, определяющего поведение людей, если это правило не облечено в

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Соответствие существования исключений основным положениям доктрины естественного права // Государство и право в XXI веке : матер. Всерос. заоч. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. Г. Карнишина. Пенза, 2012. С. 237–243.

² В российской юридической науке положения естественно-правовой теории нашли свое выражение в нескольких научных подходах, прежде всего в либертарно-юридическом (В. С. Нерсесянц) и институциональном (В. А. Четвернин).

нормативную форму¹. Соответственно, если нет правила – значит отсутствует и сама постановка вопроса о наличии исключений из него.

Необходимо также понимать, что исключение нуждается в большей степени формализации, ибо сама возможность отступления от общеобязательных стандартов должна быть зафиксирована нормативно.

Отрицать нормативность права не имеет никакого смысла. «Право, как бы мы его ни понимали, – отмечал Г. В. Мальцев, – в каких бы терминах ни определяли, всегда и неизменно нормативно»².

Качество нормативности присуще и справедливости, выступающей стержневым элементом естественно-правовой доктрины. В противном случае возникают достаточно спорные вопросы о том, что справедливо, а что нет. «Ведь понятие справедливости, так же как и детерминированные этим понятием представления о естественном праве не носят общий унифицированный характер, не является общеобязательным в пределах функционирования соответствующей правовой системы»³.

На наш взгляд, справедливость, конечно, присутствует в праве вне зависимости от ее нормативного оформления. Но тогда следует признавать, что справедливость – понятие слишком объемное, неоднозначное и даже «расплывчатое». Только закрепление идеалов справедливости в юридических нормах превращает справедливость из декларации, благого пожелания в руководящее начало, на которое можно ссылаться как на правило и которое

¹ Отсутствие у естественного права непосредственной регламентирующей функции признавалось многими сторонниками анализируемого учения. В частности, по мнению Р. Штаммлера установка естественного права не может носить «положительного значения, т.е. быть обязательной для исполнения членами общества наряду с нормами, выраженными в законах» (Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории : в 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 181, 184. Цит. по: Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 66–67).

² Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. С. 33.

³ Оль П. А. Правопонимание. От плюрализма к двуединству. С. 155–156.

детерминирует появление исключений. Подобная позиция находит свое подтверждение в актах высших судебных органов¹.

Объяснить исключение из установленного законом правила, оговариваясь какой-либо идеей, общим смыслом, духом права, можно, если подобная идея также отражена в соответствующем нормативном акте. Тем самым исключение, обеспечивая справедливость, не нарушает законности.

Резюмируя все вышесказанное, надо отметить, что даже на примере проблематики допустимости существования исключений в праве видны серьезные разночтения между нормативным подходом, социологической юриспруденцией и естественно-правовой теорией.

Однако имеющиеся различия никоим образом не позволяют быть солидарным с мнением Ю. И. Козлихина, который отмечает: «Следует признать тот очевидный факт, что общая теория государства и права себя изжила. Необходимо развивать самостоятельные юридические науки, имеющие и свой предмет, и свои методы исследования. Это философия права, социология права и догма права»².

Логика высказывания предполагает, что основой философии права выступает естественно-правовая теория; социологии права – социологическая школа права; догмы права – нормативный подход.

Не отрицая важности дифференцированного анализа права, хотелось бы отметить, что разногласия между учениями о праве не свидетельствуют об архаизме и нецелесообразности общей теории права; наоборот,

¹ Так, в одном из постановлений Конституционный Суд РФ указал, что принципы равенства и справедливости определяют правовое регулирование. Тем не менее критерием конституционности вышеуказанные принципы становятся в случае их закрепления в Конституции Российской Федерации (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения, 1992–1996 / сост. и отв. ред. Т. Г. Морщакова. М., 1997. С. 261–270).

² Козлихин Ю. И. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 62.

продолжающиеся дискуссии доказывают актуальность развития науки, во многом связанной с выработкой единых точек соприкосновения, в том числе и по вопросу определения права.

Коллизии между различными типами правопонимания носят полемический характер и не являются непреодолимым препятствием к достижению научного консенсуса.

В частности, приверженцы нормативного подхода верно замечают, что нельзя игнорировать основополагающие идеи естественного права как общепризнанного критерия отнесения государства и действующего в нем права к демократическому или тоталитарному¹. «С этих позиций, – подчеркивал М. И. Байтин, – представляются не только необоснованными, но и неуместными любые попытки противопоставления в настоящих условиях естественного права позитивному, так как естественное право практически неосуществимо без позитивного, а духовная основа, нравственная сила позитивного права коренятся в праве естественном»².

В свою очередь сторонники естественно-правовой теории считают, что «естественное право также нуждается в нормативном облачении, иначе оно остается совокупностью прекраснодушных идей... целью естественного права... остается достижение нормативного закрепления»³.

Весьма оригинальную мысль применительно к нормативной фиксации принципа справедливости высказывает Н. И. Матузов, увязывая положения всех трех рассматриваемых концепций: «Особое значение нормативность принципов приобретает при судебном разрешении конкретных жизненных ситуаций по аналогии, когда в законодательстве обнаруживаются пробелы и их необходимо восполнить. В таких случаях суд, как известно,

¹ См.: Байтин М. И. Единство естественного и позитивного права – основа обеспечения прав и свобод человека // Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 136.

² Там же. С. 137.

³ Лившиц Р. З. О противоречивой двуединой природе права // Подготовка и принятие законов в правовом государстве : матер. Междунар. семинара (Москва, Госдума, 28–29 апреля 1997 г.). М., 1997. С. 227–228.

руководствуется не юридическими нормами, которых просто нет, а именно общими началами и принципами права, его общим духом, идеями гуманизма, справедливости»¹.

Таким образом, можно констатировать наличие в праве реальных интеграционных процессов, доказывающих обоснованность предположений о наличии интегративного типа правопонимания.

Основоположником названного подхода выступает А. С. Яценко, создавший синтетическую теорию, в рамках которой «право есть совокупность действующих в обществе вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага»².

Среди современных последователей интеграционной юриспруденции можно выделить В. Г. Графского, В. В. Лазарева, П. А. Оля, А. В. Полякова, Р. А. Ромашова.

Несмотря на некоторую разницу в подходах к осмыслению права³, квинтэссенция интеграционной теории заключается в том, что право – слишком многогранное явление, чтобы быть познанным в рамках одного учения.

Подобную мысль выдвигал американский правовед Д. Холл, по мнению которого при определении права необходимо сочетание нормативистского, социологического, реалистического направлений и правовой аксиологии.

На основе такого союза будет достигнут синтез «юридического понятия, ценности и факта», что станет основой интегративной

¹ Матузов Н. И. Принципы права как объект научного исследования (вместо введения) // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Н. И. Матузов, А. В. Малько, К. А. Струсь и др. ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2010. С. 18.

² Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 15.

³ На наш взгляд, в рамках интеграционного направления понимания права можно выделить коммуникативную теорию права (А. В. Поляков) и концепцию реалистического позитивизма (Р. А. Ромашов).

юриспруденции¹. О совмещении в рамках последней разнообразных типов правопонимания пишет и В. Г. Графский².

При этом речь идет не о «механическом» объединении плюралистических размышлений о праве, а о подлинном их синтезе, адекватно отвечающем реалиям современного общества³.

При констатации диалектической взаимосвязи различных подходов по отношению к праву следует установить те единые моменты, которые не отвергаются ни одним из учений при характеристике права.

Доминирование здесь принадлежит идее о регулятивной функции, выполняемой правом.

Бесспорно то, что право регулирует отношения между людьми. Это достигается за счет того, что право содержит правила, учреждающие модели, стандарты, эталоны поведения людей.

То, что право – комплекс общеобязательных правил, можно считать аксиомой⁴.

В подобном аспекте оптимальна дефиниция права, предложенная Р. А. Ромашовым: «Право следует рассматривать в качестве регулятивно-охранительной системы, складывающейся из общеобязательных (правил) норм, принимаемых в целях обеспечения социальной стабильности, безопасности, развития и оказывающих результативное воздействие на общественные отношения»⁵.

¹ См.: Пяткина С. А. Интегративная юриспруденция Джерома Холла // Правоведение. 1966. № 3. С. 109.

² Графский В. Г. Право как результат применения правила законной справедливости: интегральный подход // Государство и право. 2010. № 12. С. 5–13.

³ См., например: Эбзеев Б. С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 5–15.

⁴ Как видится, в данном случае разночтения касаются формы, в которой выражаются правила: нормативный акт (нормативный поход); акт применения права (социологическая школа); идеи, принципы (естественно-правовая теория).

⁵ Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Концепции современного правопонимания : материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 21 декабря 2004 г. / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2005. С. 12.

Соглашаясь в целом с предложенным определением, хотелось бы отметить, что как социальные нормы не стоит отождествлять с правилами человеческого общежития, так и юридические нормы не являются синонимом правил.

Право состоит из установленных либо санкционированных государством норм, закрепляющих единые для всех правила. Но, как уже многократно отмечалось, правила обладают исключениями. В правовой сфере исключения (так же как и правила) зафиксированы в нормах. Тем самым право есть совокупность норм, содержащих как правила, так и исключения из них.

Заявленный алгоритм (право – нормы – правила-исключения) позволяет найти консенсус, объединяющий различные подходы к правопониманию и в то же время дает возможность заявить о совместимости интеграционной теории и концепции исключений из правил в сфере правового регулирования.

Действительно, объединение различных учений вполне допустимо на основании констатации того факта, что *право – это юридические нормы, которые учреждают правила и вводят исключения, реализуемые соответствующими субъектами для достижения и обеспечения справедливости.*

Таким образом, существование исключений является важным аспектом интеграционной юриспруденции, ибо их признание выступает в качестве несомненного синтезирующего фактора¹.

С другой стороны, концентрация в интегративной теории выводов многочисленных научных направлений позволяет оптимизировать положения относительно наличия исключений в праве, совершенствовать методологическую базу их изучения.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Интегративный тип правопонимания как оптимальная форма осмысления исключений в праве // Новая правовая мысль. 2011. № 3 (46). С. 5–9.

Иллюстрацией исследовательского потенциала интегративной теории служит позиция В. В. Лазарева. «Инструментальный подход к праву, – пишет автор, во многом отождествляющий инструментальный и интегративный типы понимания права¹, – будучи сугубо практическим, не отрицает теоретических подходов. Более того, в каждом из них он находит нечто полезное для себя. Нормативизм указывает ему на такой инструмент, как нормы общего характера, общие правила поведения, выступающие регулятором поведения и мерилем решения конфликтов. Социологическое направление права (кстати, самое прагматичное) дает целый инструментарий руководств, включая конкретные решения судей и администраторов. Естественнo-правовое направление указывает на максимы справедливости, которые исходят из уст религиозных или светских авторитетов. Философское понимание права, как самое теоретическое, заставляет ориентироваться на самый общий императив, обеспечивающий свободу индивида. Психологические теории апеллируют к чувственным инструментам, скрывающимся в сознании или подсознании человека»².

Аналогичным образом подобная стратегия применима и к проблематике исключений.

Так, в ракурсе инструментального подхода исключения в праве – юридические средства, направленные на достижение определенных целей.

Целевые установки имеют стержневое значение для исключений, за счет исключений достигается учет правом реалий социальных отношений и обеспечение компромисса интересов их участников. В связи с этим можно говорить о соответствии исключений идеям реалистической теории.

С философской точки зрения исключения, как было уже многократно отмечено, – это неотъемлемая часть бытия, представляющая вместе с правилом дуалистическую суть одного и того же явления – в нашем случае права.

¹ См. следующее высказывание: «...инструментальный подход к праву созвучен интегративному, является на практике его реализацией» (Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 11).

² Там же. С. 10–11.

Соприкосновение исключений в праве и психологической теории права тем более очевидно, если учитывать регламентирующую роль права в человеческом общежитии. «В человеческих взаимоотношениях исключений гораздо больше, чем правил. Психологические правила будут полезны только тому, кто сумеет увидеть за ними бесконечно разнообразный мир индивидуальных проявлений человеческой психологии и самостоятельно найдет достойное место правилам в мире исключений»¹.

Взаимосвязь исключений в праве с достижениями нормативного подхода, социологической теории и естественно-правовой школы была проанализирована выше.

Интеграционное восприятие права позволяет выделить из указанных направлений такие основополагающие для исключений свойства, как нормативность, всеобщность, диспозитивность.

Если диспозитивность является все же величиной непостоянной вследствие императивной природы определенной части исключений², то нормативность и всеобщность, проецируясь на исключения, выступают как приоритетные качества, позволяющие обозначать исключения как самостоятельный и неоднозначный феномен правовой жизни.

¹ Головаха Е. И., Панина Н. В. Психология человеческого взаимопонимания. Киев, 1989. С. 53.

² Это вовсе не свидетельствует о какой-либо «ущербности» данного признака. Напротив, в правореализационном процессе именно диспозитивность исключений придает им особый характер, соединяет с усмотрением, позволяет выделять в качестве автономной и своеобразной категории.

РАЗДЕЛ II. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ

Глава 1. Вопросы терминологического объективирования исключений в праве

Раскрытие сложной и неоднозначной сущности исключений в праве должно начинаться с лексико-семантического анализа такого ряда понятий, как правовые исключения, юридические исключения и собственно исключения в праве.

Прежде всего представляется необходимым определить соотношение понятий «правовое исключение» и «юридическое исключение». По нашему мнению, данные словосочетания целесообразно воспринимать как синонимы, т.е. в качестве слов, обозначающих один и тот же феномен. Это тем более логично, что основополагающая смысловая нагрузка приходится именно на слово «исключение». Что же касается прилагательных «правовое» и «юридическое», то и в контексте юридической техники, и в контексте общей теории права их разделение, а тем более противопоставление, представляется оторванной от реальной жизни дезориентацией юридической практики.

Само по себе придание разных значений прилагательным «правовой» и «юридический» может быть и имеет какую-либо гносеологическую ценность в определенных сферах правового исследования, однако при познании технико-юридической стороны явлений такое разделение уводит от решения проблемы по существу, подменяя вопрос об эффективности юридического средства вопросом об его аксиологическом значении.

В плане настоящей работы предложенная стратификация искусственна, неприемлема, затрудняет и без того сложный понятийный аппарат юридической науки.

Таким образом, и в этом наше категорическое убеждение, правовое исключение и юридическое исключение не стоит подвергать разграничению.

Иное дело, что употребление термина «юридическое» по отношению к исключению позволяет избежать какой-либо двусмысленности в понимании последнего, более четко ориентирует на восприятие его как категории, соответствующей смыслу и назначению права. Показательной здесь может служить позиция И. С. Морозовой, использующей для обозначения указанного явления только словосочетание «юридическое исключение»¹.

Исключение в праве – категория сложная, вызывающая определенные разночтения, что не может положительно отразиться на реализации указанного юридического средства.

Реальная потребность в восполнении названного пробела, а также широкая распространенность исключений в правовых нормах обуславливают необходимость оговорки о том, что исключение в праве – явление легальное, разрешенное и допускаемое правом.

По нашему мнению, наиболее точным словесным оборотом применительно к исключению служит выражение «исключение в праве». Выверенность указанного словосочетания состоит в том, что данное понятие позволяет однозначно, без каких-либо оговорок² утверждать, что исключение из правил – сугубо правовой феномен, органическая часть механизма правового регулирования общественных отношений.

¹ См. об этом следующие работы И. С. Морозовой: Юридические исключения как объект научного исследования // *Юридическая мысль*. 2006. № 6 (37). С. 19–29 ; Синергетическая детерминация юридических исключений // *Современное право*. 2007. № 1. С. 62–66 ; Институционализация и реализация юридических исключений: социально-психологические аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 4. С. 81–83 ; К вопросу о результативности юридических исключений // *Право и государство: теория и практика*. 2007. № 6 (30). С. 4–7 ; Модернизация института юридических исключений как одно из направлений развития российской правовой системы // *Российская правовая система: вопросы теории и практики : межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2007. С. 12–13.

² Уязвимость термина «правовое исключение» («юридическое исключение») состоит в возможности предположения о том, что если есть правовые исключения, значит, могут быть их антиподы, т.е. неправовые (противоправные) исключения.

При этом «исключение в праве» не вступает в противоречие со словосочетаниями «юридическое исключение» и «правовое исключение», соотносясь с данными понятиями в качестве слов-синонимов.

Тем самым дефиниция «исключение в праве» не отвергает иную терминологию (в частности, «юридическое исключение», «правовое исключение», «нормативное исключение», «законодательное исключение»), однако представляется наиболее точным наименованием, позволяющим раскрыть истинный смысл и предназначение данного феномена.

Исключение в праве – правовое понятие, выполняющее номинативную функцию¹ и обозначающее ключевой смысл в юридической норме².

Для объяснения подобной позиции представляется необходимым провести принципиальную границу между двумя такими феноменами, как правовое понятие и юридический термин.

Понятие традиционно рассматривается как семантическое ядро, благодаря которому функционирует нормативное предписание³. Понятия несут в себе больше теоретической энергии, чем другие компоненты правового веления, поскольку в них сконцентрирована информация о реальной действительности⁴. Понятия выполняют гносеологическую, методологическую, формализационную функции⁵, играют важную роль в правотворчестве, правореализации, а также цивилизованной ориентации человеческой практики⁶.

¹ Номинативная функция слова заключается в отражении в нем представления, говорящего о явлении действительности либо об отношении между предметами и явлениями (см.: Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М., 1995. С. 53).

² См.: Хижняк С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998. С. 24.

³ См.: Чернобель Г. Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 34.

⁴ См.: Кашанина Т. В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1. С. 38.

⁵ См.: Бабаев В. К. Правовая система общества // Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 93.

⁶ См.: Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 155.

Высказанные характеристики правового понятия более чем актуальны для понятия «исключение в праве». Само наличие данного понятия в тексте правовой нормы предопределяет направленность последней, обозначает допускаемую правом вариативность регулирования, потенциальную возможность «выхода» из общего правила.

При этом понятие «исключение в праве», исходя из традиционной классификации правовых понятий¹, следует относить к понятиям, которые используются в понятийном аппарате юридической науки.

Действительно, «исключение в праве» – сугубо научная категория; рассматриваемое понятие редко употребляется в процессе правотворчества и, соответственно, в текстах правовых актов².

Подобное вовсе не свидетельствует об «ущербности» либо отсутствии практической значимости исследуемого понятия³.

В этой связи определенной степени можно согласиться с существованием «доктринального языка, языка правоприменительной практики и юридического разговорного языка»⁴.

Таким образом, исключение в праве – научное понятие, подразумевающее явление, которое имеет место в регулировании общественных отношений: санкционирование иного, отличного от общеустановленного, варианта поведения.

¹ В. К. Бабаев подразделяет правовые понятия на понятия юридической науки, законодательства и правоприменительной практики (см.: Бабаев В. К. Указ. соч. С. 90).

² Справедливости ради, можно отметить достаточно редкие случаи использования слова «исключение» в качестве нормативно-правовой единицы. В доминанте своей это выражается в словосочетании «исключение составляют». См., например: п. 13 ч. 2 ст. 30 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (Российская газета. 1993. 4 мая); п. 20 Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы (утв. Приказом МЧС РФ от 19 августа 2005 г. № 640 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 49. С. 127.

³ См. об этом: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 140.

⁴ Wroblewski I. Zagadnienia terminologii nauk prawnych // Nauka polska. 1984. № 3. S. 75.

Выражение «исключение в праве» обозначает как реально существующий правовой феномен, так и понятие, используемое юридической наукой для его обозначения.

В свою очередь понятие «исключение в праве» объективируется во внешнем мире в фонетическо-знаковой форме – юридических терминах.

Правовое понятие тем самым находит свое отражение в юридических терминах. Подобное соотношение понятия и термина характерно не только для юриспруденции, но и для общей терминологической системы¹.

Понятие корреспондирует с термином как содержание и форма. При этом понятие может формулироваться в различных терминах. Подобное вполне допустимо, поскольку иногда объективно невозможно охватить одним термином все многообразие правового понятия.

Вместе с тем термины должны выступать не в качестве антагонизмов, а в виде синонимов, означающих одно и то же понятие. «Понятие составляет ядро, сердцевину значения термина. Узнать значение термина – это определить содержание понятия, соотносимого с данным термином, выявить наиболее важные, существенные признаки, выделяемые в обозначаемых понятием однородных предметах и явлениях»².

Проецируя вышесказанное на проблематику исследования исключений, можно отметить следующее.

Исключение в праве как понятие выражается в юридических терминах. Данные термины закрепляются в норме права и по этой причине приобретают особую устойчивость и смысловую определенность³.

К терминам, подразумевающим понятие «исключение в праве», в плане юридической техники относятся прежде всего такие, как «за исключением

¹ Термин – это слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п. (см.: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4. С.357).

² Квитко И. С. Термин в научном документе. Львов, 1976. С.10.

³ См.: Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 139–174.

случаев», «исключительный случай», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения».

Эти термины выступают в качестве нормативно-правовых, поскольку именно через них происходит имплементация понятия «исключение в праве» в текст юридической нормы¹.

При этом словами-доминантами, позволяющими термину наиболее точно отображать правовое понятие, выступают слова «исключение» и «случай»; соответственно базовым, консолидирующим термином служит словосочетание «за исключением случаев».

Если значение слова «исключение» в рамках настоящего исследования воспринимается как допускаемый правилом, но отличный от него вариант поведения, то лексическое значение такой языковой единицы, как «случай», требует дополнительного рассмотрения.

В этом аспекте немаловажную роль играет обозначение слова «случай» – «то же, что и случайность»².

Подобная синонимичность обуславливает необходимость обращения к методологической установке о восприятии исключения как синтеза закономерности и случайности.

Так, наличие исключений из правил является закономерностью в правовой сфере, ибо нельзя с помощью только общих правил регулировать бесконечно разнообразные общественные отношения.

Поэтому вполне обоснованно в нормативных актах законодатель либо иной уполномоченный субъект правотворчества, осознавая закономерность появления исключений из правил (в силу невозможности охватить едиными стандартами все разнообразие жизни), формулируя правила, оговаривает и возможность исключений из них.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Проблемы фиксации исключений из правил в текстах нормативно-правовых актов // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 22–32.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 597.

Однако если исключение из правил в целом – абстрактная закономерность, то непосредственное проявление исключения – это в каждом случае уникальная жизненная ситуация, определенного рода феномен, связанный с дифференциацией, детализацией, индивидуализацией правореализационного процесса¹.

Исключение из правил – случайность, которая относительно маловероятна, но тем не менее нуждающаяся (в том числе и в плане превенции) в правовом урегулировании. Нетипичность какого-либо факта не свидетельствует о его нереальности. Потенциально такой казус возможен, и законодатель, во избежание пробельности, употребляет оговорку «за исключением случаев».

Последнее особенно актуально для тех моментов, условия наступления и констатации которых не четко указаны в тексте правовой нормы².

Законодательного критерия констатации таких случаев (а значит, и реализации исключения) не существует. Практика высших судебных органов также не восполняет данный пробел, ориентируя лишь на правильность процесса установления факторов, влияющих на мнение ребенка. «При опросе ребенка суду необходимо выяснять, не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него одного из родителей или других заинтересованных лиц, осознает ли он свои собственные интересы при выражении этого мнения и как он его обосновывает, и тому подобные обстоятельства»³.

Вместе с тем надо отметить, что некоторые случаи, выступающие в качестве исключений, прямо закреплены в тексте нормативно-правового акта. Например, согласно ч. 6 ст. 45 Градостроительного кодекса РФ не

¹ См.: Суменков С. Ю. Исключения в праве: необходимое и случайное // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2 (70). С. 203–207.

² См.: ст. 57 Семейного кодекса РФ

³ См. п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7. С. 3).

допускается осуществлять подготовку документации по планировке территории при отсутствии документов территориального планирования, за исключением случаев подготовки проектов межевания застроенных территорий и градостроительных планов земельных участков по заявлениям физических или юридических лиц.

По нашему мнению, в ракурсе изучения терминологического выражения понятия «исключение в праве» первостепенное значение имеет все же не то, насколько императивно либо диспозитивно зафиксированы случаи констатации исключения из правила. Главным надо считать то, что в результате использования словосочетания «за исключением случаев» становится возможным правовое регламентирование жизненного случая (казуса, факта, ситуации, обстоятельства), который:

- а) достаточно редко встречается на практике;
- б) обладает определенной спецификой, атипичной природой, что и позволяет характеризовать его как исключение из правила.

В связи с этим можно предложить следующий алгоритм проявления понятия «исключение в праве» посредством термина «за исключением случаев»: норма устанавливает правило, которое действует в качестве унифицированного обязательного стандарта, за исключением специально оговоренных случаев.

Наглядным примером вышеназванного алгоритма может служить ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий». Как видно из самого названия, статья устанавливает общие правила, среди которых недопустимость производства следственных действий в ночное время, **за исключением случаев** (выделено нами. – С.С.), не терпящих отлагательств (ч. 3 ст. 164 УПК РФ). Именно то, что данный случай не терпит отлагательства, выступает детерминантом восприятия его в качестве исключения.

Термин «за исключением случаев» представляется наиболее оптимальной формой выражения понятия «исключение в праве» не столько

из-за преобладания указанного юридического термина в текстах нормативных актов (количественный аспект), сколько по причине наиболее адекватного отражения сути рассматриваемого явления (качественная сторона проблемы).

Здесь можно с удовлетворением констатировать, что в процессе правотворчества наиболее массовое употребление получил максимально выверенный с теоретической точки зрения термин.

При этом надо отметить достаточно широкое распространение такого термина, как «исключительный случай».

Исключительным случаем можно считать нуждающуюся в правовом регламентировании нетипичную, особую жизненную ситуацию, для урегулирования которой применяются исключительные, отличные от общеустановленных правил предписания¹.

Исключительный случай имеется в арсенале субъекта правотворчества потому, что разнообразие общественных отношений не всегда позволяет законодателю урегулировать их путем принятия абсолютно определенных норм права.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении таких словарных единиц, как «исключительный случай» и «за исключением случаев».

И то и другое словосочетание используется в качестве нормативно-правового термина, необходимого для обозначения понятия «исключение в праве». Подобное не влечет полного отождествления и безоговорочной синонимичности указанных терминов.

Доказательством высказанной позиции может служить ст. 113 Трудового кодекса РФ. Согласно указанной норме работа в выходные и нерабочие праздничные дни запрещается, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ. Тем самым предполагается, что случаи, выступающие как исключения из правила о запрете работы в выходные и праздничные дни, закреплены в соответствующих статьях ТК РФ.

¹ См.: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 60.

Более того, в анализируемой статье содержатся условия допустимости реализации таких исключений; среди этих условий – обязательность получения письменного согласия работников.

Однако при этом ст. 113 ТК РФ устанавливает следующие случаи привлечения работников в выходные и нерабочие праздничные дни без их согласия, в число которых включает и неконкретизированные случаи, ставящие под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части.

По нашему мнению, именно чрезвычайность названных случаев позволяет причислить их к разряду исключительных и игнорировать законодательное требование не только о запрете на работу в выходные и нерабочие праздничные дни, но и об обязательном согласии работника на привлечение его к труду как условия правомерности применения исключения.

Таким образом, обоснованность разграничения терминов «за исключением случаев» и «исключительный случай» представляется очевидной, о чем свидетельствует и само наименование исследуемой статьи: «Запрещение работы в выходные и нерабочие праздничные дни. Исключительные случаи привлечения работников к работе в выходные и нерабочие праздничные дни».

Первая часть названия означает установление в норме правила запретительного характера. Соответственно тому, что в каждом правиле предполагается наличие исключения, законодатель в тексте статьи оговаривает возможность их существования, используя слова «за исключением случаев».

Что касается второй части, то здесь субъект правотворчества, прогнозируя потенциальную вероятность наступления экстремальных ситуаций, определяет примерный и открытый перечень таких случаев, справедливо называя их исключительными.

Линия раздела между терминами «за исключением случаев» и «исключительный случай» должна быть основана на следующих критериях.

Во-первых, как только что было сказано, диапазон констатации исключительных случаев является предельно широким.

Например, в ч. 6 ст. 89 Налогового кодекса РФ установлено, что выездная налоговая проверка не может продолжаться более двух месяцев. Указанный срок может быть продлен до четырех месяцев, а в исключительных случаях – до шести месяцев. Основания и порядок признания случая исключительным должны содержаться в соответствующем подзаконном акте.

Данный акт¹ в Приложении № 4 «Основания и порядок продления срока проведения выездной (повторной выездной) налоговой проверки» устанавливает (ч. 2 Приложения № 4) шесть пунктов, указывающих на условия, при которых выездная проверка может быть продлена. При этом если пункты 1–5 устанавливают конкретные основания продления проверки, то п. 6 предусматривает весьма неопределенную ситуацию: «иные обстоятельства».

Такая объемная формулировка объясняется невозможностью создания исчерпывающего перечня необычных жизненных казусов. Государство объективно не способно регламентировать каждый такой случай, обладающий к тому же чрезвычайным, исключительным характером. Подобная оценка подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, указывающего, что термин «исключительный случай» ...наполняется конкретным содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике, однако не является настолько

¹ Приказ Федеральной налоговой службы РФ от 8 мая 2015 г. № ММВ-7-2/189@ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2016).

неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений»¹.

Правильность изложения п. 6 ч. 2 Приложения № 4 (утв. Приказом ФНС России от 8 мая 2015 г. № ММВ-7-2/189@) подтверждает и судебная практика: «Наличие исключительности ситуации подлежит оценке в каждом конкретном случае в ходе принятия соответствующих правоприменительных решений»².

Что касается словосочетания «за исключением случаев», то данный термин может подразумевать (что уже отмечалось выше) как весьма неконкретизированные ситуации, так и моменты, четко оговоренные в нормативном акте. Примером последних может служить ст. 51 ГПК РФ, согласно которой судьи, следователи, прокуроры не могут быть представителями в суде, за исключением случаев участия их в процессе в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей.

Такая способность детализировать события детерминирует обращение законодателя к использованию слова «случай» в единственном числе; соответственно нормативная формулировка исследуемого понятия может звучать следующим образом – «за исключением случая» (ее, в частности, содержат п. 2 ч. 1 ст. 63 Налогового кодекса РФ; ч. 1 ст. 78 ГК РФ; ч. 1 ст. 15 Водного кодекса РФ; ч. 8 ст. 45 Градостроительного кодекса РФ; ч. 3.1 ст. 38 АПК РФ; ч. 2 ст. 12.3 КоАП РФ; п. 2. ч. 4 ст. 46 УПК РФ; ч. 5 ст. 53 Земельного кодекса РФ и т.д.). Обозначенный термин предполагает максимально возможное в правовых нормах уточнение жизненного факта, выступающего в качестве исключения.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2010 г. № 1434-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «МП Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 ст. 89 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

² Решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 июля 2010 г. № ВАС-7688/10 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

В свою очередь дефиниция «исключительный случай» в силу того, что не имеет исчерпывающего характера, крайне редко встречается в единичном варианте изложения. Примером из действующего законодательства может служить положение ч. 3 ст. 70 Кодекса торгового мореплавания РФ: «В исключительном случае, если судно должно находиться длительное время в открытом море и тело умершего не может быть сохранено, капитан судна имеет право предать тело умершего морю согласно морским обычаям с составлением соответствующего акта».

Во-вторых, установление и, что самое главное, разрешение исключительных случаев всегда выступает прерогативой управомоченного субъекта. Так, исходя из приведенного выше примера, можно сделать вывод о том, что КТМ РФ содержит три фактора признания ситуации исключительным случаем:

- а) наличие на борту судна трупа;
- б) нахождение судна в открытом море и невозможность в соответствии с установленным законом правилом передачи тела умершего на родину либо предания его земле, либо кремирования;
- в) отсутствие условий для сохранения тела на борту судна.

При этом предусмотрен особый порядок проведения и оформления ритуальных мероприятий. В случае смерти на судне капитан обязан сделать в судовом журнале соответствующую запись (ч. 2 ст. 70 КТМ РФ); похороны должны состояться согласно обычаям, принятым в морской практике, с составлением акта (ч. 3 ст. 70 КТМ РФ); по прибытии в морской порт, где останки умершего были сняты с судна, производится государственная регистрация смерти на основе заверенной капитаном судна и судовой печати выписки из судового журнала (ч. 2 ст. 65 ФЗ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹).

Следовательно, существует целый нормативный комплекс, регламентирующий основания и способ организации похорон в открытом

¹ СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

море. Однако принятие окончательного решения об их проведении, а значит, и констатация исключительного случая предоставлены усмотрению капитана судна.

Термин «за исключением случаев» многовариантен. Он может обозначать как казус, отданный на разрешение соответствующего субъекта (например, согласно ч. 2 ст. 101 Налогового кодекса РФ неявка лица, в отношении которого проводилась налоговая проверка, не служит препятствием для рассмотрения материалов проверки, за исключением тех случаев, когда участие данного лица будет признано руководителем налогового органа обязательным для рассмотрения этих материалов), так и иметь императивный, не допускающий никакой свободы выбора характер.

В-третьих, формулировки «исключительный случай» и «за исключением случаев» могут выражать разную смысловую направленность.

В первом термине акцент делается на экстраординарность, необычность события, в результате чего оно и признается исключительным случаем. В качестве примера можно привести крайне редкую в российском законодательстве попытку расшифровки термина «исключительный случай». Так, абз. 2 п. 1 Положения о предоставлении помощи в возвращении в Российскую Федерацию гражданам Российской Федерации, оказавшимся на территории иностранного государства без средств к существованию (утв. Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2010 г. № 370¹), гласит: «Под исключительными случаями понимаются ситуации, при которых возвращение в Российскую Федерацию граждан Российской Федерации будет способствовать устранению непосредственной угрозы их жизни».

В речевом обороте «за исключением случаев» приоритет отдается слову «случай» – жизненной ситуации, которая может быть самой заурядной, обыденной, но волей законодателя обозначенная как исключение из общего правила (ст. 65 ТК РФ).

¹ СЗ РФ. 2010. № 23, ст. 2832.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Определяющими свойствами исключительного случая выступают:

- а) отсутствие жесткой закреплённости, приблизительный и открытый их перечень;
- б) предельно широкая возможность усмотрения, констатации и разрешения;
- в) неоднозначный, экстраординарный характер.

Такие же качества присущи явлениям, охватываемым выражением «за исключением случаев», однако, как только что было доказано, не всем, а лишь отдельной их части.

По нашему мнению, подобное подтверждает доминирующую роль нормативно-правового термина «за исключением случаев» среди иных словарных единиц, используемых для определения понятия «исключение в праве»¹.

Более того, термин «за исключением случаев» выступает в качестве базового для словосочетаний «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения». Исключительный случай – весьма специфический

¹ При этом в текстах нормативных актов может встречаться словосочетание «исключительно в случаях». Так, п. 4 ст. 15 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия (утв. Постановлением Правительства РФ от 9 марта 2010 г. № 131 // СЗ РФ. 2010. № 11, ст. 1226) гласит: «Обеспечение объединенной российской военной базы услугами, указанными в пункте 3 настоящей статьи, *может быть приостановлено* **исключительно в случаях** возникновения форс-мажорных обстоятельств в соответствии с законодательством Республики Южная Осетия» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.). Как думается, анализируемая фраза не означает исключения из правила, а, напротив, предназначена для усиления последнего. В данном контексте синонимами слова «исключительно» вполне могут выступать слова «только», «сугубо», «лишь» и т.п. По нашему мнению, если бы субъект правотворчества хотел ввести исключение в указанное правило, то рассматриваемое предписание звучало бы следующим образом: «Обеспечение объединенной российской военной базы услугами, указанными в пункте 3 настоящей статьи, *не может быть приостановлено* **за исключением случаев** возникновения форс-мажорных обстоятельств в соответствии с законодательством Республики Южная Осетия» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.). Подобное в очередной раз свидетельствует как о важности языковой составляющей правовых актов, так и необходимости строгого целевого использования соответствующей юридической терминологии.

термин, обладающий автономной природой, предназначенный для освещения отдельных аспектов понятия «исключение в праве».

В правотворческом процессе термины «за исключением случаев» и «исключительный случай» могут сочетаться, корреспондировать друг другу для достижения максимальной эффективности правового регулирования.

Так, согласно ч. 2 ст. 12 УПК РФ обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В свою очередь указанная норма уголовно-процессуального закона устанавливает, что в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, а также личного обыска не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть проведены на основании постановления следователя без получения судебного решения.

Надо отметить, что в законодательстве используются также некоторые иные термины, уяснение которых важно для понятийного аппарата теории об исключениях в праве.

В контексте уже рассмотренных терминов «за исключением случаев» и «исключительный случай» надо подвергнуть анализу такие сходные с ними словосочетания, как «случай, не терпящий отлагательства», «особый случай», «необходимый случай».

Лексический оборот «случай, не терпящий отлагательства» имеет весьма неоднозначную трактовку и нуждается в дополнительном пояснении при сравнении с выражением «исключительный случай».

На наш взгляд, при их соотношении возможны несколько вариантов.

В первом из них «случай, не терпящий отлагательства» и «исключительный случай» выступают в качестве синонимов. Например, абз. 3 ст. 42 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ предусматривает, что в случаях, не терпящих

¹ СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

отлагательства, КС РФ имеет возможность обращаться к уполномоченным субъектам о приостановлении реализации акта, который оспаривается.

В таком изложении термин «случай, не терпящий отлагательства» полностью соответствует рассмотренным выше отличительным признакам исключительного случая (открытость перечня, широта усмотрения, экстраординарность события).

Тем самым, если бы законодатель использовал в тексте приведенной нормы формулировку «исключительный случай», то никакого принципиального изменения смысла и сути анализируемого предписания не было бы в силу абсолютной тождественности исследуемых выражений.

Иное дело, если словосочетание «случай, не терпящий отлагательства» обладает определенной спецификой, заключающейся в подчеркнутом указании на необходимость оперативного, быстрого, незамедлительного юридического реагирования на ту или иную жизненную ситуацию¹.

Однако подобное своеобразие не дает повода отрицать синонимичность рассматриваемых терминов. Подтверждением служат достаточно распространенные в российском законодательстве обороты,

¹ См., например: «Орган, обеспечивающий безопасность, получив указанное в части первой статьи 13 настоящего Федерального закона заявление (обращение, информацию) о наличии угрозы безопасности защищаемого лица, обязан в срок не более трех суток принять решение о применении либо об отказе в применении в отношении указанного лица мер безопасности. *В случаях, не терпящих отлагательства*, меры безопасности применяются **незамедлительно**» (ст. 14 ФЗ от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СЗ РФ. 1995. № 17, ст. 1455); «Суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь, получив заявление (сообщение) об угрозе убийства лица, указанного в частях 1–3 статьи 2 настоящего Федерального закона, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества либо иного опасного противоправного деяния, обязаны проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (*а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно*) принять решение о применении мер безопасности в отношении его либо об отказе в их применении» (ч. 2 ст. 18 ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

непосредственно увязывающие исключительность случая и безотлагательность его разрешения¹.

Вместе с тем, как уже было сказано, соотношение исключительного случая и случая, не терпящего отлагательства, весьма многопланово и не может быть сведено к однозначной констатации их тождества.

Так, весьма интересное положение содержится в упомянутом выше п. 37 ст. 13 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»².

В указанной норме весьма четко установлено различие между случаями, не терпящими отлагательства, и исключительными случаями. При этом критерием размежевания выступает отнюдь не временной фактор (и в той, и другой ситуации очевидна необходимость оперативности действий), а принадлежность транспортного средства. Субъект правотворчества, осознавая существенную ценность транспортного средства для граждан, акцентирует внимание на том, что случай его изъятия является исключительным. В свою очередь при использовании транспортных средств иных участников правоотношений законодатель употребляет совершенно иной термин, как думается, намеренно не связанный с констатацией исключительности происходящего³.

Таким образом, исходя из значимости объекта изъятия и факта его принадлежности (совершенно справедливо отдавая приоритет правам физических лиц – каждого конкретного гражданина), ФЗ от 7 февраля 2011 г.

¹ См. об этом, например: Хатуаева В. В., Рябцева Е. В. Безотлагательность и исключительность как детерминирующие признаки следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 50–58.

² СЗ РФ. 2011 . № 7, ст. 900.

³ Более того, в предписаниях, охватываемых термином «случаи, не терпящие отлагательства», допускается исключение – запрещение изъятия транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, представительствам международных организаций.

№ 3-ФЗ «О полиции» разграничивает нормативно-правовые термины, охватывающие схожие, но не идентичные жизненные казусы¹.

В данном аспекте выражение «случай (-аи), не терпящий (-ие) отлагательства» выступает в качестве самостоятельного нормативного термина, бесспорно заслуживающего отдельного научного изучения и теоретического осмысления.

Напротив, об автономности этого лексического оборота нельзя говорить при еще одном варианте понимания анализируемого словосочетания, детерминированного прежде всего положениями ФЗ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»² (далее – ФЗ № 229).

Предписания вышеуказанного закона (прежде всего ч. 3 ст. 35) может свидетельствовать о тождественности «случая, не терпящего отлагательства» и «исключительного случая». Доказательством подобной идентичности служит приблизительный, предельно открытый перечень казусов, выступающих в качестве основания проведения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения в нерабочие дни, а также в ночное время; в свою очередь невозможность жесткой регламентации является, как уже говорилось, отличительной характеристикой последних³.

¹ В отличие от ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», такие нормативные акты, как ФЗ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (СЗ РФ. 1995. № 15, ст. 1269) и ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2010. № 48, ст. 6252), не разграничивают права собственности на транспортные средства граждан и иных субъектов и не считают случаи изъятия транспортных средств у граждан исключительными, а определяют их в качестве случаев, не терпящих отлагательства. В этой части формулировки названных законов практически идентичны (п. «ж» ст. 13 ФЗ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и п. 8 ч. 1 ст. 19 ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» соответственно). В связи с этим хотелось бы отметить не только научную проработанность ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», но и его, без сомнения, гуманистическую направленность.

² СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

³ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 149-150.

С другой стороны, в анализируемом аспекте «случай, не терпящий отлагательства» может быть приравнен к термину «за исключением случаев» – к той их части, которая обозначает неконкретизированные правом жизненные ситуации. Это умозаключение подтверждается допустимостью сочетания в нормативном акте исключения и случая, не терпящего отлагательства. Например, в соответствии с п. 8 ст. 77 Налогового кодекса РФ «проведение ареста имущества в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства».

Определенное возражение против такого рода интеграции детерминируется отсутствием в приведенном только что примере точно установленного порядка юридического оформления констатации исключения.

Напротив, ФЗ № 229 четко определяет алгоритм, которым должен руководствоваться правоприменитель, пришедший к заключению о невозможности выполнять свои функции согласно стандартным, единым для всех правилам¹.

Наличие предписаний относительно последовательности действий, связанных с признанием исключения², несомненно сближает «случай, не терпящий отлагательства» и «исключительный случай»³.

Вместе с тем безусловное указание на необходимость письменного санкционирования соответствующим должностным лицом решения судебного пристава-исполнителя, усмотревшего случай, не терпящий

¹ См.: ч. 4 ст. 35 ФЗ № 229.

² Хотелось бы подчеркнуть: речь идет о юридическом оформлении порядка действий при усмотрении исключения, а не об алгоритме их установления. Последнее, по большей части, не представляется возможным по причине многообразия регулируемых правом общественных отношений, что и детерминирует появление исключений.

³ См. об юридических вопросах констатации исключительного случая: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 66–67.

отлагательства, позволяет задуматься о соотношении такого случая и особого случая¹.

При рассмотрении феномена «особый случай» необходимо в первую очередь отметить, что исключительный случай нельзя считать синонимом особого случая прежде всего вследствие детальнейшей регламентации последнего действующими нормативно-правовыми актами. Характерной чертой особых случаев является как четкое определение казусов, воспринимаемых законодателем в качестве особых случаев, так и предельно конкретные способы их разрешения².

Аналогичный механизм может быть применим при рассмотрении соотношения таких терминов, как «исключительный случай», «особый случай» и «отдельный случай». Здесь показательно предписание, закрепленное в п. 6 Приложения к Положению о военно-врачебной экспертизе (утв. Постановлением Правительства РФ от 4 июля 2015 г. № 565³): «В отношении военнослужащих, перенесших заболевание легкой или среднетяжелой неосложненной формы, заключение о необходимости предоставления отпуска по болезни не выносится. Восстановительное лечение этой категории переболевших завершается в реабилитационных отделениях военных госпиталей (специальных центрах выздоравливающих) или в медицинских пунктах воинских частей, где может быть организован необходимый комплекс реабилитационных мероприятий. *В исключительных случаях* допускается проведение реабилитации в инфекционных или

¹ На наш взгляд, дилемма о соразмерности терминов «случай, не терпящий отлагательства» и «особый случай» в абстрактном плане имеет, без сомнения, перспективный характер. Однако при анализе конкретного примера – положений ч. 3 ст. 35 ФЗ № 229 – можно с уверенностью констатировать, что «случай, не терпящий отлагательства» полностью совпадает с выражением «исключительный случай». Об этом, в частности, свидетельствует открытый перечень случаев, не терпящих отлагательства; их неординарный характер; усмотрение их правоприменителем; предельно жесткий, нормативно установленный алгоритм действий, связанных с признанием существования таких случаев.

² См. о разграничении исключительного случая и особого случая: Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012. С. 183–186.

³ СЗ РФ. 2013. № 28, ст. 3831.

терапевтических отделениях военно-медицинских учреждений. *В отдельных случаях* военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, перенесшие заболевание тяжелой или среднетяжелой формы, могут быть переведены для реабилитации в военные санатории по бесплатной путевке на срок не менее 20 дней. Курсанты и слушатели военно-учебных заведений в этих случаях в реабилитационные отделения и центры реабилитации не переводятся, а выписываются в воинскую часть» (курсив наш. – С.С.).

Несмотря на определенные сомнения¹, надо признать четкость правотворческого разделения отдельных случаев и исключительных случаев. В свою очередь детализация положений, характерная в приведенном примере для реабилитации военнослужащих в отдельных случаях, позволяет сделать вывод об идентичности таких нормативно-правовых терминов, как «особый случай» и «отдельный случай».

При этом словосочетание «особый случай» может быть синонимично выражению «за исключением случаев», что объясняет колоссальную разницу между особыми и исключительными случаями. Она обусловлена проанализированными выше отличиями между терминами «за исключением случаев» и «исключительный случай».

Здесь недопустим формальный подход, состоящий в автоматическом признании исключения лишь по признаку использования словосочетания «особый случай».

Подобное относится и к характеристике такой языковой единицы, как «необходимый случай».

Речевые обороты «исключительный случай» и «необходимый случай» не всегда тождественны. Очевидно, что всякий исключительный случай является необходимым с точки зрения его разрешения; однако не каждый случай, по которому необходимо принимать решение, обязательно является

¹ Так, весьма интересная норма содержится в п. 6 разд. 2.3 Федеральной миграционной программы (утв. Указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 // СЗ РФ. 1994 г. № 18, ст. 2065): «Для социально незащищенных категорий мигрантов, а также **в отдельных исключительных случаях** территориальные органы ФМС России могут принимать решение о бесплатном содержании и предоставлении услуг» (выделено нами. – С.С.).

исключительным (ч. 1 ст. 127 УИК РФ). Еще больше это относится к обороту «в случае необходимости» (ч. 1 ст. 60 УИК РФ).

Для признания необходимого случая исключительным нужна полная оценка каждой конкретной ситуации, всех ее аспектов – причин, условий, обстоятельств.

Слова «обстоятельства», «причины», «условия», весьма распространенные в языке нормативных актов, проецируясь относительно исключений, предстают в виде словосочетаний «особые обстоятельства», «исключительные обстоятельства», «уважительные причины», «особые условия»¹.

По нашему мнению, особые обстоятельства выступают как детерминанты констатации исключения из правила. Предельно четко об этом сказано в абз. 4 п. 1 ст. 131 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ: «Исключение из правил распределения вознаграждения, установленных абзацами вторым и третьим настоящего пункта, может быть допущено только при наличии особых обстоятельств».

Подобное убедительно доказывает, что «обстоятельства» и «случай» соотносятся между собой как причина и следствие. Поэтому верно то, что обстоятельство толкуется в словарях как явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное, а также как условие, определяющее положение, существование кого-нибудь или чего-нибудь².

Таким образом, употребление формулировки «особые обстоятельства» рассчитано на оправдание применения исключительных положений.

Термин «исключительные обстоятельства» необходим как для объяснения понимания случая как исключения, так и для оценки свойств последнего, позволяющих определять его в качестве исключения. Тем самым

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. № 7. С. 91–95.

² См., например: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 351.

исключительные обстоятельства равным образом «привязаны» как к детерминантам, так и к характеристикам исключения.

Например, согласно ч. 2 ст. 81 УИК РФ, осужденного можно перевести из одного учреждения в другое лишь при констатации исключительных обстоятельств¹.

Соответственно, случай болезни осужденного², равно как и ликвидацию или реорганизацию исправительного учреждения, следует считать исключительными обстоятельствами, обуславливающими восприятие этих случаев как исключений из общего правила³.

Конструкция нормативных предписаний, содержащих выражение «исключительные обстоятельства», условно выглядит следующим образом:

- а) причина, по которой случай попадает в разряд исключений;
- б) указание на наличие исключительных обстоятельств и примерный их перечень;
- в) обязательная оговорка о возможности констатации других (иных) исключительных обстоятельств.

Данная схема в различных ее вариациях присутствует в нормах права, в которых фигурирует оборот «исключительные обстоятельства» (в частности, ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 88 Семейного кодекса РФ; ст. 64 УК РФ; ч. 3 ст. 68, ч. 2 ст. 81 УИК РФ; п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ).

¹ См.: Инструкция о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения (утв. Приказом Минюста РФ от 1 декабря 2005 г. № 235 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51. С. 52).

² См.: Приказ Минздрава РФ № 346 и Минюста РФ № 254 от 28 августа 2001 г. № 346/254 «Об утверждении Перечня медицинских противопоказаний к отбыванию наказания в отдельных местностях Российской Федерации осужденными к лишению свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 46. С. 134.

³ О том, что такие случаи являются исключениями из правила, свидетельствует и формулировка ч. 1 ст. 81 УИК РФ: «Осужденные к лишению свободы должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одной исправительной колонии, тюрьме или воспитательной колонии».

На наш взгляд, «особые обстоятельства» и «исключительные обстоятельства» относительно синонимичны. Прилагательные «особый» и «исключительный» подразумевают, что явления, определяемые такими словами, следует считать отличными от других, не обыкновенными, не распространяющимися одинаково на всех.

То же самое можно сказать и об использовании термина «чрезвычайные обстоятельства» (например, абз. 16 ст. 59 Трудового кодекса РФ; п. 3 ст. 95 Жилищного кодекса РФ и др.).

Некоторым отличительным признаком чрезвычайных обстоятельств выступает довольно ограниченный характер, связывающий их появление с какими-либо несчастными случаями (ст. 286–287 КТМ РФ), стихийными бедствиями (п. 8.3, 46 ст. 217 Налогового кодекса РФ), авариями, эпидемиями, эпизоотиями (ч. 1 ст. 51 Земельного кодекса РФ) и т.п.

Однако строгое разграничение словосочетаний «особые обстоятельства», «чрезвычайные обстоятельства», «исключительные обстоятельства», по большому счету, нерационально, излишне.

Иное дело то, что дефиниция «исключительный» более ярко, выпукло отражает неординарность, нетипичность обстоятельства, случая, поэтому она намного чаще употребляется в ходе создания нормативных актов¹.

Качественная оптимальность и количественная множественность выражения «исключительные обстоятельства» детерминировали существование такой его лексической версии, как «исключительные личные обстоятельства»².

Добавление слова «личные» должно свидетельствовать о субъективных моментах признания обстоятельства исключительным. В российском

¹ См.: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения. С. 60.

² Часть 3 ст. 32 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 22, ст. 2031) упоминает об обстоятельствах, имеющих исключительный характер. Интересно то, что эти обстоятельства должны быть подтверждены документально. Несмотря на такой нюанс, данное выражение, по нашему мнению, полностью тождественно словосочетанию «исключительные обстоятельства».

законодательстве имеется тенденция приравнивания личных обстоятельств к исключительным случаям¹.

Подобная трактовка не вполне корректна с научной точки зрения, ибо констатация исключительного случая не всегда связана исключительными личными обстоятельствами.

Гораздо более выверенным выглядит изложение ст. 92 УИК РФ. В ч. 1 данной статьи находятся общие правила регламентации телефонных переговоров осужденных, в числе которых возможность ограничения их количества администрацией исполнительных учреждений до шести раз в год. Последнее предполагает установление определенного графика звонков.

Однако ч. 2 указанной статьи предусматривает право администрации исполнительных учреждений предоставить осужденному возможность телефонного разговора по его просьбе при наличии исключительных личных обстоятельств. Тем самым исключительные личные обстоятельства обуславливают телефонные переговоры вне графика.

Еще большее значение исключительным личным обстоятельствам придается в ч. 3 рассматриваемой статьи. Применительно к данному положению п. 89 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений² содержит примерную расшифровку исключительных личных обстоятельств: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье, и др.³

¹ См., например, п. 10 ст. 11 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331).

² Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47. С. 138.

³ Решением Верховного Суда РФ от 30 июля 2009 г. № ГКПИ09-677, оставленным без изменения Определением Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 24 ноября 2009 г. № КАС09-542, пункт 89 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений признан не противоречащим действующему законодательству // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

В свою очередь весьма интересная норма закреплена в ч. 4 ст. 92 УИК РФ, которая в исключительных случаях санкционирует телефонный разговор осужденного с родственником, также находящимся в местах заключения.

Соответственно исключительные случаи нельзя ограничивать только исключительными личными обстоятельствами, перечисленными выше. Поэтому п. 90 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений не дает даже приблизительной характеристики исключительных случаев, при которых допускаются телефонные переговоры между осужденными.

Таким образом, исключительные случаи не совпадают и не должны совпадать с исключительными личными обстоятельствами; более того, как доказывает проведенный анализ ст. 92 УИК РФ последние не всегда выступают в качестве обязательных детерминантов признания случая исключительным.

В отличие от исключительных личных обстоятельств, словосочетание «уважительные причины» используется законодателем, чтобы оправдать усмотрение исключения из общего правила. Подобное предполагает словарное значение указанного речевого оборота. Существование уважительных причин служит фактором, позволяющим констатировать исключения в праве. Наиболее ярким примером сочетания уважительных причин и исключений являются положения ГПК РФ, регламентирующие возможность восстановления пропущенного процессуального срока, установленного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ. Так, согласно ч. 4 ст. 112 ГПК РФ, «указанный срок может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего надзорную жалобу, его беспомощное состояние и другое), и эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу».

Тем самым присутствие (либо, наоборот, отсутствие) уважительных причин служит основанием признания либо отрицания исключительности события (предельно четко это иллюстрирует ч. 2 ст. 13 СК РФ).

Уважительные причины нельзя отождествлять ни с исключениями, ни с исключительными (особыми) обстоятельствами.

Следовательно, закон различает исключения, особые (исключительные) обстоятельства и уважительные причины.

Различия между двумя последними феноменами, по нашему мнению, состоят в следующем.

Во-первых, исключительные (особые) обстоятельства употребляются для обозначения экстраординарных ситуаций, регламентация которых резко отличается от обычного, установленного общими правилами порядка.

Уважительные причины также подразумевают случаи, подпадающие под понятие «исключение в праве». Но такие казусы не столь явно контрастируют с унифицированными стандартами; способы их разрешения обладают более «сдержанным» характером.

Так, развивая тему об исключениях из правил о заключении брака, можно привести как пример ч. 1 ст. 11 Семейного кодекса РФ, в абз. 1 которой закреплено правило о том, что заключение брака производится по истечении месяца со дня подачи заявления в органы записи актов гражданского состояния. Абзац 2 ч. 1 ст. 11 Семейного кодекса РФ допускает исключение из этого правила, оговаривая наличие уважительных причин.

Однако Семейный кодекс РФ содержит и гораздо более значительное изъятие из общего правила (абз. 3 ч. 1 ст. 11).

Во-вторых, исключительные (особые) обстоятельства не ограничиваются только ролью детерминантов исключения в праве, но и служат качественными характеристиками исключения. Более того,

усмотрение исключительных (особых) обстоятельств всегда свидетельствует об исключительности случая¹.

Уважительные причины, как уже было сказано, выступают сугубо в качестве оснований, позволяющих именовать тот или иной случай как исключение из правила.

Необходимо учитывать то, что использование в тексте нормы права слов «уважительные причины» не означает автоматической фиксации исключения. Например, ч. 4 ст. 158 АПК РФ предусмотрено, что арбитражный суд может отложить судебное разбирательство по ходатайству лица, участвующего в деле, в связи с неявкой в судебное заседание его представителя по уважительной причине.

Данное положение является не исключением, а, напротив, частью общих правил об отложении судебного разбирательства, установленных ст. 158 АПК РФ, которая так и называется – «Отложение судебного разбирательства».

Таким образом, единого нормативного «рецепта» констатации исключений предложить невозможно. Это, а также открытый и примерный характер перечня уважительных причин², равно как и исключительных

¹ Здесь можно предложить такой вариант корреляции: «Не каждый случай, воспринимаемый как исключение, обусловлен исключительными (особыми) обстоятельствами, но констатация исключительных (особых) обстоятельств всякий раз сопровождается признанием исключительности случая». При этом вторая часть фразы проецируется на широкий диапазон отношений, что подтверждается примерами из нормативного материала и юридической практики.

² В действующем законодательстве не имеется «закрытого» перечня, в котором твердо определены причины, считающиеся уважительными в контексте того или иного случая и влияющие поэтому на принятие властного решения. Так, Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 31 января 2007 г. № 74 утвержден Перечень уважительных причин пропуска срока обращения за пособием по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячным пособием по уходу за ребенком (Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 11. С. 235). В этом Перечне в п. 1–5 действительно строго изложены причины, являющиеся уважительными в данном конкретном случае. Однако п. 6 указанного Перечня звучит следующим образом: «Иные причины, признанные уважительными в судебном порядке, при обращении застрахованных лиц в суд». Подобная редакция, несмотря на частичные оговорки, вряд ли может быть признана жестко ограничивающей вероятность расширенного толкования термина «уважительные причины».

(особых) обстоятельств, некоторым образом сближает сравниваемые термины.

По нашему мнению, наиболее широким значением в изучаемом терминологическом ряду обладает словосочетание «особые условия».

Особые условия в лексико-семантическом их понимании представляют собой не такие, как все, не обыкновенные обстоятельства, требования, обстановку, в которой происходит что-нибудь; правила, установленные в какой-либо области жизни, деятельности¹.

Первые три слова в сочетании с указанием на их «особость» идентичны термину «особые (а значит и исключительные) обстоятельства». В частности, формулировка «особые условия» активно используется Трудовым кодексом РФ: ст. 146 «Оплата труда в особых условиях» имеет базовый характер, а детализирует ее ст. 147 «Оплата труда работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» и ст. 148 «Оплата труда в местностях с особыми климатическими условиями».

Если в данных статьях изменить существительное «условие» на «обстоятельство», то принципиальной разницы не возникнет. В частности, ст. 146 Трудового кодекса РФ в подобном варианте изложения звучала бы так: «Оплата труда при особых обстоятельствах».

Таким образом, особые условия могут быть синонимами исключительных (особых) обстоятельств, выступая детерминантами и качественными характеристиками исключений из правил.

Другое значение термина «особые условия» состоит в том, что они представляют собой правила, необходимые для регулирования специфических сторон окружающей действительности.

ФЗ от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»² в главе VIII «Особые условия строительства и эксплуатации судов и иных плавсредств с ядерными установками и радиационными

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 373, 685.

² СЗ РФ.1995. № 48, ст. 4552.

устройствами» содержит не исключения, а именно специализированные правила, предназначенные для регламентирования отношений, в которых фигурируют суда и плавсредства с ядерными установками и радиационными источниками. Эти правила достаточно обширны: устанавливают порядок проектирования, эксплуатации указанных объектов (ст. 40 названного закона); определяют требования к их экипажам (ст. 40); закрепляют режим захода в порты РФ (ст. 41); способы организации предотвращения загрязнения окружающей среды (ст. 42).

В развитие указанных положений были приняты соответствующие подзаконные нормативно-правовые акты¹, что позволяет говорить о целом комплексе правил, упорядочивающих данную сферу общественных отношений.

Аналогичным образом отдельные правила вводятся иными правовыми актами²; более того, в некоторых случаях термин «особые условия» используется при конструировании нормативных правил³.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 3 марта 1997 г. № 240 «Об утверждении перечня должностей работников объектов использования атомной энергии, которые должны получать разрешения Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору на право ведения работ в области использования атомной энергии» // СЗ РФ. 1997. № 10, ст. 1180; Перечень морских портов Российской Федерации, в которые разрешаются заходы судов и иных плавсредств с ядерными установками и радиационными устройствами (утв. Распоряжением Правительства РФ от 6 января 1997 г. № 14-р // СЗ РФ. 1997. № 3, ст. 396); Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11 февраля 2004 г. № 5 «О введении в действие Санитарных правил СП 2.6.1.01-04 «Обеспечение радиационной безопасности портов Российской Федерации при заходе и стоянке в них атомных судов, судов атомно-технологического обслуживания и плавучих энергоблоков атомных теплоэлектростанций СПРБП-04» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2004. № 12. С. 90.

² См., например, главу 5 «Особые условия сохранения и использования культурного достояния народов Российской Федерации в области библиотечного дела» ФЗ от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 2).

³ См., например: Правила установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 160 «О порядке установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон» // СЗ РФ. 2009. № 10, ст. 1220).

Вместе с тем понимание особых условий в качестве правил детерминирует постановку вопроса о наличии исключений из них.

Действительно, исходя из методологического посыла о том, что из каждого правила есть исключения, можно предположить следующее восприятие особых условий.

Особые условия – это правила, имеющие специальный характер; в рамках этих правил также имеются исключения, причем в самых разнообразных вариантах их выражения¹. В частности, ст. 85 УИК РФ в ч. 1 предусматривает, что в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий.

Этот режим подразумевает установление таких правил, как приостановление осуществления некоторых прав осужденных; введение усиленного варианта охраны и надзора, особого порядка допуска на объекты; изменение распорядка дня; ограничение деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, **за исключением** (выделено нами. – С.С.) медико-санитарных (ч. 2 ст. 85 УИК РФ)².

Срок режима особых условий в исполнительных учреждениях – до 30 суток (ч. 3 ст. 85 УИК РФ); однако в этой же норме закреплено положение о том, что в исключительных случаях данный срок может быть продлен на 30 суток.

Надо отметить, что и правила, функционирующие в условиях чрезвычайного положения, также допускают исключения из них. Например,

¹ По нашему мнению, допустима постановка вопроса о том, что исключения могут быть реализованы в особых условиях. Например, административное задержание, осуществляемое в соответствии с КоАП РФ в исключительных случаях, потенциально возможно провести в особых условиях (См., в частности: Поддубный А. О. Особые условия применения административного задержания в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук Саратов, 2003).

² См., например: Пчелинцев С. В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

п. «д» ст. 12 ФКЗ от 30 мая 2001 г. «О чрезвычайном положении»¹ определяет, что в исключительных случаях допускается временное изъятие у граждан оружия и боеприпасов, а также ядовитых веществ, а у организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, – временное изъятие наряду с оружием, боеприпасами и ядовитыми веществами также боевой и учебной военной техники, взрывчатых и радиоактивных веществ.

Подобное исключение связано с несомненным ограничением прав граждан и организаций. Поэтому законодатель совершенно верно употребляет в этом контексте термин «исключительный случай». «Дело здесь, – пишет А. А. Фомин, – не только в терминологической точности. За подменой терминов кроется опасность отступления от законного порядка, что особенно недопустимо, когда речь идет о чрезвычайных мерах»².

В контексте рассуждения об условиях чрезвычайного положения стоит затронуть и термин «чрезвычайная ситуация».

В глобальном смысле чрезвычайная ситуация, конечно, исключение из обычного, привычного хода протекания явлений, процессов, событий³.

Однако в нормативном аспекте чрезвычайная ситуация обладает достаточно жесткими атрибутивными качествами. В отличие от иных формулировок в исследуемом терминологическом ряду, данное выражение имеет четкую законодательную дефиницию.

¹ СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2277.

² Фомин А. А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве. Пенза, 2002. С. 132.

³ В связи с этим хотелось бы обратить внимание на весьма интересное предписание, трактующее чрезвычайную ситуацию как разновидность исключительного случая. Так, п. 81 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19) Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) гласит: «Введение Сторонами государственного ценового регулирования на товарных рынках, не находящихся в состоянии естественной монополии, осуществляется в исключительных случаях, к которым относятся в том числе чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия, соображения национальной безопасности при условии, что возникшие проблемы невозможно решить способом, имеющим меньшие негативные последствия для состояния конкуренции» (Официальный сайт Евразийской экономической комиссии URL: <http://www.eurasiancommission.ru>) (дата обращения: 01.07.2016 г.).

«Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»¹.

Для предотвращения наступления чрезвычайных ситуаций либо ликвидации их последствий нормативно-правовыми актами предусматриваются правила², из которых, естественно, могут быть исключения³.

Таким образом, чрезвычайная ситуация – весьма значимый детерминант существования целого юридического комплекса правил и исключений из них.

Возвращаясь к рассмотрению термина «особые условия»⁴, можно констатировать, что они понимаются как:

- 1) синоним исключительных (особых) обстоятельств;
- 2) отдельные правила, предназначенные для специфических сторон правовой жизни.

По нашему мнению, существует также третье, наиболее важное, значение данного термина, связанное с тем, что особые условия

¹ Абзац 1 ст. 1 ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (СЗ РФ. 1994. № 35, ст. 3648).

² См., например, ст. 15 «Общие требования по предупреждению чрезвычайных ситуаций при перевозке химического оружия» ФЗ от 2 мая 1997 г. № 76-ФЗ «Об уничтожении химического оружия» (СЗ РФ. 1997. № 18, ст. 2105).

³ См., например, ст. 66 «Приоритетное использование сетей связи и средств связи» ФЗ от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (СЗ РФ. 2003. № 28, ст. 2895).

⁴ На наш взгляд, особые условия и чрезвычайная ситуация соотносятся как целое и часть; в рамках особых условий происходит регламентация чрезвычайных ситуаций. Так, ФЗ от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 169) содержит главу 4 «Безопасность на железнодорожном транспорте, охрана грузов, объектов железнодорожного транспорта, организация работы в особых условиях». Данная глава состоит из нескольких статей, одна из которых (ст. 24) регламентирует работу железнодорожного транспорта в чрезвычайных ситуациях.

подразумевают собой не обстоятельства и не правила, а непосредственно исключения.

Так, Кодекс внутреннего водного транспорта РФ (далее – КВВТ РФ) содержит ст. 83 «Особые условия перевозки грузов». Части 1 и 2 этой статьи устанавливают особый порядок (т.е. правила) перевозки грузов.

В свою очередь ч. 3 ст. 83 КВВТ РФ гласит: «В случае, если перевозка груза не может быть осуществлена в соответствии с правилами перевозок грузов, федеральный орган исполнительной власти в области транспорта может установить порядок перевозки такого груза на особых условиях».

Тем самым из специальных правил допускается, как уже отмечалось выше, возможность исключений. Причиной их появления служат, в частности, обстоятельства, связанные с перевозкой импортных скоропортящихся грузов, следующих через российские порты назначением на российские станции; перевозкой грузов, осуществляемой с несоответствием тары, упаковки и состояния груза требованиям стандартов, технических условий или при применении новых видов тары и упаковки; перевозкой скоропортящихся грузов на срок выше предельного срока перевозки, установленного правилами перевозок внутренним водным транспортом скоропортящихся грузов и т.д.¹ Перечисленные факторы служат в качестве детерминантов исключений.

Собственно исключениями выступают те особые условия порядка перевозки, которые определит управомоченный субъект.

Сложность анализируемой статьи заключается в том, что она, по сути, синтезирует три смысловые роли термина «особые условия»: обстоятельства, правила, исключения.

Кроме того, трудность разграничения особых условий как правил (что отражено в названии ст. 83 КВВТ РФ) и особых условий как исключений из

¹ См. подробнее: Куликова О. В., Алихаджиева А. С., Свечникова И. В. Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации // Справочно-правовая система «Гарант».

них (ч. 3 ст. 83 КВВТ РФ) состоит в их одинаковом фонетическом звучании. Здесь очевидно то, что данные термины являются словами-омонимами, что, естественно, не способствует доступности их познания и распространенности применения.

Надо отметить, что термин «особые условия» крайне редко употребляется законодателем именно для обозначения исключения из правил.

Массовой формой выражения понятия «исключение в праве», как уже многократно было сказано, наряду со словосочетаниями «за исключением случаев (-ая)» и «исключительный случай», служат нормативно-правовые термины «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения».

Сама логика исследования требует подробного рассмотрения сущности трех последних словарных единиц, в которых находит свое непосредственное отражение изучаемое понятие.

Мониторинг российского законодательства позволяет сделать следующие выводы.

Оговорка «за исключением» используется тогда, когда в тексте нормы, содержащей правило, точно определяется, что следует считать исключением из него¹.

Придание конкретизирующего характера термину «за исключением» во многом обуславливает тот факт, что указанная коммуникативная единица речи достаточно часто фигурирует в названиях нормативных актов².

Вместе с тем формулировку «за исключением» не следует отождествлять с тем значением слова «исключение», которое подразумевает недопущение, отчисление, запрещение и т.п.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки // Проблемы права. 2011. № 1. С. 133–136.

² См., например: Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. № 861 «О рационах питания экипажей морских, речных судов, за исключением судов рыбопромыслового флота, и воздушных судов» // СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4899.

Нормативно-правовой термин «в порядке исключения» достаточно часто встречается в текстах правовых актов¹. Надо отметить, что хотя рассматриваемая словарная единица употребляется и в законах², преимущественное распространение исследуемое выражение получило в подзаконных нормативных актах, в особенности в различного рода положениях, приложениях, инструкциях к ним³.

Подобное, несомненно, связано со стремлением субъектов правотворчества максимально, насколько это возможно, регламентировать реализацию исключительных предписаний на практике.

Поэтому формулировка «в порядке исключения» зачастую применяется к тем ситуациям, когда сам нормативный акт буквально учреждает тот или иной порядок совершения юридически значимых действий. Классическим примером может служить Приказ МЧС РФ от 7 ноября 2005 г. № 792 «Об утверждении Порядка рассмотрения и принятия решений о включении иных периодов работы (службы), которые в порядке исключения могут включаться в стаж государственной гражданской службы федеральных государственных

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Дефиниция «в порядке исключения»: особенности нормативного использования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 1. С. 101–110.

² См.: ч. 2 ст. 132 Семейного кодекса РФ; ст. 3 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 118-ФЗ «Об участках недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции (Яламо-Самурском и Центральном перспективных участках)» (СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3035).

³ См., например: п. 32 Положения о факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего образования» (утв. Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 152 «Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего образования» // СЗ РФ. 2008. № 11, ч. 1, ст. 1025); абз. 7 Приложения к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 6 августа 2007 г. № 525 «О профессиональных квалификационных группах и утверждении критериев отнесения профессий рабочих и должностей служащих к профессиональным квалификационным группам» (Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 42. С. 126); п. 17 Инструкции по организации образовательной деятельности учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр (утв. Приказом Минобороны РФ и Министерства образования и науки РФ от 10 июля 2009 г. № 666/249 «Об организации деятельности учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 44. С. 7.

гражданских служащих, дающий право на установление ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет»¹.

Надо отметить, что указанный Порядок, выступающий в качестве приложения к вышеназванному Приказу МЧС РФ, закрепляет систему рассмотрения и принятия решений о включении иных периодов работы (службы) в стаж государственной гражданской службы, дающий право на установление ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет лицам, замещающим государственные должности федеральных государственных гражданских служащих в центральном аппарате и территориальных органах МЧС России.

В этом смысле «порядок исключения» наполняется конкретным содержанием, позволяющим установить, какую деятельность можно включать в стаж государственной гражданской службы и, соответственно, кто может претендовать на надбавки к должностному окладу, какие документы необходимо представить и какие субъекты уполномочены на принятие властного решения.

Тем самым «порядок исключения» в идеале предполагает четкий алгоритм действий, позволяющих применять исключительное предписание; очевидно, что уполномоченное на принятие нормативного акта лицо использует рассматриваемое выражение, исходя из лексического значения самого слова «порядок», понимаемого как «правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь»².

Здесь происходит подмена функциональной составляющей нагрузки совершенно разных терминов.

Во-первых, слово «порядок» более уместно употреблять в отношении правил, основным синонимом которых он и выступает³. Порядок, как совокупность нормативных правил, может и должен иметь определенные

¹ Российская газета. 2005. 20 дек.

² См., например: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998. С. 929.

³ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 459.

исключения¹. Неслучайно в статьях правовых актов, непосредственно устанавливающих какой либо порядок, обязательно присутствует указание на исключение из общих правил².

¹ См. в качестве примера: *Правила* предоставления в 2008 году субвенций из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования бюджетам территориальных фондов обязательного медицинского страхования на финансовое обеспечение выполнения учреждениями здравоохранения муниципальных образований, оказывающими первичную медико-санитарную помощь (а при их отсутствии – соответствующими учреждениями здравоохранения субъекта Российской Федерации либо при отсутствии на территории муниципального образования учреждений здравоохранения муниципальных образований и субъектов Российской Федерации – медицинскими организациями, в которых в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, размещен муниципальный заказ, за исключением медицинских учреждений, подведомственных главным распорядителям средств федерального бюджета), государственного задания по оказанию дополнительной медицинской помощи (утв. Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2007 г. № 864 // Российская газета. 2007. 19 дек.); *Порядок* рассмотрения заявок на получение права пользования недрами при установлении факта открытия месторождения полезных ископаемых на участке недр, за исключением участка недр федерального значения и участка недр, который отнесен к участкам недр федерального значения в результате открытия месторождения полезных ископаемых пользователем недр, проводившим работы по геологическому изучению недр за счет собственных средств для разведки и добычи полезных ископаемых открытого месторождения (утв. Приказом Министерства природных ресурсов РФ от 24 января 2005 г. № 23 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 9. С. 7); *Порядок* предоставления организациям, осуществляющим производство и (или) оборот (за исключением импорта и розничной продажи) этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации, программных средств единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и их установки в технические средства фиксации и передачи информации об объеме производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в единую государственную автоматизированную информационную систему учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (утв. Приказом Минфина РФ от 25 августа 2006 г. № 109н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 42. С. 77); *Порядок* предоставления в 2007 году субсидий из федерального бюджета Федеральным агентством по образованию на внедрение инновационных образовательных программ для образовательных учреждений высшего профессионального образования (за исключением бюджетных учреждений) (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 4 апреля 2007 г. № 101 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 20. С. 206) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

² См.: ст. 4.2 ФЗ от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1929); ст. 4.6. ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (СЗ РФ. 2007. № 1 ч. 1, ст. 18); ст. 21 ФЗ от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4017).

В свою очередь говорить о «правилах для исключений» хотя и необходимо, но лишь с большой долей условности; при этом термин «в порядке исключения» не является эксклюзивным претендентом на данную роль.

Словосочетание «в порядке исключения», если и подразумевает регламентацию общественных отношений, то лишь самым общим, приблизительным образом. Так, исходя из приведенного выше примера, надо отметить, что точных законодательных критериев признания либо непризнания того или иного трудового периода, который дал претенденту необходимые знания и опыт, в частности для службы на руководящих должностях в МЧС России, не имеется. Именно поэтому включение времени предшествующей работы (службы) в стаж государственной гражданской службы производится соответствующими субъектами «в порядке исключения».

Подобное объясняется, как уже было многократно сказано, непредсказуемостью и атипичностью самих жизненных ситуаций, попадающих под понятие «исключение из правила».

В качестве доказательства данного утверждения можно привести иные примеры, затрагивающие другие сферы общественных отношений.

В частности, согласно п. 9 Правил перевозок железнодорожным транспортом животных¹ погрузка, выгрузка животных повагонными отправками производится в местах необщего пользования, оборудованных скотопогрузочными платформами.

Однако абз. 2 этого же пункта устанавливает буквально следующее: «В порядке исключения допускается погрузка, выгрузка животных с скотопогрузочных платформ в местах общего пользования. При погрузке в местах общего пользования животные должны доставляться на станцию к сроку погрузки, согласованному с перевозчиком».

¹ См.: Приказ МПС РФ от 18 июня 2003 г. № 35 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом животных» // Российская газета. 2003. 20 июня.

Как видно, кроме общего условия, касающегося сроков погрузки, никаких оснований, причин, обстоятельств, указывающих на обоснованность выгрузки животных «в порядке исключения», не существует.

Таким образом, абсолютная регламентация исключений посредством термина «в порядке исключения» не представляется возможной.

Во-вторых, по нашему мнению, заблуждение по поводу анализируемого выражения происходит из-за ошибочной его ассоциации с термином «особый порядок».

Использование дефиниции «особый порядок» действительно способствует конкретизации положений, обладающих специфическим характером, но являющихся тем не менее непосредственным элементом правила.

В некоторых случаях особый порядок выступает непосредственно как правило либо даже совокупность правил, устанавливающих специфические способы регламентирования общественных отношений. Классическим примером может служить раздел X «Особый порядок судебного разбирательства» УПК РФ. Данный порядок включает в себя целый комплекс процессуальных аспектов, связанных с принятием судебного решения об особом порядке рассмотрения дела, правил заявления ходатайства о таком рассмотрении, самом порядке проведения судебного заседания и постановления приговора, пределах обжалования последнего, вопросами, обусловленными заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д.

Верховный Суд РФ вполне обоснованно указал на необходимость разграничения общего и особого порядка судопроизводства¹.

Однако подобное не означает, что особый порядок вообще, равно как и особый порядок уголовного судопроизводства в частности, является исключением из правил.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2007. № 2. С. 2–4.

Особый порядок, как уже было сказано, – органический компонент единой системы правил, выступающий в качестве их разновидности, называемой в юридической литературе «специальные правила»¹. Такие правила не отменяют общие, а действуют вместе и наряду с ними – субсидиарно². Здесь налицо сочетание рода (общего правила) и вида (специального правила). Последние «потому и называются так, что они при регламентации однородных общественных отношений регулируют те их стороны, элементы, признаки, которые составляют в этих отношениях специфическое, особенное»³. Из этих специальных правил, в частности положений об особом порядке судебного разбирательства, также допускаются исключения⁴.

Использование термина «особый порядок» предполагает возможность:

- а) учета отличных от общих, своеобразных факторов правовой жизни;
- б) максимально подробной их конкретизации и регламентирования⁵.

В рассматриваемом контексте заслуживает упоминания такое словосочетание, как «исключительный порядок»¹. Термины «особый

¹ См.: Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 24–54 ; Сенякин И. Н., Степин А. Б., Подмосковский В. Д. Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). Саратов, 2005. С. 156.

² См.: Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 60.

³ Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. С. 51.

⁴ См., например: согласно абз. 3 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» (Российская газета. 2015. 29 дек.), «при наличии оснований, предусмотренных статьей 64 УК РФ, – закон не предусматривает каких-либо ограничений применения этой нормы по делам, рассмотренным в порядке, установленном главой 40 УПК РФ».

⁵ На наш взгляд, потенциальная способность конкретизировать нетипичные процессы и явления, существующие в жизни общества, посредством употребления нормативных терминов, в лексическом составе которых присутствует прилагательное «особый» (-ая, -ые), должна учитываться субъектом правотворчества. Подтверждением данной позиции служит проведенный выше юридико-лингвистический анализ терминов, также обладающих детализирующим характером: «особый случай», «особые обстоятельства», «особые условия».

порядок» и «исключительный порядок» соотносятся таким же образом, как «исключительные обстоятельства» и «особые обстоятельства», с той лишь разницей, что дефиниция «исключительный порядок» крайне редко встречается в текстах правовых актов.

Следовательно, синонимом особого порядка могут выступать такие его разновидности, как, например, упрощенный порядок² либо, наоборот, усложненный порядок³; в некоторых случаях, с отдельными оговорками – исключительный порядок; но никак и никогда – «в порядке исключения».

Это объясняется тем, что, в отличие от особого порядка, термин «в порядке исключения» непосредственно предусматривает такой правовой феномен, как исключение в праве, являясь внешней формой выражения данного понятия.

То же самое стоит сказать и о нормативно-правовом термине «в виде исключения»⁴.

«В виде» буквально означает по образу, подобию⁵, в качестве кого-нибудь, чего-нибудь⁶: в рассматриваемом контексте – исключения. С другой

¹ См., например, гл. III «Исключительный порядок представления и рассмотрения запросов российских заявителей» Правил проведения морских научных исследований во внутренних морских водах, в территориальном море, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 391 // СЗ РФ. 2004. № 32, ст. 3338).

² В частности, ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 22, ст. 2031) содержит ст. 13 «Прием в гражданство Российской Федерации в общем порядке» и ст. 14 «Прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке». Последняя, по сути, устанавливает особый, по сравнению с общим, порядок приема в гражданство, заключающийся в упрощенной процедуре.

³ Например, в Конституции Республики Беларусь «установлен усложненный порядок принятия программных законов, что свидетельствует не только о желании придать им большую стабильность, выразить в них консолидированную волю парламента, но и косвенно подтверждает вывод о приоритете программных законов над иными законодательными актами» (Реут В. И. Законы Республики Беларусь: классификация, роль и место в системе национального законодательства // Гражданин и право. 2006. № 5. С. 18).

⁴ См. об этом: Суменков С. Ю. Нормативно-правовой термин «в виде исключения»: юридическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 22–28.

⁵ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 327 ; Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998. С. 929.

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 67.

стороны, производным от существительного «вид» является глагол «видеть», подразумевающий такие синонимы, как наблюдать, сознавать, усматривать, обращать внимание на что-нибудь¹.

Поэтому можно предположить, что термин «в виде исключения» используется в правотворчестве для того, чтобы намеренно подчеркнуть исключительность определенного феномена; усилить его восприятие как исключения из правил; устранить всякое сомнение в том, что это – исключение.

Доказательством высказанной точки зрения, по нашему мнению, служат соответствующие положения Правил проведения экспертизы лекарственных средств для медицинского применения².

Так, п. 4 названных Правил предусматривает несколько этапов экспертизы лекарственных средств. Обязательность проведения всех этапов экспертизы подтверждает п. 5 Правил, согласно которому «Прохождению этапов экспертизы, указанных в пункте 4 настоящих Правил, подлежат все лекарственные средства для медицинского применения, **за исключением** (выделено нами. – С.С.), лекарственных препаратов, которые разрешены для медицинского применения на территории Российской Федерации более двадцати лет и в отношении которых невозможно проведение исследования биоэквивалентности, и лекарственных препаратов для медицинского применения, в отношении которых проведены международные многоцентровые клинические исследования, часть из которых проведена на территории Российской Федерации».

В свою очередь абз. 2 п. 5 Правил содержит уточнение, заключающееся в том, что лекарственные препараты, **указанные в виде исключения** (выделено нами. – С.С.), подлежат экспертизе лекарственных средств начиная со второго этапа ее проведения.

¹ Там же. С. 68.

² Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. № 750н «Об утверждении правил проведения экспертизы лекарственных средств для медицинского применения и форм заключения комиссии экспертов по результатам экспертизы лекарственных средств» // Российская газета. 2010. 6 сент.

Таким образом, если термин «за исключением», сообразно рассмотренным выше его свойствам, фактически детализирует – что же является исключением, то предназначение термина «в виде исключения» состоит в устранении всякой двусмысленности по поводу того, что же следует считать исключением из правила.

Подобное умозаключение подтверждается подробным анализом иных правовых актов¹, в которых используется выражение «в виде исключения».

Это позволяет сделать уже не предположение, а вполне обоснованный вывод о сущности данного термина.

Термин «в виде исключения» необходим для акцентирования внимания на том, что конкретное нормативное положение, допускающее выход за рамки единых правил, является именно исключением из них, трактуется сугубо как отдельное исключение из общих и многочисленных правил, предстает действительно «в виде исключения».

¹ См. например: абз. 2 ч. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ; п. 11 Правил застройки сельских населенных пунктов РСФСР (утв. Постановлением СМ РСФСР от 20 июля 1981 г. № 389 // *Собрание постановлений Правительства РСФСР*. 1981. № 23, ст. 144); п. 2 Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин (утв. Постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 // *СЗ РФ*. 2000. № 10, ст. 1130); п. 18 Правил пожарной безопасности в лесах (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2007 г. № 417 // *СЗ РФ*. 2007. № 28, ст. 3432); п. 2.4.3 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда (утв. Постановлением Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. № 170 // *Российская газета*. 2003. 23 окт.); абз. 3 п. 5, п. 6 Инструкции об условиях и порядке приема в военные образовательные учреждения высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации, в которых предусмотрена подготовка кадров для внутренних войск, и в военные образовательные учреждения высшего профессионального образования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации (утв. Приказом МВД РФ и Минобороны РФ от 15 февраля 2005 г. № 93/48 // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2005. № 11. С. 39); п. 11 Приложения № 11 к СанПиН 2.4.1.3049-13 (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 15 мая 2013 г. № 26 «Об утверждении СанПиН 2.4.1.3049-13 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы в дошкольных организациях» // *Российская газета*. 2013. 19 июля.

На наш взгляд, убедительным примером подобной позиции служит ст. 1124 ГК РФ¹.

Согласно абз. 3 ч. 1 указанной статьи составление завещания в простой письменной форме допускается только в виде исключения, в случаях, предусмотренных ст. 1129 ГК РФ.

Статья 1129 ГК РФ предусматривает, что гражданин, находящийся в экстраординарной ситуации, может написать завещание в простой письменной форме.

Завещание «в виде исключения» допустимо только при соблюдении следующих условий:

- 1) завещатель должен изложить свою последнюю волю собственноручно и самостоятельно подписать документ;
- 2) завещание должно быть совершено в присутствии двух свидетелей;
- 3) из содержания документа очевидно следует, что он представляет собой завещание (ч. 1 ст. 1129 ГК РФ).

Здесь надо особо оговорить, что ГК РФ (ч. 1 ст. 1124) допускает удостоверение завещания иными, помимо нотариуса, субъектами (ч. 7 ст. 1125, ст. 1127). Например, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 1127 ГК РФ к нотариально удостоверенным завещаниям относятся завещания граждан, находящихся во время плавания на судах, плавающих под Государственным флагом РФ, удостоверенные капитанами этих судов.

Однако такие случаи являются не исключениями, а лишь расширенными вариациями единого правила об удостоверении завещания; касаются лишь допускаемой законом возможности удостоверения завещания не нотариусом, а иным, уполномоченным в соответствии с законом лицом.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Составление завещания «в виде исключения»: теоретический аспект // Актуальные проблемы современного российского права : сб. науч. ст. / под ред. Г. В. Синцова. Пенза, 2011. Вып. 2. С. 204–208.

Рассматриваемая выше ситуация могла бы расцениваться как исключение только в том случае, если бы завещание было удостоверено не капитаном судна, а иными лицами при потенциальной угрозе жизни завещателя (в частности, при реальной вероятности гибели судна).

Широкое толкование понятия исключения при такой ясной трактовке закона более чем неуместно. И. А. Муравьев по данному поводу справедливо отмечает, что ГК РФ однозначно и недвусмысленно закрепляет форму исключения¹. Поэтому в тексте ст. 1124 ГК РФ вполне обоснованно употребляется формулировка «в виде исключения», позволяющая достаточно четко указать, что следует считать исключением, а что им не является.

Вместе с тем не стоит абсолютизировать разбираемый термин, приписывая ему именно те свойства, которые подходят для него с точки зрения исследователя.

Равно как термин «в порядке исключения» не служит обязательным фиксатором последовательности применения исключения, так и термин «в виде исключения» не всегда безусловно используется в качестве единственного «определителя» исключения.

Например, согласно Приказу МЧС РФ от 11 ноября 1992 г. № ЦУО-112: «*В виде исключения* (курсив наш. – С.С.) при перевозке допускается погрузка баллонов без защитных колец. В этом случае между каждым рядом баллонов должны быть прокладки из досок с вырезами гнезд для баллонов»².

В свою очередь Приказ МЧС РФ от 25 марта 2009 г. № 175 устанавливает: «Трубопроводы допускается крепить к конструкциям

¹ См.: Муравьев И. А. Формы законодательных исключений (на примере российских кодифицированных актов) // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 413.

² Пункт 3.6 гл. 5 «ППБО-109-92. Правила пожарной безопасности на железнодорожном транспорте» (утв. Приказом МЧС РФ от 11 ноября 1992 г. № ЦУО-112) // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

технологических устройств в зданиях только *в порядке исключения* (курсив наш. – С.С.). При этом нагрузка на конструкции технологических устройств принимается не менее, чем двойная расчетная для элементов крепления»¹.

На наш взгляд, должностные лица, подписавшие указанные документы, никакой принципиальной разницы в термины «в виде исключения» и «в порядке исключения» не вкладывали².

То же самое характерно для многих российских нормативно-правовых актов. Подобное, как думается, объясняется не столько отсутствием легальной дефиниции у терминов³, выражающих понятие «исключение в праве», сколько нерациональным использованием языкового потенциала.

Многообразие русского языка играет здесь, к сожалению, отрицательную роль, приводя зачастую к произвольному употреблению терминологического арсенала, связанного с исключениями.

Между тем субъективное усмотрение в правотворчестве по отношению к терминологии исключений значительно увеличивает возможность злоупотребить исключениями, повышает опасность и масштаб употребления исключительных правовых средств во зло⁴.

Соответственно необходим понятийный аппарат правовых исключений, представляющий собой единую терминосистему. Такая система

¹ Пункт 5.7.28 Свода правил 5.13130.2009. «Системы противопожарной защиты. Установки пожарной сигнализации и пожаротушения автоматические. Нормы и правила проектирования» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

² Исходя из концепции исследования, в указанных документах вследствие присутствия в них элементов регламентации, логичнее все же использовать термин «в порядке исключения».

³ С. П. Хижняк верно отмечает, что в качестве одной из предпосылок возникновения системности правовой терминологии служит необязательность наличия у терминов дефиниции (см.: Хижняк С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998. С. 24).

⁴ См.: Суменков С. Ю. Исключения в праве и злоупотребление правом: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1. С. 129–133.

выступает в качестве органического компонента как науки, так и всех разновидностей юридической практики¹.

Проведенный выше анализ терминологии исключений носит во многом абстрактный характер. Но, и это было сделано намеренно, многочисленность примеров из действующего законодательства подтверждает теоретические авторские выводы.

Однако хотелось бы, чтобы предлагаемая терминологическая концепция не только находила свое воплощение в рамках настоящего исследования, но и, что самое главное, реализовывалась бы в ходе создания нормативных, правоприменительных, интерпретационных и договорных актов.

Поэтому, подводя итоги вышеизложенного, необходимо отметить следующее.

Исключения в праве – реально существующий феномен, находящий свое отражение в одноименном научном понятии².

Формами проявления исключений служат такие термины, как «за исключением случаев» (единичный вариант – «за исключением случая»), «исключительный случай», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения»³.

Данные термины выполняют определенную смысловую нагрузку: «за исключением случаев» – базовая формулировка, имеющая универсальное

¹ Л. Ю. Фомина правильно пишет о том, что «в правоприменительных и интерпретационных актах используются термины и нормативных правовых актов, и юридической науки, так же как и при разработке нормативных правовых актов применяются все разновидности правовой терминологии» (Фомина Л. Ю. Нормативная правовая терминология: современное состояние и проблемы унификации // Юрлингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово ; Барнаул, 2007. С. 118).

² См. об этом: Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83.

³ Исходя из рассуждений М. Л. Давыдовой о терминах вообще, можно сказать, что именно эти термины, как квинтэссенция терминосистемы, приобретают статус нормативно-правовых и затем используются во всех сферах юридической деятельности, во всех видах правовых актов и подпитывают тем самым развитие науки (См.: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 143.).

значение, характеризующая атипичность жизненного казуса; «исключительный случай» подчеркивает экстраординарность события; «за исключением» направлен на детализацию того, что (кто) же именно выступает исключением; «в порядке исключения» регламентирует процесс констатации и реализации исключений; «в виде исключения» усиливает акцент на исключительности тех или иных положений.

«Родственными» с исключениями терминами, связанными с оценкой того или иного эпизода как нестандартного, выступают такие, как «случай, не терпящий отлагательства», «особый случай», «необходимый случай», «чрезвычайная ситуация».

Юридическими детерминантами исключений служат термины «исключительные обстоятельства», «исключительные личные обстоятельства», «особые обстоятельства», «уважительные причины», «чрезвычайные обстоятельства», «обстоятельства, исключающие...».

Интересную роль в терминологической системе исключений играют термины «особые условия», «особый порядок», «исключительный порядок».

Конечно, представленная схема далека от идеала¹. На настоящий момент она не абсолютна, ибо не всегда совпадает со всеми действующими российскими нормативно-правовыми актами².

Кроме того, как уже указывалось выше, существуют подлинные трудности с упорядочением и систематизацией исключений; вызывает осложнение многоаспектность некоторых терминов, например термина «особые условия».

¹ Вместе с тем она отвечает основным требованиям, выдвинутым С. П. Хижняком к системности правовой терминологии: использованием слова для обозначения ключевых элементов правовой нормы, развитием родовидовых отношений с другими терминами, тенденцией к однозначному употреблению, отсутствием эмоционально-экспрессивных и стилистических синонимов, проявлением оценочного фактора, необязательностью наличия у терминов дефиниций (Хижняк С. П. Указ. соч. С. 24).

² В связи с этим надо отметить, что данная система является предложением, направленным на совершенствование нормативных положений о правотворческой фиксации исключений.

Многочисленность исключений, разнообразие их выражения, глубокая имплементация в правовую систему и правовую жизнь лишний раз свидетельствуют о необходимости самого глубокого исследования исключений в праве, осознании не столько сложностей установления их внешней формы, сколько определения сущности исключений, их признаков, целей их наличия и функциональной роли, подробной и тщательной классификации.

Глава 2. Нормы-исключения как особая разновидность юридических норм

Норма – это образец, эталон, шаблон поведения, модель выполнения каких-либо действий. Человечество на протяжении всей своей истории выработало огромное количество таких норм, ибо без них не могло бы состояться общество, государство, любой коллектив людей.

В общей теории права все существующие нормы традиционно¹ подразделяются на технические² и социальные. Не вдаваясь в подробности такой стратификации (как думается, критерии вполне очевидны³), хотелось бы отметить, что главное предназначение как технических, так и социальных норм – это регулирование⁴.

Регулятор, для того чтобы надлежаще выполнять свое предназначение, должен быть адаптивен подпадающим под его регламентирующее воздействие явлениям. Здесь должен срабатывать принцип отражения, представляющий собой такую форму взаимодействия феноменов, при которой один из них – *отражаемый*, – сохраняя свою качественную определенность, создает во втором – *отражающем* – специфический продукт: *отраженное*⁵.

¹ См., например: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права (по изданию 1898 г.) // История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. М., 1998. С. 106.

² По мнению А. Ф. Черданцева, технические нормы – это нормы, «которые определяют меру поведения людей по отношению к природе, орудиям и средствам производства и другим предметам внешнего мира, регламентируют производственные процессы, устанавливают приемы и методы технических действий, требования к конструкциям орудий производства, качественным показателям производимой продукции, сырью, материалам и т.п.» (Черданцев А. Ф. Техничко-юридические нормы в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. С. 5.)

³ Вместе с тем заслуживает внимания мнение О. Э. Лейста, отмечавшего по поводу деления норм на социальные и технические буквально следующее: «Такое деление иногда дает почву для ненужных дискуссий, поскольку ряд технических норм (например, правила техники безопасности труда, безопасности движения транспорта, санитарные, ветеринарные нормы) носят социальный характер, а некоторые социальные нормы (нормы рентабельности, нормы языковые, нормы питания и др.) близки к техническим» (Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 182–183).

⁴ В самом общем смысле слово «регулирование» означает упорядочивание, налаживание; направление развития, движения чего-нибудь с целью привести в порядок, в систему (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 549).

⁵ См.: Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 58.

Руководствуясь логикой предложенного алгоритма, отражаемым надо считать норму; отражающим выступает то, что регулирует данная норма; соответственно отражаемое – тот вариант развития, который возникает в результате влияния нормы на отражающую действительность¹.

При этом нормы, выполняющие роль инструментов регуляции, сами по себе субъективны, поскольку они есть не что иное, как результат творческой человеческой деятельности. Подобная референция применима абсолютно ко всем разновидностям норм, в том числе и техническим. «Технические нормы не следует смешивать с законами природы, отличающимися объективным характером. Технические нормы, напротив, создаются людьми на основе познания и использования законов природы, для достижения определенных производственных, технических и тому подобных целей»².

Тем самым при создании технической нормы происходит синтез в норме объективных и субъективных начал. Подобное сочетание детерминирует постановку вопроса о наличии в технических нормах не только правил, но и исключений из них.

Объективно существующее многообразие (в любой сфере, в том числе и технической) должно учитываться субъектом нормотворчества и, для придания нужной эффективности процесса регулирования, оформляться нормативно.

Именно поэтому закрепление исключений в технических нормах необходимо для достижения положительного результата, а значит, их существование более чем оправдано³.

¹ Согласно воззрениям представителей марксистско-ленинской философии под действительностью понимается весь бесконечный мир – природа и общество, все то, что существует, т.е. как объективная, так и субъективная реальность (см. об этом, в частности: Основы марксистско-ленинской философии / Константинов Ф. В., Богомолов А. С., Гак Г. М. и др. 2-е изд. М., 1973).

² Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 203–204.

³ Аллилуева Е. И., Гаркун Л. М. Цемент для гидротехнических сооружений: исключение или правило? // Цемент и его применение. 2007. № 1. С. 68–69.

В еще большей степени такая оценка применима для так называемых технико-юридических норм. «Государство, – верно пишет А. В. Пчелкин, – при осуществлении своих функций, сталкиваясь с проблемами, вызванными осуществлением технической деятельности, решает их в том числе и правовыми методами, используя при этом юридические нормы различного уровня и содержания»¹.

Иллюстрацией исключения, внедренного в технико-юридическую норму, может служить п. 145 Правил безопасности морских объектов нефтегазового комплекса², который гласит: «Швартовка судов обслуживания к опорным колоннам и заход судов под МСП, ПБУ, МЭ и ПТК не допускается. *Исключение составляет швартовка к МСП и ПБУ, которые при производстве работ опираются на морское дно, где швартовка производится подачей швартовных концов, закрепленных на опорных колоннах, на швартующееся судно*» (курсив наш. – С.С.).

Присутствие исключений, содержащихся в рассматриваемой разновидности норм, не позволяет согласиться с тем, что «технико-юридическая норма – это правило, выраженное в формально определенных предписаниях, содержанием которого является разрешенное, запрещенное или предписанное техническое действие, установленное или санкционированное государством и обеспеченное мерами государственного убеждения, поощрения и принуждения»³.

Возражение здесь вызывает однозначное восприятие технико-юридической нормы как правила. Подобные сомнения детерминированы прежде всего наличием исключений, имеющих, как только что было отмечено, в технико-юридических нормах. Кроме того, А. В. Пчелкин признает существование специальных технико-юридических норм, которые

¹ Пчелкин А. В. Техничко-юридические нормы в современной России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004. С. 14.

² Приказ Ростехнадзора от 18 марта 2014 г. № 105 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности морских объектов нефтегазового комплекса» // Российская газета. 2015. 06 февр.

³ Пчелкин А. В. Указ. соч. С. 15.

«в зависимости от их соотношения с общими, могут быть подразделены на нормы конкретизирующие, нормы-изъятия и нормы-дополнения»¹. Воздействие исключения по отношению к правилу, как уже многократно подчеркивалось, как раз и заключается в изъятии либо дополнении. Тем самым некоторые технико-юридические нормы, выполняющие роль изъятий или, напротив, дополнений, выступают (конечно, при соответствии иным условиям) как исключения, а не как правила.

Проецируя проблему соотношения нормы, правила и исключения на социальную сферу, принципиально подчеркнем: социальные нормы не являются однозначным синонимом правил; нормы выступают внешним выражением как правил, так и исключений. Корреляция здесь такова: с одной стороны, форма – норма, с другой, содержание – правило либо исключение².

По данному вопросу заслуживает внимания позиция Н. И. Матузова, разделяющего (хотя и в чисто теоретическом аспекте) нормы и правила³.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать отсутствие тождества между нормой и правилом. Что же касается возможности «пренебречь некоторыми нюансами», то подобное недопустимо при рассмотрении юридических норм как государственно-властных велений вообще и при сопоставлении правовых норм, правил и исключений в частности. Ведь если не учитывать, такой нюанс, что исключение, устанавливая альтернативный правилу вариант регуляции, также облекается в нормативную форму, можно предположить, что исключение – не особый и весьма сложный правовой феномен, а противоправное нарушение правила⁴.

Вместе с тем, и это нельзя не признать, восприятие норм права, по крайней мере определенной их разновидности, именно как правил поведения

¹ Там же. С. 21.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012. С. 84–90.

³ См. об этом: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник : 3-е изд. М., 2009. С. 210.

⁴ Выше уже приводилось обоснование тому, что исключение не есть нарушение правила. Если бы это было так, то ни теоретических, ни практических вопросов, связанных с наличием в праве многочисленных исключений, просто не возникало бы.

достаточно широко распространено в юридической науке, в особенности, как уже отмечалось, среди сторонников нормативного подхода к пониманию права.

Так, традиционным является разделение норм на нормы-правила поведения и исходные (отправные, учредительные) нормы¹.

Не отрицая выверенность представленной формулировки, хотелось бы тем не менее определить, к какой же из указанных разновидностей правовых норм относится, например, норма, закрепленная в ст. 96 УК РФ, согласно которой суд в исключительных случаях может назначить лицам от 18 до 20 лет наказание, предусмотренное для несовершеннолетних за одним исключением – помещением их в воспитательную колонию.

С одной стороны, подобную норму можно даже считать исходной, ибо она находится в Общей части УК РФ, как раз и закрепляющей отправные нормы, формулирующие основы, задачи, принципы регламентирования уголовно-правовых отношений. Это полностью соответствует функциональному предназначению таких норм, которые создают отправные положения, реализующиеся затем через правила поведения².

Названная норма является структурной частью Раздела V УК РФ «Уголовная ответственность несовершеннолетних», состоящего из одной главы – главы 14 УК РФ. Нормы данной главы, а соответственно и раздела, определяют особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, которые затем воплощаются в правилах, содержащихся в Особой части УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, а также в материалах правоприменительной, прежде всего судебной, практики.

¹ Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 202.

² См.: там же. С. 206.

С другой стороны, анализируемую норму можно обозначить и как правило поведения. Ее предостаточно-обязывающий характер¹, как думается, очевиден: при констатации исключительно случая – какого-либо конкретного жизненного факта (никаких точных признаков в законе не указано) суд может применить положения, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних к лицам в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Тем самым имеющемуся у суда праву корреспондируют обязанности, появляющиеся после вынесения приговора как у указанных лиц, так и у сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Вместе с тем существуют достаточно веские основания, позволяющие предложить альтернативное (как исходным нормам, так и нормам-правилам) отнесение исследуемой нормы – определение ее в качестве нормы-исключения.

Аргументами, подтверждающими подобную позицию, выступают следующие доводы.

1. Предоставленное суду право выступает ничем иным, как юридической возможностью, которая «является лишь потенцией социальной действительности»².

Понимание нормы, закрепленной в ст. 96 УК РФ, в качестве правовой возможности предельно рационально и в свою очередь детерминирует проблему соотношения возможности с таким феноменом, как «случайность».

«Возможность и случайность, – отмечают Н. И. Матузов и Н. В. Ушанова, – будучи отражениями различных сторон объекта, могут

¹ «В том, что норма права при наличии предусмотренных в ней жизненных обстоятельств одновременно предоставляет участникам (сторонам) регулируемых общественных отношений определенные субъективные права и возлагает на них соответствующие обязанности, и заключается предостаточно-обязывающий признак правовых норм как общеобязательных правил поведения» (Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 206).

² Матузов Н. И., Ушанова Н. В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010. С. 43.

характеризовать друг друга. Каждая из них выступает отражением определенных граней другой»¹.

По нашему мнению, применительно к норме, содержащейся в ст. 96 УК РФ, правильнее говорить именно как о возможной случайности. Подобное объясняется тем, что возможность как таковая здесь имеется, реально существует посредством фиксации нормы в соответствующей статье нормативно-правового акта. А вот реализация данной статьи – во многом результат случайности, зависит от восприятия судом конкретного жизненного факта (либо их совокупности)² и усмотрения в нем исключительного случая³.

При этом надо учитывать, что случайность находится в диалектическом единстве с такой категорией, как закономерность. «А это, в свою очередь, означает, что понятие случайности всегда относительно, то есть случайность и закономерность – две стороны одной медали: что

¹ Там же. С. 23.

² Как это ни парадоксально, именно конкретизация, являющаяся сопутствующим признаком констатации исключительности случая, свидетельствует о случайности (т.е. реализованной возможности) признания той или иной ситуации исключительным случаем. «Анализ философского содержания случайности, – подчеркивает Е. В. Свинин, – позволяет сделать вывод, что абстрактной случайности нет, она всегда конкретна, т.е. случайным следует называть конкретное, определенное явление, рассматриваемое в том или ином отношении. Необязательный характер существования случайных явлений отражается в общем понятии случайности, понимаемой как то, что может быть или не быть, а может быть иным (Свинин Е. В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 12). Слово «случайность» не имеет здесь негативного значения, не означает поверхностности и даже легкомыслия при установлении исключительного случая; синонимом случайности в данном аспекте может служить словосочетание «крайне (очень) редко». К тому же следует помнить, что парной категорией случайности выступает необходимость. Соответственно, если в судебном акте есть утверждение о том, что данный случай следует считать исключительным – значит, это необходимо для достижения правосудия.

³ См. об этом, например: Коробейникова М. С. Проблемы определения исключительности случая применительно к ст. 96 УК РФ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2013. № 1 (173). С. 70–76.

случайно с одной точки зрения, непременно является закономерным с другой»¹.

В контексте рассматриваемой проблематики случайностью служит признание судом того или иного казуса в качестве исключительного случая; закономерностью выступает гуманизация уголовно-правовой политики вообще и смягчение репрессий в отношении лиц, находящихся в достаточно молодом возрасте, в частности.

Таким образом, анализируемая норма в методологическом аспекте может восприниматься как случайность. Однако вполне очевидным является тот факт, что нормы-правила поведения случайностями быть не могут. Правила должны постоянно присутствовать в правовой регламентации, а если быть точнее – без правил не существует регламентации (как правовой, так и иной другой). Определение правила как случайности нивелирует их регулятивную природу, полностью ей противоречит. Если гипотетически допустить, что нормы-правила олицетворяют собой случайности, тогда надо признать и то, что результатом действия таких правил будет не упорядочивание общественных отношений, а напротив, привнесение в них хаоса. В еще большей степени это актуально при корреляции случайности и исходных (отправных) норм.

В свою очередь, как отмечалось выше, в качестве случайности вполне обоснованно расцениваются исключения, существующие в праве. «Исключение из правил, возникающее в ходе урегулирования конкретного общественного отношения – случайность, которая была относительно маловероятна; непредвиденное, нетипичное стечение обстоятельств в сфере государства и права»².

¹ Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006. С. 94.

² Суменков С. Ю. Исключения в праве: закономерное и случайное // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2 (70). С. 205.

Диалектическое единство случайности и исключения детерминирует также взаимосвязь исключения и возможности. Интегрирование возможности в исключение объясняет диспозитивную в большинстве своем природу последних, особенно той их части, для обозначения которой субъект правотворчества использует термин «исключительный случай»¹.

2. Анализируемая норма предполагает, с одной стороны, высокую степень абстрактности изложения материала. В частности, в ст. 96 УК РФ критериями констатации исключительного случая выступает указание на учет характера совершенного деяния и личности виновного, что, конечно, весьма условно. Такие абстракции необходимы для достижения максимального эффекта правового регулирования. В рассматриваемом примере абстракция нужна в силу объективной невозможности перечислить в норме многочисленные и разнообразные жизненные нюансы, подпадающие под определение «исключительный случай», и вместе с тем дать возможность суду реализовать принцип гуманизма при назначении уголовного наказания.

При этом правила, даже при признании их универсальной природы, не могут достигать предложенного уровня абстракции. Правила по сути своей направлены на детализацию общественных отношений, уточнение прав и обязанностей их участников. Напротив, некоторые исключения (в первую очередь исключения, подпадающие под термин «исключительный случай»)² применяются в правотворческом процессе для создания предельно допустимых абстракций.

С другой стороны, норма, содержащаяся в ст. 96 УК РФ обладает конкретизирующим эффектом. Например, казуистично положение,

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83 ; Его же. Проблемы фиксации исключений из правил в текстах нормативно-правовых актов // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 22–32.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.

определяющее, что данная норма распространяется на лиц в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. В еще большей мере казуистична оговорка о том, что суд может применить положения настоящей главы к только что указанным лицам, «кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием либо воспитательную колонию».

По нашему мнению, союз «кроме» здесь используется в качестве лексической замены нормативно-правового термина «за исключением»¹. Данный термин необходим для детализации тех или иных аспектов общественных отношений². При этом уровень детализации, реализуемой посредством применения исключений, может быть весьма высок, по крайней мере по сравнению с правилами. Подобное объясняется тем, что, как уже отмечалось выше, исключение и правило соотносятся как часть и целое, отдельное и единое. Теоретически правило априори имеет более обобщенный характер, чем исключения, ибо специальное всегда более конкретно, чем общее. «Специальные нормы всегда регулируют конкретные видовые отношения. Если общее предписание призвано регламентировать родовое отношение в целом, то специальное – лишь определенную совокупность его элементов, сторон, входящих в вид или подвид данных отношений»³.

Уникальность исключения как правового феномена заключается в том, что оно позволяет достигать как необходимой абстракции, так и требуемой конкретности, а иногда, в частности в рассматриваемом примере и сочетать указанные свойства в одном нормативном положении.

¹ Подобная тенденция подмены нормативно-правовых терминов, обозначающих понятие «исключение в праве», как уже неоднократно говорилось, негативна. Вместе с тем, и об этом тоже говорилось, иногда такие замены носят объективный характер. В данном случае законодатель сознательно стремится избежать стилистической погрешности – использования в одной и той же статье двух слов, непосредственно связанных с исключением.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки // Проблемы права. 2011. № 1. С. 133–136.

³ Сенякин И. С. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 43.

3. О том, что анализируемая норма является не правилом, а исключением, недвусмысленно свидетельствует термин «исключительный случай»¹. И. Н. Сенякин справедливо причисляет предписания, в которых имеется указанный лексический оборот, к специальным нормам².

Использование соответствующей терминологии выступает не только признаком культуры правотворчества, но и служит одним из критериев классификации юридических норм. По нашему мнению, если нормы содержат такие термины, как, например, «за исключением случаев (-ая)», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения», то эти нормы следует считать специальными нормами, а если быть точнее – нормами-исключениями.

В еще большей степени подобное определение подходит для норм, оперирующих термином «исключительный случай». Данный термин необходим для фиксации в норме наиболее колоритного, наглядного, интенсивного проявления исключения из правил. Исключительный случай – яркий пример наличия исключения в сфере права, поэтому нельзя называть норму, в которой фигурирует этот термин, нормой-правилом. Правила как директивы шаблонного характера априори не предназначены для регламентирования атипичной, нестандартной жизненной ситуации, которую и подразумевает выражение «исключительный случай». Для регулирования казусов, выходящих за рамки единого, установленного правилами эталона, нужны соответственно не нормы-правила, а их противоположности – нормы-исключения.

Проведенный анализ, подкрепленный иллюстрацией конкретной статьи действующего правового акта, позволяет не просто констатировать

¹ Если принять во внимание, что союз «кроме» в данной норме выступает аналогом термина «за исключением», то можно с уверенностью предположить, что исследуемая норма представляет собой не просто исключение, но и подразумевает так называемое исключение из исключений.

² Сенякин И. С. Специальные нормы советского права. С. 37, 43.

реальность существования норм-исключений, но и выделить положения, позволяющие обособить указанные нормы в отдельную разновидность.

К таким основаниям, присущим доминирующей части исключений¹, на наш взгляд, относятся: закрепление в них правовой возможности, обозначающей зависимость от усмотрения правоприменителя, что детерминирует в свою очередь случайность (в методологическом значении этого слова) их практической реализации; высокая степень абстракции либо, напротив, предельный уровень казуальности, а при сочетании некоторых аспектов – совмещение абстрактности и казуистичности изложения правового материала; использование особой терминологии – прежде всего нормативно-правовых терминов.

Тем самым можно с уверенностью сделать вывод: все юридические нормы подразделяются на две большие группы – исходные (отправные, учредительные) и регулятивные нормы (нормы прямого действия). Равно как исходные нормы, помимо собственно таковых, включают нормы-принципы, нормы-дефиниции и т.п., так регулятивные нормы стратифицируются на нормы-правила и нормы-исключения.

В данном контексте заслуживает внимания позиция Г. В. Мальцева: «Сегодня... догма «то, что не является правилом поведения, не может считаться правовой нормой», теряет былую власть над умами юристов... Истина в том, что в виде правил поведения представлены многие

¹ Исключения – поразительно многоплановая категория. В силу этого крайне тяжело выделять признаки, критерии, условия характерные абсолютно для всех исключений. В данном случае акцентирование на то, что предложенные критерии определения норм-исключений характерны для преобладающей их части, объясняется наличием определенного (пусть и небольшого) количества норм-исключений, которые не соответствуют предложенным критериям обособления норм-исключений как особой разновидности правовых норм. Так, как уже отмечалось выше, существуют исключения, в которых констатируется не диспозитивная, а императивная природа – в данном случае речь идет не о случайности, а об обязательной необходимости их реализации; далеко не каждое исключение может одновременно синтезировать абстрактное и казуальное; не всегда, к сожалению, для обозначения исключений используется надлежащая терминология.

юридические нормы, но не все. Точно так же право состоит из норм – правил поведения, но не целиком»¹.

Утопичность отрицания норм-исключений (их существование надо признавать уже исходя из того посыла, что если есть нормы-правила, значит, не может не быть норм-исключений) вполне очевидна.

Вместе с тем по поводу имплементации исключений в правовую норму достаточно жестко высказался В. М. Баранов. «К числу очевидных свидетельств ложности конкретной юридической нормы, – отмечает автор, – относится наличие у нее многих исключений»².

В подтверждение выдвинутого тезиса В. М. Баранов приводит положения нормативного акта, согласно которому личному составу внутренних войск МВД СССР предоставлялось право «в исключительных случаях в качестве крайней меры применять оружие»³. По его мнению, юридические нормы, содержащиеся в данном акте, учреждают целую серию оговорок, существенно затрудняющих реализацию этого, конечно, чрезвычайного права. В частности, применять оружие разрешается:

а) для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни и здоровью, если иными способами и средствами защитить их невозможно;

б) для отражения нападения на работников милиции, народных дружинников и военнослужащих, когда их жизнь подвергается непосредственной опасности;

в) для задержания лица, совершившего преступление, оказывающего вооруженное сопротивление либо застигнутого при совершении преступления, когда другими способами задержать этих лиц невозможно⁴.

¹ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 646, 647.

² Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 349.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР по охране общественного порядка» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 31, ст. 505.

⁴ См.: Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. С. 349.

В этой связи В. М. Баранов абсолютно справедливо замечает: «Установленные в приведенных **оговорках** (выделено нами. – С.С.) условия требуют от сотрудников внутренних войск в экстремальных обстоятельствах оценивать слишком много факторов. Зачастую это просто непосильно для личного состава внутренних войск. <...> Именно отсюда проистекают неуверенные, непрофессиональные действия работников МВД СССР во время незаконных массовых беспорядков, несанкционированных уличных шествий в Москве, Прибалтике, Алма-Ате, Армении, Азербайджане, Тбилиси»¹.

Расплывчатость названных формулировок служит далеко не единственной и даже не основной причиной некоторой некомпетентности бойцов советских внутренних войск в событиях, имеющих, к сожалению, место быть в конце восьмидесятых годов прошлого века. Однако нельзя не согласиться с В. М. Барановым в том, что нечеткость и некорректность изложения правовых норм существенно затрудняет их реализацию, что особо ярко проявляется в нестандартных, внештатных, беспрецедентных обстоятельствах.

Вместе с тем, комментируя позицию В. М. Баранова, хотелось бы возразить против фактического отождествления исключения и оговорки². Взаимозависимость оговорки и исключения бесспорна, ибо в большинстве своем именно посредством оговорки исключение внедряется в норму права³. Но близость указанных категорий не означает их тождества. Если оговорка связана с внешним оформлением юридической нормы, прежде всего в статье нормативного правового акта, то исключение непосредственно затрагивает

¹ Там же.

² Характерно то, что, с одной стороны, В. М. Баранов критикует именно оговорки, которые действительно в анализируемом нормативном акте изложены крайне неточно. Однако, с другой стороны, доказательством ложности правовой нормы ученый, как только что было сказано, считает наличие только исключений из этой нормы.

³ Соотношение оговорки в законодательстве и исключения в праве будет подробно рассмотрено в следующей главе настоящей работы, где будут освещены вопросы изложения исключений в нормативных правовых актах.

содержание нормы, предполагая альтернативный общим правилам вариант регулирования.

На наш взгляд, пример, которым В. М. Баранов иллюстрирует свои выводы относительно гармоничности сосуществования исключений в праве и норм права, свидетельствует как раз о положительном значении исключений.

Так, благодаря введению исключения, обозначенного термином «исключительный случай», у солдат внутренних войск МВД СССР появилась правовая возможность применять оружие, как для надлежащего выполнения своих обязанностей, так и для защиты (если в этом возникала необходимость) собственной жизни.

В свою очередь посредством оговорок компетентные должностные лица попробовали регламентировать основания усмотрения исключительного случая для того, чтобы оценивать правомерность использования оружия. Подобная попытка оказалась неудачной как по объективным (высокого абстрактного потенциала термина «исключительный случай» вследствие ирреальности буквальной констатации атипичных, экстраординарных жизненных ситуаций), так и субъективным (неготовность субъекта правотворчества описываемого периода к таким событиям, как вооруженные мятежи, массовые беспорядки и т.п.) причинам и условиям.

Высокий уровень абстракции у определенной части исключений позволяет не согласиться со следующим утверждением: «Если норма права содержит многочисленные оговорки и исключения, то это свидетельствует о недостаточно высокой степени обобщенности выбранного правотворческим органом средства государственной регуляции»¹.

¹ Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. С. 349.

Вместе с тем абстрагирование, создание предельно широких обобщений не должно выступать в качестве самоцели правотворческого процесса. Как верно отмечал О. Э. Лейст, «чрезмерная абстрактность формулировок правовых предписаний делает неясной, не вполне определенной сферу их применения или способ реализации; конкретизация предписания до уровня регулирования отдельного, единичного отношения превращает норму в приказ, команду, распоряжение, исчерпываемое исполнением»¹.

Значение исключения, содержащегося в норме, состоит в том, что, пользуясь им, можно при необходимости достичь максимального уровня обобщения, но при этом норма будет рабочей, реально применимой к проецируемой действительности².

С другой стороны, исключение посредством своей казуальности позволяет досконально учитывать буквально все нюансы многообразия социального бытия, детального учета специфических отношений,

¹ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 87–88.

² На наш взгляд, предельный уровень абстрактности, получаемой посредством исключения, имеет уже цитируемое выше следующее нормативное положение: «**В исключительных случаях** при невозможности выполнения в полном объеме требований по физической защите на ядерном объекте, установленных настоящими Правилами и разработанными в соответствии с ними ведомственными нормативными актами, руководство ядерного объекта (для объектов, охраняемых внутренними войсками Министерства внутренних дел Российской Федерации или вневедомственной охраной полиции, – совместно с руководством соответствующих воинских частей или подразделений) *обязано принять компенсирующие организационно-технические меры.* Достаточность принятых мер подтверждается оценкой эффективности системы физической защиты и согласовывается с федеральным органом исполнительной власти или Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом», осуществляющими управление (координацию) деятельностью ядерного объекта, а также при необходимости с Министерством внутренних дел Российской Федерации» (п. 51 Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов (утв. Постановлением Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 // СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4081) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.). Как видно, и об этом говорилось выше, указанное исключение не просто позволяет, но и обязывает выходить за пределы правил для защиты ядерных объектов в чрезвычайных, внештатных, из ряда вон выходящих ситуациях, которые объективно никак не могут быть определены.

регламентируемых правом. При этом за счет исключения казуальные по своему характеру нормы сохраняют присущую праву универсальность и не трансформируются в индивидуальные или (и) поднормативные регуляторы¹.

Тем самым наличие исключений (в том числе и конкретизирующего свойства) в юридической норме не следует оценивать в качестве ее несоответствия критерию истинности.

Необходимо особо оговорить, что критика позиции В. М. Баранова проводится только на основании формального аспекта, ибо, действительно, нельзя считать норму ложной из-за того, что в ней (либо из нее) имеются исключения.

Однако квинтэссенция высказывания В. М. Баранова, если рассматривать проблему в содержательном ракурсе, абсолютно справедлива. Так, если норма содержит правило, из которого существуют исключения, нивелирующие данное правило, парализующие его реализацию, то такую норму однозначно стоит воспринимать как ложную.

При всем несовершенстве отечественной правовой системы о таких нормах можно говорить лишь теоретически. По нашему мнению, современное российское право страдает декларативностью, противоречивостью, но никак не тем, что исключения превалируют над правилами.

¹ Как пример исключения, обладающего несомненно казуистическими свойствами (в частности, выделяющего отдельную категорию субъектов), но при этом рассчитанное не на отдельную, разовую ситуацию, не на каких либо конкретных лиц, а на множество отношений определенного вида и индивидуально неперсонифицированных личностей, т.е. сохраняющее качество нормативности, присущее праву в целом, можно привести п. 7 Порядка предоставления жилых помещений, расположенных в закрытых военных городках, находящихся в ведении Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации (утв. Приказом Главного управления специальных программ Президента РФ от 17 февраля 2011 г. № 8 // Российская газета. 2011. 15 апр.). Согласно указанной норме «Вселение граждан, не имеющих отношения к Службе, в жилые помещения домов, расположенных в закрытых военных городках, в качестве постоянно проживающих с нанимателем не допускается, *за исключением вселения несовершеннолетних граждан по месту жительства родителей или одного из родителей*» (курсив наш. – С.С.).

Следовательно, юридическая норма может устанавливать и содержать исключения из правил. Подобные исключения обеспечивают требуемую абстрактность и (или) казуистичность правового регулирования, что способствует достижению целей последнего.

Норма, официально закрепляющая исключение из единых, стандартизированных правил, априори должна причисляться к специальным нормам. Это детерминировано прежде всего соотношением общего и особенного, целого и части, что как раз и характерно для взаимосвязи правила и исключения, при которой само существование исключения зависит от наличия правила. «Специфический признак специальных норм – их производность от общих предписаний, их функционирование на основе и в связи с общими нормами»¹.

И. Н. Сенякин при классификации специальных норм совершенно справедливо называет среди их разновидностей исключительные нормы, которые выступают дополнением либо к общим, либо к специальным нормам с более высокой степенью абстрактности, причем таким дополнением, которое предписывает изъятие из правил указанных норм².

Подобный вывод вполне сочетается с концепцией настоящего исследования, ибо, как уже было сказано, суть действия исключения в отношении правила заключается в создании альтернативного правилу варианта регуляции посредством изъятия или (и) дополнения в единые для всех требования.

Надо отдельно отметить, что И. Н. Сенякин наряду с исключительными нормами выделяет также специальные нормы-изъятия, определяющие исключения из общего правила, некоторые отклонения от него³.

Здесь возникает закономерный вопрос: как соотносятся между собой нормы-изъятия, содержащие исключения, и специальные исключительные

¹ Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. С. 42.

² Там же. С. 79.

³ См.: Там же. С. 77.

нормы. Ответ на этот вопрос особенно интересен, принимая во внимание то, что ученый не вполне четко определил свою точку зрения по поводу тождества изъятия и исключения. В частности, И. Н. Сенякин считает, что преференции перед общими правилами даются только исключениями либо изъятиями¹.

Соглашаясь с тем, что при конкуренции правила и норм, выступающих в виде исключения или (и) изъятия надо реализовывать нормы специального плана², хотелось бы тем не менее уточнить: норма-изъятие и исключение – это синонимы или нет?

По нашему мнению, при установлении места исключений в системе специальных норм необходимо учитывать следующее.

Общие нормы устанавливают генеральные единые для всех правила³. Наличие общих норм обуславливает появление специальных по отношению к ним норм. Такие нормы могут содержать как правила, так и исключения⁴. В свою очередь и специальные правила и исключения применительно к общим нормам выступают в виде изъятий либо дополнений⁵.

Тем самым специальные нормы (аналогично общим) учреждают правила и исключения; и те и другие подразумевают изъятия⁶ или дополнения. На этом сходство специальных правил и исключений заканчивается.

Основное различие заключается в том, что если исключения заменяют собой действие общих положений, то специальные правила действуют

¹ См.: Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 57.

² См.: там же. С. 55.

³ В данном случае речь идет сугубо о нормах-правилах поведения; вопросы, связанные с существованием исходных (отправных норм) пока не затрагиваются.

⁴ См., например: Володин Е. Исключения из правил особенности приема отдельных категорий иностранных работников // Кадровик. 2011. № 7. С. 182–190.

⁵ Выше уже приводились примеры уникальной природы исключений, позволяющей сочетать изъятие и дополнение.

⁶ В большинстве случаев изъятие обозначается такой формулировкой: «... положение (правило, установление, предписание, иногда – статья, закон (указ, постановление)), не распространяется...».

параллельно основным предписаниям, никоим образом не подменяя их. Выдвинутый тезис равно применим как к специальным правилам-дополнениям, так, и это надо подчеркнуть особо, к специальным правилам-изъятиям¹.

Что же касается исключений, то они могут быть как из общих, так и из специальных правил²; главным для исключения является сам факт существования правила, ибо представляется необходимым подчеркнуть еще раз: если нет правила, значит, нет и исключения. Парадоксом служит не то, что из правил есть исключения, а то, что некоторые правила, в том числе и специальные, возникают и существуют на основе исключений либо служат приложением к ним.

Речь, конечно, идет об исключениях, обладающих предельно высоким уровнем абстрактности. Например, согласно ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений.

В свою очередь ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ, регламентирующая условия и порядок отбывания и назначения указанного вида наказания, устанавливает общий срок назначения административного ареста - до пятнадцати суток, а за некоторые правонарушения - до тридцати суток.

По нашему мнению, положение о возможности увеличения срока ареста до тридцати суток является как раз специальным правилом,

¹ Этот тезис подтверждается примерами из действующего законодательства. См., в частности: ч. 4 ст. 133 УПК РФ, ч. 5 ст. 35 Земельного кодекса РФ, ч. 3 ст. 74 ФЗ от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (СЗ РФ. 1998. № 29, ст. 3400), ч. 3 ст. 1 ФЗ от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3019), ч. 3 ст. 1 ФЗ от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (СЗ РФ. 2002. № 52 (часть I), ст. 5140), ч. 2 ст. 1 ФЗ от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (СЗ РФ, 2003. № 27 (часть I), ст. 2701), ч. 3 ст. 24 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» (СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 904).

² См., например, ч. 4 ст. 4 ФЗ от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // СЗ РФ. 2008. № 30 (часть I), ст. 3579).

действующим параллельно с общим¹ и дополняющим его разрешением повысить продолжительность наказания в два раза.

Абстрактность некоторой части исключений позволяет ставить вопрос об их особом месте среди специальных норм. Последние всегда конкретны по сравнению с генеральными установлениями; сама по себе специальная норма есть результат правовой специализации, устанавливаемая с целью конкретизации и детализации общей правовой нормы².

Между тем, и об этом уже многократно говорилось, далеко не все нормы, содержащие исключения, имеют конкретизирующую направленность; напротив, некоторые из них предельно абстрактны.

Соответственно основанием выделения норм-исключений служит не объем³ и не сфера⁴ действия, а совершенно иной критерий: закрепление в норме иного (по сравнению с общим правилом) варианта регуляции; причем такого варианта, который не просто альтернативен правилу, но и заменяет собой последнее, предлагая, хотя и опирающуюся на правило, но отличную от него вариацию регулирования правом общественных отношений.

Признание существования норм-исключений делает вполне логичным стратификацию всех юридических норм на исходные и регулятивные (нормы-правила и нормы-исключения).

При этом более чем очевидна взаимообусловленность норм, составляющих диалектически единую триаду: исходные нормы подразумевают создание норм-правил поведения, которые в свою очередь детерминируют появление исключений, также выраженных в нормах.

¹ При этом и само общее правило зависимо от существования исключения. Подобное лишней раз свидетельствует о сложности и неоднозначности соотношения правил и исключений.

² См.: Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. С. 54.

³ Например, П. Е. Недбайло подразделял юридические нормы по объему их действия – на общие и специальные (См.: Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 73–92).

⁴ В частности, С. С. Алексеев в зависимости от сферы действия классифицирует нормы права на общие и специальные (См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 248).

Подтверждением высказанного тезиса может служить приведенная выше в качестве примера норма-исключение, закрепленная в ст. 96 УК РФ. Так, принципы справедливости и гуманизма, нормативно закрепленные в УК РФ (ст. 6 и ст. 7 соответственно), выступают в качестве исходных положений, влияющих на назначение наказания.

К общим правилам, регламентирующим назначение наказания, относится подавляющее большинство норм¹, зафиксированных в гл. 10 УК РФ «Назначение наказания».

Специальные правила, касающиеся особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, помещены в гл. 14 УК РФ. Здесь же содержится и исключение из правил, закрепленное в ст. 96 УК РФ.

Таким образом, нормы-исключения и по критерию их выделения и по возможности обладания абстрактным характером отличаются своеобразием среди всех иных специальных норм. По поводу взаимосвязи специальных норм и норм-исключений вполне применимо следующее выражение: каждая норма-исключение является специальной нормой, однако не всякую специальную норму можно считать нормой-исключением².

Аналогично следует оценивать и соотношение норм-исключений и исключительных норм. Исключительные нормы – феномен, известный

¹ В доминате своей нормы, сконцентрированные в гл. 10 УК РФ, представляют собой именно общие правила назначения уголовного наказания. Однако, если есть правила, значит, что вполне естественно, должны быть и исключения. Исключение закреплено, в частности, в ст. 64 УК РФ. Кроме того, в указанной главе наряду с общими правилами существуют и специальные, которые, по нашему мнению, нашли свое выражение в ст. 65 УК РФ.

² В этой связи весьма интересно мнение А. В. Мицкевича: «Особое значение имеют так называемые **специальные нормы** (*jus singulare*), предусматривающие определенные законом исключения (изъятия) из общего правила для особых случаев (Мицкевич А. В. Нормы права. С. 568). С подобным умозаключением можно было бы согласиться, но лишь со следующими оговорками: 1) не все специальные нормы содержат исключения; 2) диапазон действия исключения не ограничивается изъятием – исключение может предполагать и дополнение.

юридической науке¹; в частности, А. Ф. Черданцев, классифицируя юридические нормы по объему действия, различает общие, специальные и исключительные нормы². И. Я. Дюрягин, предлагая стратификацию по сфере или объему регулирующего действия норм права, писал следующее: «Разграничение на общие, специальные и исключительные нормы имеет не только познавательное, но и непосредственно практическое значение: при разрешении каждого конкретного дела требуется руководствоваться специальными и исключительными нормами наряду с общими установлениями»³.

На степень конкретизации как реальный фактор обособления исключительных норм обращали внимание и представители отраслевых наук; при этом исходным положением стратификации юридических норм на общие, специальные и исключительные традиционно выступала сфера их применения⁴.

Тем самым основой подразделения норм на общие, специальные и исключительные служит объем регламентирующего воздействия данных норм. Соответственно общим, родовым, видовым общественным отношениям корреспондируют общие, специальные и исключительные нормы.

На наш взгляд, подобный подход, основанный на признании исключительных норм в связи с максимальной детализацией правового регулирования, более чем односторонен.

¹ См., например: Деревнин А. А. Исключительные нормы в праве // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. / отв. ред.: А. А. Усачев. М. ; Иркутск, 2007. Вып. 4. С. 10–17.

² См.: Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 212–213.

³ См.: Дюрягин И. Я. Нормы советского права // Теория государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 345–346.

⁴ См., в частности: А. П. Корнев по сфере применения норм административного права разграничивает их на общие, специальные, исключительные (См.: Корнев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 38–41). По такому же критерию В. С. Основин классифицировал нормы советского государственного права на общие, специальные, исключительные (См.: Основин В. С. Нормы советского государственного права М., 1963. С. 52).

Главным критерием выделения исключительных норм выступает наличие в них (что вполне естественно) исключений, а значит, закрепление не просто иного, а противоположного (внешне даже противоречащего) правилам варианта регуляции. Как верно замечает С. С. Алексеев, исключительные нормы устанавливают «качественно иной порядок, нежели общие и специальные нормы»¹.

В свою очередь весьма интересным представляется определение соотношения исключительных норм и норм-исключений. Указанные нормы соотносятся между собой как часть (исключительные нормы) и целое (нормы-исключения). Поэтому исключительные нормы можно трактовать как находящуюся в органическом единстве, но тем не менее автономную разновидность норм-исключений.

Признаками, позволяющими говорить о специфике исключительных норм по сравнению с нормами-исключениями, являются следующие.

1. Исключительные нормы необходимы для регламентации сверхштатных, крайне нетипичных, беспримерных казусов. «Следует подчеркнуть, – пишет А. А. Деревнин, – что установление исключительных норм, а затем и возможность их реализации могут быть обусловлены самыми разнообразными обстоятельствами, но непременно особого (экстраординарного) характера»². Нормы-исключения (в особенности те, в которых для обозначения исключений используются термины «за исключением случаев», «за исключением»), как уже отмечалось выше, не всегда имеют столь ярко выраженную эксцентричную направленность.

2. Экстремальный характер фактов, попадающих под действие исключительных норм, закономерно порождает применение соответствующей терминологии. Детерминантами указанных инцидентов выступают различного рода обстоятельства, справедливо обозначаемые как

¹ Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. М., 1982. Т. II. С. 78.

² Деревнин А. А. Специальные нормы в российском праве // Академический юридический журнал. 2002. № 1. С. 13.

исключительные¹, а сами такие ситуации верно именуются исключительными случаями².

3. Исключительные нормы, в доминанте своей выражаются в обособленных нормативных предписаниях. Подобные предписания формализуются в отдельных пунктах³, частях⁴, статьях⁵ нормативно-правовых актов⁶.

Таким образом, исключительная норма – это разновидность норм-исключений, направленная на урегулирование экстраординарной ситуации, облакаемая в соответствующую терминологию и находящая внешнее проявление в отдельном правовом предписании.

Представленная дефиниция, в частности указание на экстраординарность и специфическую терминологию, позволяет более точно подходить к отнесению той или иной нормы к разряду исключительных.

Поэтому нельзя полностью солидаризоваться с И. Н. Сенякиным, который, характеризуя конкуренцию норм в области уголовного

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. № 7. С. 91–95.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.

³ См., например: п. 151 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 14, ст. 1649).

⁴ См., например: ч. 4 ст. 9 ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534).

⁵ См., например: ст. 21 «Количественные ограничения, устанавливаемые Правительством Российской Федерации в исключительных случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации» ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4850).

⁶ Достаточно редким, однако имеющим место быть феноменом является выражение исключительной нормы в отдельном нормативном правовом акте. См., например: Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2007 г. № 877 «Об утверждении перечня товаров, являющихся существенно важными для внутреннего рынка Российской Федерации, в отношении которых в исключительных случаях могут быть установлены временные ограничения или запреты экспорта» // СЗ РФ. 2007. № 52, ст. 6461.

законодательства, пишет: «Конкуренция норм ч. 1 или 2 ст. 65 и 69 УК РФ является разновидностью конкуренции специальной и исключительной нормы. Норма об определении наказания по совокупности преступлений относится к исключительной в связи с тем, что регулирует назначение наказания особым образом при множественности преступлений»¹.

В первую очередь хотелось бы уточнить, что конкуренция между ч. 1 ст. 65 УК РФ² и ст. 69 УК РФ, по нашему мнению, отсутствует полностью. Иное дело то, что И. Н. Сенякин совершенно верно считает норму, закрепленную в ст. 65 УК РФ, специальной нормой. Само название статьи: «Назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении» указывает на специализацию порядка назначения уголовного наказания по сравнению с общими началами данного процесса (ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания»).

Однако к специальным правилам относится достаточно многочисленная совокупность норм, содержащихся в гл. 10 УК РФ: «Назначение наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве» (ст. 63.1 УК РФ); «Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии» (ст. 67 УК РФ); «Назначение наказания при рецидиве преступлений» (ст. 68 УК РФ).

Как думается, в эту же группу норм следует включать и нормы, закрепленные в ст. 69 УК РФ («Назначение наказания по совокупности преступлений»), а равно и в ст. 70 УК РФ («Назначение наказания по совокупности приговоров»).

И. Н. Сенякин, обосновывая довод о том, что ст. 69 УК РФ олицетворяет исключительную норму, отмечает: «Окончательно назначенное по совокупности наказание может значительно отличаться от видов, сроков

¹ Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. С. 61.

² Часть 2 ст. 65 УК РФ утратила силу. См.: ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

или размеров наказания, предусмотренных санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ, которые в этом соотношении являются общей нормой»¹.

Здесь не вполне понятно, почему статьи Особенной части УК РФ выступают в качестве общей нормы при назначении наказания. Указанные статьи в своих санкциях лишь фиксируют допустимые виды, сроки или размеры наказаний, а вот общие начала их назначения содержатся непосредственно в статье с одноименным названием – ст. 60 УК РФ, которая является основополагающей для всей гл. 10² анализируемого нормативного акта.

Что же касается того, что при применении ст. 69 УК РФ назначенное наказание может отличаться от сроков, видов ли размеров, закрепленных в санкциях статей Особенной части УК РФ, то подобное положение может возникнуть и при реализации ст. 65, 67, 68, а также ст. 70 УК РФ³.

При согласии с тем, что «предписание о наказании при признании присяжными заседателями лица заслуживающим снисхождения (ч. 1 ст. 65 УК РФ) выступает как специальная норма»⁴, то и нормы ст. 67, 68, 70 и, бесспорно, 69 УК РФ тоже надо оценивать сугубо как специальные.

Очевидно, что ничего исключительного в указанных нормах, в том числе и нормах ст. 69 УК РФ, нет.

Необходимость учета при назначении уголовного наказания различных объективных факторов (каких именно – наглядно демонстрируют приведенные выше названия данных статей) детерминировало создание специальных, жестко регламентированных правил.

¹ Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. С. 61–62.

² В рассматриваемом контексте стоит акцентировать внимание на названии указанной главы: «Назначение наказания».

³ Спецификой обладает лишь ст. 63.1 УК РФ, в соответствии с которой при назначении наказания не учитываются смягчающие обстоятельства, предусмотренные частями 2, 3, 4 ст. 62 УК РФ.

⁴ Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. С. 62

Данные правила, отражая ту или иную специфику, тем не менее остаются правилами, не предлагающими ничего исключительного относительно общих начал назначения наказаний; никоим образом не выходящими за пределы санкций статей Особенной части УК РФ.

По нашему мнению, исключительной следует считать не ст. 69 УК РФ, а норму, закрепленную в ст. 64 этого же законодательного акта¹.

Если бы в ст. 64 УК РФ были четко определены названные основания, то можно было воспринимать содержащуюся в ней норму в качестве специального правила. Однако рассматриваемая статья указывает на наличие исключительных обстоятельств; их констатация позволяет назначить наказание ниже низшего предела, чем тот, который установлен в санкции статьи Особенной части УК РФ либо вообще назначить более мягкий вид наказания, опять же не предусмотренный в санкции соответствующей статьи. При этом само словосочетание «исключительные обстоятельства» субъект правотворчества не расшифровывает, оставляя его на усмотрение суда².

Таким образом, о том, что норма, имеющаяся в ст. 64 УК РФ, – исключение из правила, красноречиво свидетельствуют: легитимация дозволения иного (по отношению как к общему, так и специальному³ правилу), выходящего за пределы последних, варианта регулирования; открытый перечень объективных и субъективных факторов, олицетворяющих исключения; диспозитивная природа данной нормы.

В свою очередь признание того, что рассматриваемое исключение стоит причислять к разряду исключительных норм, свидетельствуют следующие моменты:

а) экстраординарность, необычность, исключительность события;

¹ О потенциальной вероятности существования исключения из правила свидетельствует формулировка ч. 2 ст. 60 УК РФ.

² Более подробно о применении ст. 64 УК РФ судебными органами будет сказано ниже, в соответствующем разделе настоящего исследования.

³ В частности, УК РФ разрешает применять положения ст. 64 и при рецидиве преступлений.

б) использование для обозначение детерминанта реализации исключения выверенного термина – «исключительные обстоятельства»;

в) объективизация исключения в отдельном правовом предписании – ст. 64 УК РФ.

Последний довод не является безоговорочным в контексте рассмотрения общих, специальных и исключительных норм, закрепленных в гл. 10 УК РФ.

Уточнение места исключения по отношению к правилу в нормативном акте представляется более актуальной задачей, нежели установление того, в какой именно структурной единице нормы права – гипотезе, диспозиции, санкции – содержится исключение. На наш взгляд, это абсолютно непринципиально и выступает лишь как еще один теоретический критерий классификации исключений¹.

Касательно правила исключение выступает как гипотеза, претворение в жизнь которой влечет легитимацию противоположного правилу варианта развития событий (диспозиция), что также может (или должно) привести к изменению санкции².

Исходя из всего вышеизложенного, можно охарактеризовать нормы-исключения следующими признаками³.

Во-первых, нормы-исключения, равно как и иные нормы права, представляют собой властные, общеобязательные, формально определенные веления, учрежденные или санкционируемые государством и поддерживаемые им силой государственного принуждения.

Во-вторых, данные нормы содержат в себе исключения, а значит, эти нормы устанавливают изъятия и (или) дополнения в правила, создавая альтернативный либо даже противоположный последним вариант

¹ См. об этом критерии: Муравьев И. А. Законодательное исключение: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 17).

² Наглядный пример исключения непосредственно позволяющего изменить санкцию – проанализированная выше ст. 64 УК РФ.

³ См. об этом: Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 17–21.

регулирования общественных отношений; отличаются предельной конкретностью либо повышенной абстрактностью; могут быть реализованы только уполномоченными на то субъектами.

В-третьих, нормы-исключения являются особой разновидностью специальных норм; при этом отдельной группой норм-исключений выступают исключительные нормы.

В-четвертых, указанные нормы отличаются специфичной терминологией, позволяющей акцентировать их специфическую природу как исключений из правил.

Таким образом, норма-исключение – специальное общеобязательное государственно-властное веление, содержащее отличный от общего правила вариант регулирования, отличающееся особой терминологией и находящее свое внешнее выражение в юридически значимых формах.

Глава 3. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве

Форма права – сложное и многозначное понятие. В контексте изучения проблем объективизации права, его воплощения в реальном мире под формой права целесообразно понимать официальные формы выражения и закрепления (изменения или отмены) правовых норм, действующих в данном государстве.

На наш взгляд, подобная трактовка не выступает абсолютно позитивистской; она вполне подходит для интеграционного направления восприятия права, ибо основной смысл заключается в допустимости различных и разнообразных источников права¹, в которых материализуются и систематизируются юридические нормы. *«Соответственно, форма права может быть определена как способ (прием, средство) внутренней организации и внешнего выражения права, а точнее – выражения содержащихся в нормах права правил поведения»².*

Выражая полное согласие с приведенной только что точкой зрения, хотелось бы в очередной раз уточнить: в нормах права могут быть закреплены не только правила, но и исключения из них. Тем самым корреляция формы права и исключения в праве более чем очевидна: с одной стороны, речь идет о способах сочетания исключений и правил в той или иной форме (внутренняя организация), с другой – можно обоснованно ставить вопрос о внешних формах проявления исключений.

Применительно к последним категория «форма права» выступает детерминантом их легитимации и, соответственно, использования в процессе регулирования общественных отношений.

¹ Вопрос о соотношении формы права и источника права представляется отдельной проблемой юридической науки, разрешить которую не удастся в течение более ста лет. В контексте настоящего исследования источник права может пониматься как синоним формы, в том случае если форма права обозначает санкционированную государством ту или иную разновидность материалистического воплощения права.

² Марченко М. Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2005. С. 40.

По нашему мнению, форма права предоставляет возможность материализации исключений, гармоничного сочетания их наличия в содержании права и внешнего выражения.

В общей теории права, несмотря на огромную палитру различных точек зрения, все же выработана генеральная линия в отношении того, что же можно считать формой права. В частности, к формам права следует причислять нормативный правовой акт, судебную практику, нормативный договор, правовой обычай, юридическую доктрину.

Конечно, представленный перечень далеко не идеален; здесь приемлемы различные вариации: в частности, в религиозных правовых системах формой права считаются теологические тексты¹. Вместе с тем разночтения в восприятии форм права не разрушают консолидированную систему последних, действующих в конкретной правовой системе. Так, можно с уверенностью предположить, что в большинстве государств, право которых относится к религиозным семьям, имеются и нормативные акты, допускаются прецеденты, признаются доктрины. То же самое характерно и для иных правовых семей. В частности, Р. Давид анализирует структуру источников романо-германской правовой семьи и семьи общего права, исходя из стандартной схемы: правовая традиция, судебная практика, закон, международный договор, доктрина².

Воплощение исключений в какой либо форме права, наряду с определенностью и объективизацией, означает их и официальное признание.

Между тем имплементация исключений в различные формы права обуславливает постановку вопроса об иерархической неоднородности последних.

Принадлежность к конкретной правовой системе детерминирует приоритетность той или иной формы права. Соответственно в правовом

¹ Например, в странах, относящихся к мусульманской правовой семье, формой права, бесспорно, являются Коран и Сунна.

² См. об этом: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 74–111, 248–268.

регулировании преобладают те правила и исключения из них, которые находят свое выражение в форме права, считающейся основной в данной правовой системе.

Для исключений доминирование формы, в которой они проявляются, имеет, пожалуй, даже большее значение, чем для правил. Подобное объясняется тем, что само существование исключений как альтернативных либо противоположных правилам вариантов регуляции возможно лишь при закреплении их в неоспоримых (и по месту в иерархическом ряду, и по юридической силе) формах.

Применительно к исключениям, имеющим место в российском праве, предметом обсуждения становится определение ведущей формы права современной России¹. Разрешение этой проблемы зависит в первую очередь от того, к какой правовой семье принадлежит правовая система РФ.

Констатация различных позиций² и неприменимый учет особенностей правовой системы России³ все же не могут, по нашему мнению, повлиять на «классическую», общераспространенную точку зрения, согласно которой правовая система России – неотъемлемая часть романо-германской правовой

¹ Исключения могут быть применены при определении иерархичности различных форм права. Например, Постановлением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) (Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 2) ч. 3 ст. 32 Конституции РФ признана нарушающей ст. 10 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции. Среди аргументов, обосновывающих решение ЕСПЧ, имелась и ссылка на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой международные договоры РФ обладают приоритетом над внутригосударственным законодательством. Признавая положительную роль Постановления Конституционного Суда от 19 апреля 2016 г. № 12-П (СЗ РФ. 2013. № 17, ст. 2480), в котором предельно корректно и выдержанно изложена позиция РФ, хотелось бы привести пример эффективного разрешения подобной коллизии из зарубежного законодательства. В частности, ч. 2 ст. 277 Конституции Португальской Республики, устанавливая высшую юридическую силу международных норм в правовой системе Португалии, «за исключением случаев, когда их неконституционность влечет за собой нарушение фундаментального положения» (выделено нами. – С.С.).

² См., в частности: Марченко М. Н. Является ли правовая система России составной частью романо-германской правовой семьи? // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 66–76.

³ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 167–177.

семьи¹. М. Н. Марченко, изучая отличительные черты романо-германского права, указывает «на **особую значимость закона в системе источников права**»². Безусловно, соглашаясь с данной позицией, хотелось лишь уточнить, что к основным источникам романо-германской правовой семьи, наряду с законами, относятся и подзаконные акты, в совокупности представляющие собой единую систему.

Тем самым можно с уверенностью констатировать: нормативный правовой акт – базовая и наиболее распространенная форма права в романо-германской правовой семье в целом и в российской правовой системе в частности.

Соответственно нормативный акт оптимален в качестве внешнего выражения как правил регламентирования общественных отношений, так и исключений из них. Подобное объясняется как качественными, так и количественными характеристиками самих нормативных правовых актов (далее – НПА).

И юридическая наука³, и действующее законодательство⁴ исходят из того, что изложение норм права в НПА потенциально предполагает аккуратность, логичность, определенность формулировок. Неслучайно закон исторически рассматривался как «лучший «технический способ» установления четких норм в эпоху, когда сложность общественных отношений выдвигает на первый план среди всех аспектов правильного решения его точность и ясность»⁵. Последнее особенно важно для исключений, ибо олицетворяемые ими изъятия и (или) дополнения из общих

¹ См., в частности: Мицкевич А. В. Формы выражения, или источники, права // *Общая теория государства и права: академический курс* : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 270.

² Там же. С. 441.

³ См., например: Тихомиров Ю. А. Законодательная техника: понятие и элементы // *Законодательная техника* / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 9.

⁴ См., в частности: Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // *СЗ РФ*. 1997. № 33, ст. 3895.

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 78.

правил, предполагающие к тому же альтернативный вариант регуляции, должны быть предельно четко закреплены в НПА.

Восприятие нормативного акта как наиболее приемлемой формы права объясняется не только его возможностями с точки зрения правотворческой техники (об этом еще будет сказано ниже), но и такими концептуальными качествами НПА, как общеобязательность, рассчитанность на многократное применение, распространение на неопределенно широкий круг субъектов. Подобные свойства позволяют внятно формулировать нормативные правила и исключения, что обеспечивает надлежащее правовое регулирование.

При этом бесспорным признается деление НПА на законы и подзаконные акты.

Законы предельно разнообразны. В контексте настоящего исследования отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает такой критерий классификации законов, как объем их действия.

Здесь различают общие и специальные законы. Первые «простираются на всех граждан данного государства и обнимают все подлежащие им отношения»¹. Специальные законы, по мнению Е. Н. Трубецкого, «издаются для известного разряда лиц и специальных отношений, отличающихся особенными свойствами, которые не соответствуют общим нормам и требуют поэтому особых норм»².

Ключевым в только что приведенной характеристике является слово «норма». Закон как нормативный акт – это форма объективизации юридических норм, как общих так и специальных. В зависимости от того, какая разновидность норм материализуется в том или ином законе, определяется его отношение к общим или специальным актам.

Доминирование нормы (как содержания) вовсе не означает умаления формы и, соответственно, роли специальных законов и отрицание их своеобразия³.

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 91.

² Там же.

³ См.: Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 45.

Между тем способность юридической нормы относить законы к общим или специальным обуславливает постановку вопроса и о существовании законов-исключений.

Действительно, если специальные нормы находят свое выражение в специальных законах, то нормы-исключения (как автономная их разновидность) должны воплощаться в законах-исключениях. В качестве примера можно привести имеющие место быть в праве дореволюционной России так называемые законы-привилегии¹, «устанавливающие какое-либо преимущество в пользу какого-либо лица или разряда лиц»².

Е. Н. Трубецкой считал, что причины создания законов, отличных от общих, «вызываются разнообразием целей общественной жизни и издаются в тех случаях, когда общее правило не может быть приспособлено к индивидуальному случаю...»³.

На наш взгляд, приведенное высказывание в большей степени характеризует не просто специальные законы⁴, а именно законы-исключения⁵. Определяющим моментом служит прямое указание на то, что общим правилом невозможно охватить разнообразие жизни.

Наглядной иллюстрацией закона-исключения служит ФЗ от 12 июля 1995 г. № 100-ФЗ «Об исключительном праве на поступление в учреждения среднего профессионального и высшего профессионального образования выпускников школ, пострадавших от землетрясения в Охинском районе Сахалинской области»⁶.

¹ Привилегия, и об этом было неоднократно сказано, бесспорно является исключением, направленным на создание режима наибольшего благоприятствования определенным субъектам. См. об этом также: Малько А. В. Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005.

² Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 91.

³ Там же.

⁴ Неслучайно, Е. Н. Трубецкой дает несколько иную характеристику категории «специальный закон», соотносящийся законом-исключением как целое и часть. Специальные законы, пишет автор, «издаются для известного разряда лиц и специальных отношений, отличающихся особыми свойствами» (Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. С. 92.)

⁵ Здесь уместно напомнить одно из положений предыдущего параграфа: каждая норма-исключение есть специальная норма, но не всякая специальная норма является нормой-исключением. Подобное высказывание вполне проецируется и на корреляцию специальных законов с законами-исключениями.

⁶ СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2756.

Данный закон, предоставлявший в 1995 г. право поступления без вступительных экзаменов для получения бесплатного образования в государственные или муниципальные учреждения среднего профессионального и высшего профессионального образования РФ, без сомнения являлся исключением из правила о получении бесплатного образования высшего образования на конкурсной основе. В совокупности нормативные акты, предусматривающие как правила¹, так и исключения из них, составляли на тот исторический момент глобальное нормативно-правовое предписание, регламентирующее порядок получения бесплатного высшего образования.

Надо отметить, что отдельные законы-исключения крайне редко встречаются в массиве НПА². Подобное объясняется тем, что, издавая закон, субъект законотворческого процесса стремится максимально полно и широко охватить пласт подвергаемых регламентации отношений. А это принципиально достижимо только тогда, когда закон представляет собой предельно целесообразный синтез правил и исключений.

В настоящее время можно с абсолютной уверенностью констатировать, что любой из действующих российских законов (вне зависимости от видовой принадлежности) содержит как правила, так и исключения.

Закрепление исключений именно в законах позволяет сделать вывод не только об использовании исключений при регулировании наиболее важных сфер общественной жизни, но и утверждать о том, что такие исключения – властные веления государственных законодательных органов либо воля народа на референдуме. Принимаются эти исключения в особом порядке, а

¹ В данном конкретном случае речь идет о правилах, определенных в ч. 3 ст. 43 Конституции РФ и Законом РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 30 июля 1992 г., № 30, ст. 1797) (утратил силу).

² См., единственный закон-исключение, имеющийся в действующем законодательстве: ФЗ от 28 ноября 2009 г. № 288-ФЗ «О ратификации Протокола об условиях и порядке применения в исключительных случаях ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от ставок Единого таможенного тарифа» // СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5738. См. об этом также: Суменков С. Ю. Закон-исключение как разновидность специальных законов: характерные особенности // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 сентября 2013 г., Харьков, Украина). Харьков : ИФИ, 2013. С. 18–21.

значит, подвергаются тщательному обсуждению в процессе проведения трех чтений законопроекта и наделены высшей юридической силой.

Последняя характеристика исключений детерминирует вопрос о взаимосвязи исключений, зафиксированных в законах, с правилами, находящимися в подзаконных НПА.

По нашему мнению, при подобном соотношении необходимо учитывать следующее:

- а) юридическая сила закона выше, чем у подзаконных НПА;
- б) при конкуренции общих и специальных норм приоритет отдается специальным предписаниям (а нормы-исключения, как уже отмечалось, являются особой разновидностью специальных норм).

Таким образом, исключения, имеющие место быть в законах, обладают приоритетом над правилами¹, сформулированными в подзаконных НПА².

Подзаконные НПА представляют собой сложный и неоднородный конгломерат правовых актов, изданных различными субъектами и направленными на конкретизацию и дополнение положений законов. Традиционно в систему подзаконных НПА входят указы и распоряжения Президента РФ; постановления Правительства РФ; нормативные акты

¹ Речь идет не о методологическом превазировании исключений над правилами, а о сравнении предписаний, зафиксированных в актах различной юридической силы. Исключения, доминирующие над правилами, закрепленными в подзаконных НПА, в свою очередь детерминированы правилами, содержащимися в законах.

² Этот вывод подтверждается примерами из законодательства. См., в частности: Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2007 г. № 817 «Об утверждении Правил предоставления в 2008 году межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату в соответствии с федеральным законодательством денежного довольствия, заработной платы и социальных выплат сотрудникам и работникам территориальных подразделений Государственной противопожарной службы, содержащимся за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, **за исключением** подразделений, созданных в субъектах Российской Федерации *в соответствии со статьей 5 Федерального закона «О пожарной безопасности»* (СЗ РФ. 2007. № 50, ст. 6284); Приказ Минприроды России от 18 мая 2012 г. № 137 «Об установлении максимальной площади охотничьих угодий, в отношении которых могут быть заключены охотхозяйственные соглашения одним лицом или группой лиц, **за исключением случаев, предусмотренных частью 31 статьи 28 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»** (Российская газета. 2012. 21 июня) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

(постановления, распоряжения, приказы, инструкции и т.п.) федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов федерации, органов местного самоуправления; локальные нормативные акты.

Указанные акты приведены в иерархичной последовательности, которая, хотя и вызывает некоторые вопросы, все-таки на настоящий момент является достаточно определенной как на практике, так и в теории¹.

Однако, помимо иерархичности, система подзаконных НПА характеризуется целым рядом проблем и прежде всего несоответствием юридической формы акта и его содержания. «Отсутствие терминологической ясности и определенности с использованием юридических форм правовых актов тесно связано с проблемой неопределенности юридической функции (содержания) акта. Это, в свою очередь, порождает издание смешанных и нетипичных актов, определить нормативный или ненормативный характер которых представляется затруднительным»².

Применительно к исключениям в праве подобное негативное состояние обуславливает дополнительные сложности при выборе и реализации весьма специфичного юридического средства³. Например, согласно ч. 1 ст. 18 ФЗ от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»⁴ (далее ФЗ № 161) «Государственное или муниципальное предприятие распоряжается движимым имуществом, принадлежащим ему на праве хозяйственного ведения, самостоятельно, за *исключением случаев, установленных* настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и *иными нормативными правовыми актами*» (курсив наш. – С.С.).

¹ См., в частности: Толстик В. А. Иерархия источников российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 38–45.

² Там же. С. 17–18.

³ В частности, можно задать вопрос: могут ли в распоряжении Президента РФ содержаться исключения из правил, закрепленных в указе главы государства? Теоретически – да, ибо распоряжение также может выступать в форме НПА, а юридическая сила указа либо распоряжения нигде не регламентирована.

⁴ СЗ РФ. 2002. № 48, ст. 4776.

Как думается, отсутствие четких, в первую очередь терминологических, критериев отнесения того или иного акта, не являющегося законом, к «иным нормативным правовым актам» может вызвать определенные сомнения. Подобный скепсис более чем оправдан, поскольку речь идет о закреплении в подзаконных НПА исключений из правила, установленного федеральным законом (в данном случае – ФЗ № 161)¹.

Поэтому можно только согласиться с тем, что необходимо оговорить различные формы выражения для нормативных и ненормативных правовых актов (наименование, структура, наличие обязательных атрибутов и т.д.), степень юридической силы, порядок издания, обнародования и вступления в действие отдельно для актов нормативно-правового и для актов ненормативно-правового характера каждого государственного органа, что бесспорно повысит уровень культуры законотворческой (правотворческой) деятельности, укрепит стабильность действующего законодательства, позволит последовательно проводить в жизнь требования законности². Все это, без сомнения, положительным образом скажется и на закреплении исключений в подзаконных НПА.

Надо отметить, что внедрение исключений в подзаконные нормативные акты аналогично способам воплощения исключений в законах. Такой вывод обусловлен тем, что и законы, и подзаконные НПА представляют собой разновидности одной и той же категории – НПА.

Исключения могут, как и законы, что уже отмечалось выше, формулироваться в одном цельном акте-исключении. Количество подобных актов среди подзаконных НПА гораздо выше, чем число законов-исключений.

¹ По нашему мнению, высказанное утверждение не противоречит посылу о приоритете закона над подзаконными актами. Потенциальная вероятность наличия исключений, содержащихся в подзаконных НПА, из правил, имеющих в законе, обусловлена санкционированием такой возможности законом (в данном случае – ФЗ № 161).

² См.: Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 32–34.

Данное положение детерминировано тем, что законы имеют все же более обобщенную, схематичную природу. В свою очередь подзаконные НПА, основное предназначение которых – дополнение либо конкретизация законов, априори сталкиваются с многообразием общественных отношений. Дифференцированность и полнота правового регулирования, необходимые для регламентации неоднозначных и сложных жизненных казусов, во многом достигается за счет наличия в текстах НПА исключений из единых для всех правил.

Вместе с тем факт преобладания подзаконных актов-исключений над законами-исключениями хотя и имеет реальную основу, носит все же умозрительный характер.

На практике существование отдельных актов-исключений (будь то законов либо подзаконных НПА) наблюдается неизмеримо меньше относительно иных методов фиксации исключений в НПА.

Наибольшее распространение получило внедрение исключений в НПА посредством их закрепления статьей нормативного акта.

«Статья – основная структурная единица текста нормативного акта, поскольку именно она является носителем правовой информации. В принципе, можно предположить, что в статье должна содержаться юридическая норма, т.е. правило поведения, регулирующее то или иное общественное отношение»¹.

Полностью соглашаясь с предложенной дефиницией статьи нормативного акта, хотелось бы в очередной раз возразить против отождествления нормы и правила поведения. Как уже неоднократно говорилось, в массиве юридических норм могут быть как нормы-правила, так (что вполне естественно) и нормы, содержащие исключения из данных правил.

¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 219.

Соответственно норма-исключение вполне может быть имплементирована в статью НПА. Наглядным примером такой статьи выступает ст. 64 УК РФ.

Концентрация исключения из правил в отдельной статье, безусловно, выступает наиболее оптимальным путем включения их в текст НПА. Наличие в рамках одного нормативно-правового предписания (НПП) обособленных статей, отдельно консолидирующих как правила, так и исключения, облегчает правореализующему субъекту выбор необходимой с точки зрения законности нормы, что однозначно способствует надлежащему правовому регулированию.

Надо отметить, что в правотворчестве формула: «отдельная статья / норма-исключение»)» является менее распространенной, чем модель: статья, а в ней самостоятельными частями¹, пунктами², подпунктами³, абзацами⁴ – правила и исключения. На наш взгляд, подобное объясняется тем, что законодатель стремится предельно сузить НПП, в котором фигурирует исключение. Делается это для того, чтобы было максимально понятно: из какого правила существует конкретное исключение и при каких условиях последнее может быть (хотя бы потенциально) реализовано. Что же касается выбора того или иного компонента статьи, в котором воплощается исключение, то основным критерием здесь является информационный объем последнего. Соответственно в зависимости от диапазона исключения можно предположить следующую градацию его выражения в статье НПА (по убывающей): часть, пункт, подпункт, абзац.

¹ См., например: ч. 2 ст. 13 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162).

² См., например: п. 5 ч. 1 ст. 20 ФЗ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755).

³ См., например: подп. 2 п. 10 ст. 15 ФЗ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177).

⁴ См., например: абз. 3 п. 10 ч. 1 ст. 11 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331).

Данная схема гипотетически предусматривает пирамидальную конструкцию: если часть или пункт¹ содержат исключение², то оно распространяется соответственно на пункты или подпункты³.

Наряду с подобным изложением действующее законодательство допускает и иной вариант, когда один компонент нормативного акта закрепляет правило, а другой – исключение.

По нашему мнению, оба способа имплементации исключений не противоречат друг другу, отвечают потребностям действующего законодательства, в котором объективно необходимо включение исключения из правил.

Противоречивое впечатление оставляет закрепление исключений посредством абзацев.

Положительным моментом служит то, что благодаря абзацу в статье (либо автономном элементе статьи: части, пункте), не подвергнутой дальнейшей стратификации, появляется возможность выделить

¹ Здесь имеется в виду пункт не как элемент статьи, а как автономная структурная единица нормативного акта.

² Исследование структурных элементов нормативных актов, необходимое при анализе исключений в праве, позволило сделать сопутствующий вывод о бессистемном отношении субъекта правотворчества к правилам обозначения подобных единиц. Это проявляется даже на уровне федеральных законов. Так, в разных законах компоненты статьи могут называться либо частями, либо пунктами. Подпункты, в свою очередь, могут обозначаться или арабскими цифрами, или буквами (кириллицей). Как думается, отсутствие какого-либо единообразия самым отрицательным образом сказывается на общей практике реализации законодательства вообще, и такого специфического феномена, как исключения, в частности.

³ В частности ч. 1 ст. 20 ФЗ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755) имеет следующую формулировку: «Недвижимое имущество, принадлежащее подопечному, не подлежит отчуждению, за исключением: 1) принудительного обращения взыскания по основаниям и в порядке, которые установлены федеральным законом, в том числе при обращении взыскания на предмет залога; 2) отчуждения по договору ренты, если такой договор совершается к выгоде подопечного; 3) отчуждения по договору мены, если такой договор совершается к выгоде подопечного; 4) отчуждения жилого помещения, принадлежащего подопечному, при перемене места жительства подопечного; 5) отчуждения недвижимого имущества в исключительных случаях (необходимость оплаты дорогостоящего лечения и другое), если этого требуют интересы подопечного».

исключительное положение из общего массива текста; обратить на исключение пристальное внимание¹. Однако даже в этом случае возникают вопросы, связанные с диапазоном действия исключений: определения, к чему, собственно, относится исключение, из какого правила оно сделано².

В компонентах НПА, обладающих значительным объемом, к указанной проблеме добавляются технические, но от этого не менее важные, сложности. Так, абзацы не пронумерованы и, следовательно, ссылка на то или иное исключение достаточно затруднительна. Т. В. Кашанина по данному поводу верно отмечает: «...пользоваться ими (*абзацами – С.С.*) крайне неудобно, поскольку они никак особо не обозначены. Пользователю данным нормативным актом необходимо их идентифицировать путем подсчета, что крайне неудобно, да и, кроме того, можно легко ошибиться»³. А между тем исключение – специфический феномен, само существование и, тем более, реализация которого априори предполагает наличие точной ссылки (указание на нормативный акт, статью (пункт) либо отдельный ее элемент: часть, пункт, подпункт)⁴.

В контексте рассуждения о структурных единицах нормативного акта, в которые включаются исключения, необходимо упомянуть примечания и приложения.

¹ Так, например, второй абзац п. 2 ст. 13 СК РФ акцентирует внимание на том, что законами субъектов РФ может быть разрешено в виде исключения вступление в брак до достижения возраста шестнадцати лет.

² В частности, ст. 29 ФЗ от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 170) содержит восемь абзацев, представляющих сложный комплекс общих и специальных правил, а также исключение из правил, направленных в конечном итоге на надлежащую регламентацию временного прекращения либо ограничения погрузки и перевозки грузов, грузобагажа вследствие обстоятельств непреодолимой силы, военных действий, блокады, эпидемии или иных независимых от перевозчиков и владельцев инфраструктур обстоятельств.

³ Кашанина Т. В. Юридическая техника. С. 223.

⁴ Иначе субъект просто не может реализовывать вариант поведения, выступающий в качестве альтернативы правилу. В противном случае это становится нарушением общеобязательного правила (правонарушение).

«Примечание – часть нормативного акта, которая представляет государственно-властное установление, предназначенное для специального текстового или символического подчеркивания, носящее сопроводительный характер»¹.

Взаимосвязь исключения и примечания обусловлена тем, что последнее «существует для акцентирования внимания на определенном фрагменте сопровождаемой нормы»². Тем самым субъект правотворчества, нормативно оформляя исключение, стремится выделить его, заострить на нем интерес, расшифровать его отдельным образом, учитывая юридическое значение как исключения, так и правила, из которого оно делается.

Наглядным примером выступает конструкция ст. 1.5 КоАП РФ. Часть третья названной статьи содержит указание на возможность исключений из презумпции невиновности; непосредственно такое исключение изложено в Примечании к ст. 1.5 КоАП.

По нашему мнению, такой способ имплементации исключения объясняется магистральной ценностью постулата презумпции невиновности для правовой системы современного государства³.

Более практическую направленность имеет закрепление исключений в приложениях к НПА. «Приложения повышают эффективность

¹ Баранов В. М., Кузнецов А. П. и др. Примечания в российском праве. Н. Новгород, 2005. С. 16.

² Кашанина Т. В. Юридическая техника. С. 22

³ В проекте нового КоАП РФ (Законопроект № 957581-6, внесен в Государственную Думу ФС РФ 18.12.2015) принцип презумпции невиновности закреплен в отдельной статье, не имеющей примечаний (ст. 2.3 Законопроекта № 957581-6). Однако часть вторая указанной статьи предусматривает возможность исключений из принципа презумпции невиновности в случаях, установленных кодексом. Этому положению напрямую корреспондируют ст. 3.9, 3.10 Законопроекта № 957581-6 (Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ // URL: <http://www.duma.gov.ru>) (дата обращения: 18.09.2016). По тексту и содержанию указанные статьи практически совпадают с Примечанием к ст. 1.5 действующего на настоящий момент КоАП РФ. На наш взгляд, выделение исключений из принципа презумпции невиновности лишней раз свидетельствует о повышенном внимании законодателя как к самому принципу, так и возможности исключений из него.

использования нормативного акта»¹. Подобное достигается за счет того, что приложения обладают конкретизирующими и интерпретационными свойствами. Именно приложения направлены на расшифровку и уточнение шаблонных, отчасти даже абстрактных положений НПА применительно к фактическим жизненным казусам. Сочетание посредством приложения правовых норм, обладающих эталонной, схематичной природой, и объективных реалий самым естественным образом объясняет поражающую многочисленность исключений в приложениях к НПА². При этом закрепление исключений в приложениях может не ограничиваться лишь внедрением необходимого исключения из правила, а порождать сложные законодательные конструкции. Например, ч. 2 ст. 29.1 Лесного кодекса РФ допускает в исключительных случаях заготовку древесины для государственных или муниципальных нужд. Подобное разрешение нуждается в фиксации в законе соответствующего субъекта федерации.

В свою очередь, в развитие в том числе и указанной нормы субъект Федерации (в частности – Пензенская область) принимает соответствующий нормативный акт: Закон Пензенской области от 22 февраля 2007 г. № 1226-ЗПО «О некоторых вопросах, связанных с реализацией в Пензенской области отдельных положений Лесного кодекса Российской Федерации»³. Данный закон имеет целый ряд приложений, среди которых есть такое приложение, как: «Исключительные случаи осуществления заготовки древесины для обеспечения государственных нужд и муниципальных нужд на основании договоров купли-продажи лесных насаждений». Это приложение на настоящий момент содержит два пункта, в которых законодатель прописывает, что же является исключительными случаями, при которых можно осуществлять заготовку древесины для обеспечения государственных и муниципальных нужд на основании договоров купли-продажи.

¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника. С. 230.

² Мониторинг российского законодательства позволяет сделать однозначный вывод: приложения к НПА в буквальном смысле переполнены исключениями, охватывающими самые разные стороны регулируемых отношений.

³ Пензенские губернские ведомости. 2007. № 7. 6 марта.

По нашему мнению, прагматизм приложений, стремление максимально полно охватить различные аспекты общественных отношений согласуется с практической направленностью исключений, обусловленностью их наличия необходимым разнообразием жизни.

Вместе с тем приложение – структурная часть нормативного акта, следующая за заключительными положениями.

Имплементация исключений непосредственно в тексте НПА в подавляющем большинстве происходит посредством применения такого юридико-технического феномена, как законодательная оговорка.

Одно из значений слова «оговорка» – «небольшое замечание, дополнение к сказанному»¹.

Прилагательное «небольшое», конечно, условно при соотношении исключения и оговорки. В глобальном смысле любое исключение, в том числе содержащееся в отдельном НПА, выступает в качестве оговорки по отношению к правилу. Объем исключений также различный и может варьироваться в различных пределах. Вместе с тем теоретически исключение всегда меньше, чем правило; подобное положение детерминируется самой логикой взаимосвязи части (исключения) и целого (правила).

Слово «дополнение» никак не влияет на юридическую характеристику исключения, выступающего, как отмечалось выше, в виде изъятия из правила или (и) дополнения к правилу. В настоящем контексте существительное «дополнение» выполняет чисто фонетическую нагрузку, имея в качестве синонимов такие слова, как «добавление», «привнесение» и т.п.

В буквальном понимании исключение – это привнесение в правило посредством оговорки возможности либо даже необходимости выбора иного, отличного от правила варианта регуляции.

При этом не следует отождествлять исключение в праве и законодательную оговорку. Оговорка – инструмент юридической техники, который используется для закрепления исключения в тексте НПА.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 356.

Надо отметить, что оговорка – наиболее устоявшийся способ фиксации исключений. «Законодательные оговорки «кроме случаев», «за исключением», «за исключением случаев, когда» относятся... к числу типичных, поскольку они определяют общие либо конкретные ограничения регулятивной сферы юридической нормы»¹.

В очередной раз подчеркивая недопустимость обозначения исключения завуалированными лексическими оборотами «кроме случаев», «помимо» и т.д., следует признать, что оговорка не только самое распространенное, но и наиболее оптимальное средство закрепления исключений².

Подобное можно объяснить тем, что за счет оговорки достигается максимальное приближение исключения к правилу, в том числе, что немаловажно, и в одной фразеологической единице текста. В частности, в одно и то же предложение можно включить и правило, и исключение из него. Это в свою очередь создает удобства для субъектов реализации права, позволяя даже визуально определять исключение из единого правила.

Наиболее подходящими для указанного конструирования нормативного материала служат такие термины, как «за исключением случаев (-ая)»³, «за исключением». Что же касается словосочетаний как «в порядке исключения», «в виде исключения» и в особенности «исключительный случай», то они, либо вмонтированы вместе с правилом в единое

¹ Шутак И. Д. Оговорки в законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994. С. 11.

² Восприятие оговорок в качестве «формы согласования противоречивых интересов; средства обеспечения прав и свобод граждан, компетенции организаций, суверенитета государств; метода ориентации для выбора юридически значимого поведения; средства обеспечения точности выражения мысли законодателя; метода достижения компромисса в среде законодательного корпуса; способа оптимизации правового регулирования; формы выражения и определения границ усмотрения правоприменителя» (Шутак И. Д. Указ. соч. С. 10) прямо проецируется на свойства и целевое предназначение исключений, которые как раз и содержатся в оговорках.

³ См. подробно: Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83 ; Его же. Проблемы фиксации исключений из правил в текстах нормативно-правовых актов // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 22–32.

предложение¹ либо воплощаются в отдельной, самостоятельной части текста (предложении)².

При любом варианте именно оговорка обеспечивает текстуальное и смысловое единство правила и исключения, обуславливает выполнение требования о том, что «правило должно излагать до исключения».

Признавая достоинства оговорки как наилучшего способа внедрения исключения в НПА, не стоит все же идеализировать оговорку, не отмечая целого ряда проблемных аспектов.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание, на то, что некоторые оговорки носят предельно широкий характер. Например, п. 3 ст. 1

¹ Мониторинг российского законодательства показывает, что такой способ имплементации исключений в тексты НПА является преобладающим и наиболее часто используется в правотворческом процессе. См. об этом также: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67 ; Его же. Дефиниция «в порядке исключения»: особенности нормативного использования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.; Право. 2011. № 1. С. 101–110 ; Его же. Нормативно-правовой термин «в виде исключения»: юридическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 22–28.

² См., например: «Срок проведения проверки составляет не более чем десять рабочих дней со дня начала ее проведения. *В исключительных случаях*, связанных с необходимостью проведения сложных и (или) длительных исследований, испытаний, специальных экспертиз и расследований на основании мотивированных предложений должностных лиц органа надзора за саморегулируемыми организациями, проводящих проверку, срок проведения проверки может быть продлен руководителем такого органа, но не более чем на десять рабочих дней» (ч. 6 ст. 55.19 Градостроительного кодекса РФ); «Военнослужащие голосуют на общих участках референдума. *В порядке исключения* допускается образование участков референдума на территориях воинских частей, расположенных в удаленных от населенных пунктов местностях. Участки референдума в этих случаях образуются не позднее, чем за 45 дней до дня голосования командирами этих воинских частей, по согласованию с соответствующей территориальной комиссией референдума» (ч. 4 ст. 31 Закона Пензенской области от 26 февраля 2006 г. № 978-ЗПО «О референдуме Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. 2006. № 31 (61) (ч. 1). 24 марта); «Для обеспечения быстрого и безопасного выхода при пожаре экипажа и пассажиров на палубу, где расположены места посадки в спасательные шлюпки и плоты, необходимо выполнять следующие требования... ж) из каждого водонепроницаемого отсека или другого подобным образом ограниченного помещения или группы помещений, расположенных ниже палубы переборок на пассажирском судне и судне специального назначения, должны быть предусмотрены 2 пути выхода, при этом один из путей должен быть независимым от водонепроницаемых дверей. *В виде исключения* допускается только один путь выхода из помещения экипажа, которое редко посещается, если требуемый путь выхода независим от водонепроницаемой двери» (подп. «ж» п. 62 Технического регламента о безопасности объектов морского транспорта (утв. Постановлением Правительства РФ от 12 августа 2010 г. № 620 // СЗ РФ. 2010. № 34, ст. 4475)) (курсив наш. – С.С.).

ФЗ от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ гласит: «Установленный настоящим Федеральным законом порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, *за исключением случаев, установленных международным договором Российской Федерации или федеральным законом*» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

Определение всех исключений, содержащихся в международных договорах либо во всем массиве законодательства РФ вызовет затруднение даже у специально подготовленного участника соответствующих правоотношений. По нашему мнению, подобные оговорки имеют отрицательную природу, выступая своего рода «подстраховкой» законодателя на тот случай, если потенциально в каком-либо нормативном договоре либо нормативном акте окажется исключение из правила. Это формальный подход, при котором совершенно игнорируются сложности, связанные со знанием абсолютно всех исключений, а также тот факт, что следствием данной оговорки реально может явиться несоблюдение или даже прямое нарушение нормативных требований. Предельно широкие оговорки создают ненужную каверзность при реализации права и детерминируют негативное отношение к исключениям в целом.

¹ СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

Аналогичным образом можно охарактеризовать и оговорку «за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством»¹. Такая формулировка самым активным образом используется в законодательстве субъектов федерации, что объясняется стремлением региональных правотворцев избежать пробельности собственных актов путем ссылки на возможно закрепленные исключения, содержащиеся в федеральных НПА².

В свою очередь непонятной является и оговорка «за исключением случаев установленных федеральным законом». Словосочетание «федеральный закон», употребляемое к тому же в единственном числе вызывает целый ряд вопросов: о каком, собственно, законе идет речь; о том, в котором закреплена данная оговорка или о каком-то другом (каком конкретно)?

Справедливости ради надо отметить, что в большинстве российских НПА оговорки, содержащие исключения, выполняют позитивную роль,

¹ Здесь возможны различные варианты изложения: «за исключением случаев, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и указами Президента Российской Федерации»; «за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации»; «за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации»; «за исключением случаев, установленных федеральными законами, конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, законами субъекта Российской Федерации, а также регламентом или иным актом, принятым данным органом и устанавливающим порядок его деятельности»; «за исключением случаев, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами»; «за исключением случаев, установленных Правительством Российской Федерации» и т.п.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Региональное правотворчество и исключения из правил // Законотворческая политика субъектов Российской Федерации: проблемы теории и практики : сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола / под ред. А. В. Малько. Пенза : Изд-во ПГУ, 2010. С. 106–110.

достаточно четко, а иногда и предельно казуистично¹ отражая исключения из правил. Некоторые оговорки, в которых имеются исключения, указывают на конкретную структурную единицу данного НПА²; другие определяют, что исключения установлены в данном НПА³; третьи носят бланкетный характер, ссылаясь либо на иной нормативный акт в целом⁴, либо на статью, часть, пункт другого НПА⁵. Оговорки, как и сами исключения, весьма разнообразны, чем и объясняется возможность их комбинирования при изложении исключений в НПА⁶.

Наличие многочисленных проблемных аспектов, обусловленных взаимосвязью оговорок и исключений, не может являться фактором отрицания их главенствующей роли при имплементации исключений. Выступая в тексте нормативного акта в качестве расширительного дополнения по отношению к правилу, оговорка служит на настоящий момент наилучшим, даже с лексической точки зрения, способом фиксации исключений в тексте НПА.

¹ Так, например ч. 3 ст. 67 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724) содержит пункты, в которых четко перечислены исключения из правила о том, что патолого-анатомическое вскрытие не производится по религиозным мотивам при наличии письменного заявления супруга или близкого родственника (детей, родителей, усыновленных, усыновителей, родных братьев и родных сестер, внуков, бабушки, бабушки), а при их отсутствии иных родственников либо законного представителя умершего или при волеизъявлении самого умершего, сделанном им при жизни.

² См., например: ч. 1 ст. 26 от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652).

³ См., например: ч. 3 ст. 28 ФЗ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2010. № 49, ст. 6422).

⁴ См., например: ч. 2 ст. 196 ГК РФ.

⁵ В частности, согласно п. «а» ч. 2 ст. 17 ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 31, ст. 3215) государственному гражданскому запрещается «замещать должность гражданской службы в случае избрания или назначения на государственную должность, за исключением случая, установленного частью второй статьи 6 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

⁶ Ярким примером служит приведенная выше ст. 17 ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 31, ст. 3215), в которой синтезируются различные виды оговорок, имплементирующие в текст данной статьи исключения из правил.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить следующее.

Норма права объективируется во внешнем реальном мире в какой-либо юридической значимой форме. Формальная определенность – неотъемлемый признак правовой нормы, в том числе, безусловно, и нормы-исключения.

Форма права – сложное, неоднозначное, многообразное понятие. Существует несколько форм права, среди которых одна имеет доминирующее значение в правовой системе конкретной страны. Приоритет той или иной формы права определяется принадлежностью правовой системы государства к правовой семье.

В романо-германской правовой семье основной формой права является НПА. Правовая система России, при всем ее своеобразии и специфике, тоже относится к романо-германской правовой семье. Соответственно, превалирующей формой права в России выступает НПА.

Базовая роль НПА среди форм права детерминирует важность норм, получающих закрепление в НПА. Среди юридических норм, составляющих содержание НПА, есть и нормы-правила, и нормы-исключения. Достоинством изложения норм-исключений в НПА служат такие качества последнего, как общеобязательность, многократное применение, распространение на неопределенно широкий круг субъектов, логичность и последовательность изъяснения правового материала.

НПА традиционно подразделяются на законы и подзаконные акты. Тем самым нормы-исключения могут быть воплощены как в законах, так и подзаконных НПА, причем абсолютно в любой разновидности и тех и других. Однако главную функцию выполняют положения законов, именно законы прямо устанавливают либо потенциально допускают существование исключений из правил.

Нормы-исключения по-разному выражаются в НПА. Могут быть, хотя и достаточно редко, автономные НПА-исключения. Чаще встречается материализация норм-исключений в отдельных статьях (пунктах) НПА либо

структурных элементах статьи: частях, пунктах, подпунктах, абзацах. Иногда нормы-исключения концентрируются в примечаниях или приложениях к НПА.

Наиболее распространенным и удобным способом имплементации исключения в текст НПА выступает законодательная оговорка. Несмотря на определенные сложности, именно оговорка наиболее целесообразна для сочетания правила и исключения. Приемлемый синтез правил и исключений из них, достигаемый посредством оговорки, позволяет НПА максимально полно регламентировать общественные отношения.

Глава 4. Судебная практика и исключения в праве: аспекты взаимосвязи

Формальная определенность права предполагает, что в любой правовой системе помимо основной, доминирующей формы права, существуют и действуют иные, вспомогательные формы, имеющие, хотя и второстепенный, но от этого не менее важный характер. Подобная стратификация форм права объясняется как глобальностью самого понятия права и соответственно внешних форм его выражения, так и сложностью и неоднородностью регулируемых правом общественных отношений.

Объективные (поразительное многообразие жизненных казусов) и субъективные (прежде всего традиции той или иной правовой системы) факторы детерминируют как наличие нескольких видов форм права, так и их иерархию.

Современная Россия также, что вполне естественно, не избежала разноплановости источников права. «Кроме нормативных правовых актов в Российской Федерации имеют определенное нормоустановительное значение **правовой обычай, судебная практика и внутригосударственные договоры** и соглашения нормативного содержания, а также **международные договоры** Российской Федерации и **общепризнанные принципы и нормы международного права**»¹.

Основной формой права в России, как уже отмечалось выше, выступает НПА. В свою очередь среди факультативных форм права (судебная практика, нормативный договор, правовой обычай) центральное место занимает судебная практика.

¹ Мицкевич А. В. Формы выражения, или источники, права // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 273.

Судебная практика – интереснейший феномен, восприятие которого именно как формы (источника) права вызывало¹ и вызывает неоднозначные оценки и дискуссии².

Полемика по данной проблематике не входит в предмет настоящего исследования, однако представляется совершенно непонятным: почему судебной власти (а она и нарабатывает судебную практику) отказывается в возможности создавать правовые нормы.

Надо отметить, что традиционной считается точка зрения о том, что судебная практика – источник (форма) права в англо-саксонской правовой семье (семье общего права). Вместе с тем Р. Давид пишет о том, что в романо-германской правовой семье «судебная практика является в прямом смысле источником права»³.

Весьма убедительные и веские аргументы восприятия судебной практики как источника права в России приводит М. Н. Марченко⁴, считающий, что необходимо официальное придание судебной практике статуса источника права⁵.

Судебная власть – отдельная и самостоятельная ветвь государственной власти наряду с законодательной и исполнительной (ст. 10 Конституции РФ). Если предназначением законодательной власти априори служит принятие нормативных актов высшей юридической силы (законов), то никто и никогда не отрицал право органов исполнительной власти заниматься правотворчеством и издавать подзаконные НПА, которые весьма разнообразны и многочисленны.

¹ Так, среди представителей российской юридической науки дореволюционного периода активным сторонником признания судебной практики в качестве источника права был Н.М. Коркунов, а противоположное мнение выражал Л. И. Петражицкий.

² Среди ученых современного периода сторонниками восприятия судебной практики в качестве источника права являются С. А. Авакьян, С. В. Боботов, П. А. Гук, Т. В. Гурова, В. Д. Зорькин, В. М. Жуйков, Е. В. Колесников, В. В. Лазарев, М. Н. Марченко. Категорическими противниками понимания судебной практики как источника права были такие патриархи отечественной юридической науки, как М. И. Байтин и В. С. Нерсисянц.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности (Сравнительное право). М., 1967. С. 142. См. об этом также: Марченко М. Н. Разнообразие взглядов на судебское право в романо-германской правовой семье // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 96–107.

⁴ См.: Марченко М. Н. Источники права. С. 386–399.

⁵ Там же. С. 396.

Правотворческая функция присуща и органам местного самоуправления, причем как представительным, так и исполнительным¹.

Активно развивается и никем не отвергается локальное правотворчество, являющееся на настоящий момент составной частью локальной правовой политики².

В этих условиях возникает закономерный вопрос о рациональности и обоснованности отрицания права судебной власти, по крайней мере ее высших органов, издавать акты, содержащие юридические нормы.

Подобные акты, бесспорно, имеют подзаконный характер³ и вместе с иными разновидностями судебных правовых актов⁴ являются наиболее эффективными средствами осуществления судебно-правовой политики⁵.

Судебная власть – огромный и разноплановый феномен⁶, который при реализации своей основной функции – отправления правосудия – параллельно (и даже более того: для надлежащего и эффективного осуществления своей магистральной деятельности) выполняет еще целый ряд функций⁷. Среди последних весьма специфическим положением обладает

¹ Подобное утверждение основывается на анализе гл. 7 «Муниципально-правовые акты» ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822). См. об этом также: Антонова Н. А. Правотворчество органов местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

² См.: подробно: Малько А. В., Пестова Т. П. Локальные правовые акты как средство реализации локальной правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 197–201.

³ На наш взгляд, подобное объясняется конституционно закрепленным положением о высшей юридической силе закона.

⁴ О понятии «судебно-правовой акт» см.: Семикин Д. С. Судебные акты в системе правовых актов современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10, 16–17.

⁵ См.: Малько А. В., Гук П. А. Судебная практика как средство формирования судебной политики: вопросы взаимодействия и влияния на правотворчество // Современное право. 2011. № 12. С. 83–85 ; Малько А. В., Семикин Д. С., Люкина О. В. Судебная политика и судебно-правовой прогресс. М., 2013. С. 32–48.

⁶ См., подробно: Колоколов Н. А. Судебная власть. О сущем феномене в логосе. М., 2005 ; Его же. Судебная власть как общеправовой феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

⁷ В частности, такие функции как судебный контроль; установление преюдициальных фактов.

нормотворческая функция, которая в общем массиве судебной деятельности, возможно, занимает и небольшое место, но весьма значима по своей роли¹.

Результатом нормотворческой функции судебной власти выступает создание правовой нормы. Именно из таких норм и должно состоять судебское право, идея о котором получает все большее распространение².

Норма как содержание всегда требует объективизации в какой-либо юридически значимой форме.

М. Н. Марченко считает, что к таким формам относятся судебная практика, судебный прецедент, правовая позиция суда и судебское усмотрение. При этом две последние формы, по мнению ученого, играют более вспомогательную, нежели самостоятельную роль³.

На наш взгляд, судебское усмотрение не следует относить к такой категории, как «форма права». Природа судебного усмотрения весьма интересна, что детерминирует повышенный научный интерес к данной дефиниции. При этом большинство мыслителей связывает усмотрение с правоприменением; в аспекте последнего судебское усмотрение – мыслительная деятельность по выбору из нескольких законных альтернатив того или иного варианта решения, которое представляется судье наиболее справедливым, целесообразным и разумным при рассмотрении и урегулировании конкретной жизненной ситуации⁴.

¹ Решительным сторонником наличия у судов нормотворческой функции является П. А. Гук (См., в частности: Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012).

² См. об этом: Марченко М. Н. Формы судебного права и их особенности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1 (15). С. 41–54 ; Его же. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2007 и др.

³ См.: Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. С. 84–99.

⁴ Подобная позиция выражена, в частности: Барак А. Судебное усмотрение. М., 1999 ; Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 18–19 ; Данелян Р. С. Судебное усмотрение. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты. Ростов н/Д. 2006. С. 24 ; Люблинский П. И. Судебное усмотрение // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 10. С. 253. Сенякин И.Н., Степин А.Б., Подмосковный В.Д. Судебное усмотрение в частном праве. Саратов, 20005. С. 23 ; Папкова О. А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 114.

Выражая согласие с общей оценкой судьейского усмотрения, хотелось бы обратить внимание на то, что судьейское усмотрение необходимо не только при применении права, но и при его толковании, а также создании (т.е. реализации нормотворческой функции).

С какой бы позиции не анализировалось судьейское усмотрение, абсолютно понятно, что оно не может быть формой права.

Очевидным является то, что мыслительная деятельность не выступает формой внешнего выражения.

Судейское усмотрение – это способ, точнее средство, правоприменительной, интерпретационной, нормотворческой деятельности судьи, результаты которой объективируются в соответствующем судебном акте.

Соотношение категорий «судебная практика», «судебный прецедент», «правовая позиция суда» весьма неоднозначно.

Судебный прецедент традиционно воспринимается в качестве источника права¹, в том числе различных его отраслей². Значение прецедента

¹ См., например: Бодров С. Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004 ; Васильева Т. А. Судебный прецедент как источник права в европейской юриспруденции XVII–XIX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012 ; Гук П. А. Судебный прецедент как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002 ; Загайнова С. К. Судебный прецедент (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999 ; Луцевич С. С. Судебный прецедент и перспективы его признания в качестве источника права в официальной российской правовой доктрине : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

² См., например: Маркин С. В. Судебный прецедент как источник международного частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005 ; Мкртумян А. Ю. Судебный прецедент в гражданском праве России и Армении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011 ; Никишин В. В. Судебный прецедент как источник экологического права Европейского Союза и России: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 ; Ображиев К. В. Судебный прецедент как источник уголовного права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

как основной формы права в англо-саксонской правовой семье более чем бесспорно¹.

В свою очередь, если воспринимать и судебную практику как источник права, то возникает резонный вопрос о корреляции понятий «судебный прецедент» и «судебная практика». По данной проблематике существуют различные точки зрения – от полного отождествления этих понятий, до их полного разделения.

Как уже отмечалось выше, судебная практика и судебный прецедент рассматриваются в качестве двух автономных форм судебного нормотворчества.

По нашему мнению, подобная проекция является методологически неточной. Судебные прецедент и практика не выступают дуалистическими компонентами формы судебного нормотворчества.

Представляется, что соотношение прецедента и практики характеризуются как взаимосвязь части и целого.

Судебный прецедент при такой конфигурации играет роль части. При этом прецедент создается не всеми судами, а только высшими судебными органами.

Будучи результатом деятельности высших судебных органов, прецедент предназначен для закрепления судебной нормы². Тем самым судебный прецедент – тот компонент судебной практики, в котором судебная норма находит свое внешнее выражение.

¹ См., например: Арчер П. Английская судебная система. М., 1959 ; Апарова Т. В. Прецедент в современном английском праве и судебное правотворчество // Труды ВНИИСЗ. 1976. Вып. 6. С.175–185 ; Власова Т. В. Прецедентное право Англии: теоретико-сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Дженкс Э. Английское право. М., 1947 ; Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985 ; Куандыков М. К. Судебный прецедент как источник права в англо-саксонской системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2002 ; Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980.

² См., в частности: Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический аспект. С. 12.

Иной составляющей судебной практики выступает такая категория, как правовая позиция суда. Наибольший интерес традиционно вызывают правовые позиции Конституционного Суда РФ¹; подобное объясняется тем, что в компетенцию Конституционного Суда РФ входит оценка нормативных актов на их соответствие Конституции, а также, что не менее важно, толкование конституционных норм².

На наш взгляд, именно толкование коррелирует с правовыми позициями; иными словами, результаты толкования отражаются в правовых позициях суда, в частности Конституционного Суда РФ.

Однако толкование права не исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ. Бесспорно, что толкование юридических норм осуществляют Верховный Суд РФ³, а также суды нижестоящих уровней судебной системы.

Судебное толкование, представляя собой разновидностью официального толкования, подразделяется на казуальное и нормативное⁴.

¹ См., например: Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 95–102 ; Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник конституционного права // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 81–95 ; Николаев Е. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: определение, юридическая природа, имплементация в правовую систему // Право и политика. 2002. № 3. С. 15–30 ; Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003.

² См., например: Еременко А. С. Толкование правовых норм Конституционным судом РФ (вопросы теории конституционного правоотношения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002 ; Кряжков В. А. Толкование Конституции РФ Конституционным судом РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 2–10 ; Хабриева Т. Я. Толкование Конституции РФ: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997 ; Эбзеев Б. С. Толкование Конституции РФ Конституционным судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12.

³ Бесспорно, что толкование права осуществлял и ныне упраздненный Высший арбитражный Суд РФ.

⁴ «Нормативным оно является в силу того, что носит общий характер, формально обязательно при рассмотрении всех дел, разрешаемых на основе истолкованной нормы» (Черданцев А. Ф. Толкование права // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 781).

Нормативное толкование дается только высшими судебными органами. Выводы, к которым приходят эти органы в ходе толкования, и есть выражение их правовой позиции. Соответственно правовая позиция может быть не только у Конституционного Суда РФ, но и у Верховного Суда РФ.

Тем самым, возвращаясь к проблеме соотношения судебного прецедента и правовой позиции, можно отметить следующее: судебный прецедент есть результат нормотворчества¹, а правовая позиция – итог официального нормативного толкования².

И судебный прецедент, и правовая позиция создаются высшими судебными органами страны и находят свое объективирование в судебных актах³, выступающих конечным «продуктом» либо судебного правотворчества, либо толкования.

Судебная практика – более широкое, объемное понятие, чем судебный прецедент и правовая позиция. Последние являются элементами судебной практики, корреспондирующие правотворчеству или толкованию. Однако судебная практика не ограничивается лишь правотворчеством и

¹ Создавать нормы права может как Конституционный Суд РФ, так и Высший Арбитражный Суд РФ (до момента его упразднения) и Верховный Суд РФ. Относительно правотворческой функции высшего судебного органа общей юрисдикции В. И. Каминская еще в 1948 г. отмечала: «Пленум Верховного Суда уполномочен законом издавать правовые нормы, имеющие характер подзаконных актов» (Каминская В. И. Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 43).

² Судебное казуальное толкование осуществляется нижестоящими судами судебной системы. «Акты казуального судебного толкования, – пишет В. В. Тарасова, – представляют собой разновидность индивидуальных актов. Их особенность заключается в том, что они не имеют общеобязательного значения, а содержащиеся в них разъяснения имеют значение только для данного конкретного дела» (Тарасова В. В. Акты судебного толкования правовых норм: юридическая природа и классификация. Саратов, 2002. С. 52).

³ Судебные акты: акты-прецеденты, акты толкования, а также правоприменительные акты очень часто выступают в форме омонимов. Например, словосочетание «Постановление Пленума Верховного Суда РФ» может обозначать как правотворческий акт, так и акт толкования права, а иногда – акт применения права.

толкованием. Исходя из базового определения юридической практики¹, можно предположить, что судебная практика обязательно (иное, как думается, и немислимо) включает в себя правоприменение. Применяя право, суд и отправляет правосудие, выполняет правозащитную и правоохранительную функции.

Именно сочетание таких компонентов, как правотворчество, толкование права и правоприменение предопределило необходимость научного анализа соотношения судебной практики и исключений в праве. Ведь только суд может и издавать, и толковать, и применять исключения из правил.

При создании исключения реализуется нормотворческая функция высших судебных органов². При этом исключение фиксируется в судебной норме, выступающей в качестве особой разновидности нормы юридической³.

Так же как любая правовая норма, судебная норма-исключение⁴ общеобязательна, распространяется на неопределенно широкий круг субъектов, рассчитана на многократное применение.

Вместе с тем судебная норма-исключение обладает определенной спецификой. Она возникает попутно, в ходе выполнения иных направлений судебной деятельности. «В процессе правоприменения, толкования права,

¹ См.: в частности: «Таким образом, *юридическая практика – это деятельность по изданию (толкованию, реализации и т.п.) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным социально-правовым опытом*» (Карташов В. Н. Юридическая практика в правовой системе общества // Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 3. С. 166).

² См. об этом: Суменков С. Ю. Высшие судебные органы как создатели исключений из правил // Суд как субъект правовой политики / под ред. А. В. Малько. М., 2014. С. 160–177.

³ Судебная норма – достаточно новый термин для общей теории права. Дефиниция «судебная норма» на диссертационном уровне предложена П. А. Гуком. По его мнению, «правовая основа, сформулированная и закреплённая в судебном акте в виде толкования нормативного акта (нормы права), правовых правил и есть судебная норма...» (Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический аспект. С. 34). Подобное определение не выдерживает критики прежде всего из-за волюнтаристского отождествления правотворчества и толкования права.

⁴ См. об этом: Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 17–21.

судебного нормоконтроля происходит формирование судебной нормы»¹. Подобная корреляция неизбежно детерминирует прецедентную природу судебной нормы, что объясняет взаимосвязь нормы и реально существующего жизненного казуса, который рассматривается судом.

Конкретность судебной нормы корреспондирует исключениям в праве. Последние, как уже было многократно отмечено, во многом направлены на уточнение, детализацию и, в конечном итоге, адаптацию права к разнообразным и нестандартным обстоятельствам реальной жизни. В свою очередь именно «судебная практика приспособливает общеправовую норму к особенному и единичному – конкретным жизненным ситуациям»².

Однако «приспособление» более характерно для толкования или применения судом правовых предписаний. Здесь же речь идет о формулировании нормы, необходимой или для преодоления пробела, или (и) создания исключения из правила, содержащегося в нормативном акте. Например, диспозиция ч. 1 ст. 74 УК РФ устанавливает, что суд может отменить условное осуждение и снять с осужденного судимость по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного. Однако определением Конституционного Суда РФ³ признано, что вышеуказанные положения УК РФ не препятствуют условно осужденному обращаться в суд с ходатайством об отмене условного осуждения и снятии судимости по собственной инициативе, и предлагается судам рассматривать такие ходатайства по существу, независимо от наличия представления органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного.

¹ Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический аспект. С. 13.

² Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 342-О «По жалобе гражданина Сидорова Степана Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 УК РФ и частью первой статьи 399 УПК РФ» // Российская газета. 2004. 17 дек.

Таким образом, Конституционный Суд РФ выработал исключение из правил УК РФ и УПК РФ (ч. 1 ст. 399)¹, которое, как и всякий судебный прецедент, «имеет... нормативное значение для всех правоприменителей, в том числе судов общей юрисдикции»².

Указанное исключение объективно необходимо, ибо полностью соответствует ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому гражданину возможность самостоятельно обращаться в суд и отстаивать свои права. Более того, созданное судом исключение актуализирует право на судебную защиту, переводя его из разряда декларации в реальную плоскость. «Суд в настоящее время, – верно пишет В. М. Жуйков, – зачастую вынужден создавать (творить) право, иначе его деятельность станет не просто неэффективной, а приведет к результатам, противоположным тем, которых от него вправе ожидать общество»³. Последнее особенно актуально в отношении высших судебных органов в силу предоставленной им компетенции.

Тем самым судебная норма-исключение:

- а) обладает конкретизирующими свойствами;
- б) непосредственно связана с рассмотрением судом какого-либо казуса;
- в) предполагает (как и всякое исключение) альтернативный правилу вариант регламентации.

Надо отметить, что число норм-исключений, создаваемых судом, невелико. Это обусловлено малым объемом судебного нормотворчества в общем диапазоне судебной деятельности.

Кроме того, учитывая крайне неоднозначное отношение к судебной практике как источнику права, отсутствие консенсуса по данному вопросу, суд с крайней осторожностью относится к изданию положений, содержащих

¹ См. об этом также: Гук П. А., Суменков С. Ю. Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 123–130.

² Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3.

³ Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 81.

исключения из тех правил, которые закреплены в основной форме российского права – нормативно-правовых актах.

Между тем (даже теоретически) нормы-исключения должны превалировать в судебном нормотворчестве.

Вновь появившаяся норма априори предстает в качестве исключения из того правила, которое и подвергалось судебному рассмотрению¹. Это и есть так называемая «нормативная симметрия», где нормы определенных типов (*в нашем случае правила-исключения*) коррелируют друг с другом»² (отмечено курсивом и добавлено нами. – С.С.).

Таким образом, если высший судебный орган реализует нормотворческую функцию, то результатом в доминанте свой выступают нормы-исключения³. Данные нормы воплощаются в соответствующих

¹ Весьма интересным является положение, закрепленное в Постановлении апелляционной инстанции Арбитражного суда Магаданской области от 23 сентября 2004 г. № А37-1793/04 (СПС «Гарант». Тест Постановления официально опубликован не был): «Однако, несмотря на то, что **ФЗ** «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» **не содержит исключений в отношении страхователей**, в том числе и по возрастному цензу, но исходя из анализа и толкования норм **ФЗ** «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» № 167-ФЗ от 15 декабря 2001 г. во взаимосвязи с положениями **ФЗ** от 17 декабря 2001 г. 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ», **суд** апелляционной инстанции **пришел к выводу** в том, что **ответчик**, независимо от приобретения статуса индивидуального предпринимателя, **не может быть отнесен к страхователям** и являться его субъектом, а, следовательно, и плательщиком фиксированных платежей» (выделено нами. – С.С.). По сути, суд санкционировал здесь свое право на установление исключений из предписаний закона. Данное постановление было отменено (Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 февраля 2005 г. № Ф03-А37/04-2/4414 // СПС «Гарант». Тест Постановления официально опубликован не был). Но надо отметить, что вышестоящая инстанция оставила высказанное утверждение относительно исключений без комментариев, отменив постановление по иным основаниям, связанным с нарушением норм материального и процессуального права.

² Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. М., 2004. С. 106.

³ В. М. Лебедев считает, что сами по себе судебные нормы – это исключения из правил. Такие «исключения иногда делаются для тех случаев, когда практика сталкивается с пробелами в праве» (Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. М., 2001. С. 187–188).

судебных актах, что позволяет констатировать направленность судебного правотворчества на учреждение исключений из правил¹.

Если судебное нормотворчество (как содержание) и судебное правотворчество (как форма) сами по себе расцениваются еще как исключение из правил, то судебное толкование – традиционный и признаваемый вид судебной деятельности.

Судебное толкование представляет собой особую разновидность официального толкования. Оно подразделяется на нормативное и казуальное; последнее осуществляется судами всех уровней и звеньев судебной системы, нормативное толкование считается компетенцией высших судебных органов государства².

Судебное толкование касается глобальных вопросов права, например таких принципов права, как справедливость и гуманизм; раскрывает суть тех ли иных категорий (малозначительность, добросовестность и т.п.); определяет необходимый алгоритм правоприменения.

Исключения как сложнейший феномен, легально допускающий отклонения от эталонной природы права, естественно нуждаются в официальной интерпретации. Судебное толкование, проецируясь на исключения, освещает такие аспекты, как: потенциальная вероятность

¹ В этой связи вполне резонно предложение А. В. Аверина о «правовом закреплении такого положения, когда в исключительных случаях суд, давая полную правовую характеристику изучаемого конфликта, мог бы воспользоваться правом выйти за рамки правовой регламентации аналогичных отношений для того, чтобы принятое им решение согласовывалось с нормами морали» (Аверин А. В. Судебная достоверность (Постановка проблемы). Владимир, 2004. С. 42). Соглашаясь в целом с высказанной позицией, хотелось бы отметить некорректность самой постановки вопроса о возможности суда «выйти за рамки правовой регламентации». Как думается, ни у кого, в том числе и тем более у суда, не может быть права подобного «выхода». Иное дело то, что суд может создать исключение из правила и тем самым легитимировать альтернативный последнему вариант поведения, являющийся при определенных обстоятельствах и условиях обязательным.

² См. об этом, например: Тарасова В. В. Акты судебного толкования правовых норм. Саратов, 2002. С. 50–52.

наличия исключений из правил в сфере правовой регламентации; объяснение сути и смысла исключения; особенности реализации исключений в деятельности суда.

Надо отметить, что суд (в частности, высшие судебные органы) никогда не отвергал саму идею существования исключений из правил. Так, Конституционный Суд РФ в своих актах неоднократно использовал само понятие «исключение», допуская, например, возможность их установления¹ либо объявляя, что то или иное предписание выступает, по мнению суда, исключением².

Аналогичным образом терпимо оценивают присутствие исключений в праве Верховный Суд РФ и действовавший до момента его упразднения Высший Арбитражный Суд РФ³.

Что касается толкования судом исключений, их обоснованности и необходимости применения, то это связано главным образом с разъяснением

¹ Так, Конституционный Суд РФ в одном из постановлений установил буквально следующее: «Признать не противоречащей Конституции Российской Федерации часть вторую статьи 9 Федерального закона «О карантине растений», *предусматривающую возможность установления исключений из запрета* ввоза на территорию Российской Федерации подкарантинной продукции (подкарантинного материала, подкарантинного груза), зараженной карантинными объектами» (Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2005 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4 и части второй статьи 9 Федерального закона «О карантине растений» в связи с запросом Законодательного Собрания Краснодарского края» // СЗ РФ. 2005. № 7, ст. 603) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2012 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Звениговский муниципальный район» Республики Марий Эл» // СЗ РФ. 2012. № 15, ст. 1811.

³ См., например: «Вместе с тем **названная норма содержит исключение**: допускается преобразование таких обществ с ограниченной ответственностью (товариществ с ограниченной ответственностью) в закрытые акционерные общества без соблюдения требований, установленных абзацами вторым и третьим пункта 3 статьи 7 Федерального закона «Об акционерных обществах» (ограничивающих число участников закрытого акционерного общества)» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 2000. 27 янв.) (выделено нами. – С.С.).

той или иной терминологической формы воплощения понятия «исключение в праве». Подобное, несомненно, важно, ибо именно в соответствующих терминах исключение объективируется в актах правотворчества.

В первую очередь интерпретации подвергается нормативно-правовой термин «исключительный случай», в котором, как уже многократно отмечалось, наиболее ярко отражаются типичные свойства понятия «исключение».

Конституционный Суд РФ характеризует исключительный случай как оценочное понятие, которое наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике, однако не является настолько неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений¹.

Верховный Суд РФ применительно к реальному делу также может дать свое видение исключительного случая. Например, анализируя ч. 5 ст. 247 УПК РФ, допускающей в исключительных случаях судебное разбирательство

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 985-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был); Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2010 г. № 1434-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «МП Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был); Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 323-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анохина Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был); Определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1903-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шибанкова Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого¹.

Таким образом, высшие судебные органы, осуществляя толкование достаточно абстрактного феномена «исключительный случай», наполняют его конкретным содержанием, детализируют и объясняют – какой именно жизненный казус следует считать исключительным и почему.

Надо отметить, что судебное толкование исключений не ограничивается лишь разъяснением сущности исключительного случая. В актах судебных органов более чем распространено употребление термина «за исключением случаев», комментируется словосочетание «исключительные обстоятельства»², трактуется, что то или иное предписание вынесено в «порядке исключения»³ либо «в виде исключения»⁴ и т.п.

При этом ценность судебного толкования заключается в том, что оно непосредственно связано с практикой, носит не умозрительный, а прикладной и даже утилитарный характер. Прагматичность такого толкования вполне очевидна, так как оно направлено на оптимизацию деятельности суда при реализации исключений. Например, Пленум

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Российская газета. 2010. 13 янв.

² См., например: п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Российская газета. 1996. 5 нояб. ; п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. 28 июня ; п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февр.

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2012 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Звениговский муниципальный район» Республики Марий Эл» // СЗ РФ. 2012. № 15, ст. 1811.

⁴ См., например: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 151 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

Верховного Суда РФ, рассматривая вопросы о выдаче лиц для уголовного преследования, исполнения приговора или отбытия наказания, указывает: «В выдаче лица может быть отказано, когда **исключительные обстоятельства свидетельствуют** о том, что выдача повлечет опасность для его жизни и здоровья, в том числе с учетом его возраста и физического состояния (статья 9 УПК РФ, статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)»¹ (выделено нами. – С.С.).

Взаимосвязь толкования исключений и их применения, имеющая место в деятельности высших судов страны, ярко проявляется в работе нижестоящих судебных органов. Интересен тот факт, что суд, применяя надзорные полномочия, считает исключительными и требующими соответственно дополнительного обоснования даже те положения, которые формально не обозначены в качестве исключений².

Следовательно, для того чтобы применить норму, содержащую исключение, суд должен уяснить для себя и разъяснить (мотивировать) для других, почему тот или иной случай (обстоятельства) воспринимаются как исключение из правила³.

Правоприменение как основная форма выполнения судами своих функций не может выполняться без исключений. Сложно не согласиться с

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания // Российская газета. 2012. 22 июня.

² См.: «Квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях и производится применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния. При этом применение судом положений о малозначительности должно быть мотивировано» (Решение Верховного суда Удмуртской Республики от 14 мая 2012 г. по делу № 7-124 // СПС «Гарант» (документ официально опубликован не был)).

³ См., в частности: «В исключительных случаях суд вправе применить правила о назначении наказания несовершеннолетним и к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет (статья 96 УК РФ). Такое решение должно быть мотивировано в приговоре наличием исключительных обстоятельств, характеризующих совершенное лицом деяние и его личность» (п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февр.).

тем, что «сводить весь процесс действия закона лишь к сугубо юридическим факторам неоправданно, поскольку тем самым был бы ограничен широкий социальный аспект воздействия права, не учитывались в полной мере другие социальные нормы, которые действуют параллельно закону, а иногда даже вопреки ему»¹.

В странах, относящихся к семье общего права, данный вопрос разрешен достаточно кардинально. «В Англии есть «хорошие судьи», допускающие исключения и устанавливающие тем самым основы для дальнейшего развития права»².

В российской правовой системе судьям также разрешено применять исключения из правил при отправлении правосудия. «В то же время стоит особо подчеркнуть, что судья может использовать исключения из общих правил только при наличии правового основания, допускающего такое исключение»³.

Реализация исключений в доминанте своей выступает для суда в качестве альтернативы⁴. Подобная конъюнктура является абсолютно верной. Для констатации и разрешения исключений нужны правовые положения относительно определенного характера, реализация которых зависит от усмотрения правоприменителя⁵.

Как уже отмечалось выше, судебское усмотрение выступает в качестве разновидности, хотя и наиболее значимой, общего понятия правоприменительного усмотрения. Поэтому мыслительный процесс усмотрения судьей исключения аналогичен усмотрению иных

¹ Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С.240.

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 267.

³ Гук П. А., Суменков С. Ю. Указ. соч. С. 127.

⁴ Из этого базового положения тоже есть свои исключения. В частности, п. 2 и 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусмотрены безусловные исключения из правила о гласности судопроизводства.

⁵ См.: Суменков С. Ю. Правоприменительное усмотрение как условие реализации юридических исключений // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 151, кн. 4. С. 30.

правоприменителей (конечно, с учетом более высокого уровня правосознания, профессионализма судьи, а также того, что судья при рассмотрении дела обладает максимально полным объемом материалов, характеризующих тот или иной случай).

Наглядным примером реализации исключений в судебной деятельности выступает ст. 64 УК РФ, согласно которой суду при наличии исключительных обстоятельств предоставлено право назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Понятие исключительности закон раскрывает не достаточно широко, предоставляя судейскому усмотрению расширять перечень исключительных обстоятельств, но обязательно связывает это с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления и с другими обстоятельствами, существенно уменьшающими степень общественной опасности преступления, а также при активном содействии участника группового преступления раскрытию данного преступления. Поэтому такие обстоятельства, установленные судом, должны быть указаны в приговоре. Исключительными могут быть признаны обстоятельства как отдельные, смягчающие наказание, так и их совокупность, которые суд сочтет возможным признать таковыми. Суд в описательно-мотивировочной части приговора при обсуждении вопроса о назначении наказания должен указать, какие обстоятельства признаны исключительными и по каким основаниям.

Тем самым ст. 64 УК РФ надо считать исключением, потому что ее предписания позволяют суду при установлении им исключительных

обстоятельств выйти за рамки правил, установленных санкциями Особенной части УК РФ¹.

В судебной практике Пензенской области в 2010 г. учитывались исключительные обстоятельства при назначении наказания с применением ст. 64 УК РФ в отношении 108 человек. Статистика здесь такова: к 7 субъектам вместо лишения свободы был применен более мягкий вид наказания (3 – по преступлениям небольшой тяжести; 4 – по преступлениям средней тяжести); в отношении 3 человек вместо иных мер, не связанных с лишением свободы, назначены более мягкие виды наказаний (1 – по преступлениям небольшой тяжести; 2 – по преступлениям средней тяжести); лиц, приговоренных к лишению свободы, которым назначено наказание ниже низшего предела: 83 (32 – по тяжким преступлениям; 51 – по особо тяжким преступлениям); по иным мерам, не связанным с лишением свободы, назначено наказание ниже низшего предела в отношении 15 человек (4 – по преступлениям небольшой тяжести; 9 – по преступлениям средней тяжести; 2 – по тяжким преступлениям)².

Выбор в качестве примера статистических данных за 2010 г. сделан намеренно, ибо в марте 2011 г. вступили в силу изменения в УК РФ³, основной смысл которых заключается в устранении в ряде статей кодекса низшего предела у некоторых видов уголовных наказаний. Тем самым подтверждается, хотя и с известной долей условности, тезис, высказанный в самом начале диссертационного исследования о возможности определенной трансформации исключения в правило.

¹ См. об этом также: Гук П. А., Суменков С. Ю. Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности. С. 127–128.

² См.: Форма № 10.2. Особенности применения реальных мер наказания. Отчет управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Пензенской области за 2010 г.

³ ФЗ РФ от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 11 марта.

Вместе с тем нельзя утверждать, что подразумеваемое ст. 64 УК РФ исключение окончательно стало правилом¹.

Во-первых, низший предел наказания в виде лишения свободы (а именно на либерализацию данного наказания направлен анализируемый федеральный закон²) остался в санкциях многих статей УК РФ, устанавливающих ответственность за различные виды преступлений. К этим преступлениям при необходимости смягчения наказания будет, как и ранее, применяться ст. 64 УК РФ.

Во-вторых, в УК РФ имеются статьи, санкции которых содержат только один вид наказания – лишение свободы, низший предел которого не установлен в настоящее время, равно как он не существовал и до принятия рассматриваемых поправок. Положения ст. 64 УК РФ, позволяющие суду назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, относительно данных статей не изменились.

В-третьих, ст. 64 УК РФ в различных ее вариациях является актуальной для тех статей, в части санкций которых низший предел наличествует, а в других его нет.

В-четвертых, уголовное законодательство, равно как и любое иное, не находится в статичном состоянии. Отсутствие низшего предела наказания в санкции статьи может эволюционировать к установлению такого предела.

¹ В 2014 г. положения ст. 64 УК РФ были применены в отношении 125 субъектов. См. об этом: Форма № 10.2. Особенности применения реальных мер наказания. Отчет управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Пензенской области за 2014 г.

² См.: «Федеральным законом устанавливается, что общая «типовая санкция» в виде лишения свободы применяется главным образом за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. С учетом этого по 68 составам преступлений, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации, исключены нижние пределы санкций в виде лишения свободы» (Справка Государственно-правового управления Администрации Президента РФ // URL: <http://www.kremlin.ru>) (дата обращения: 15.11.2015).

Соответственно будет актуализировано и исключение, закрепленное в ст. 64 УК РФ¹.

В-пятых, у суда остается возможность использовать ст. 64 УК РФ как исключение, не применяя дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного².

Таким образом, современный УК РФ представляет собой качественный синтез правил и исключений из них, направленных в совокупности на надлежащее регулирование уголовно-правовых отношений. Статья 64 УК РФ остается несомненным исключением из общих правил назначения наказаний.

При этом диспозиция ст. 64 УК РФ предполагает лишь примерный набор исключительных обстоятельств, позволяющих реализовать указанное исключение. Подобное объясняется тем, что единого нормативного «рецепта» фиксации исключений предложить невозможно в силу непредсказуемости и разнообразия последних. Отсутствие жесткой закреплённости, примерный и открытый перечень исключительных обстоятельств обуславливает для суда широкий потенциал их усмотрения. Например, гр. Е., признанному приговором Пензенского областного суда виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст.

¹ В качестве примера подобного рода эволюции можно привести ч. 6 ст. 264 УК РФ. Данная часть предусматривает ответственность за нарушение ПДД или эксплуатации транспортных средств совершенное субъектом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц. В момент принятия ФЗ от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2009. № 7, ст. 788) анализируемая норма предусматривала в качестве основного вида наказания лишение свободы на срок до девяти лет. Тем самым низший предел лишения свободы отсутствовал. Затем в анализируемую статью были внесены соответствующие изменения (ФЗ от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I), ст. 81), согласно которым срок лишения свободы за указанное преступление был установлен от четырех до девяти лет. Таким образом, на настоящий момент при назначении наказания по ч. 6 ст. 264 УК РФ исключение, закрепляющее возможность назначения наказания ниже низшего предела лишения свободы, весьма актуально, поскольку может быть реализовано судом.

² Хотелось бы отметить, что такая возможность предоставляется суду только как альтернатива другому виду исключения, также предусмотренному ст. 64 УК РФ – назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

30 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, было назначено наказание с применением ст. 64 УК РФ в виде лишения свободы сроком на пять лет в исправительной колонии строгого режима. При этом суд признал исключительными следующие обстоятельства – молодой возраст, совершение преступления впервые под влиянием матери, активное содействие на предварительном следствии раскрытию группового преступления, положительные характеристики подсудимого¹.

В этой связи более чем убедительной представляется позиция К. Маркса, который, учитывая диалектику абстрактного и конкретного в правоприменении, вполне обоснованно писал: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни»².

По нашему мнению, данное высказывание актуально не только при применении судами ст. 64 УК РФ³, ибо нельзя не признать, что «условия, определяющие возникновение преступного деяния, общественное и индивидуальное значение последствий, им вызванных, степень опасности, которую представляет совершитель деяния в будущем, столь разнообразны, что никакой законодатель не в состоянии уловить их в свои по необходимости твердо ограниченные формулы, а должен предоставить

¹ Архив Пензенского областного суда. Дело № 2-13/2008.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 66–67.

³ В Законопроекте № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (внесен в Государственную Думу ФС РФ 18.12.2015. См.: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ // URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2016)) предусмотрена ст. 5.9, дающая возможность уполномоченному субъекту при констатации исключительных обстоятельств назначить более мягкое административное наказание, чем предусмотрено за данное административное правонарушение.

оценку этих условий и определение влияния их на меру ответственности применителям закона уголовного и прежде всего суду»¹.

Однако, и об этом свидетельствует приведенный выше примерный перечень статей, относящихся к различным отраслям материального и процессуального права, применение исключений в судебной деятельности не ограничивается уголовным правом. Сама принципиальная допустимость и даже необходимость наличия исключений в правоприменительном арсенале судей детерминирована тем объективным фактором, что в ходе судебной деятельности судья знакомится с целым спектром индивидуальных и уникальных обстоятельств, разнообразие которых объективно не допускает абсолютно-определенного регулирования правового спора². Игнорирование разнообразного характера общественных отношений, фактических обстоятельств, личности людей в конечном итоге приведет к несправедливости. А еще И. Кант писал: «Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость: все другие виды зла, которые нам приходится терпеть, ничто по сравнению с ней». В недопущении и устранении подобного и заключается предоставленная судам возможность применения исключений из правил.

На наш взгляд, этим же объясняется и потенциальная вероятность оценки присутствия исключений из правил при выполнении судами такой весьма важной функции, как судебный контроль.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. М., 1994. Т. 2. С. 275.

² См. об этом: Гук П. А., Суменков С. Ю. Правовые исключения и реализация их в судебной деятельности. С. 124.

Контроль в настоящее время воспринимается как одно из центральных направлений судебной деятельности¹. Подобное обусловлено общим повышением роли судебной власти в механизме российского государства и, как следствие, увеличением значимости контрольно-юстиционных полномочий судебных органов².

При корреляции судебного контроля и наличия исключений в праве на первый план выдвигается судебное толкование. Уяснив для себя смысл,

¹ См. об этом: Левченко В. Ю. Судебный контроль в сфере военного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997 ; Тришина Е. Г. Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000 ; Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002 ; Балдандоржиев В. Б. Судебный контроль как механизм взаимодействия органов судебной и исполнительной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003 ; Сидоров В. И. Специализированный конституционный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003 ; Ломовцева М. Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004 ; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004 ; Костерина Н. В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005 ; Макарова О. В. Судебный контроль судов общей юрисдикции за соответствием нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти федеральным законам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Паршина Т. В. Судебный контроль за законностью правовых актов: общеправовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005 ; Русман Г. С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006 ; Габараева Н. В. Конституционно-правовые аспекты судебного контроля в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007 ; Амануллина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008 ; Дюкова Е. А. Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 ; Вороненков Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009 ; Гатауллин А. Г. Теоретические и организационно-правовые основы конституционного судебного контроля в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009 ; Никулинская Н. Ф. Судебный контроль в сфере психиатрической помощи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 ; Чепурная И. В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 ; Иванов В. И. Судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011;

² См., например: Вороненков Д. Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей.

обоснованность и необходимость исключения, суд дает оценку правомерности закрепления исключения в той или иной норме либо применения такой нормы.

Тем самым судебный контроль в отношении исключений имеет дуалистическую природу: с одной стороны, это судебный нормоконтроль, т.е. контроль за нормами, в которых фиксируются исключения, с другой – контроль за реальным применением исключений как судами, так иными уполномоченными на то субъектами.

На наш взгляд, центральное место в процессе осуществления судебного нормоконтроля принадлежит высшим судебным органам. Это, разумеется, не означает, что нормоконтроль – прерогатива указанных инстанций судебной системы. Однако не стоит отрицать, что именно суждения высших судебных органов носят ярко выраженный руководящий уклон, в доминате своей формируя судебную практику.

Соответственно, реакция высших судебных органов на присутствие исключений обладает основополагающим характером, легитимируя исключения либо, наоборот, отрицая правомерность последних.

Проекция судебного нормоконтроля на исключения, существующие в праве, позволяет сделать вывод, что высшие судебные органы уделяют достаточное внимание вопросу нахождения исключений в правовых нормах. Так, выше уже были представлены многочисленные и разные оценки, данные высшими судебными органами страны исключениям из правил.

В качестве очередного примера можно привести Определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 2214-О¹, в котором суд выявил смысл положения ч. 2 ст. 178 ТК РФ, предусматривающего сохранение в исключительных случаях за уволенным работником, имеющим

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 2214-О «По жалобе государственного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова Российской академии сельскохозяйственных наук» на нарушение конституционных прав и свобод положением части второй статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

право на получение среднего месячного заработка в период трудоустройства в установленных законом случаях, среднего месячного заработка в течение третьего месяца со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в двухнедельный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен. Конституционным Судом РФ был сделан «вывод о том, что оспариваемое законоположение не предполагает предоставление органу службы занятости населения при решении данного вопроса действовать произвольно, признавая или не признавая соответствующий случай исключительным и не лишает работодателя права обжаловать решение органа службы занятости населения в суд, который обязан оценивать обжалуемое решение с точки зрения его правомерности и обоснованности, устанавливая, исследуя и анализируя при этом всю совокупность имеющих значение для правильного разрешения дела обстоятельств»¹.

Надо отметить, что зачастую нормоконтроль за исключениями, осуществляемый высшими судебными органами, перекликается с деятельностью Европейского суда по правам человека. В частности, Постановлением Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П² ст. 21 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³ признана не противоречащей Конституции РФ в части, регуливающей осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками).

¹ См.: Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова // СЗ РФ. 2010. № 50, ст. 6808.

³ СЗ РФ. 1995 № 29, ст. 2759.

В названном постановлении Конституционный Суд РФ неоднократно ссылался на правовые позиции Европейского суда по правам человека¹, который допускает цензуру администрацией места содержания под стражей переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками) в исключительных случаях. «Таким образом, в силу предписаний Конституции Российской Федерации, Конвенции о защите прав человека и основных свобод как составной части правовой системы Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также исходя из международных обязательств Российской Федерации, вытекающих из ее участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского Суда по правам человека применительно к обеспечению права на помощь адвоката (защитника), цензура переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) может иметь место лишь в исключительных случаях, при наличии у администрации места содержания под стражей обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь»².

Тем самым наличие исключения из общего правила было признано соответствующим не только российскому законодательству, но и основополагающим международным актам³.

Судебный нормоконтроль осуществляется и судами общей юрисдикции в том числе и на уровне субъекта федерации. Например,

¹ В частности, дело «Кэмпбелл (Campbell) против Соединенного Королевства» (постановление от 25 марта 1992 г.); дело «Эрдем (Erdem) против Германии» (постановление от 5 июля 2001 г.); дело «Моисеев против России» (постановление от 9 октября 2008 г.).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П.

³ См.: ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Верховный Суд республики Алтай отказал в удовлетворении протеста прокуратуры республики. Суд признал, что Закон Республики Алтай «О регулировании отдельных вопросов в области лесных отношений на территории Республики Алтай», которым установлены исключительные случаи заготовки древесины на основании договора купли-продажи лесных насаждений, был принят во исполнение положений федерального законодательства¹.

Судебный нормоконтроль, как уже отмечалось, выступает частью судебного контроля.

Последний в большей степени связан с контролем вышестоящей судебной инстанцией за нижестоящей, а именно за законностью и обоснованностью правоприменения. Контроль за применением нижестоящими судами исключений нужен объективно, ибо реализация исключений в силу их нестандартной природы (кроме того что это весьма специфическое юридическое средство, позволяющее отклоняться от общего правила) во многом предоставлена судьейскому усмотрению.

¹ Решение Верховного Суда Республики Алтай от 8 сентября 2008 г. № 3-11/2008 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).

Верховный Суд РФ неоднократно указывал на обязательность учета исключительных положений, содержащихся в законодательстве, и тщательного анализа возможности их применения¹.

Верховный Суд РФ в порядке надзора за нижестоящими судебными инстанциями может не согласиться с трактовкой той или иной ситуации как исключительной и применения соответственно нормы-исключения. Например, решением Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области (оставленным без изменения судебной коллегией по гражданским делам и президиумом Самарского областного суда) гр. П. восстановлен срок исковой давности и ее требования удовлетворены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с данным решением не согласилась, указав буквально следующее: «Как считал суд первой инстанции, срок исковой давности заявительницей пропущен по уважительным причинам. При этом суд не учел требований ст. 205 ГК РФ, согласно которой в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь,

¹ См., например: п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Российская газета. 2005. 19 апр.); п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (Российская газета. 2010. 13 янв.); п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (Российская газета. 2011. 11 февр.); п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (Российская газета. 2012. 6 июня); п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» (Российская газета. 2012. 11 июля); п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (Российская газета. 2012. 21 дек.); п. 4, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (Российская газета. 2013. 11 27 дек).

беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. По делу таких обстоятельств не установлено. В качестве уважительных причин пропуска срока суд назвал то, что истица находилась в очередном отпуске, других в решении не указывал»¹.

Конечно, контроль за применением исключений при отправлении правосудия осуществляет не только Верховный Суд РФ, но иные верховные (областные) суды субъектов РФ².

В свою очередь суды районного (городского) уровня судебной системы России в рамках своих полномочий контролируют реализацию исключений органами государственной власти.

Предельно четко об этом сказано в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, текст которой, бесспорно, доказывает, что конечная оценка факта исключительности случая и правомерности процессуального поведения следователя либо дознавателя возложена на усмотрение судьи³.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1. С. 6.

² Например, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Пензенского областного суда от 21 мая 2008 г. был отменен приговор, вынесенный Никольским районным судом Пензенской области от 6 марта 2008 г. в отношении гр. Ж., осужденного по ст. 163 (ч. 3 п. «в») с применением ст. 64 УК РФ к шести годам лишения свободы в ИК строгого режима. Кассационная инстанция весьма четко указала в определении: «Мотивируя применение к Ж. ст. 64 УК РФ, назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного ст. 163 ч. 3 п. «в», суд сослался лишь на возмещение им морального и частично имущественного вреда потерпевшему, но никаких исключительных обстоятельств по делу не привел. <...> В связи с этим мера наказания, назначенная Ж. с применением ст. 64 УК РФ, является необоснованной, несправедливой вследствие ее чрезмерной мягкости» // Архив Пензенского областного суда. Дело № 22-684-08.

³ Указанная норма неоднократно признавалась соответствующей Конституции РФ. См., в частности: Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. № 70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дементьевой Аиды Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 20, ст. 1917 ; Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П «По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 3.

Подобное свидетельствует о самом пристальном внимании судебных органов различных звеньев уровней судебной системы за исключениями, имеющими место быть в сфере правового регламентирования общественных отношений.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, в правовой системе любого общества наряду с магистральным источником права существуют дополнительные источники. Если в России основным источником права традиционно считается нормативный правовой акт, то в качестве важнейшего факультативного источника выступает судебная практика. Подобное объясняется значимостью судебной власти в механизме современного российского государства и соответственно возрастанием роли судебных актов в правовом регулировании.

Во-вторых, судебная практика – категория сложная и неоднозначная. К ее анализу целесообразно подходить комплексно, идентифицируя судебную практику как синтез, включающий в себя судебное правотворчество, судебное толкование, правоприменение, а также судебный контроль. Указанным разновидностям судебной практики корреспондируют судебные прецеденты, правовые позиции, правоприменительные акты, также акты судебного контроля.

В-третьих, судебное правотворчество носит подзаконный характер, функционируя наряду с правотворчеством исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также локальным правотворчеством. Объективизацией судебного правотворчества служит судебный прецедент, создание которого – прерогатива высших судебных органов государства.

В-четвертых, судебное правотворчество соотносится с судебным нормотворчеством как форма (прецедент) и содержание (юридическая норма). Судебная норма-исключение отвечает требованиям конкретности, диалектически присутствующей в природе исключений.

В-пятых, уникальная взаимосвязь судебной практики и исключений в праве детерминирована тем, что только судебные органы могут формулировать исключения, давать общеобязательное разъяснение исключений в ходе толкования, применять исключения в процессе отправления правосудия, контролировать как нормативное формулирование исключений, так и их реализацию.

РАЗДЕЛ III. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ

Глава 1. Целевое предназначение исключений в праве

Цель в самом общем смысле можно определить как то, к чему нужно стремиться, что надо осуществить¹. Осознанная человеческая деятельность невозможна без цели, ибо цель – это «идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия; их идеальный, внутренне побуждающий мотив»².

Соответственно перед правом как в ходе его создания, так и реализации ставятся позитивные цели. «Цели, – пишет А. В. Малько, – играют важную роль в процессе правового регулирования, отражая злободневные общественные потребности и стремления, они показывают значение и смысл существования юридических средств, ориентируют на те ценности, которые лежат в основе правовой политики конкретного государства»³.

По нашему мнению, важнейшее значение здесь имеет непосредственное указание на то, что цели в праве детерминируют природу юридических средств, а также влияют на выбор последних. Подобное в приоритетной степени относится к такому специфичному феномену, как исключения в праве.

Именно цели имеют генеральное значение при характеристике исключений в праве. Цель в той мере, в какой она верно отражает существующую реальность и определяет направления и пути ее преобразования, свидетельствует об объективной природе исключений,

¹ См., например: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 713.

² Философская энциклопедия. М., 1970. С. 459.

³ Малько А. В. Цели и средства в праве // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 3. С. 416.

указывает на их соответствие потребностям общественного развития, интересам государства, социальных групп, отдельной личности¹.

Здесь необходимо осознавать, что олицетворяемые исключениями изъятия и (или) дополнения к унифицированным правилам и, как следствие, возможность (а иногда и необходимость) выбора альтернативного правилу варианта поведения ни в коем случае не служат целью юридической деятельности; равным образом это распространяется и на реализацию исключений.

Иными словами, наличие исключения из правила не должно являться самоцелью. Исключения создаются и претворяются в жизнь для организации эффективной модели правового регулирования. Более того, сама по себе констатация исключений, обусловленных какими-либо факторами, может детерминировать и выбор неординарных средств, направленных на оптимизацию (например, устранение) таких факторов².

Именно поэтому для исключения столь важна постановка надлежаще обозначенной цели, ибо последняя в силу собственных качеств изначально обуславливает существование подобной модели.

¹ См. об этом подробнее: Суменков С. Ю. Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5 (69). С. 31.

² В частности, в одном из нормативных актов Президента РФ об этом говорится предельно четко: «В связи с исключительными обстоятельствами, затрагивающими интересы и экономическую безопасность Российской Федерации и требующими принятия безотлагательных мер...» (Указ Президента РФ от 16. 12.2015 № 628 «О приостановлении Российской Федерацией действия договора о зоне свободной торговли в отношении Украины» // СЗ РФ. 2015. № 51 (часть III), ст. 7315).

Тем самым исключение немислимо без целеполагания¹; за счет исключений у уполномоченных лиц возникает потенциальная возможность достижения правовой цели.

Цели, ставящиеся перед исключениями, весьма многоплановы, что объясняется неоднозначностью самого рассматриваемого феномена. Однако исходя из остающегося актуальным тезиса о том, что право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества², стоит в первую очередь предполагать утилитарную направленность исключений, их сугубо практическое предназначение. «Потребность практики (*utilitas*), – весьма точно отмечал Р. фон Иеринг, – заставит подчас законодателя пожертвовать отвлеченным правилом ради какого-нибудь особенно своеобразного отношения, решить, следовательно, вопрос, который сам по себе имеет общий характер, в применении к данному отношению частным образом. Это и есть римское *jus singulare* [исключительное право]»³.

В качестве примера практической цели, достигаемой посредством реализации исключения из правила, можно привести подп. 1 п. 3 ст. 39 Налогового кодекса РФ. Согласно названной норме не признается реализацией товаров, работ или услуг осуществление операций, связанных с обращением российской или иностранной валюты (за исключением целей нумизматики).

¹ Некоторые цели, которые могут быть достигнуты только посредством реализации исключений, априори предопределяют возможность существования не только исключений, но и правил. Здесь будет уместным напомнить следующую норму, закрепленную в ч. 2 Правил добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов: «Добыча (вылов) водных биоресурсов допускается в исключительных случаях в целях сохранения водных биоресурсов, осуществления мониторинга состояния их популяций, осуществления их искусственного воспроизводства или акклиматизации, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017 // СЗ РФ. 2009. № 2, ст. 223).

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19.

³ Цит. по: Рудольф фон Иеринг: юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. С. 44.

В анализируемой ситуации наличие специальной цели (нумизматики) влечет констатацию того факта, что обращение валюты считается реализацией товаров, со всеми вытекающими правовыми последствиями. О том, что данное положение является исключением из общего правила, свидетельствует как употребление термина «за исключением», так и разъяснение акта официального толкования¹.

Тем самым практическая деятельность (занятие нумизматикой), неизбежно связанная с денежными единицами², детерминирует появление в законодательстве исключения из унифицированного правила: в отличие от всех иных случаев, признавать обращение российской и иностранной валюты с целью нумизматики реализацией товара.

Подобного рода выделение частного из общего позволяет говорить о таком сопутствующем исключениям качестве, как конкретизация правовых норм. Именно возможностью исключений уточнять правовые предписания объясняется используемый при их изучении методологический прием восхождения от абстрактного к конкретному, а также отмечавшаяся выше казуистичность целого ряда исключений.

Сама по себе конкретизация в сфере правового регулирования – явление весьма сложное и неоднозначное³. Однако бесспорным можно считать то, что «конкретизация юридических норм направлена на логическую завершенность правового регулирования, на снижение

¹ Абзац 3 Письма МНС РФ от 31 марта 2000 г. № ДЧ-8-07/1477 гласит: «При этом в подп. 1 п. 3 ст. 39 Кодекса сделано исключение из общего правила – не признается реализацией товаров, работ или услуг осуществление операций, связанных с обращением российской или иностранной валюты (за исключением нумизматики)» (Российский налоговый курьер. 2000. № 9).

² Нумизматика (от лат. *numisma*, греч. *νόμισμα* – монета) – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю монетной чеканки и денежного обращения по монетам, денежным слиткам и другим памятникам (например, монетным штемпелям, документам) (см.: Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. М., 1954. Т. 30. С. 215–216).

³ См. об этом, в частности: Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : матер. Междунар. симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 г.) / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2008.

абстрактности предписаний и, как следствие, на достижение их четкости и ясности»¹.

На наш взгляд, по отношению к исключениям конкретизация заключается в уточняющем потенциале последних, их диалектической взаимосвязи с правилами как части и целого. В юридической литературе справедливо отмечается: «Если между отражаемыми явлениями объективно не существует отношение «общее – особенное» или «общее – особенное – единичное», то использование понятия «конкретизация» утрачивает смысл, становится методологически необоснованным»².

Таким образом, можно констатировать допустимость конкретизации нормы права посредством исключения, ибо соотношение исключения с правилом уже было охарактеризовано в соответствующем разделе настоящего исследования как дихотомия особенного (а иногда и единичного) и общего, части и целого.

Вместе с тем, и это также отмечалось выше, далеко не все исключения обязательно казуистичны и обладают конкретизирующим эффектом. Массив исключений в праве, без преувеличения, огромен, и некоторые исключения не конкретны, а, напротив, абстрактны, что позволяет достигать обобщений, также необходимых в процессе правового регулирования³.

Но если можно не согласиться с тем, что конкретизация юридических предписаний – обязательная цель безусловно всех исключений, то нельзя отрицать их абсолютную целевую направленность на обеспечение законных интересов субъектов.

¹ Залоило М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

² Рабинович П. М., Шмелева Г. Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. 1985. № 6. С. 32.

³ См. об этом также: Суменков С. Ю. Исключения из правил как идеальная возможность сочетания абстрактного и конкретного в правовом регулировании // Правовая политика и правовая культура в условиях современной России : материалы круглого стола (Рязань, 24–25 апреля 2012 г.) / под ред. Н. И. Полищука // Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты. 2012. Специальный выпуск. С. 89–94.

Так, исходя из рассмотренного выше примера из налогового законодательства, можно сделать вывод, что использование исключения позволяет не только выделить и нормативно оформить частную цель из общей, но и, в конечном итоге, удовлетворить законные интересы нумизматов.

Удовлетворение законных интересов – важнейшая цель реализации исключений. О непосредственной устремленности исключений на охрану и защиту законных интересов участников правовых отношений недвусмысленно свидетельствуют формулировки соответствующих правовых актов.

Следовательно, исключения в состоянии придавать юридическое значение не только закрепленным в праве интересам, но и личным желаниям несовершеннолетних граждан. Исключения позволяют правоприменителю учитывать такие желания, но не давать им превалировать над теми социально значимыми интересами самого ребенка, ценность которых очевидна, но не может осознаваться детьми в силу возрастных и иных особенностей.

Конечно, необходимо понимать, что не в каждой норме, содержащей исключение из правила, буквально употребляются термины «интерес», «права» и т.п.

По нашему мнению, подобное положение подразумевается априори, и если в процессе правотворчества закрепляется исключение, то оно нацелено на защиту и (или) обеспечение законных интересов субъектов. В частности, развивая тему гарантированности прав и интересов несовершеннолетних, можно привести следующий пример.

Трудовые договоры по общему правилу (с некоторыми исключениями) можно заключать с лицами, достигшими 16 лет (ст. 63 Трудового кодекса РФ). Этот возрастной предел – гарантия охраны здоровья подростков.

Вместе с тем, как исключение, при соблюдении условий, установленных в ТК РФ (ст. 63) трудовые договоры могут заключаться с лицами, не достигшими 16 лет.

Подобное исключение полезно как для государства и работодателей, так и в первую очередь для подростков, которым на совершенно законных основаниях, с учетом интересов их здоровья и обучения, предоставляется возможность улучшать свое материальное положение. Отсутствие данного исключения неизбежно повлекло бы нарушение закона как со стороны несовершеннолетних, по тем или иным причинам желающих трудиться, так и со стороны лиц, предоставляющих им работу.

В связи с этим И. С. Морозова обоснованно пишет: «В праворегулирующем процессе юридические исключения используются и для того, чтобы «удержать» те или иные общественные отношения в правовом поле. В противном случае целый «пласт» социальных отношений может «выпасть» из сферы правовой регламентации или, что еще хуже, перейти в так называемую теневую сторону правовой жизни»¹.

Таким образом, исключения не просто обеспечивают надлежащую реализацию интересов, но и позволяют включать последние в орбиту правового регулирования.

Действительно, право не в состоянии охватить и юридически опосредовать все существующие интересы. «Для индивидуальности, – отмечает В. В. Субочев, – право устанавливает нормативные рамки, в которых можно ее проявлять, да еще и в той сфере, в которую право в состоянии проникнуть»².

Разделяя в целом высказанную точку зрения (особенно в части санкционирования правом определенной степени индивидуальности), хотелось бы в очередной раз возразить против отождествления нормы права и правила поведения и, соответственно, указания на правовое регулирование как совокупности правил и шаблонов. Последнее представляется, безусловно, неточным, особенно в контексте признания того, что право есть

¹ Морозова И. С. Синергетическая детерминация юридических исключений // Современное право. 2007. № 1. С. 66.

² Субочев В. В. Законные интересы. С. 31.

нормативный способ выражения конгломерата личных, общественных и государственных интересов¹.

Наша позиция заключается в том, что юридическая норма может содержать не только правила, но и исключения из них; следовательно, правовое регулирование – это естественное, обусловленное социальными факторами сочетание как правил, так и исключений из них.

Нормативность, и об этом уже говорилось, – вовсе не препятствие для наличия в праве исключений; более того, нормативность не обозначает, что право состоит из одних только правил.

С. С. Алексеев по данному поводу совершенно справедливо пишет: «Нормативность права подчас понимается только в том смысле, что право состоит из норм – общих правил поведения. Верное само по себе, приведенное положение, однако, не раскрывает всего того глубоко социального и юридического значения, которое характерно для нормативности – этого определяющего качества права... Тут принципиально важен сам социальный и юридический эффект, наступающий в результате формулирования широкого нормативного обобщения, когда полных данных для этого нет и когда не подпадающие под обобщение обстоятельства закрепляются в исчерпывающем перечне исключений. В многообразной, сложной, динамичной социальной жизни рассматриваемый прием может оказаться единственным, обеспечивающим достижение необходимой степени нормативности. <...> Это и делает юридическое регулирование совершенным не только с технико-юридической стороны, но и со стороны всеобщности регулирования, и, стало быть, нормативности...»².

Последняя фраза, по нашему мнению, служит подтверждением выдвинутого ранее тезиса о том, что именно нормативность в совокупности со всеобщностью выступает детерминантом появления исключений в праве.

¹ См.: Там же. С. 32.

² Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 251–252.

В свою очередь, используя исключения, нормативное по самой своей природе право становится в определенной мере всеобщим, распространяя свое регламентирующее воздействие на более широкий спектр общественных отношений и затрагивая соответственно разнообразные и неоднородные интересы их многочисленных участников.

Согласование подобных интересов – одна из целей присутствия исключений в праве.

Так, благодаря исключениям можно достигнуть некоторого консенсуса интересов членов человеческого общежития.

Подобное характерно и для сферы права. Здесь можно только солидаризоваться с С. Н. Сабикеновым, утверждающим, что потребности и интересы имеют значение для права как объективные социальные детерминанты и отражают одни и те же законы общества¹.

При этом особенностью целевого предназначения исключений служит то, что они в доминанте своей направлены не столько на синтезирование интересов разнородных субъектов, сколько на сбалансирование интересов личности, общества и государства².

Последнее становится возможным вследствие особого рода сочетания нормативности права и исключений в праве.

С. С. Алексеев образно сравнивал право с «рамой», состоящей из четко очерченных программ и ячеек, тем не менее дающих гарантированный простор собственному поведению участников общественных отношений.

¹ См.: Сабикенов С. Н. Об объективном характере интересов в праве // Советское государство и право. 1981. № 6. С. 39.

² Предельно четко об этом сказано в подп. 2 п. 10 ст. 15 ФЗ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177), согласно которому должностные лица специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа имеют право «применять в исключительных случаях, когда иные меры не дали результата, в течение минимально необходимого времени меры физического сдерживания (физическую силу) в пределах, не унижающих человеческого достоинства, в целях пресечения совершения несовершеннолетними общественно опасных деяний или причинения ущерба своей жизни или здоровью либо для устранения иной опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам других лиц или государства».

«Наложенная на реальную социальную жизнь, на всю гамму разнообразных общественных отношений эта «рама» должна так расположиться на эти отношения, так органично включиться в социальную жизнь, чтобы существовали оптимальные возможности для целенаправленного устойчивого и динамичного функционирования общественной системы с максимальным использованием всех присущих ей духовных и материальных стимулов»¹.

Исключения как раз и позволяют легальным образом «раздвинуть» нормативные рамки права, не посягая на саму нормативную природу права, сделать его более восприимчивым к экономическим, социальным, духовным и иным факторам реальной жизни, максимально учитывать объективные и субъективные особенности последних.

В этом контексте цель исключений – обеспечить дифференцированность² и оперативность³ права, что в конечном итоге даст возможность добиться наибольшей полноты и эффективности правового регулирования.

Подобная цель исключений соответствует и конечной цели права, которая, по мнению Г. В. Джонса, «заключается в установлении и поддержании благоприятной для человеческой жизни общественной среды»⁴. На наш взгляд, детерминировать посредством права приемлемое состояние и развитие общественных отношений – вполне реалистичная цель, для реализации которой подходят и исключения.

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989. С. 247.

² См., например: ч. 1, ст. 25.3 ФЗ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434); п. 7 ч. 3 ст. 11 ФЗ от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4595).

³ Так, ст. 8 проекта Протокола о внесении изменений в Договор о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г. гласит: «Решения Комиссии, имеющие обязательный характер, вступают в силу по истечении 30 календарных дней с даты их официального опубликования, а в исключительных случаях, требующих оперативного урегулирования, в решении Комиссии может быть определен иной срок вступления его в силу, но не ранее даты официального опубликования такого решения» (Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2010 г. № 979 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Протокола о внесении изменений в Договор о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г.» // СЗ РФ. 2010. № 50, ст. 6738).

⁴ Jones H. W. An invitation to jurisprudence // Columbia lav rev. N. Y., 1974.

Здесь, как думается, можно предложить такой алгоритм: исключения гарантируют гибкость и своевременность, дифференциацию и даже индивидуализацию¹ правового регулирования, что приводит к его эффективности и полноте. Последнее, в свою очередь, создает условия для нормальной жизнедеятельности субъектов, существования между ними определенного социального компромисса, согласования их интересов с интересами общества, а также государства.

Подобный результат возможен при наличии и сочетании множества факторов, среди которых основополагающий – прогрессивность и гуманистическая направленность права.

Вопрос об указанных качествах права, безусловно, сложный и дискуссионный, нуждающийся, как минимум, в самостоятельном теоретическом исследовании.

В рамках проблематики данной работы стоит отметить, что исключения, содержащиеся в современном российском праве, отвечают критериям прогресса, демократии и гуманизма.

«С рассматриваемой точки зрения, – пишет С. С. Алексеев, – как это ни покажется парадоксальным (а не в парадоксах ли раскрываются самые затаенные секреты многих явлений?), развитие, да и само существование права как института демократии, гуманизма и прогресса, во многом связано с *исключениями*... при всей неожиданности приведенного положения существуют веские основания полагать, что «изюминка» правового развития в упомянутых исключениях довольно-таки четко и зримо видна»².

¹ Достижение подобной цели выступает весьма важной перспективой исключений в праве, ибо, как верно заметил Ф. В. Тарановский, «целью права является обеспечение индивидуальной свободы для осуществления признаваемых правовом интересом» (Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 105).

² Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 256–257.

Так, в некоторых нормативных актах имеются непосредственные предписания, определяющие гуманитарную направленность исключений¹, нацеленность их на охрану самого физического бытия человека².

В таком контексте уместно будет заметить соответствие исключений концепции, связанной с юридической безопасностью субъектов права.

Одним из значений категории «юридическая безопасность» является ее восприятие как совокупности осуществляемых в правовой системе и посредством права мер, средств и способов правового обеспечения (охраны, защиты)³. Как думается, исключения из правил в определенных случаях и учреждаются для предотвращения наступления либо скорейшей ликвидации последствий каких-либо чрезвычайных неблагоприятных происшествий.

Конечно, подобная цель не характерна для всех исключений; она находит свое воплощение в нормах, регулирующих специфические сферы, в которых потенциально могут возникнуть угрозы. К подобного рода предписаниям относится ряд положений, содержащихся, например, в

¹ В частности, согласно абз. 1 подп. 2 «а» п. 1 Указа Президента РФ от 12 августа 2011 г. № 1092 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1973 от 17 марта 2011 г.» (СЗ РФ. 2011. № 33, ст. 4926) «запрещается выдача разрешений на использование воздушного пространства Российской Федерации при выполнении международных полетов российскими и иностранными воздушными судами: если воздушное судно имеет целью осуществить полет в воздушном пространстве Ливии, за исключением случаев, когда полет выполняется исключительно в гуманитарных целях, таких как доставка или содействие в доставке гуманитарной помощи, в том числе медикаментов, продовольствия, гуманитарного персонала, либо эвакуация иностранных граждан из Ливии, а также случаев, когда полет, как будет сочтено Российской Федерацией, необходим для блага ливийского народа и находится в рамках мер, предпринимаемых государствами по установлению режима запрета на полеты в воздушном пространстве Ливии в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1973 от 17 марта 2011 г.».

² См., например, п. 1 Положения о предоставлении помощи в возвращении в Российскую Федерацию гражданам Российской Федерации, оказавшимся на территории иностранного государства без средств к существованию: «Помощь в возвращении в Российскую Федерацию (далее – помощь) предоставляется гражданам Российской Федерации, оказавшимся на территории иностранного государства без средств к существованию (далее – граждане Российской Федерации), дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Российской Федерации (далее – заграничные учреждения Российской Федерации) в исключительных случаях. Под исключительными случаями понимаются ситуации, при которых возвращение в Российскую Федерацию граждан Российской Федерации будет способствовать устранению непосредственной угрозы их жизни» (утв. Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2010 г. № 370 // СЗ РФ. 2010. № 23, ст. 2832).

³ См.: Фомин А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10.

уголовно-исполнительном законодательстве¹, в некоторых статьях КоАП РФ², Трудового кодекса РФ³ и т.п.

Присутствие таких положений объясняет необходимость исключений из правил, подтверждает их значимость в механизме правового регулирования общественных отношений.

Вместе с тем надо признать, что названная цель не характерна для всего массива исключений. Обеспечение юридической безопасности, выступая в качестве специфической цели исключений, лишней раз подчеркивает широкий диапазон и разностороннюю направленность последних.

Это в свою очередь позволяет говорить о существовании у исключений каких-либо единых для них ориентиров, под которые вполне подпадают цели отдельных разновидностей исключений. Здесь вполне уместно воспользоваться таким вариантом соотношения, как целое и часть.

На наш взгляд, к общей цели исключений в праве относится реализация принципов гуманизма, что уже оговаривалось, и справедливости. Такую цель, пользуясь терминологией А. В. Малько и К. В. Шундикова, следует считать целью-моделью – «...идеальный образ предполагаемого результата, на достижение которого направлена деятельность»⁴.

В данном аспекте нацеленность исключений на привнесение в правовое регулирование справедливости и гуманизма представляется более чем актуальной и востребованной.

Принцип справедливости – один из основополагающих принципов права. В самом общем виде этот принцип предполагает беспристрастность, истинность, правильность, обоснованность правового реагирования,

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключения из правил в контексте пенитенциарной безопасности (на примере Уголовно-исполнительного кодекса РФ) // Пенитенциарная безопасность в механизме обеспечения национальной безопасности : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 июня 2011 г.) / под общ. ред. Р. А. Ромашова. Самара, 2011. С. 339–344.

² См., например, положения ст. 27.16 КоАП РФ.

³ См., в частности, ст. 113 Трудового кодекса РФ.

⁴ Малько А. В., Шундикова К. В. Указ. соч. С. 57.

соответствие между ролью лица в обществе и его социально-правовым положением, соразмерность между деянием и наказанием либо поощрением. А. И. Экимов верно определяет справедливость как нравственно обоснованный критерий для соизмерения действий субъектов, в соответствии с которым осуществляется воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или иных последствий¹.

Как думается, именно этот принцип и служит одним из основных условий появления исключений в праве.

Реакция государства должна соответствовать как поведению, так и личности субъекта, условиям его жизни, обстоятельствам совершения деяния и прочим многочисленным и разнообразным факторам. Для максимального и всестороннего их учета и нужны нормативные отступления от единых правил, ибо общими требованиями невозможно регламентировать все многообразие бытия. В противном случае государственно-правовое воздействие будет необоснованным, неэффективным, а в конечном итоге, несправедливым.

Практическое воплощение принципа справедливости представляется весьма важным, ибо справедливость – «это обобщенный принцип, который корректирует взаимодействие других принципов в случае коллизии их требований (в частности, требования равенства и индивидуализации, целевого установления репрессии и гуманизма), приводит их в систему и тем самым актуализирует их положения»².

Например, исключением из положения о свободе завещания выступает выделение обязательной доли имущества нетрудоспособным иждивенцам наследодателя, даже если они не указаны в завещании в качестве наследников (п. 1 ст. 1149 ГК РФ). Такое исключение обусловлено не только

¹ См.: Экимов А. И. Указ. соч. С. 131.

² Ласточкин Р. Н. Явная несправедливость как основание к отмене или изменению приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1983. С. 8.

принципом справедливости¹, но и принципом гуманизма: проявлением заботы государства о социально незащищенных субъектах.

В связи с этим можно отчасти согласиться с В. В. Сорокиным, который, возражая против преувеличения роли принципа справедливости, пишет: «Если бы человеческое общество судилось Богом по принципу справедливости, оно уже давно было бы уничтожено. Но мир основан Богом на началах любви, а из любви исходит милосердие»².

Действительно, принцип гуманизма, выступает не менее значимым, чем справедливость, принципом права и также служит источником исключений в праве.

Наиболее ярко принцип гуманизма реализуется в уголовном и административном праве. Подобное положение обусловлено возможностью применения достаточно жестких санкций при наступлении уголовной или административной ответственности и, как следствие, необходимой особой защиты прав личности при осуществлении репрессии.

Юридическая ответственность образует нормативную конструкцию, которую составляют нормы материального и процессуального права, устанавливающие санкцию и другие меры принуждения, подлежащие применению в случае правонарушения, порядок (процесс) и последовательность осуществления данных мер, а равно норм, определяющих права лица, привлеченного к ответственности. Претворение в жизнь каждого из элементов данной нормативной конструкции происходит как по правилам, так и с использованием исключений из них. Подобное характерно для любой стадии реализации юридической ответственности³.

¹ См.: Омарова У. А. Основные институты наследственного права России и степень отражения в них принципа социальной справедливости : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 5–27.

² Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 87.

³ См. подробнее: Суменков С. Ю. Исключения из правил как элемент юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. 2009. № 4 (52). С. 13–16.

Яркими примерами воздействия принципа гуманизма на возникновение исключений служит восприятие законодателем в качестве последних самых суровых видов наказаний – смертной казни и административного ареста.

Смертная казнь является исключительной мерой наказания, назначаемой за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ч. 1 ст. 59 УК РФ); административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды правонарушений (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ).

Перечень деяний, за которые могут быть назначены вышеуказанные виды наказаний, весьма ограничен, равно как и круг лиц, к которым они могут быть применены.

Надо особо отметить, что среди субъектов, не подверженных и смертной казни, и административному аресту, присутствуют несовершеннолетние.

Принцип гуманизма непременно заключается в учете особых психофизических качеств несовершеннолетних, что находит отражение в установлении относительно последних исключений из общих правил привлечения к административной и уголовной ответственности и применения наказания; порядка производства следственных действий; судебного разбирательства и т.д.¹

Применительно к уголовной ответственности примером исключений из правил служит ст. 96 УК РФ, согласно которой в исключительных случаях суд может применить положения главы 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних» к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет.

В контексте рассуждений о роли исключений в отношениях, связанных с применением юридической ответственности, признавая приоритет принципа гуманизма, не стоит все же абсолютизировать значение

¹ См.: Абрамов В. И. Права ребенка в России (теоретический аспект). Саратов, 2005. С. 237–297.

последнего. В отдельных случаях исключения представляют собой дополнительные, более жесткие, по сравнению с общими, меры юридической ответственности, необходимость которых объясняется как требованиями принципа справедливости¹, так и соображениями утилитарной целесообразности (например, ч. 2 ст. 255 УПК РФ).

Таким образом, следует признать, что справедливость и гуманизм выступают в качестве целей присутствия исключений в праве.

Однако указанные принципы относительно внедрения исключений как на уровне правотворчества, так и правореализации находятся в неразрывном органическом единстве между собой, а также в самой тесной взаимосвязи с целями, имеющими безусловно практическую направленность, в особенности с такими, как дифференциация правового регулирования², конкретизация нормативных предписаний³, обеспечение юридической безопасности⁴.

Справедливость и гуманизм, как уже отмечалось выше, – это стержневые цели исключений в праве, на утверждение которых и устремлены последние.

Вместе с тем применительно к исключениям можно говорить и о так называемых «частных целях»⁵, сопутствующих основным и способствующих их достижению.

На наш взгляд, «частными целями» исключений следует считать дозволения и ограничения. Подобный вывод базируется на том очевидном

¹ См., в частности, положения ч. 2 ст. 108 УПК РФ.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Дифференциация российского общества как проблема правовой политики // Современная российская государственность: теоретические и конституционно-правовые аспекты : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 18–19 мая 2007 г.) / под общ. ред. А. Р. Еремина. Саранск, 2007. С. 28–31.

³ Здесь можно только согласиться с Т. В. Кашаниной, которая пишет: «...исключения дают возможность приспособить общую норму к особым оправданным случаям» (Кашанина Т. В. Юридическая техника. С. 194).

⁴ См., в частности, положения ст. 100 УПК РФ.

⁵ См. о частных целях: Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. С. 54–55.

факте (подтвержденным проведенным выше классификационным анализом), что исключения по отношению к общим правилам всегда выступают либо в виде дозволения, либо ограничения.

Обозначение дозволения как цели исключения более чем оправданно. При этом исключения могут быть обращены на разрешение тривиальных, сугубо практических (но тем не менее весьма значимых) установок¹, устремлены (как к итоговой конечной миссии) на утоление широкого спектра интересов разнородных субъектов общественных отношений².

Глубокий анализ норм российского права свидетельствует о доминировании среди исключений тех, которые имеют в качестве цели именно дозволение. Дозволительный характер исключений детерминирован современными тенденциями развития права³, закономерным итогом развития социума.

Вместе с тем в механизме правового регулирования весьма важная роль принадлежит феномену, прямо противоположному, но не противостоящему дозволению – ограничению.

Правовое ограничение – категория весьма многогранная⁴.

Непосредственно с исключениями связывает правовые ограничения Н. Н. Семенюта, обоснованно считающая, что «правовое ограничение – как юридическая форма – представляет собой установление исключений, изъятий из конкретного запрета или дозволения, введение различных

¹ Например, согласно подп. 2 ч. 5 ст. 105 Лесного кодекса РФ в зеленых зонах запрещается «ведение сельского хозяйства, за исключением сенокосения и пчеловодства, а также возведение изгородей в целях сенокосения и пчеловодства».

² В качестве примера разнообразия правовых целей, олицетворяющих дозволения как исключения из общего правила, служат ч. 2, 3, 4 ст. 13 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724).

³ Речь идет в первую очередь о так называемом человекоцентристском подходе, в основе которого необходимость предоставления индивидам и их объединениям предельного объема возможностей для удовлетворения их законных интересов (см. об этом подробнее: Шафиров В. М. Обеспечение права: человекоцентристский подход. Красноярск, 2005).

⁴ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 91.

обременений или дополнительных условий для возникновения возможности пользоваться каким-либо правом или исполнять какую-либо обязанность»¹.

Подобная корреляционная зависимость исключений и ограничений базируется на том, что ограничения по природе своей сообщают об уменьшении объема возможностей и свободы². Именно то, что ограничения подразумевают сужение прав, позволяет считать их в какой-то степени исключениями из правил регулирования общественных отношений³.

В этом смысле, не отрицая важности правовых ограничений, следует согласиться с необходимостью обязательного указания на те цели, достижение которых требует ограничения прав и свобод.

Квинтэссенция здесь такова: раз ограничения лимитируют права, то они воспринимаются как исключения из общих, основанных на дозволениях правил; для оправдания введения таких исключений нужно объяснение их целей.

В еще большей мере подобная позиция актуальна для тех ограничений, в отношении которых особо оговорено, что они являются исключениями из правил⁴.

На наш взгляд, представленное утверждение весьма резонно⁵, ибо оно предельно точно и полно расшифровывает смысл введения исключения,

¹ Семенюта Н. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 8.

² См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. С. 91.

³ В данном случае правилом выступают дозволения, которым, как отмечалось выше, отводится доминирующая роль в современном механизме правового регулирования.

⁴ См., например: Бобряшова М. А. Запрет на приобретение в собственность иностранным лицам земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения: исключения из общего правила // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 2. С. 232–244.

⁵ В качестве положительного момента стоит заметить, что указанная конструкция характерна (что и должно быть) для подавляющего числа нормативных актов, которые в качестве исключения предусматривают ограничения. См. об этом в частности: абз. 2 ч. 1 ст. 12 ФЗ от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 2); ч. 2 ст. 18 ФЗ от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 18); ст. 6 ФЗ от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859).

имеющего в качестве своей непосредственной цели ограничение прав, свобод и возможностей субъектов.

От целевой направленности исключений, связанной с наличием в качестве цели дозволения либо ограничения, зависит их функциональная нагрузка.

Функции, выполняемые исключениями, можно типизировать на стимулирующие и ограничительные; гарантирующие и компенсационные.

Ограничительные функции воплощают в жизнь, что вполне естественно, непосредственно исключения-ограничения, а также исключения, детерминирующие реализацию феноменов ограничительного характера (наказаний, мер принуждения и пресечения, цензов, лимитов).

Стимулирующую роль выполняют исключения, посредством которых можно заслужить поощрение. В первую очередь такую функцию реализует большая часть льгот¹, подавляющее количество привилегий², в некоторой степени – иммунитеты³.

Исключения, безусловно, осуществляют гарантирующую и компенсационную функции. В то же время надо учитывать, что сами по себе исключения гарантиями и компенсациями не являются.

Например, согласно ч. 7 ст. 30 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴ «меры государственной защиты применяются также в отношении близких родственников сотрудника полиции, а в исключительных случаях – в отношении иных лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство в целях воспрепятствования законной

¹ См., например: Малько А. В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 71–72.

² «Устанавливая дополнительные права или освобождая от обязанностей, привилегии неизбежно расширяют возможности личности, становясь важнейшей побудительной силой. Огромное значение здесь имеет исключительность преимуществ, выступающих в виде привилегий, их подчас безальтернативный характер» (Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 73).

³ «...Стимулирующая функция присуща иммунитетам вследствие того, что обладание ими неизбежно расширяет объем возможностей и свободы. Тем самым происходит побуждение субъекта к такого рода деятельности, которая оправдывает наличие у него исключительных преимуществ» (Малько А. В., Суменков С. Ю. Указ. соч. С. 135).

⁴ СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

деятельности сотрудника полиции либо принуждения к изменению ее характера, а также из мести за указанную деятельность».

Гарантирующая функция исключений здесь вполне очевидна. Однако, на наш взгляд, юридической гарантией служит не только исключительное положение, закрепленное в данной норме, а сама норма в целом. Иное дело то, что за счет исключения указанная гарантия становится более полной, позволяя сотруднику полиции надлежаще выполнять свои обязанности.

Этот вывод можно спроецировать и на компенсационную функцию исключений, поскольку именно исключение позволяет в необходимых случаях максимально учитывать характер и размер выплат, а также самих субъектов, нуждающихся в компенсации¹.

Подводя итог анализу целевого предназначения исключений, хотелось бы отметить следующее.

Объяснение целей, поставленных перед исключениями, имеет глубокий смысл, ибо только признанная обществом социально значимая цель и невозможность ее достижения иными средствами оправдывает существование весьма неоднозначного и специфического феномена – исключения в праве.

Исключения в праве имеют сугубо практическую направленность, детерминированы факторами реальной жизни.

Исключения обращены на максимально полное удовлетворение законных интересов многочисленных и разнообразных субъектов

¹ См., например, п. 6 ст. 4 Международной конвенции о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1992 г.: «Ассамблея Фонда может решить, что в исключительных случаях компенсация в соответствии с настоящей Конвенцией может быть выплачена, даже если собственник судна не создал фонд в соответствии с пунктом 3 статьи V Конвенции об ответственности 1992 года» (Конвенция о Фонде 1992 г. Дополнение к Международной Конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г. Текст Конвенции официально опубликован не был // СПС «Гарант»). Россия оформила присоединение к Протоколу 1992 г. ФЗ от 2 января 2000 г. № 26-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Протоколу 1992 года об изменении Международной конвенции о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года и денонсации Российской Федерацией Международной конвенции о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года» (СЗ РФ. 2000. № 2, ст. 147).

общественных отношений. Достижению подобной цели способствуют такие конкретные установки, как оперативность и дифференцированность правового регламентирования общественных отношений, а также обеспечение юридической безопасности их участников.

Конечной целью исключений выступает реализация в праве принципов справедливости и гуманизма. Этой идеальной миссии исключений сопутствуют такие предметные «цели-задачи»¹, как дозволения и ограничения.

Все закрепленные в праве исключения необходимы для санкционирования дозволений из общих правил-ограничений либо наоборот. Ориентированность на названные способы регуляции служит основным критерием стратификации исключений.

В зависимости от того, что служит целью исключений: дозволение либо ограничение, выделяются следующие функции исключений: стимулирующие и ограничительные; гарантирующие и компенсационные.

¹ «Цель-задача – более конкретизированная модель, включающая условия и средства, необходимые для реализации цели» (Малько А. В., Шундиков К. В. Указ. соч. С. 58).

Глава 2. Исключения в праве как юридические средства

Средство в самом общем смысле обозначает прием, способ действия для достижения чего-нибудь, орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности¹.

А. В. Малько и К. В. Шундигов верно обращают внимание на многозначность и универсальность термина «средство», используемых во многих отраслях знаний, для обозначения самых разных явлений, в том числе и в правоведении².

Однако, несмотря на всю широту и многогранность понимания слова «средство», неизменным остается восприятие его во взаимосвязи с целью: средство нужно для того, чтобы достичь цели³.

Указание на неразрывность и парность цели и средства в сфере регламентирования правом общественных отношений более чем оправдана. Сама по себе инструментальная и даже «служебная» роль права расценивается в качестве традиционной⁴ и не противоречащей нормативному подходу к праву⁵.

Инструментальная теория права (теория правовых средств) с соответствующей методологией изучения последнего стала достаточно

¹ См., например: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 621.

² См.: Малько А. В., Шундигов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 64.

³ См.: Шундигов К. В. Цели и средства в праве: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7.

⁴ См., например: Дюрягин И. Я. Право и управление. М., 1981 ; Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988.

⁵ См.: Шундигов К. В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 16).

интенсивно развиваться в первое десятилетие текущего столетия¹. «Инструментальная теория, – пишет В. А. Сапун, – представляет собой целенаправленное и концентрированное исследование определенного аспекта права как системы правовых средств»².

Тем самым понимание права как совокупности средств, направленных на реализацию соответствующих целей имеет под собой несомненное теоретическое обоснование. При этом центральное положение в триаде «средство – цель – результат» принадлежит средству. «Данная категория связывает идеальное (цель) с реальным (результат), включая в себя одновременно как фрагменты идеального – инструменты (средства-установления), так и фрагменты реального – технологию (средства-деяния). Именно в этой плоскости названные разнородные юридические феномены можно рассматривать в качестве средств; именно в этом срезе юридической жизни они приобретают особые свойства – свойства явлений, действующих в связке «цель – средство – результат»³.

Средство выступает тем инструментом, используя который, государство, осуществляющее властное регламентирование общественных отношений, стремится достичь поставленной цели и прийти к конкретному практическому результату. Соответственно выбор того или иного средства правового регулирования – решающий в определении его эффективности,

¹ См. об этом: Сапун В. А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории : сб. науч. трудов. Владивосток, 1992. С. 17–30 ; Его же. Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002 ; Сапун В. А., Турбова Я. В. Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 177–188 ; Шундилов К. В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования. Его же. Инструментальный подход и инструментальная теория в современном правоведении: методологический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 167–175 ; Ветютнев Ю. Ю. Применение инструментального подхода к праву // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 165–167.

² Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. С. 20.

³ Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 7.

ибо разумно избранные и проверенные на практике средства – залог высокой продуктивности права¹.

По нашему мнению, исключения в праве и представляют собой правовые средства, столь необходимые при упорядочении и урегулировании сложных, нестандартных и неоднозначных общественных отношений. Как уже отмечалось выше, именно в рамках инструментальной концепции исключения должны считаться юридическими средствами, направленными на повышение эффективности действия права².

Однако прежде чем проецировать различные качества исключений (в первую очередь сочетание абстрактности и конкретности, наличие диспозитивных и императивных начал, целесообразность) и оценивать потенциальную возможность их нахождения в юридических средствах, стоит все же уточнить сущность, природу, характер и, собственно, дефиницию последних.

Парадокс юридических средств как научного термина заключается в том, что наличие данного феномена в праве априори не оспаривалось. Вместе с тем такое признание влекло подчас слишком широкую интерпретацию, размывающую суть исследуемой категории³.

Бесспорно возражая против слишком вольной трактовки природы юридического средства, следует не согласиться и с необходимостью введения в понятийный аппарат науки нового фразеологического оборота, обозначающего данное явление⁴.

¹ См.: Малько А. В. Цели и средства в праве // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 423.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Юридические исключения: инструментально-целевой аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 4. С. 180–196 ; Его же. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012. С. 135–136, 263–264.

³ См. об этом: Шундигов К. В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования. С. 14–20.

⁴ См. об этом: Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 84–85.

Как думается, многоаспектность и разноплановость того или иного термина (в частности, «юридическое средство») никак не детерминирует его нивелирование и искусственную замену.

К настоящему времени в общей теории права, несмотря на вполне естественные разночтения, можно констатировать сложившийся консенсус в понимании юридического средства и его роли в механизме правового регулирования.

На наш взгляд, по этому вопросу наблюдается определенное единство позиций таких ученых, как С. С. Алексеев, А. В. Малько, В. А. Сапун, К. В. Шундигов.

Кратко резюмируя высказывания относительно юридических средств, можно выделить следующие их качества: нахождение в регулятивном блоке правовой системы; фиксация в нормах права; направленность на разрешение целей.

Исключения, безусловно, принадлежат к регулятивному уровню правовой системы. Сама необходимость в исключениях обусловлена социальной модернизацией и, как следствие, усложнением общественных отношений, потребностью в сочетании коллективных и личных интересов, с чем объективно не справлялись общие, единые для всех правила¹.

Инструментальная природа исключений характерна абсолютно для всей социальной сферы. Всеобщность и объективность исключений детерминируют их использование не только в праве, но и во всех иных социальных регуляторах.

Например, на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви (РПЦ) рассматривался вопрос о порядке выдвижения священнослужителями своих кандидатур на выборах и о недопустимости их участия в деятельности политических партий. По итогам обсуждения члены

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Социальная сфера как основа исключений из правил // Правовая политика государства: теория, история, практика : сб. науч. ст. Вып. 1 / отв. ред. Н. Г. Карнишина. Пенза, 2004. С. 141–150 ; Его же. Исключения из правил как фактор предопределяющий правовое регулирование: социальный, философский, исторический аспекты // Доктрина права. 2010. № 3–4 (7–8). С. 15–23.

Синода постановили: «1. Напомнить архипастырям, пастырям, монашествующим и сотрудникам общецерковных учреждений о необходимости повсеместного исполнения решений Архиерейских Соборов и Священного Синода, согласно которым иерархи и священнослужители не могут выдвигать свои кандидатуры на выборах в любые органы представительной власти любых стран и любых уровней (общегосударственные, региональные, местные)»¹.

В то же время представляется весьма интересным четвертый пункт этого же документа, который гласит: «В исключительных случаях, по соображениям крайней церковной необходимости, когда нужно противостоять раскольническим или иноконфессиональным силам, стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной Церковью, Священный Синод или Синод самоуправляемой Церкви определяет лиц для участия в выборах в органы государственной власти и в индивидуальном порядке преподает на это благословение. При этом даже участие в данном случае в выборах по партийным спискам не дает священнослужителю право быть членом политической партии»².

Цитируемый выше пункт четвертый и является средством, которое может быть реализовано представителями РПЦ «по соображениям крайней церковной необходимости». В данном средстве настолько ярко отражаются черты исключения, что это позволяет говорить об их синтезе и о наличии самостоятельного подвида средств социального регулирования: средство-исключении.

К признакам, характеризующим средство-исключение, можно отнести:

1) *употребление специальной терминологии* (в частности – «исключительный случай»);

¹ Журналы заседания Священного Синода от 4 октября 2012 года. Журнал № 93 // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 07.10.2015).

² Там же.

2) *сочетание необходимой абстрактности* (исключительность случая) *и предельно возможной конкретности* (в частности, «противостояние раскольническим или иноконфессиональным силам»);

3) *преобладание диспозитивного начала*: делегирование усмотрения нужности реализации средства соответствующему субъекту («соображения необходимости», а также указание на Священный Синод или Синод самоуправляемой Церкви, который дает благословение на участие в выборах);

4) *строго индивидуальный подход при реализации* (индивидуальный порядок преподавания благословения);

5) *обозначение целей* (противостояние тем религиозным элементам, не входящим в РПЦ и стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной Церковью);

б) *закрепление в социальной норме и выражение в какой-либо объективной форме* (в решении Священного Синода РПЦ).

По нашему мнению, все эти качества присущи и юридическим средствам-исключениям, ибо в них, что вполне естественно, органически отражаются свойства, присущие всем исключениям, в том числе задействованным в правовой сфере¹.

Иное дело то, что юридические средства-исключения находят свое закрепление в нормах права. Подобная фиксация обуславливает общеобязательность, распространенность на неопределенно широкий круг субъектов, рассчитанность на многократное применение и (что, пожалуй, самое главное) включение средств-исключений в механизм правового регулирования.

Механизм правового регулирования (МПР) как раз и представляет собой систему юридических средств².

¹ Здесь налицо соотношение части и целого. Юридические средства – это разновидность социальных средств. В свою очередь юридические средства-исключения выступает как особая группа правового инструментария.

² См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30.

Подход к МПР, основанный на том, что он представляет собой совокупность юридических норм, априори обуславливает вопрос о наличии в этой совокупности не только исключений, но и правил (а точнее, наоборот).

Алгоритм здесь таков:

- а) МПР – это совокупность юридических средств;
- б) в число юридических средств входят средства-исключения;
- в) исключения могут быть только из правил: если есть исключения, значит обязательно должны быть и правила, из которых, собственно, и делаются исключения;
- г) МПР включает в себя юридические средства, представляющие собой правила и исключения.

В правовой сфере и правила, и исключения находят свое выражение, как уже многократно отмечалось, в правовых нормах.

Речь тем самым идет об одном и том же компоненте МПР, но на разных уровнях объективизации: правила и исключения воплощаются в нормах права, которые в свою очередь фиксируются в соответствующих правовых актах, выступающих в качестве публичных, обозримых, институциональных юридических средств¹.

Вместе с тем нельзя согласиться с К. В. Шундиковым, утверждающим, что понимание нормы права как юридического средства «позволяет законодателю охватить одним лаконичным правилом поведения десятки, сотни и тысячи схожих жизненных ситуаций и отношений, возникающих ежедневно в реальной жизни»².

Подобное заявление, на наш взгляд, есть типичное проявление правового идеализма. Правило как стандарт, образец, модель регулирования общего характера не в состоянии охватить бесконечную палитру

¹ См. об этом, в частности: Карабеков М. М. Правовые акты как средства формирования и реализации правовой политики: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

² Шундиков К. В. Механизм правового регулирования. С. 57.

разнообразных фактических обстоятельств поразительно огромного числа разнородных казусов и участвующих в них субъектов. Сама эталонная природа права («рамы», как его фигурально называл С. С. Алексеев¹) объективно не допускает учета и соответственно упорядочивания жизненных ситуаций, каждая из которых во многом уникальна.

Для минимизации проблем, детерминированных неизбежной шаблонностью правовой регламентации, и необходимы исключения из правил².

Ценность концепции МПР, предложенной С. С. Алексеевым, заключается в том, что она позволяет «...собрать вместе явления правовой действительности, связанные с решением жизненных ситуаций, и обрисовать их как целостность... представить их в работающем, системно воздействующем виде»³.

Исключения и правила, зафиксированные в юридической норме, как раз и обеспечивают разноплановость последней. К. В. Шундиков по данному поводу весьма резонно замечает: «Если рассматривать юридическую норму в качестве правового средства как одного из основных звеньев структуры МПР, то нетрудно заметить, что она не является монолитным образованием, каким-то базовым, первичным регулятивным элементом МПР. Напротив, она представляет собой комплексный юридический феномен, ибо за ней стоит конкретный набор разноплановых юридических средств»⁴. К этим средствам и относятся облеченные в правовую форму правила и исключения.

Если понимать МПР как совокупность юридических средств, то отправными, исходными средствами как раз и выступают правила и

¹ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 247.

² Минимизации, но не преодоления. Даже исключения при поразительной возможности определенной их части конкретизировать аспекты правового регулирования, не в состоянии справиться с эталонной природой права.

³ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. С. 364.

⁴ Шундиков К. В. Механизм правового регулирования. С. 58.

исключения из них. Как уже отмечалось выше, наряду с нормами-правилами существуют (что вполне естественно) и нормы-исключения. Соответственно, если обозначать норму права как юридическое средство, то логично предположить, что юридические средства представляют собой правила и исключения.

Магистральным положением следует признать то, что юридическим средством выступает лишь тот правовой феномен, который находит свое отражение в норме права и фиксируется в НПА. Это крайне важно, ибо реальное существование, фактическое наличие во внешнем мире – неременный атрибут юридического средства, который С. С. Алексеев характеризовал как субинституциональность (институциональность¹). Понятие «субстанциональное», – отмечал С. С. Алексеев, – призвано охарактеризовать само тело, вещество, плоть того или иного явления – то, из чего оно состоит как реальный факт окружающей действительности»².

Тем самым следует еще раз подчеркнуть: средство становится юридическим только после закрепления в норме права, соответственно норма и есть базовое юридическое средство.

В зависимости от того, что фиксирует норма права: правило либо исключение, ограничение либо дозволение, поощрение либо наказание и т.д. – здесь действительно возможно много вариантов – в таком виде и выступает то или иное юридическое средство.

Однако правила и исключения являются особыми юридическими средствами. Они служат в качестве первичных, базовых инструментов, о которых говорит К. В. Шундигов, характеризуя комплексность юридической нормы.

¹ См. об этом: Алексеев С. С. Право – институциональное социальное образование // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. С. 3–10.

² Алексеев С. С. Теория права. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1995. С. 218.

В свою очередь норма права выступает либо как норма-правило, либо как норма-исключение.

Тем самым предлагается следующая конструкция:

- а) юридические средства фиксируются в норме права;
- б) нормы права выражаются в виде правил либо исключений;
- в) все юридические средства (вне зависимости от названия, целеполагания и функциональной принадлежности) представляют собой либо правила, либо исключения.

Например, правовое преимущество относится к юридическим средствам; в то же время, как отмечалось в соответствующем разделе настоящего исследования, посвященном классификации исключений, преимущества выражаются как в правилах, так и в исключениях.

При этом такие преимущества, как льготы, привилегии, иммунитеты, традиционно трактуемые как исключения входят в число юридических средств.

Надо особо отметить, что понимание исключений в качестве исходного элемента юридического средства вовсе не умаляет их значения. Оценка исключений в качестве «строительного материала», из которого складывается определенное средство, не означает отсутствие самостоятельности данного феномена.

На наш взгляд, уникальность исключения как раз и заключается в том, что, с одной стороны, из исключений и формируются те или иные юридические средства; с другой – исключение объективируется как автономное средство, занимающее собственное место в МПР.

Более того, базовый характер исключения обуславливает его доминирование: исключение является отдельным юридическим средством, а средства, которые образовались на основе исключений, выступают в качестве специфических их разновидностей.

Восприятие исключений как средств-инструментов, фиксированных в норме права и выражающихся в нормативном акте, более чем обоснованно.

В свою очередь возможность существования исключений в виде (пользуясь терминологией А. В. Малько и К. В. Шундикова) средств правореализации вызывает некоторые сомнения.

Конечно, следует согласиться с тем, что именно данные средства выступают работающими частями действия права и именно они приводят к достижению значимых результатов¹.

Консолидируясь с мнением о том, что в триаде «средство – цель – результат» обязательно должен присутствовать акт правореализации, стоит лишний раз подчеркнуть: *данный акт связан с использованием предоставленных в законодательстве инструментов*. При проекции этого тезиса на исключения напрашивается неизбежный вывод: средством-исключением выступает нормативный акт, в котором фиксируется норма, содержащая исключение.

Например, постановлением Городищенского районного суда Пензенской области от 11 февраля 2013 г. б/н признано законным проведение следователем Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области К. обыска без судебного решения в жилище гр. М в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 111 УК РФ². В ходе судебного заседания суд согласился с доводами следствия, заключающимися в том, что: обыск проводился как неотложное следственное действие по уголовному делу о расследовании особо тяжкого преступления; необходимость его производства возникла в выходной день, в сельском населенном пункте, значительно удаленном от места нахождения суда; существовала реальная возможность невозможной утраты предметов и вещей, имеющих значение для уголовного дела и возможность гр. М. скрыться от органов следствия. Тем самым суд посчитал действия следователя К. соответствующими ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

¹ См.: Малько А. В., Шундикова К. В. Указ. соч. С. 81.

² См.: Архив Городищенского районного суда Пензенской области.

Приведенный пример позволяет утверждать, что средством-исключением служит не правоприменительный акт (постановление следователя) и даже не акт судебной власти (выполняющий, скорее, функцию судебного контроля), а нормативный акт (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), точнее, содержащаяся в нем норма, фиксирующая правомочие следователя в исключительных случаях проводить обыск без санкции суда.

Само по себе постановление следователя К.¹ исключением не является. Это классический правоприменительный акт, издание которого допустимо только потому, что существует исключение, закрепленное в соответствующем нормативном акте. Это нормативно объективированное исключение и есть средство инструментального характера, позволяющее, в частности, неотложно проводить обыск, обеспечивая цели расследования и добиваясь социально полезного результата в виде торжества законности и правопорядка.

Сказанное вовсе не умаляет значения актов правореализации в МПР. Действительно, бессмысленно спорить о том, что не будь постановления следователя, не был бы проведен (по крайней мере законно) своевременный обыск и расследование уголовного дела было бы затруднено.

Речь идет не об отрицании средств правореализации, а о расстановке приоритетов вообще, и по отношению к тому, что может считаться средством-исключением, в частности. Очевидно, что доминирующее значение имеют средства-инструменты, поскольку обладают нормативным характером.

При этом исключениями могут быть только средства-инструменты, поскольку именно они устанавливают исключительные положения. Средства правореализации выступают не более чем средствами реализации (чаще всего применения) исключений.

¹ См.: Постановление от 10 февраля 2013 г. // Архив Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области. Уголовное дело № 12110180.

По нашему мнению, признавая значение средств правореализации, не стоит все же гиперболизировать их роль.

Правоприменительные средства не могут и не должны создавать ни правил, ни, тем более, исключений из них. Их миссия, и она представляется чрезвычайно важной, – практическое внедрение в жизнь нормативных установок.

Не стоит также преувеличивать конкретизирующий потенциал средств правореализации. Безусловно, они имеют индивидуально определенный характер, но, по крайней мере в «привязке» к исключениям, их казуальность непосредственно обуславливается исключительными предписаниями.

Так, проанализированное выше постановление следователя Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области является предельно конкретным. Однако эта конкретика генерирована более чем абстрактным понятием: «исключительный случай»¹. Фиксация данного термина не только квалифицирует норму как исключение, но и легальным образом предоставляет следователю возможность усмотреть в той или иной ситуации исключительность случая и применить соответственно ч. 5 ст. 165 УПК РФ².

Тем самым феноменальная способность исключений сочетать абстрактное и конкретное естественным образом отражается и на средствах их реализации.

Аналогичным образом обнаруживается распространение еще одного свойства исключений: обусловленность их появления наличием правил.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67 ; Его же. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Правоведение. 2011. № 1. С. 71–83 ; Его же. Проблемы фиксации исключений из правил в текстах нормативно-правовых актов // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 22–32.

² См. об этом также: Осипов А. В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства // Известия Алтайского государственного университета. 2012. Т. 2, № 2 (74). С. 124–128.

Как уже отмечалось, постановление о производстве обыска без санкции суда есть обычный правоприменительный акт. Однако обычность здесь не обозначает обыденности.

Очевидным является то, что в общем массиве постановлений должны преобладать те, которые изданы на основе правил, а не исключений. В противном случае само правило о необходимости получения санкции суда теряет смысл, деградирует, что, в свою очередь, приведет к дисбалансу как в законодательстве, так и правоприменительной практике, к созданию условий для произвола и умаления роли судебной власти.

Превалирование в количественном аспекте правил над исключениями¹ детерминировано редкостью их реализации.

Средства-исключения должны действительно оставаться исключением; их использование допустимо лишь тогда, когда исчерпан потенциал правил и единственно возможным способом достижения цели является применение такого средства, как исключение. Предельно четко об этом сказано в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ: *«В исключительных случаях, как единственно возможное в конкретных условиях с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности, заключение под стражу может быть применено в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести»*² (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

При этом даже среди исключений существуют такие экстраординарные средства, само наличие которых (не говоря уже о применении) обуславливает постановку вопроса о необходимости существования исключений, ибо к правилам их отнести никак нельзя. В частности,

¹ Парность правил и исключений основана на количественном преобладании правил. Если исключений будет больше, чем правил, то это нарушит баланс правового регулирования и исказит сам смысл категории «исключение» (См. об этом также: Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // *Философия права*. 2010. № 6. С. 60–64).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // *Российская газета*. 2013. 27 декабря.

абсолютно правы А. В. Малько и К. В. Шундиков, когда при классификации средств права по значимости последствий, подразделяют их на обычные и исключительные (смертная казнь)¹.

Редкость (пропорционально правилам) реализации исключений в МПР не обозначает отнесения их к так называемым неосновным (вспомогательным) юридическим средствам.

Исключения не обслуживают правила, а выступают в качестве самостоятельного юридического средства, обладающего специфической природой, особенностями реализации, направленности на достижение тех целей, которые могут быть достигнуты только при использовании данного средства. Например, только за счет исключений могла быть реализована инициатива одного из высших должностных лиц российского государства относительно налоговых вычетов.

В частности, В. В. Путин на открытии X съезда партии «Единая Россия», предложив увеличить размер налогового вычета для граждан, приобретающих или строящих жилье, специально подчеркнул следующее: «В порядке исключения – имею в виду важность этой меры сегодня – считаю возможным придать этой мере обратную силу: то есть, начать ее действие с 1 января 2008 года. Это означает, что для тех, кто купил или построил жилье после этой даты – подоходный налог должен быть пересчитан. А уплаченные деньги – возвращены гражданам из бюджета»². Надо особо отметить, что эти предложения – о налоговых исключениях – получили свое законодательное выражение в поправках в Налоговый кодекс РФ.

Базовый характер исключений подтверждается не только тем, что они наряду с правилами являются первичными элементами, из которых собственно и состоят все юридические средства, но и своеобразием дихотомии правило-исключение.

¹ См.: Малько А. В., Шундиков К. В. Указ. соч. С. 93.

² URL: <http://www.edinros.ru> (дата обращения: 23.02.2014).

Детерминированность исключения правилом не обозначает подчинения и поглощения последним исключения. Наоборот, как уже отмечалось выше¹, исключения превосходят правила в случае возникновения их конкуренции. Подобное объясняется точно подмеченной И. Н. Сенякиным закономерностью, согласно которой специальные нормы (в частности, исключения) имеют преимущество перед общими².

Доминирование исключения над правилом при урегулировании того или иного казуса обуславливает появление так называемого режима исключений.

Режим исключений полностью отвечает критериям, характерным для всех правовых режимов.

Кратко резюмируя, можно отметить, что: исключения закрепляются в праве; посредством исключений специфическим образом регламентируется определенная сфера общественных отношений; исключения представляют собой особые юридические средства, исходящие от правил, но при этом настроенные на создание альтернативного правилам вариантов регулирования; исключения направлены на расширение либо секвестирование юридически значимых возможностей.

Функциональная направленность исключений выступает главным резонансом выделять режим исключений в качестве автономной разновидности правовых режимов (и тем самым доказывать, что исключения необходимо воспринимать как генеральные, а не вспомогательные правовые средства).

Так, Г. С. Беляева краеугольным камнем классификации правовых режимов считает их подразделение на режимы, основанные на преимуществах и режимы, основанные на ограничениях³.

¹ См. об этом также: Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // *Философия права*. 2010. № 6. С. 60–64.

² См.: Сенякин И. Н. *Федерализм как принцип российского законодательства*. Саратов, 2007. С. 57–60.

³ См.: Беляева Г. С. *Правовой режим: общетеоретическое исследование* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2013.

Верная по сути позиция нуждается лишь в той корректировке, что преимущества – лишь часть дозволений; поэтому точнее было бы проводить стратификацию правовых режимов как режимов, основанных на дозволениях и ограничениях.

В свою очередь, и на это многократно обращалось внимание, исключения олицетворяют собой либо дозволения, либо ограничения. Соответственно и магистральными функциями исключений (разумеется, с учетом их своеобразия) является увеличение (за счет дозволения) либо уменьшение (посредством ограничения) объема правомочий.

Вместе с тем выделение режима исключений в качестве особого вида правовых режимов требует каких-либо отличительных характеристик.

По данному поводу С. С. Алексеев писал следующее: «Хотелось бы в дискуссионном порядке поставить на обсуждение еще один вопрос, касающийся правовых режимов... Речь в данном случае идет о том, что может быть названо режимом исключения. Это технико-юридический режим, имеющий своего рода сквозное значение (т.е. действующий во многих других правовых явлениях), образует неотъемлемую часть и ОбД-порядка и РР-порядка»¹.

Тем самым режиму исключений присуща всеобщность, наличие которой объясняется всеобщностью самих исключений, детерминирующей их появление в праве. Всеобщность («сквозное значение», по терминологии С. С. Алексеева) выражается в фигурировании режима исключений абсолютно во всех отраслях права и, более того, внедрении их в иные правовые режимы.

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989. С. 201–202.

Всеобщность обуславливает и разноплановость¹ анализируемого режима, отражающуюся как в многогранности сфер реализации исключений², так и в понимании материального воплощения исключений³.

Еще одним свойством режима исключений служит качественно иной уровень нормативности, достигаемый за счет комбинирования абстрактного и казуального, свойственного природе исключений. В данной связи, анализируя режим исключений, С. С. Алексеев вполне обоснованно отмечал следующее: «Именно он с социальной стороны обеспечивает высокий уровень нормативности и вместе с тем учет своеобразных жизненных ситуаций»⁴.

Следовательно, режим исключений, основанный на реализации средств-исключений, – режим, характерный для права в целом, обеспечивающий в результате сочетания абстрактного и конкретного, максимально полное и эффективное регулирование общественных отношений.

На наш взгляд, феномен «правовой режим исключений» в силу несомненной теоретической и практической значимости заслуживает в перспективе отдельного научного исследования⁵.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить следующее.

¹ См. об этом: Корсакова С. В. Правовые исключения в муниципальном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1. С. 206–207 ; Голоскоков Л. В. Проблема исключений в контексте информационной модернизации права // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1. С. 207–208.

² См. об этом: Филатова А. В. Исключения в праве, ограничивающие права граждан при рассмотрении обращений // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1. С. 203–204 ; Романовская О. В. Исключения при определении срока стажировки для соискателя должности нотариуса // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1. С. 210–211; Романовский Г. Б. Исключения в праве женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1. С. 212–213.

³ См. об этом: Павлушина А. А., Гавриленко И. В. Электронный документ: правило или исключение? // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1. С. 209–210.

⁴ Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 202.

⁵ См., в частности: Афзалетдинова Г. Х. Исключительные режимы в российском праве : автореф. ... канд юрид. наук. М., 2016.

Во-первых, исключения входят в инструментальный компонент социальной сферы. Для регламентирования многочисленных и разнообразных связей между субъектами, удовлетворения их интересов социум нуждается не только в правилах, но и исключениях из них. Средства-исключения концентрируют в себе отличительные признаки исключений, что придает этому инструментарию специфический характер.

Во-вторых, юридические средства-исключения фиксируются в нормах права, что позволяет включать их в МПР. Нормы права представляют собой правила либо исключения, что обуславливает дуалистическую роль последних в МПР: с одной стороны, исключения (наряду с правилами) являются первичным, базовым компонентом, из которого складываются все юридические средства; с другой – исключения выступают в качестве автономной группы юридических средств.

В-третьих, исключения существуют только как средства-инструменты, т.е. при закреплении их в нормативном акте. В этом и проявляется нормативный характер средств-исключений, обуславливающий невозможность их создания на уровне реализации или толкования права.

В-четвертых, средства-исключения предназначены для обеспечения тех процессов и разрешения таких целей, которые могут быть достигнуты только за счет исключений как уникального юридического средства.

В-пятых, средства-исключения относятся к основным юридическим средствам, о чем свидетельствует, в частности, устойчиво сложившийся и реально функционирующий режим исключений.

Таким образом, исключение – основное юридическое средство инструментального характера, аккумулирующее в себе качества исключений и потому являющееся единственно возможным способом достижения определенных целей, детерминирующее наличие особого правового режима.

Глава 3. Исключения как прием юридической техники

Юридическая техника – понятие, неизменно вызывающее интерес у представителей юридической науки¹.

Традиционно юридическая техника воспринимается как совокупность правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учета².

Тем самым объектом воздействия юридической техники выступает правовой акт. Зависимость от вида последнего обуславливает основной критерий стратификации юридической техники на правотворческую, правоприменительную, правоинтерпретационную.

В контексте настоящего исследования вызывает интерес уже упомянутая выше непосредственная взаимосвязь юридической техники, в особенности такой ее разновидности, как правотворческая техника, и исключений в праве.

Здесь, прежде всего, вызывает удивление критическое замечание И. А. Муравьева по поводу того, технико-юридический аспект исключений остается не рассмотренным³.

Следует отметить, что об использовании исключений как элемента юридической техники упоминал еще Р. фон Иеринг⁴.

¹ Подробный и познавательный анализ генезиса теоретических представлений о юридической технике, основные научные подходы и дискуссии относительно ее определения, состава, критериев классификации проводит М. Л. Давыдова (См., в частности: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009).

² См.: Черданцев А. Ф. Юридические документы и юридическая техника // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 792.

³ См.: Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 3.

⁴ См. об этом: Рудольф фон Иеринг: Юридическая техника / сост. А. М. Поляков. М., 2008. С. 44–46.

Р. Давид, сравнивая правовые системы Англии и Франции, пишет о технике исключений буквально следующее: «Это основной технический прием английского права. Формирование английского юриста заключается в овладении данной техникой с тем, чтобы узнать все возможности, а также пределы ее использования»¹.

Пристальное внимание исключениям как технико-юридическому явлению уделил С. С. Алексеев. Так, рассуждая о социальной природе общих дозволений и запретов, ученый отмечает два пути их возникновения. «Первый путь, – указывает автор, – и он действительно исторически первый, в сущности единственный – не идет дальше юридической техники. Это придание известным установлениям характера «общих» в результате введения исключений из общего правила... Когда, например, в § 251 Законов Хаммурапи ответственность за причинение вреда быком обставлялась рядом условий (об опасности должен заявить сосед; хозяин не притупил рога), то это свидетельствует о вызревании известного общего начала, из которого делаются исключения в случаях, если не соблюдены условия. Более отчетливо рассматриваемый путь формирования ОбД и ОбЗ можно проследить в римском частном праве, хотя юридически и развитой правовой системе, но все же не отличавшейся богатством ОбД и ОбЗ. Так, в римском праве был введен запрет играть на деньги, однако впоследствии из этого правила были сделаны исключения (для состязаний в метании копья или дротика, состязаний в беге, борьбе, кулачном бою и т.д.), что придало запрету общий характер. Отличительной чертой рассматриваемого пути, имеющего технико-юридический характер, является то, что здесь сразу же в нормах действующего права

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 266–267.

складывается логическая модель соответствующего типа правового регулирования»¹.

На наш взгляд, интересным здесь представляется то, что наличие правила определяется посредством констатации исключений из него.

Иным путем, предлагаемым С. С. Алексеевым, служит проникновение в право общих регулятивных положений, сразу же выступающих в виде общих начал – ОбД и ОбЗ, из требований которых затем могут быть сделаны исключения². Однако и подобное, более традиционное и социализированное направление появления в праве ОбД и ОбЗ, не отвергает технико-юридического содержания в связке «правило – исключение»³.

Т. В. Кашанина однозначно включает исключения в арсенал юридической техники. «Исключения – это прием правотворческой техники, который позволяет изменить общее правило поведения, не соблюдать то, о чем гласит закон, какое-либо правило, соглашение, в особых или специальных целях или интересах»⁴.

В целом разделяя высказанную точку зрения, нельзя согласиться с синонимичностью закона и правила.

Закон, как впрочем и любой иной нормативный акт, содержит правовые нормы; последние всегда устанавливают единые правила, а также в некоторых случаях закрепляют возможность исключений из них.

В связи с этим представляется некорректным использование относительно исключений выражения «исключения позволяют не соблюдать то, о чем гласит закон». Напротив, именно присутствие исключений

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 206–207.

² Там же. С. 207.

³ См. об этом: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 207–208.

⁴ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 192.

(естественно в сочетании с правилами) обеспечивает надлежащую реализацию закона на практике.

Вместе с тем, по нашему мнению, в приведенной выше цитате Т. В. Кашаниной краеугольным камнем является мысль о том, что исключения – прием правотворческой техники.

Здесь хотелось бы подчеркнуть следующие моменты: а) исключение рассматривается как технический прием; б) данный прием находит свое выражение в сфере правотворчества.

Уточнение о том, что исключение – это прием правотворческой техники более, чем верен, ибо позволяет не только определить место исключений в арсенале юридической техники, но и проследить генезис исключений и специфику их воздействия на правило.

В такой ситуации уместен следующий алгоритм:

1) исключение возникает за счет правотворчества – в процессе правотворчества создаются нормы, в которых, при необходимости, закрепляются исключения;

2) посредством исключения субъект правотворчества санкционирует изъятие из правила либо дополнение в правило (иногда – совокупность изъятий и дополнений);

3) результат применения приема исключения в правотворчестве – появление альтернативной правилу разновидности регулирования, выраженной в нормативном правовом акте¹.

В свою очередь вопрос о том, можно ли определять исключение именно как прием юридической техники, является сложным и неоднозначным. Ответ на него следует давать, исходя из онтологии самого

¹ См. об этом также: Суменков С. Ю. Исключения из правил как прием правотворческой техники // Правотворческая политика в современной России : сб. науч. тр. по материалам Всероссийского круглого стола / под общ. ред. А. В. Малько, Н. В. Исакова, А. П. Мазуренко. Саратов – Минеральные Воды, 2009. С. 318–324.

понятия «юридическая техника», а точнее – через призму составляющих ее элементов.

По данной проблематике в науке не сложилось единого мнения¹. Оптимальную, на наш взгляд, совокупность компонентов юридической техники предлагает С. С. Алексеев², включающий в нее следующие обусловленные структурные единицы: средства юридической техники – инструментарий юридического выражения и внешнего изложения воли законодателя (в первую очередь нормативное и системное построение, юридические конструкции, отраслевая типизация, терминология, стилистика и т.д.); технико-юридические приемы – способы рационального использования указанных средств (различные приемы изложения правовых норм, система отсылок и т.п.); правила юридической техники – разработанные наукой нормы, определяющие пути целесообразного использования технических средств и приемов (например, правила подготовки и оформления правовых актов)³.

Достоинством данной концепции служит четкость, логичность и иерархичность расположения элементов, где каждый следующий уровень опирается в своем развитии на предыдущий.

¹ Так, Л. Д. Воеводин называет в качестве компонентов юридической техники средства, способы, приемы, методы (Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1997. С. 3); В. Н. Карташов – только средства (Карташов В. Н. Правосистематизирующая технология (краткий очерк) // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): к 175-летию свода законов Российской империи : материалы международного круглого стола / под ред. В. М. Баранова, В. Г. Графского, С. В. Кодана. Н. Новгород, 2008. С. 284–294); А. С. Пиголкин – правила и приемы (Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968); А. Ф. Черданцев – правила, приемы, способы (Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 366); И. Д. Шутак – приемы и способы (С. 8).

² С. С. Алексеев дает следующую дефиницию юридической техники: совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства (Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 266).

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 267–271.

С. С. Алексеев рассматривал исключения как «особый технико-юридический прием конструирования нормативных положений, состоящий в формулировании абстрактного правила с «исключениями»»¹.

Оценка исключения в качестве приема юридической техники не умаляет роли данного феномена.

В частности, С. С. Алексеев указывает применительно к исключениям следующее: «Здесь лишь нужно заметить, что использование технико-юридических приемов в праве – не только чисто «техническое» (момент, который, как думается, ускользает из поля зрения авторов, исследующих юридическую технику). Активное использование, например, технико-юридического приема, усиливающего нормативность права², возвышает его собственную социальную ценность как нормативного регулятора, что уже имеет немалое социальное значение»³.

В данном контексте весьма интересное замечание в отношении исключений делает Т. В. Кашанина: «Это правотворческий прием, хотя и носит технический характер, все же затрагивает содержание права»⁴.

На наш взгляд, некоторые из исключений действительно обладают абсолютной технической направленностью. Например, в Инструкции о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы РФ⁵ детально закрепляется последовательность написания месячного Отчета об исполнении бюджета главного распорядителя, распорядителя, получателя бюджетных средств, главного администратора, администратора источников

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 239.

² Именно такую роль ученый отводит исключениям как технико-юридическому приему (см.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 241).

³ Там же.

⁴ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 192.

⁵ Инструкция о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (утв. Приказом Минфина РФ от 28 декабря 2010 г. № 191н // Российская газета. 2011. 5 марта).

финансирования дефицита бюджета, главного администратора, администратора доходов бюджета (ф. 0503127)¹.

Так, п. 63 названной Инструкции гласит: «В разделе «Доходы бюджета» администратором доходов бюджета ежемесячно (за исключением отчетов по состоянию на 1 апреля, 1 июля, 1 октября, 1 января года, следующего за отчетным) отражаются данные по кассовым поступлениям, исполненные через счета, открытые в кредитных организациях, а также средства в пути – графа 6; по некассовым операциям – графа 7; итого исполнено – графа 8 (сумма граф 6, 7). Графа 5 не заполняется»² (выделено нами. – С.С.).

Аналогичные исключения установлены при заполнении разделов «Расходы бюджета» и «Источники финансирования дефицита бюджета» (п. 64 и 65 соответственно).

Подобные исключения носят, конечно, прикладной характер, проецируясь на технику составления индивидуального правового акта, что, безусловно, доказывает обоснованность и целесообразность существования такого рода исключений.

Здесь хотелось бы временно перенести рассмотрение проблемы в несколько иную плоскость. По нашему мнению, значение исключений именно как приема юридической техники проявляется также в том, что при регламентировании сугубо технических (в прямом смысле этого слова) аспектов, использование исключений способствует их надлежащему правовому опосредованию. Например, Приказ Минкультуры РФ от 11 июля 2014 г. № 1215³ учреждает Порядок классификации объектов туристской индустрии. Пункт 35 настоящего Порядка различает горнолыжные трассы по следующим категориям: «зеленая» – для начинающих; «синяя» – низкой

¹ Там же.

² В данном случае имеются в виду графы, предусмотренные ф. 0503127.

³ Приказ Минкультуры РФ от 11 июля 2014 г. № 1215 «Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями» // Российская газета. 2015. 6 февраля.

степени сложности; «красная» – среднего уровня сложности; «черная» – высокого уровня сложности.

В свою очередь Приложение 19 к вышеуказанному Порядку содержит Требования для горнолыжных трасс, среди которых первым разделом идет Сложность трассы и доступ к горному участку. В числе параметров определения уровня трассы присутствует такой показатель, как «опасный участок».

При отнесении трассы к той ли иной категории сложности по поводу наличия на ней опасных участков установлено следующее: «Зеленая – Не допускаются; Синяя – Следует избегать; Красная – **Допускаются в порядке исключения**. Их следует обязательно обезопасить; Черная – Следует избегать наклон свыше 60 %, резкие боковые наклоны, при этом их необходимо обязательно обезопасить» (выделено нами. – С.С.).

Таким образом, исключения применяются при юридическом оформлении чисто технических аспектов – ведь опасный участок (существование которого на «красной» горнолыжной трассе допускается как исключение) – это технический критерий, применяющийся наряду с другими (в частности, рельеф ландшафта, угол наклона трассы, ширина трассы, профиль участка, снежный покров и др.) при установлении степени сложности трассы. Возвращаясь к вопросу использования исключений как технического приема создания правового акта, надо отметить, что реализация подобного приема – не редкость для российского правотворчества¹.

¹ См., например: согласно ч. 3 ст. 4 ФЗ РФ от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (СЗ РФ. 2010. № 49, ст. 6423: «Религиозная организация, которой государственное или муниципальное имущество религиозного назначения передано в безвозмездное пользование, вправе получить его в собственность, **за исключением имущества, указанного в пунктах 1 и 3 части 2 настоящей статьи**, в установленном настоящим Федеральным законом порядке при представлении в уполномоченный орган документов, предусмотренных перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

Такие исключения следует относить к приемам, необходимым для словесно-документального изложения содержания акта¹. Данная группа исключений касается только внешней формы – правового акта как документа, что, конечно, затрудняет констатацию какого-либо самостоятельного содержательного значения анализируемых исключений. Этим может быть объяснен и тот факт, что субъект правотворчества предпочитает обозначать их в доминанте своей термином «за исключением», употребляемым, как было сказано выше, когда в тексте нормы, закрепляющей правило, точно указывается, что следует считать исключением из него².

Иную группу приемов составляют те, которые способствуют юридическому выражению воли законодателя, затрагивают содержание правовых (нормативных) актов как явлений юридического порядка³.

Подавляющее число исключений входит именно в эту разновидность технических приемов, что и позволяет рассматривать исключения в однопорядковом ряду с такими приемами правотворческой техники, как запрет, дозволение, обязывание, принцип, дефиниция, конструкция, презумпция, фикция, аксиома⁴.

На наш взгляд, подобная роль исключений в большей степени проявляется при использовании таких нормативно-правовых терминов, как «исключительный случай», «в виде исключения», «в порядке исключения», отчасти – «за исключением случаев (-ая)».

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 272.

² См. об этом: Суменков С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки // Проблемы права. 2011. № 1. С. 133–136.

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 272.

⁴ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. С. 166–194.

В то же время было бы неправильным утверждать, что словосочетание «за исключением» применимо лишь для обозначения компонентов правовых предписаний, не влияющих на содержание последних¹.

Тем самым применение лексического оборота «за исключением» в качестве нормативно-правового термина, непосредственно влияющего на изложение воли законодателя, более чем оправданно. В свою очередь идентичность фонетического звучания рассматриваемого выражения² объяснимо тем, что «...юридическое выражение воплощенной в акте воли неизбежно находит известное внешнее изложение в тех или иных особенностях словесно-документальной формы. Следовательно, то, что относится к юридическому выражению воли, имеет «двойное» бытие: существуя как самостоятельная разновидность правовой реальности, оно проявляется и во внешней форме»³.

К тому же и те исключения, которые используются, казалось бы, только как сугубо технические приемы при создании правовых актов, обладают тем же свойством, что и приемы-исключения, носящие содержательный характер, – способностью легитимировать выход из-под требований общего правила.

¹ В качестве примеров, доказывающих обратное, см., в частности: ч. 9 ст. 14 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036); п. 16 Указа Президента РФ 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» (СЗ РФ. 2011. № 22, ст. 3154); пп. «е» п. 7 Правил выдачи органами опеки и попечительства разрешений на выезд из Российской Федерации для отдыха и (или) оздоровления несовершеннолетних граждан Российской Федерации, оставшихся без попечения родителей и находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существенные условия договора об организации отдыха и (или) оздоровления таких несовершеннолетних граждан Российской Федерации, а также требования к юридическим лицам, выразившим намерения заключить указанный договор» (утв. Постановлением Правительства РФ от 6 апреля 2011 г. № 249 «Об организации выезда из Российской Федерации для отдыха и (или) оздоровления несовершеннолетних граждан Российской Федерации, оставшихся без попечения родителей и находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2128).

² Равно как и иных словесных формулировок, обозначающих технико-юридический прием «исключение из правил», но выполняющих разную функциональную нагрузку в процессе правотворчества.

³ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 272.

Например, Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 04 октября 2011 г. № 1129н устанавливает в п. 1, что «стоимость одного дня пребывания в санаторно-курортных учреждениях с 1 января 2012 г.: для граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг (за исключением граждан, указанных в абзаце третьем настоящего пункта), а также лиц, сопровождающих граждан, имеющих инвалидность I группы, и детей-инвалидов в размере, не превышающем 879,3 рубля»¹.

Исключение, содержащееся в абз. 3 п. 1 указанного Приказа и связанное с увеличением размера государственной социальной помощи до 1375,5 руб., сделано для инвалидов, в том числе детей-инвалидов с заболеваниями и травмами спинного мозга.

Дуализм анализируемого исключения состоит в том, что, с одной стороны, оно выполняет чисто техническую роль, позволяя субъекту правотворчества при издании акта выделить отдельным абзацем специфическое положение, не укладывающееся в рамки обобщенной формулировки.

С другой стороны, этот прием непосредственно отражает сущность и предназначение исключения – санкционированное изъятие из типовых правил либо дополнение к ним. Так, в приведенном примере посредством применения приема исключения для определенной категории граждан устанавливается отличная от стандартной стоимость одного дня пребывания в санаторно-курортных учреждениях.

Единство различных сторон исключения в технико-юридическом контексте более чем очевидно, что позволяет солидаризироваться с позицией С. С. Алексеева об очевидной взаимосвязи указанных аспектов. «Технико-юридические приемы, – подчеркивает ученый, – относящиеся к обеим

¹ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 04 октября 2011 г. № 1129н «О стоимости одного дня пребывания в санаторно-курортных учреждениях граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, в 2012 году» // Российская газета. 2011. 21 окт.

разновидностям юридической техники – и приемы юридического выражения и приемы внешнего изложения воли законодателя – во многом совпадают: все они связаны с терминологией, так или иначе затрагивают внешнюю документальную форму нормативного акта, его текст и в то же время нередко касаются нормативного построения воли законодателя, юридических конструкций, системного изложения правовых предписаний»¹.

Таким образом, восприятие исключения как приема юридической техники не снижает значения исключения и не дает возможности утверждать об отсутствии у исключений самостоятельной регулятивной направленности.

На наш взгляд, трактовка исключения как приема, а не как средства юридической техники, весьма выверена и в плане оценки потенциала исключения более чем правильна.

По поводу соотношения понятий «средство» и «прием» юридической техники весьма оригинальную концепцию выдвигает М. Л. Давыдова, по мнению которой различия между средством и приемом существуют лишь теоретически; условность их размежевания становится понятна при ознакомлении с практическими примерами².

На этом основании делается вывод о полной тождественности средства и приема юридической техники, называемых специфическими инструментами профессиональной юридической деятельности, обеспечивающими достижение ее целей³.

Подобная позиция, даже помимо расплывчатости дефиниции средства (приема) юридической техники, не может не вызвать критических замечаний,

Здесь возникает целый ряд вопросов, главный из которых: как может один из синонимичных терминов «прием» (пользуясь терминологией

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 280.

² См. об этом: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 110–111.

³ Там же. С. 111.

М.Л. Давыдовой относительно приемов и средств¹⁾ понятие, которое обозначается термином-синонимом?

В данном случае либо нет никакого «принижения», либо термины отражают разные понятия и синонимами не выступают.

Соответственно, не понятна и последняя цитируемая фраза о том, что термин «прием» вполне подходит для обозначения большинства средств юридической техники.

Как думается, разногласия вполне обоснованно могут возникать по поводу того, что считать средством либо приемом юридической техники; однако утверждать о том, что одно понятие может подменять другое, причем при «предпочтительности» последнего, – недопустимо.

На наш взгляд, приведенный М. Л. Давыдовой пример, связанный с практической реализацией презумпций, фикций, аксиом, лишний раз подтверждает точность и необходимость разделения средств и приемов юридической техники, а не, наоборот, их отождествление.

Подобный вывод можно сделать, проецируя вышесказанное и относительно исключений.

Исключения – прием, находящийся в арсенале юридической техники. «В чем же суть и значение упомянутого технико-юридического приема? – Задается вопросом С. С. Алексеев и сам же на него отвечает: – А в том, что оказывается возможным ввести в право законодательное обобщение высокого уровня, когда не все факты охватываются обобщающей формулой»²⁾.

Например, абз. 2 п. 10 Положения о Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам кадровой политики в правоохранительных органах гласит: «В исключительных случаях по решению председателя Комиссии лица, претендующие на замещение высших должностей в правоохранительных органах, и лица, замещающие высшие

¹⁾ Там же. С. 111.

²⁾ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 239.

должности в правоохранительных органах, могут приглашаться на заседания Комиссии»¹.

Здесь надо признать, что в данной ситуации потенциально немыслимо перечислить абсолютно все вероятные случаи вызова обозначенных субъектов на заседания комиссии. Именно поэтому Президент РФ, издавший Указ от 29 июля 2011 г № 1038, воспользовался таким приемом, как исключение из правила².

Соответственно, исключение позволяет избежать опасного неизбежной пробельностью казуистического способа изложения материала.

Исключение стоит характеризовать как абстрактный (обобщающий) прием формулирования юридических норм. Значение исключения, оцениваемого в качестве необходимой абстракции, состоит в том, что «с его помощью оказывается возможным достигнуть высокой степени нормативных обобщений и тем самым усилить свойственную праву нормативность, следовательно, усилить функции и роль права как нормативного регулятора»³.

В то же время нельзя отрицать казуистичность некоторых исключений, позволяющую учитывать фактические обстоятельства в процессе создания юридической нормы⁴.

Казуистичность подобных норм вполне понятна, равно как и очевидна практическая целесообразность их принятия, а соответственно, и

¹ Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 29 июля 2011 г. № 1038 // СЗ РФ. 2011. № 31, ст. 4713).

² О том, что абз. 2 п. 10 рассматриваемого Положения выступает в качестве исключения, свидетельствует, в свою очередь, абз. 1 анализируемого пункта, согласно которому «кадровые вопросы в отношении лиц, претендующих на замещение высших должностей в правоохранительных органах, и лиц, замещающих высшие должности в правоохранительных органах, рассматриваются Комиссией, как правило, без их личного присутствия».

³ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 241.

⁴ См., например: п. 13.1 ст. 15 ФЗ от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6071).

актуальность в настоящих условиях казуистичного приема изложения нормативного материала. В связи с этим О. Э. Лейст верно отмечал: «При всех преимуществах абстрактных формулировок правовых норм, позволяющих охватить ряд существенных сторон отношений, явлений, действий... казуистические нормы были и остаются неизбежной и необходимой частью каждой правовой системы»¹.

Таким образом, исключения, в особенности выражаемые в таких нормативно-правовых терминах, как «за исключением», «за исключением случаев (случая)», подразумевают собой казуистический прием юридической техники.

Соответственно исключения необходимы в правотворчестве потому, что с их помощью можно добиваться как максимально абстрактных обобщений, так и предельно конкретизировать фактические реалии, обладающие к тому же атипичными качествами.

Более того, уникальность исключений состоит в том, что они позволяют синтезировать абстрактное и конкретное в правовом урегулировании общественных отношений.

Использование исключений делает возможным совмещение абстрактного и казуистического приемов формулирования правовой нормы в одном структурном элементе нормативного акта.

При этом подобное сочетание не носит механического характера, а позволяет гармонично использовать требуемую абстракцию с необходимой конкретностью.

В качестве примера можно привести ст. 20 ФЗ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»², конструкция данной статьи вызывает несомненный интерес, потому что в ней за счет использования терминов «за исключением» и «исключительный случай» удается достичь как предельно

¹ Лейст О.Э. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 96.

² СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

широких обобщений (п. 5 ч. 1 ст. 20 ФЗ от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ), так и детально установить конкретные исключения из общих правил (п. 1–4 ч. 1 анализируемой статьи).

Таким образом, благодаря существованию исключения как технико-юридического приема разрешается одна из многочисленных проблем юриспруденции. «К ним относится, – писал по данному поводу О. Э. Лейст, – прежде всего противоречие между абстрактностью отдельных предписаний закона, лаконично определяющего основные принципы правового регулирования определенной сферы общественной жизни, и конкретностью этой сферы, многообразием и индивидуальной неповторимостью составляющих ее жизненных ситуаций и отношений. <...> Нерешенность этого противоречия делает закон практически неосуществимым (при чрезмерной абстракции содержащихся в нем положений) либо ограничивает сферу его действия (при чересчур детальном, дробном регулировании соответствующих отношений подзаконными актами), либо может даже вести к искажению целей и смысла закона (при подмене закона лавиной ведомственных инструкций, противоречащих замыслу законодателя)»¹.

Тем самым исключения – важнейший прием юридической техники, влияющий как на формальную, так и содержательную сторону права.

Исключение, выступая как прием юридической техники, наглядно демонстрирует, как, каким образом конструируется нормативный материал в правовых актах – путем создания абстрактных формулировок либо благодаря казуистическим указаниям на строго определенные факты, обстоятельства, ситуации, статусы, либо путем синтезирования абстрактного и конкретного.

Благодаря исключениям удастся минимизировать и даже обратить на пользу отрицательные свойства правового абстрагирования и казуистичности. Именно поэтому компетентный субъект активно использует названный прием в правотворческом процессе.

¹ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. С. 90.

Исключения оптимизируют изложение правовых велений в тексте нормативного акта, что способствует повышению качества последнего, более полной и четкой реализации на практике целей и задач отдельного нормативного акта, а значит, и улучшению регламентирования правом общественных отношений.

По нашему мнению, следует признать: наличие исключений в арсенале приемов юридической техники объективно способствует совершенствованию правотворчества в целом и его «конечного продукта» – нормативно-правового акта в частности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, исключения в праве – это прием юридической техники. В рамках последней исключения относятся к правотворческой технике, поскольку направлены на экстраполирование в правовую норму иную, по отношению к правилу, вариацию регламентации общественных отношений.

Во-вторых, анализируемый прием позволяет надлежаще изложить в норме права (как содержании) и в нормативном правовом акте (как форме) предписание-исключение (микроуровень), содержащее отличающуюся от общей вариацию регулирования, не допуская при этом их коллизионности. Благодаря данному приему обеспечивается существование единого предписания (макроуровень), интегрирующего в себе правило и исключение.

В-третьих, исключения выполняют как сугубо техническую роль, непосредственно влияя на структурирование правового материала. В то же время исключение воздействует на содержательный процесс правотворчества, синтезируя предельно обобщенные формулировки с требуемой казуальностью.

Таким образом, исключение как прием юридической техники обеспечивает сочетание высокого уровня абстракции и обязательной конкретности, необходимых при закреплении в юридической норме

правового предписания, предусматривающего дополнение к правилу или (и) изъятие из него.

Глава 4. Проблемы оптимизации исключений в праве и пути их решения

Право современной России никоим образом не отрицает и не запрещает присутствия исключений.

При этом наиболее спорным, неоднозначным исключением является смертная казнь, которую Конституция РФ определяет в качестве исключительной меры наказания. «Концепция ст. 20 Конституции РФ закладывает правовые основы установления оснований допустимости применения такого уголовного наказания, как смертная казнь, представляющего **изъятие из всеобщего принципа права каждого на жизнь**»¹ (выделено нами. – С.С.).

Восприятие смертной казни как исключения более чем оправдано². «Исключительность смертной казни определяется прежде всего тем, что она является самым суровым наказанием, связанным с лишением жизни преступника»³. Даже не вдаваясь в гуманитарные рассуждения о том, что как у каждого человека есть право на жизнь, так и у общества есть право на смертную казнь⁴, следует еще раз подчеркнуть: сама идея о смертной казни как исключении из правила не отвергается нормами как российского⁵, так и международного права.

¹ Кашепов В. П. Правовой режим смертной казни как исключительной меры уголовного наказания // Право на смертную казнь : сб. ст. / под ред. А. В. Малько. М., 2004. С. 140.

² См.: Суменков С. Ю. Смертная казнь как исключение из права на жизнь // Философия и право : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 28 февраля 2006 г.). СПб., 2006. С. 57-60.

³ Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России: История. Политика. Право. М., 2003. С. 12–13.

⁴ См. об этом подробнее: Право на смертную казнь : сб. ст. / под ред. А. В. Малько. М., 2004.

⁵ См.: ч. 2 ст. 20 Конституции РФ; ст. 59 УК РФ; разд. VII УИК РФ; п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ; ст. 38 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, Ст. 366); ст. 14 ФЗ от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 146); ст. 66 ФЗ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5340).

В отношении последнего следует отметить, что введение так называемого моратория на применение смертной казни в России связывают с Указом Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы»¹.

«Однако в тексте этого Указа нет ни слова о введении такого моратория (данный термин даже не упоминается), а содержались лишь поручения и рекомендации ряду государственных органов, связанные с подготовкой к нему»².

В развитие данного Указа было издано Распоряжение Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.»³ и 5 мая 1997 г. этот протокол был подписан от имени РФ.

Но протокол № 6, не ратифицированный по настоящее время Государственной Думой РФ, сам по себе имеет рекомендательный характер, что в нем и зафиксировано.

Более того, и это, на наш взгляд, самое главное, международно-правовой акт, к которому прилагается данный протокол, допускает исключения из права на жизнь. В частности, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 1 ст. 2) провозглашает: «Право каждого человека охраняется законом. Никто не может быть лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Кроме того, п. 2 этой же статьи называет еще несколько случаев, когда допускается лишение жизни: а) для защиты любого лица от незаконного насилия; б) для осуществления законного ареста или

¹ СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2468.

² Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 505.

³ СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1092.

предотвращения побега лица; в) для подавления в соответствии с законом бунта или мятежа.

«Как видим, – пишет Н. И. Матузов, – делается четыре исключения, когда может «убивать» само государство. Выходит, право человека на жизнь, даже с точки зрения международных документов, не такое уж безусловное и абсолютное. Заметим в этой связи, что требование Совета Европы к России отменить смертную казнь противоречит в какой-то степени первому исключению, допускающему лишения жизни человека по приговору суда»¹.

В настоящее время по поводу смертной казни как исключительной меры наказания складывается парадоксальная ситуация²: всему массиву законодательства, допускающему смертную казнь как особого рода исключение, противостоят акты Конституционного Суда РФ: Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П³ и Определение от 19 ноября 2009 г. № 226⁴ (далее Определение), запрещающие применение смертной казни в России.

Подобный казус более чем удивителен, ибо речь идет не просто о признании судебного акта в качестве правотворческого (что, как указывалось выше, в некоторых случаях вполне обоснованно), а о том, что

¹ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 448.

² См. об этом подробнее: Малько А. В., Терехин В. А. Юридические парадоксы применения смертной казни в современной России // Государство и право. 2011. № 3. С. 24–29.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 867.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5867.

Конституционный Суд РФ сформулировал нормы, вступающие в противоречие с нормами закона, прежде всего Конституции РФ¹.

«По нашему мнению, – пишут А. В. Малько и В. А. Терехин, характеризуя Определение как акт судебной власти, – он вошел в противоречие с конституционными нормами и не может с формально-юридической точки зрения служить правовым препятствием назначения судами смертной казни»².

Между тем буквальный анализ текста Определения не дает возможности для обвинения высшего судебного органа в правовом нигилизме.

В Определении устанавливается запрет на применение смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей. Ключевым здесь выступает слово «применение»; именно оно и запрещается Конституционным Судом РФ.

В данной связи показательным является исследование, проведенное Н. Я. Соколовым по поводу отношения к смертной казни практикующих юристов³. Он констатирует: «...первое место среди мотивов согласия с отказом от смертной казни заняла возможность судебных ошибок. Применительно к юристам это вполне понятно, поскольку свидетельствует о допущенном и непоправимом браке в профессиональной деятельности. Неслучайно до настоящего времени не только в специальной юридической литературе, но и в средствах массовой информации вспоминается серийный убийца Чикатило, из-за которого пострадали несколько невиновных, прежде чем он сам был привлечен к ответственности»⁴.

¹ См., например: Быков В. М. Имел ли право Конституционный Суд РФ приостановить действие Конституции Российской Федерации? // Российский судья. 2010. № 3. С. 33–36.

² Малько А. В., Терехин В. А. Указ. соч. с. 27.

³ См.: Соколов В. Я. Юристы о смертной казни // Государство и право. 2012. № 8. С. 5–13.

⁴ Там же. С. 6.

Тем самым справедливые опасения вызывает не само потенциальное существование смертной казни в системе уголовных наказаний, а практика ее применения.

Положение с восприятием смертной казни убедительно и ярко подтверждает общую тенденцию, проецирующуюся на все исключения в праве: тревогу внушает не само исключение, а потенциальная возможность злоупотребления им в процессе правоприменения.

В качестве примера иного рода, подтверждающего высказанный тезис о вероятной угрозе общественным отношениям в ходе применения исключений, можно привести Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов¹ (далее – Методика), утвержденную в развитие положений ФЗ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»². Методика в п. 3 перечисляет коррупциогенные факторы, устанавливающие «для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность **необоснованного применения исключений** из общих правил» (выделено нами. – С.С.).

Тем самым речь идет не об отрицании исключений как таковых, а об антикоррупционной профилактике их необоснованного применения³.

Является очевидным тот факт, что всяким юридическим средством можно злоупотребить. Однако подобное вовсе не означает, что

¹ Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

² СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

³ Общественная деятельность автора настоящего исследования состоит, в том числе, в выполнении функций председателя Комиссии по проведению антикоррупционной экспертизы Законодательного Собрания Пензенской области (URL: <http://www.zspo.ru> (дата обращения: 04.12.2015)). За период с 2010 по 2014 г. указанной Комиссией было рассмотрено 939 законопроектов и 237 проектов постановлений Законодательного Собрания. При этом выявлено 24 коррупциогенных фактора. Однако данные факторы были признаны коррупциогенными по иным, также перечисленным в Методике основаниям, не связанными с установлением исключений из общих правил. Последнее лишнее раз свидетельствует о преувеличении опасений относительно негативной составляющей такого феномена, как исключения.

неправомерное либо даже противоправное использование того или иного юридического средства свидетельствует о дискредитации последнего и необходимости его ликвидации как такового.

В частности, правовой иммунитет, как уже подчеркивалось выше, безусловно, представляет собой исключение из общего принципа равенства всех перед законом и судом. На данном основании некоторые авторы отождествляют иммунитет с индульгенцией, позволяющей отделить деятелей какого-либо государственного органа «от основной массы трудящихся»¹.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений, посвященном, в частности, депутатскому иммунитету, недвусмысленно указал: «...установления статьи 98 Конституции Российской Федерации являются *определенным исключением* из общей конституционной нормы о равенстве всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), что обусловлено необходимостью конституционной защиты специального статуса парламентария как члена федерального представительного и законодательного органа»² (курсив наш. – С.С.).

Конечно, наличие такого рода исключения, олицетворяющего к тому же преимущество отдельных субъектов в сфере юридической ответственности³, неизбежно детерминирует раздражение общественности и порождает массу сложностей как теоретического, так и практического плана⁴. При этом «...главная проблема правового иммунитета заключается в том, что, с одной стороны, он служит гарантией того, что лицо, им обладающее, будет защищено от необоснованного уголовного или административного преследования, но, с другой стороны, нельзя не

¹ Басков В. Все ли равны перед законом и судом? // Советская юстиция. 1993. № 9. С. 23.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 9, ст. 828.

³ См.: Репьев А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика. М. 2013.

⁴ См., в частности: Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретический и практический аспекты // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 24–38.

согласиться с тем, что чрезмерные преграды для привлечения чиновников к ответственности делают зачастую невозможным расследование, что, в свою очередь, не способствует формированию уважительного отношения у населения к закону и власти»¹.

Однако надо учитывать то, что иммунитет является неотъемлемой частью правового статуса определенных категорий субъектов, исторически служит гарантией надлежащего осуществления социально значимой деятельности², направлен на преодоление коллизионных, в том числе и с политической точки зрения, моментов правового регулирования³.

Правовой иммунитет – исключение из общих правил, в конечном счете, предназначенное для обеспечения прав и свобод граждан. Недоработки при конструировании иммунитета и недочеты, связанные с его реализацией, никак не оправдывают демагогические призывы о его ликвидации. Вместо популистских лозунгов об отмене иммунитета следует признать: «Установление границы между необходимостью защиты лица, выполняющего важные для государства и общества функции, и недопущением безнаказанности данного лица в случае совершения им правонарушений представляется весьма важной и актуальной задачей»⁴.

Подобное характерно для всех исключений, закрепленных в юридических нормах. По нашему мнению, это объясняется проанализированным выше целевым предназначением исключений в праве и прежде всего – установкой на обеспечение справедливости и гуманизма.

При этом не стоит идеализировать исключения, понимая, что последние сами по себе весьма специфичны.

¹ Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 179.

² См., например: Суменков С. Ю. Правовой иммунитет как исключение из правил: историко-правовой аспект // История государства и права. 2010. № 12. С. 41–43.

³ На наш взгляд, такую роль, несмотря на все его несовершенство, выполняет иммунитет Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий.

⁴ Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. С. 179.

Исключения позволяют изменить единое правило, выйти из-под действия общего для всех стандарта. Данное свойство значительно увеличивает возможность злоупотребить исключениями, повышает опасность и масштаб употребления их во зло¹.

Прежде всего это обусловлено превалированием среди массива исключений таких их разновидностей, как относительно определенные и абсолютно неопределенные исключения.

Данные исключения априори носят диспозитивный характер, во многом зависят от усмотрения компетентного лица, ограниченного лишь приблизительными условиями, установленными в законе.

Подобное положение объясняется тем, что не всегда возможно выразить в нормативном порядке бесконечно разнообразные фактические обстоятельства, выступающие в качестве уважительных либо особых причин и охарактеризовать ту или иную ситуацию как исключение.

Исключения имеются в арсенале правотворчества потому, что разнообразие общественных отношений не всегда позволяет законодателю урегулировать их путем принятия абсолютно определенных норм права².

Для констатации и разрешения исключения нужны правовые положения относительно определенного характера, реализация которых зависит от усмотрения правоприменителя. Здесь «законодатель вынужденно использует прием неопределенных формулировок (так называемых каучуковых норм, правовых принципов, целевых норм-программ и т.п.) для того, чтобы распространить действие закона на круг неизвестных ему

¹ См. об этом подробно: Суменков С. Ю. Исключения в праве и злоупотребление правом: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1 (65). С. 129–133.

² Между тем в действующем законодательстве можно найти примеры (хотя и достаточно немногочисленные) императивного ограничения констатации и, соответственно, реализации исключений. Так, в случаях, предусмотренных ст. 63.1 УК РФ, не применяются положения ст. 64 УК РФ. В свою очередь сама ст. 64 УК РФ в 2014 г. была дополнена частью третьей, согласно которой за совершение отдельных преступлений нельзя назначать более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление (ФЗ от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19, ст. 2335).

ситуаций, которые потенциально могут возникнуть. Все это определяет значительную сферу дискреции правоприменителя и соответственно открывает возможности влияния массе правообразующих факторов, не сводимых к правовой норме»¹.

Таким образом, в доминанте своей реализация исключений связана с усмотрением правоприменителя.

Данное положение совершенно справедливо, ибо исключение – это предусмотренная правом уникальная возможность отступления от общего порядка, а «превращение правовой возможности в действительность немислимо вне деятельности людей, творящих и реализующих правовые акты»². Поэтому нет ничего удивительного в том, что применение исключений во многом зависит от воли уполномоченного субъекта.

Тем самым с реализацией исключений непосредственно связана категория «усмотрение»³.

Усмотрение – весьма многогранное понятие. Усмотреть – значит: увидеть, открыть, распознать, наметить⁴; прийти к заключению о наличии чего-либо, признать существующим⁵.

Наличие усмотрения в проекции к исключениям означает, что правоприменитель свободен делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна.

Субъект правоприменения, исходя из собственного усмотрения, но в рамках своей компетенции, признает наличие исключения и выносит

¹ Кашанин А. В., Третьяков С. В. Общетеоретические основания исследования проблем правоприменения // Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. С. 44.

² Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 352.

³ В частности, В. М. Манохин справедливо отмечает неразрывную взаимосвязь усмотрения и исключения, точнее такой разновидности последнего, как исключительный случай (Манохин В. М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Советское государство и право. 1990. № 1. С. 24).

⁴ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. С. 1072.

⁵ См.: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. С. 520.

властный правоприменительный акт, в котором фиксируются юридические последствия такого признания¹.

Например, ч. 2 ст. 23 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»² устанавливает максимальный срок рассмотрения протеста прокурора – не позднее десяти дней с момента его поступления. Вместе с тем эта же часть указанной статьи предусматривает, что при исключительных обстоятельствах, требующих немедленного устранения нарушения закона, прокурор вправе установить сокращенный срок рассмотрения протеста. Следовательно, прокурор – персона, которая уполномочена не только констатировать исключительные обстоятельства, но и принимать соответствующее властное решение (в частности, о сокращенном сроке рассмотрения протеста), выступающее обязательным для его адресатов.

Последнее является особенно актуальным в плане правоприменительной деятельности, ибо она всегда связана с принятием решения по конкретному делу и его оформлением³.

По нашему мнению, именно правоприменение служит магистральной формой реализации исключений. Конечно, нельзя отрицать, что исключения могут проявляться и при соблюдении, исполнении, использовании права; но даже в этих случаях исключения выражают себя сквозь призму правоприменения: нормативно установленные предписания соблюдать, исполнять, использовать исключения непосредственно касаются и находятся в рамках правоприменительной деятельности.

Тем самым применение права и исключение в праве диалектически взаимосвязаны: исключения априори предназначены для применения.

¹ См.: Суменков С. Ю. Правоприменительное усмотрение как условие реализации юридических исключений // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 151, кн. 4. С. 26–33.

² Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, ст. 366.

³ См.: Антропов В. Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995. С. 14.

Императивная сущность правоприменительного процесса не только делает эту стадию реализации права безальтернативной при усмотрении исключения из правила, но и предопределяет субъектный состав лиц, обладающих правом обозначать какой-либо жизненный казус в качестве исключения¹.

«Властный характер правоприменения состоит в том, что данная деятельность осуществляется только специальными органами, должностными лицами и некоторыми общественными объединениями, которым государство ее поручает и доверяет, контролируя результаты»².

Среди таких субъектов, не относящихся непосредственно к государственным структурам, можно назвать Общественную палату РФ, работодателей, капитанов кораблей, органы местного самоуправления. Однако, несмотря на достаточное многообразие субъектов, имеющих право применять положения об исключениях из правил, доминирующая роль в данном процессе принадлежит государственным органам и их должностным лицам. Это объясняется тем, что правоприменение само по себе является властной индивидуально-правовой деятельностью государства³.

Следовательно, «исключения в праве», «правоприменение» и «правоприменительное усмотрение» составляют единую логическую цепочку.

Реальная невозможность в большинстве случаев установить жесткие критерии констатации исключений и в то же время необходимость их применения детерминирует зависимость исключений от усмотрения правоприменителя.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.

² Вопленко Н. Н. Реализация права // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 710.

³ См.: Синюков В. Н., Григорьев Ф. А. Правовая система: Вопросы правореализации. Саратов, 1995. С. 112.

В этом и заключается основная проблема исключений из правил: с одной стороны, объективная природа, позволяющая праву сохранять контакт с регулируемой социальной средой; с другой – чрезвычайная зависимость от воли и усмотрения конкретных правоприменителей.

Действительно, тяжело уличить недобросовестного судью, приговорившего подсудимого к гораздо меньшему наказанию, чем это предусмотрено санкцией соответствующей статьи, если он опирается на ст. 64 УК РФ, предоставляющей ему такое право; невозможно противостоять произволу следователя, усмотревшего ведомый только ему исключительный случай и потому ворвавшегося в жилище и устроившего там обыск (ч. 5 ст. 165 УПК РФ); сложно определить достаточность оснований, на которую полагались сотрудники полиции, позволившую им провести личный досмотр в отсутствие понятых (ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ).

Широкая интерпретация правоприменителем предписаний, содержащих исключения, и, как следствие, потенциальная вероятность проявления негативного субъективизма, особенно опасного в деятельности правоохранительных органов, вызывает справедливую настороженность к самой категории «исключение». В частности, И. Н. Сенякин, не скрывая скептического отношения к дефиниции «исключительный случай», пишет буквально следующее: «Совершенно очевидно, что в подобной формулировке таится опасность узаконенной возможности для властных структур нарушения, злоупотребления, игнорирования прав и интересов личности, произвола государства в незаконном привлечении ее к ответственности»¹.

Надо еще раз особо оговорить следующее. Правоприменительное усмотрение существует вследствие объективной невозможности детально регламентировать разнообразные общественные отношения; установить абсолютные правила разрешения каждого конкретного правового вопроса.

¹ Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 82.

Усмотрение – неотъемлемый элемент правореализационного процесса, придающий необходимую гибкость правовому регулированию, с присущими данному явлению достоинствами и недостатками¹.

П. И. Люблинский в данной связи совершенно справедливо отмечал: «Усмотрение в государственно-правовом смысле можно определить не только отрицательным образом, как некоторую свободу от законодательной регулировки, но и положительным – как право свободной целесообразной оценки в применении по указанным в законе основаниям предоставленных данному органу правомочий»².

Именно наличие правового основания, т.е. непосредственного наличия норм-исключений, служит первостепенным фактором возможности усмотрения и, соответственно, подлежащей реализации исключения.

Тем самым генеральным условием оценки исключения как феномена, отвечающего требованиям права, служит, как это уже многократно озвучивалось, фиксация в юридической норме.

Поэтому, если исключение из правила не имеет нормативного закрепления, оно однозначно не соответствует критерию правомерности. Последнее более чем характерно для исключений, содержащихся в правоприменительных актах, но не находящихся своего нормативного выражения.

Здесь надо обязательно учитывать реальную сложность отражения нормы-исключения в индивидуально-определенном решении правоприменителя.

¹ См. об этом: Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения С. 58–67 ; Его же. Правоприменительное усмотрение как условие реализации юридических исключений // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 4. С. 26–33.

² Люблинский П. И. Судейское усмотрение // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 10. С. 253.

Например, в приказе ректора одного из высших учебных заведений указано следующее: «Разрешить Р. передачу государственного экзамена по «Теории государства и права», учитывая исключительные обстоятельства»¹.

Действовавшее на момент издания приказа Положение об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации² (далее – Положение) предусматривало, что «лицам, **не проходившим** итоговых аттестационных испытаний по уважительной причине (по медицинским показаниям или **в других исключительных случаях, документально подтвержденных**), должна быть предоставлена возможность пройти итоговые аттестационные испытания без отчисления из вуза» (п. 19 Положения) (выделено нами. – С.С.).

Между тем суть дела заключалась в предоставлении Р. возможности передачи положительной оценки, поставленной по результатам ответа на государственном экзамене.

Таким образом, исключительные обстоятельства, о которых упоминается в приказе, никак не корреспондируют исключительным случаям, предусмотренным Положением.

Кроме того, термины «исключительные обстоятельства» и «исключительные случаи» не являются синонимичными лексическими оборотами, а, как было отмечено выше, Положение оговаривает прохождение итоговых испытаний для лиц, не сделавших их по уважительным причинам.

Соответственно разрешение Р. передавать государственный экзамен не может быть оправдано никакими исключительными обстоятельствами,

¹ См.: Приказ ректора ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» № 171/з от 14.03.2013 // Отдел документационного обеспечения управления ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет».

² Приказ Минобразования РФ от 25 марта 2003 г. № 1155 «Об утверждении Положения об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 15 мая. (утратил силу)

ибо подобное исключение не находит подтверждения в нормативном акте, регламентирующем данную сферу общественных отношений¹.

Особо хотелось бы подчеркнуть важность использования при реализации исключений надлежащей терминологии. Приведенный пример уже не в теории, а на практике (в частности, несовпадение исключительных обстоятельств и исключительных случаев) доказывает необходимость учета многогранности исключений и форм их терминологического выражения.

При этом стоит в очередной раз подчеркнуть недопустимость вуалирования исключений; подменой их такими словами, как «кроме», «помимо», «вместо», «наряду» и т.п.

Здесь можно с удовлетворением констатировать положительную тенденцию осознания законодателем необходимости точного указания на наличие исключения в нормативном акте. В качестве положительного примера можно привести изменения, вносимые ст. 36 ФЗ от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² в ФЗ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»³. Вносимые изменения состоят в следующем: «в пункте 3 статьи 48 слова «запрещаются,

¹ На наш взгляд, приказ, разрешающий Р. пересдавать государственный экзамен, не соответствовал Положению об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации по меньшей мере по двум основаниям. Во-первых, п. 17 Положения разрешает повторное прохождение итогового аттестационного испытания в случае неподтверждения выпускником соответствия требованиям государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования в ходе данных испытаний. Как было отмечено, Р. по результатам сдачи государственного экзамена получила положительную оценку, подтвердив тем самым соответствие своих знаний по предмету требованиям государственного образовательного стандарта. Во-вторых, в п. 17 Положения указано, что повторное прохождение итогового аттестационного испытания допускается в отношении субъектов, которые не подтвердили соответствие подготовки требованиям государственного образовательного стандарта, при их восстановлении в вузе. Таким образом, данные субъекты по результатам аттестационных испытаний должны быть отчислены из вуза, а затем, при восстановлении им предоставляется право повторного прохождения аттестационного испытания (испытаний). Однако Р., не будучи отчисленной из ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» по результатам прохождения государственных аттестационных испытаний, получила возможность их повторного прохождения.

² СЗ РФ. 2011. № 29, ст. 4281.

³ СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

кроме случаев, установленных настоящим Федеральным законом» заменить словами «запрещаются, *за исключением* предусмотренных настоящим Федеральным законом и Федеральным законом «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» *случаев* ввоза в Российскую Федерацию радиоактивных отходов в целях их хранения, переработки или захоронения» (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

Тем самым исключение должно быть четко, в том числе и лексически, обозначено в тексте нормативного правового акта. Подобное позволяет сразу же заострить внимание на исключении; определить – что, собственно, выступает в качестве исключения из правила; каковы условия правомерности его реализации; кто, когда и при каких обстоятельствах уполномочен его применять; какие пределы действия норм-исключений по отношению к правилу.

Последний вопрос представляется особенно актуальным, так как ответ на него позволяет определить (хотя бы примерно) диапазон функционирования исключения в проекции к правилу; т.е. насколько допустим иной, по сравнению с правилом, вариант регуляции; где заканчивается исключение из правила и начинается нарушение последнего либо, как ни парадоксально это звучит, новое правило.

На наш взгляд, приведенное выше Положение об итоговой государственной аттестации неслучайно оперирует термином «исключительный случай, подтвержденный документально». Несмотря на определенную наивность требования подтверждать исключительность случая какими-либо документами¹, цель данного словосочетания вполне очевидна и, по нашему мнению, совпадает с дефиницией «исчерпывающий перечень

¹ Между тем подобная формулировка встречается в ряде НПА. См., например: п. 7.2 Регламента рассмотрения споров в досудебном порядке (утв. Приказом МНС от 17 августа 2001 г. № БГ-3-14/290) // Финансовая Россия. 2001. 12 сент. В свою очередь не об исключительных случаях, а об обстоятельствах исключительного характера, также нуждающихся в документальном подтверждении, говорится в ч. 3 ст. 32 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 22. ст. 2031).

исключений», предложенной С. С. Алексеевым¹. Смысл заключается в том, чтобы установить ситуации, обстоятельства, субъектов либо иные нормативно закрепленные факторы, наличие которых потенциально дает возможность реализации исключений. При этом установленные в нормах права потенциальные основания усмотрения, а затем и применения исключений уполномоченный субъект должен трактовать в полном соответствии с принципом *exceptio est strictissimae interpretationis* (исключения следует толковать строго ограничительно)².

Вопрос о критериях, позволяющих усмотреть исключения, отчасти разрешен в действующем законодательстве. Например, согласно ч. 1 ст. 77 УИК РФ в исключительных случаях отдельные лица приказом начальника следственного изолятора (СИЗО) могут быть оставлены для отбывания наказания в данном учреждении. Такое исключение допустимо только при совокупности следующих условий: 1) лицо осуждено к лишению свободы; 2) осужденный ранее не отбывал наказания в виде лишения свободы; 3) отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима; 4) имеется письменное согласие данного лица на оставление его в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Конечно, право принятия окончательного решения об оставлении лица в СИЗО, а следовательно, и констатация исключительности случая остаются за начальником СИЗО. Однако нельзя не признать положительной роли непосредственного указания в законе на факторы установления исключительного случая, дающие основания правоприменителю усмотреть и реализовать исключение из правила.

¹ См. об этом: Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989. С. 203–204.

² О технике толкования исключений см., в частности: Сухова Н. И. Особенности техники толкования правовых исключений // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения) : сб. тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3–4 июня 2010 г.) / отв. ред. О. С. Ростова. Саратов : Изд-во СГАП, 2010. С. 115–116.

Отсутствие критериев констатации исключительных положений может привести к обратному эффекту: опасению правоприменителя быть обвиненным в произвольном усмотрении, слишком субъективной трактовке понятия «исключение». Д. А. Медведев, поясняя необходимость отмены низшего предела у целого ряда уголовно-правовых санкций, прямо заявил о том, что судьи «получили юридическую возможность назначать наказание не в виде исключения, что называется ниже низшего предела, а всякое наказание ниже низшего предела... всегда и автоматически воспринимается как то, что судья уже получил «бабки», и поэтому он во исключение из общих правил принял решение ниже низшего предела, а чтобы у него была юридическая возможность это делать»¹.

В качестве аналогичного примера можно привести ст. 96 УК РФ, согласно которой суд в исключительных случаях может реализовать положения главы 14 УК РФ к достигшим совершеннолетия, но не достигшим двадцатилетия лицам.

Данная статья крайне редко встречается в судебной практике в первую очередь и из-за сложности оценки признания подобного рода случаев исключительными².

Именно расплывчатость формулировки обуславливает нежелание судьи признавать случай исключительным, в том числе и вследствие затруднения мотивации такого признания.

Обязательная мотивировка является следующим фактором правильного усмотрения исключения из правила. Правоприменитель при реализации исключения должен, по нашему мнению, изложить основания констатации,

¹ Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию гражданского общества и правового государства (1 февраля 2011 г., Екатеринбург) // URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.04.2015).

² См. об этом также: Коробейникова М. С. Проблемы определения исключительности случая применительно к ст. 96 УК РФ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2013. № 1 (173). С. 70–76.

дать аргументацию их выбора и мотивировать предпочтение исключений правилам.

К сожалению, на практике прогрессирует крайне негативная тенденция восприятия исключений в качестве заурядного, обыденного приема правоприменительной деятельности.

Например, де-факто не исключением, а правилом стали случаи продления содержания под стражей на срок свыше двенадцати месяцев в уголовном процессе¹, а также продления до шести месяцев срока административного расследования (ч. 5 ст. 28.7. КоАП РФ).

Поэтому неоднозначной выступает озвученная выше установка Д. А. Медведева о ликвидации у санкций некоторых статей УК РФ низшего предела и тем самым трансформации исключения в правило (в частности, в отношении ст. 64 УК РФ).

Весьма негативную оценку подобному развитию законодательства дает В. А. Наумов, считающий, что «реализация этого предложения не только не снизит коррупцию в судах, а, напротив, явится стимулирующим ее обстоятельством»².

При этом позиция самого ученого достаточно противоречива. С одной стороны, А. В. Наумов безапелляционно заявляет: «Степень судебного (судебного) усмотрения надо сужать, а не расширять!»³, а с другой – признает существование исключений, когда те или иные санкции применительно конкретному виновному могут оказаться как бы завышенными, что и вызывает необходимость использования ст. 64 УК РФ⁴.

Между тем, как уже многократно отмечалось, наличие усмотрения – база, на которой основывается подавляющее большинство исключений, в том

¹ См. подробно: Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2006. С. 149–157.

² Наумов А. В. О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право. 2011. № 1. С. 8.

³ Там же. С. 38–39

⁴ Там же. С. 39.

числе и исключения, закрепленного в ст. 64 УК РФ. Подобное объясняется тем, что единого нормативного «рецепта» фиксации исключений предложить невозможно в силу непредсказуемости и разнообразия последних.

В свою очередь предлагаемое А. В. Наумовым ограничение судейского усмотрения не только противоречит презумпции добросовестности судей, но и, как это ни парадоксально, способствует перерастанию исключения в правило.

Так, если представить саму возможность убрать усмотрение, тогда гипотетически исчезают и исключения, которые зиждятся на усмотрении. Однако на практике исключения модифицируются в правила, как это и произошло с анализируемыми нормами УК РФ, против чего, собственно, и возражает А. В. Наумов.

Опасность подобной трансформации заключается даже не в том, что «лицу, совершившему вооруженный разбой и сделавшему инвалидом потерпевшего, надо было снижать наказание с 7 лет до двух месяцев лишения свободы»¹. Во-первых, если подходить буквально, то в ч. 3, 4 ст. 162 УК РФ низший предел наказания оставлен; во-вторых, существование низшего предела в ст. 162 не мешало судам констатировать исключительные обстоятельства и назначать соответствующее наказание².

На наш взгляд, риском перерастания исключения в правило является как раз то, что применение исключения обязательно надо мотивировать. Так, беря за основу ст. 64 УК РФ, нельзя не отметить, что все установленные судом исключительные обстоятельства указываются в приговоре. Суд в описательно-мотивировочной части приговора при обсуждении вопроса о назначении наказания должен указать, какие обстоятельства признаны исключительными и по каким основаниям.

¹ Наумов А. В. Указ. соч. С. 38.

² В частности, в 2010 г. судами Пензенской области в соответствии со ст. 64 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы ниже низшего предела в отношении 7 лиц, обвиняемых по частям 2, 3, 4 ст. 162 УК РФ. (См. об этом: Форма № 10.2 Особенности применения реальных мер наказания. Отчет управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Пензенской области за 2010 г.).

Показательным выступает приговор от 30 июня 2015 г. в отношении гр. В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 134 УК РФ¹. При вынесении данного приговора суд достаточно широко применил положения ст. 64 УК РФ: а) не было назначено дополнительное наказание, предусмотренное в качестве обязательного; б) основное наказание в виде лишения свободы впервые в новейшей истории судебной системы Пензенской области² было назначено на десять лет ниже низшего предела.

Исключительными обстоятельствами по делу признаны явка подсудимого с повинной; признание им своей вины; раскаяние гр. В. в содеянном; активное содействие им раскрытию и расследованию преступления; отношение потерпевшей к подсудимому; поведение самого подсудимого во время и после совершения преступления; отсутствие тяжких последствий по делу.

Деяние гр. В., бесспорно, не является исключительным случаем³, однако надо отдать должное судье, который, исходя из своего внутреннего убеждения, для достижения принципов гуманизма и справедливости, не испугавшись нарушить тот стереотип мышления, об опасности которого говорил Президент РФ⁴, признал вышеуказанные обстоятельства исключительными и сумел обосновать эту исключительность в приговоре.

В свою очередь, если бы судья имел возможность назначить наказание ниже низшего предела не как исключение, а как правило (т.е. при отсутствии такого предела), то он не обязан был бы мотивировать, что в конечном итоге

¹ См.: Дело № 2 – 05/2015 // Архив Пензенского областного суда.

² С момента вступления в силу УК РФ, т.е. с 01 января 1997 г.

³ В данной связи хотелось бы отметить неточность позиции В.А. Измалкова, связывающего применение ст. 64 УК РФ с констатацией не исключительных обстоятельств (как это и предусмотрено диспозицией указанной статьи), а исключительных случаев (См.: Измалков В. А. Исключительные случаи назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 4. С. 186–192).

⁴ «Ведь судьи – это такие же люди... у которых есть сформировавшийся стереотип поведения: «Я не могу выносить мягкое наказание, потому что меня заподозрят в получении взятки и... это ломает существующий стереотип» (Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию гражданского общества и правового государства (1 февраля 2011 года, Екатеринбург) // URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.04. 2014).

повлияло на его усмотрение в выборе того или иного срока (размера наказания).

Тем самым еще раз подчеркнем: ценность исключения состоит в обязательной мотивировке его усмотрения и реализации. В данной связи абсолютно верной выступает позиция Верховного Суда РФ, запретившего нижестоящим судам искусственно изыскивать исключения там, где их нет и где их наличие не может быть ничем мотивировано¹.

Между тем хотелось бы еще раз с сожалением отметить, что понимание исключения как рядового средства правового регламентирования детерминирует недооценку и даже нежелание в обязательном порядке объяснить причины и основания, по которым правоприменителем было выбрано исключение, а не правило. В этом отношении доминируют не суды, а органы и должностные лица иных ветвей государственной власти, прежде всего исполнительной.

Так, приказом начальника ФБУ «Следственный изолятор № 1» Управления ФСИН по Пензенской области от 17.12.2008 № 86 гр. Б. был оставлен для отбывания наказания в данном учреждении для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию². В указанном правоприменительном акте отсутствует не только мотивировка принятого решения, но и ссылка на ст. 77 УИК РФ.

В качестве иного примера можно отметить, что даже в бланках протокола об административном задержании, которое применяется в

¹ См.: «При наличии обстоятельств, препятствующих в соответствии с частью 1 статьи 56 УК РФ назначению наказания в виде лишения свободы, военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации, по статьям Особенной части УК РФ, в санкциях которых предусмотрено только лишение свободы и ограничение свободы, *следует назначать более мягкое наказание, чем предусмотрено соответствующей статьей, без ссылки на статью 64 УК РФ*» (п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. 29 дек.) (выделено и отмечено курсивом нами. – С.С.).

² См.: Архив ФБУ «Следственный изолятор № 1» Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пензенской области. Приказ № 86 от 17 декабря 2008 г.

соответствии ч. 1 ст. 27.3. КоАП РФ в исключительных случаях, отсутствует пункт, предусматривающий обоснование мотива задержания, что, в свою очередь, служит нарушением ч. 1 ст. 27.4. КоАП РФ, определяющей порядок составления протокола об административном задержании.

Речь идет вовсе не об единичных казусах, хотя и они сами по себе очень важны: в первом фактически изменяется вид учреждения, который был назначен судом¹, а во втором ограничивается свобода личности во времени и пространстве.

Приведенные примеры позволяют констатировать не только нежелание мотивировать реализацию исключения, но и соответствующим образом оформлять применение исключения.

Между тем порядок надлежащего оформления усмотрения исключения и обусловленных этим действий является еще одним из наиболее значимых факторов оптимизации претворения исключений в реальной жизни.

По нашему мнению, правоприменительный акт, содержащий решение о выборе исключения, а не правила, должен издаваться с внедрением следующих обязательных элементов: указание на конкретную норму, предусматривающую исключение; обоснование выбора исключения (мотивировка); действия, произведенные согласно исключению; перечисление органов (субъектов), уполномоченных контролировать принятое решение.

Последнее представляется крайне важным, особенно в контексте того, что «использование юридических исключений должно предполагать довольно высокую степень организации субъекта управления (например, высокий уровень правовой культуры, правосознания)»².

Именно четкая и понятная система контроля за каждым случаем применения исключения обеспечивает должную и эффективную реализацию

¹ См. об этом также: Скаков А. Б. Назначения вида режима колоний в порядке исключения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 1995.

² Морозова И. С. Синергетическая детерминация юридических исключений // Современное право. 2007. № 1. С. 63.

исключений. В качестве положительного примера можно в очередной раз привести ч. 5 ст. 165 УПК РФ, предписывающую проверку и контроль за постановлением следователя, проводшего обыск или выемку без санкции со стороны как прокурора, так и суда.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, исключения не противоречат сущности и смыслу права, не отвергаются его природой. Беспокойство вызывает не само присутствие исключений, а возможность злоупотребления ими. Подобные опасения актуальны, учитывая, что доминирующей формой реализации исключений выступает правоприменение, а превалирующее число исключений основывается на правоприменительном усмотрении.

Во-вторых, фактором надлежащей реализации исключений является имплементация их в норму права. Только реальное присутствие исключений в правовой норме может служить правомерным основанием их реализации. При этом нужно избегать завуалирования исключений, подменой их иными терминами и понятиями. Необходимо точное и четкое указание (в том числе и в лексическом плане) на то, что выступает исключением из правила.

В-третьих, нормы, фиксирующие исключения, должны не просто фиксировать их наличие, но и, несмотря на абстрактную составляющую большинства исключений, устанавливать хотя бы примерные (а в некоторых случаях императивные) рамки, пределы, условия, не допускающие расширительного толкования исключений и соответственно их произвольного усмотрения и применения. В некоторых случаях следует императивно ограничивать либо даже запрещать установление, констатацию и реализацию исключений.

В-четвертых, применение исключения не должно быть обыденным средством правоприменительной практики. Каждый факт усмотрения исключения, предпочтение при разрешении конкретной жизненной ситуации исключения, а не правила, необходимо объяснять и мотивировать.

В-пятых, мотивация констатации исключения и решение об его применении, ход выполнения данного решения, а также результаты, достигнутые при реализации исключения, следует фиксировать и оформлять в правоприменительном акте. Подобные акты, отражающие процесс выбора и применения исключения, должны находиться на тройном уровне контроля: судебного, прокурорского, а также административного (со стороны вышестоящего начальства субъекта, реализующего исключение).

Данные предложения вполне реальны и осуществимы. Их внедрение как в правотворческую, так и в правоприменительную практику будут способствовать оптимизации проблем, связанных с исключениями в праве, что, в конечном итоге, приведет к повышению эффективности правового регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исключение в праве – явление сложное, неоднозначное и многогранное. Априори присущие исключению качества всеобщности и объективности обуславливают наличие исключений во всех сферах человеческого бытия, в том числе и в праве.

Особое место права в настройке, его регламентирующая роль детерминирует изучение не только правил, но и исключений из них. Основополагающую нагрузку в данном процессе выполняет диалектический материализм. В качестве вспомогательных методов познания исключений целесообразно использовать герменевтику, формально-юридический метод и математические методы, применяемые в юриспруденции.

Перспективным направлением дальнейшего научного познания исключений следует считать синергетику, которая может помочь в разработке системной интеграции и самоорганизации исключений и правил.

Необходимо понимать важность дальнейшего рассмотрения теории правовых предписаний, в особенности сочетания генеральных предписаний как целого и относительно автономных предписаний как части. Кроме того, необходимо дальнейшее освещение соотношения нормативно-правового предписания, одной стороны, и нормы права, а также нормативного акта, с другой.

Классификация исключений позволяет максимально полно учитывать многочисленные и многообразные исключения, имеющиеся в праве. Именно классификация позволяет подтвердить вывод о том, что по своей сути исключения олицетворяют в отношении правил либо дозволения, либо ограничения. Важное значение имеет как создание новых критериев стратификации исключений, так и более подробная проработка каждой разновидности исключений.

Исключения неотделимы от правил, в соотношении с которыми они выступают как часть и целое, и, что, самое главное, как парные юридические категории. Анализ парности правила и исключения представляет несомненный научный интерес в контексте общей теории парности юридических категорий как диалектически единых предписаний.

Рассмотрение исключений в праве неизбежно приводит к постановке вопроса о понимании последнего. В данном контексте целесообразно использовать основные учения о праве, прежде всего такие как нормативный подход, естественно-правовую теорию и социологический тип правопонимания, а также реалистическую и психологическую школы права. В проекции к исключениям наиболее оптимальной представляется интегративная идея права, особенно с учетом того наличие исключений допускается всеми названными направлениями, и поэтому исключения необходимо рассматривать как синтезирующий фактор.

Лексическое выражение «исключение в праве» – как научное понятие вполне оптимально, хотя и достаточно редко встречается в текстах юридических норм. Исключение, как понятие, находит свое выражение в таких нормативно-правовых терминах, как «за исключением случаев» (единичный вариант – «за исключением случая»), «исключительный случай», «за исключением», «в порядке исключения», «в виде исключения». Каждый из названных терминов имеет собственную специфическую смысловую нагрузку, которая обязательно должна учитываться в процессе правотворчества.

Особого внимания в ходе дальнейших исследований заслуживает нормативный термин «исключительный случай», в котором наиболее ярко отображаются характерные черты исключений.

Детального рассмотрения заслуживают нормы-исключения, являющиеся единственно возможной формой объективизации исключений. Выделение признаков таких норм, тщательный анализ их особенностей, акцентирование внимания на специфические группы норм-исключений (в

частности, исключительные нормы) позволяет сделать предельно широкое обобщение относительно реального присутствия исключений в праве.

В большей степени нормы-исключения формализуются в нормативном правовом акте (НПА). Изучение таких актов, дискуссии о расположении исключений в структурных подразделениях НПА и о возможности существования отдельных НПА-исключений является актуальной проблемой как теории, так и практики.

Однако НПА следует считать основной, но не единственной формой выражения исключений. Исключения самым тесным образом соприкасаются с судебной практикой, в частности с судебным правотворчеством, толкованием и применением права, судебным контролем. Без сомнения самым спорным вопросом выступает взаимосвязь исключений и судебного правотворчества, результатом которого служит появление судебной нормы-исключения, содержащейся в судебном правотворческом акте.

В ракурсе будущего исследования форм выражения исключений весьма интересным представляется изучение исключений, объективированных в правовом обычае, договоре с нормативным содержанием, а также правовой доктрине.

Магистральное значение при характеристике исключений имеют цели. Объяснение целей, поставленных перед исключениями, имеет глубокий смысл, ибо только признанная обществом социально значимая цель и невозможность ее достижения иными средствами оправдывает существование данного весьма неоднозначного и специфического феномена. Выстраивание системы целей, а равно уточнение функций, выполняемых исключениями, выступает необходимым элементом теории исключений.

Восприятие исключений как уникального юридического средства детерминирует дальнейшее исследование правового режима исключений. Познание специфики данного режима – безусловно, необходимое направление научного исследования.

Безусловно, заслуживает отдельной научной разработки освещение исключения как приема юридической техники, позволяющего избежать коллизии при изложении в норме отличного от общего правила варианта регуляции.

Указанный аспект исключений детерминирует их корреляцию с такими категориями как правовые аксиомы, презумпции, фикции и принципы права. Соотношение всех этих феноменов архисложное, детерминирующее тем не менее необходимую прочность, устойчивость и даже незыблемость правового регулирования, с одной стороны, и гибкость и эластичность – с другой.

Исключения реально проявляют себя в такой форме реализации права как правоприменение. В силу целого ряда особенностей исключений их применение чревато потенциальной возможностью злоупотребления. Предложенная схема минимизации таких рисков требует дальнейшей разработки и совершенствования.

Изучение исключений непосредственно связано как с глобальными феноменами, например, методология науки, определение понятия права и правовой жизни, судебная практика как источник права, правовой режим, так и со многими злободневными, но от этого не менее важными, проблемами существования исключений (здесь достаточно назвать перечисленные только в последнем параграфе вопросы о смертной казни как исключительную меру, вероятную коррупциогенность исключений, правовой иммунитет, подразумевающий неприкосновенность некоторых субъектов).

Тем самым исследование исключений в праве – перспективная и необходимая (как для теории, так и для практики) тенденция научного познания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных ФЗ «О поправках к Конституции РФ» от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – 5 апр.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
4. Стокгольмский акт к Конвенции по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.) (подписан от имени СССР 14 июля 1967 г. и ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1968 г. с оговоркой // Ведомости Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР. – 1968. – № 40. – Ст. 363).
5. Конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.) (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 г. № 5938-VIII с оговорками и заявлениями) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1974. – № 20. – Ст. 305).

6. Конституция Португальской Республики от 2 апреля 1976 г. // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.08.2016).
7. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
8. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
9. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2227.
10. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 06.04.2015) «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
11. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 21.07.2014) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
14. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ) (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
18. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
19. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
20. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 11. – Ст. 1001.
21. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
23. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

24. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
25. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
26. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
27. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.
28. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 23 апреля 200 г. № 194-З (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017) // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.08.2016).
29. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
30. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
31. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.
32. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-І (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) «О банках и банковской деятельности» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357.

33. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І (ред. от 03.07.2016) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
34. Закон РФ от 15 января 1993 г. № 4301-І (ред. от 02.07.2013, с изм. от 14.12.2015) «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 7. – Ст. 247.
35. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-І (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – 4 мая.
36. Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-І (ред. от 23.07.2013) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 20. – Ст. 718.
37. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-І (ред. от 08.03.2015) «О государственной тайне» // Российская газета. – 1993. – 21 сент.
38. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.
39. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) «О библиотечном деле» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 2.
40. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1455.

41. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О животном мире» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.
42. Федеральный закон от 10 мая 1995 г. № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 20. – Ст. 1765.
43. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1929.
44. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
45. Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (ред. от 05.04.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4552.
46. Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 18.
47. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О внешней разведке» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 143.
48. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 146.
49. Федеральный закон от 2 мая 1997 г. № 76-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «Об уничтожении химического оружия» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 18. – Ст. 2105.

50. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.
51. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3588.
52. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О судебных приставах» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.
53. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1463.
54. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 2331.
55. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3400.
56. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
57. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
58. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 26-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Протоколу 1992 года об изменении

Международной конвенции о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года и денонсации Российской Федерацией Международной конвенции о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 147.

59. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
60. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
61. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
62. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
63. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.
64. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
65. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 118-ФЗ «Об участках недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях

- раздела продукции (Яламо-Самурском и Центральном перспективных участках») // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3035.
66. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 169.
67. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171.
68. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016) «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
69. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О связи» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.
70. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
71. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5029.
72. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.08.2016) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
73. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 96-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного

- страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»
// Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3232.
74. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 03.07.2016)
«О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных
участников уголовного судопроизводства» // Собрание
законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
75. Федеральный закон от 19 февраля 2005 г. № 5-ФЗ «О ратификации
Конвенции о привилегиях и иммунитетах Шанхайской организации
сотрудничества» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 8. –
Ст. 607.
76. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. (ред. от 28.11.2015) «Об
общественной палате Российской Федерации» // Собрание
законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2832.
77. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О
государственном языке Российской Федерации» // Собрание
законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.
78. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 28.11.2015)
«О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в
Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. –
№ 30. – Ст. 3285.
79. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016)
«О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. –
№ 31 (ч. 1). – Ст. 3434.
80. Федеральный закон от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ (ред. от 03.07.2016)
«О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных
проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного
ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» // Собрание
законодательства РФ. – 2006. – № 49 (ч. 1). – Ст. 5089.
81. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 09.03.2016)
«Об обязательном социальном страховании на случай временной

- нетрудоспособности и в связи с материнством» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 18.
82. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 30.06.2016) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152
83. Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О ломбардах» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 399.
84. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) «О государственном кадастре недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4017.
85. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
86. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6071.
87. Федеральный закон от 29 марта 2008 г. № 31-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Соглашению между Правительствами Королевства Дания, Эстонской Республики, Финляндской Республики, Федеративной Республики Германия, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Польша, Российской Федерации и Королевства Швеция о привилегиях и иммунитетах Комиссии по защите морской среды Балтийского моря» // СЗ РФ. – 2008. – № 13. – Ст. 1187;

88. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
89. Федеральный закон от 12 июня 2008 г. № 88-ФЗ «Технический регламент на молоко и молочную продукцию» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2801 (*утратил силу*).
90. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.
91. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
92. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О патентных поверенных» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 24.
93. Федеральный закон от 28 ноября 2009 г. № 288-ФЗ «О ратификации Протокола об условиях и порядке применения в исключительных случаях ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от ставок Единого таможенного тарифа» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5738.
94. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.
95. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О теплоснабжении» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 415.
96. ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

97. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 7174.
98. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
99. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6252.
100. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.
101. Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6423.
102. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15.
103. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
104. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.02.2016) «О клиринге и клиринговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 904.

105. Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 11 марта.
106. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.
107. Федеральный закон РФ от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.
108. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4595.
109. Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.07.2013) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 29. – Ст. 4281.
110. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.
111. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7058.

112. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
113. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, согласно которой за совершение отдельных преступлений нельзя назначать более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2335.
114. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О свободном порте Владивосток» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. 1). – Ст. 4338.
115. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (ч. 1). – Ст. 4169.
116. Закон Пензенской области от 26 февраля 2006 г. № 978-ЗПО (с изм. на 03.06.2016) «О референдуме Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. – 2006. – № 31 (61) (ч. 1). – 24 марта.
117. Закон Пензенской области от 10 апреля 2006 г. 1003-ЗПО (с изм. на 03.06.2016) «Об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. – 2006. – № 11. – 24 апр.
118. Закон Пензенской области от 22 февраля 2007 г. № 1226-ЗПО (с изм. на 11.07.2016) «О некоторых вопросах, связанных с реализацией в Пензенской области отдельных положений Лесного кодекса Российской Федерации» // Пензенские губернские ведомости. – 2007. – № 7. – 6 марта.

119. Закон Пензенской области от 28 марта 2011 г. № 2048-ЗПО (с изм. на 04.03.2015) «Об обеспечении жилыми помещениями отдельных категорий граждан на территории Пензенской области» // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. – 2011. – № 33 (107).
120. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2468.
121. Распоряжение Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1092.
122. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 25.03.2015) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 47 (ч. 1), т. 5749.
123. Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 20.09.2016) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 10. – Ст. 1334.
124. Указ Президента РФ 23 мая 2011 г. № 668 (ред. от 24.07.2015) «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3154.
125. Указ Президента РФ от 12 августа 2011 г. № 1092 (ред. от 06.05.2012) «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1973 от 17 марта 2011 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 33. – Ст. 4926.
126. Указ Президента РФ от 16 декабря 2015 г. № 628 «О приостановлении Российской Федерацией действия договора о зоне свободной торговле

- в отношении Украины» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 51 (часть III). – Ст. 7315.
127. Федеральная миграционная программа (утв. Указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 (ред. от 13.06.1996)) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 18. – Ст. 2065.
128. Статуты орденов Российской Федерации, положения о знаках отличия Российской Федерации, медалях Российской Федерации, почетных званиях Российской Федерации, описания названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации // Положение о государственных наградах Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 (ред. от 30.12.2015) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 37. – Ст. 4643.
129. Положение о Следственном комитете Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38 (ред. от 31.12.2015) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 6. – Ст. 572.
130. Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 29 июля 2011 г. № 1038 (ред. от 11.06.2016)) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 31. – Ст. 4713.
131. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 882 «О принятии технического регламента Таможенного союза «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза (URL: <http://www.tsouz.ru>).

132. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии URL: <http://www.eurasiancommission.ru>.
133. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР по охране общественного порядка» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 31. – Ст. 505 (*утратил силу*).
134. Постановление Правительства РФ от 3 марта 1997 г. № 240 (ред. от 20.07.2011) «Об утверждении перечня должностей работников объектов использования атомной энергии, которые должны получать разрешения Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору на право ведения работ в области использования атомной энергии» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1180.
135. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (ред. от 22.08.2016) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 33. – Ст. 3895.
136. Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. № 861 (ред. от 04.09.2012) «О рационах питания экипажей морских, речных судов, за исключением судов рыбопромыслового флота, и воздушных судов» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4899.
137. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 (ред. от 17.05.2011) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 22. – Ст. 2640.
138. Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2007 г. № 877 (ред. от 20.08.2016) «Об утверждении перечня товаров, являющихся существенно важными для внутреннего рынка Российской Федерации,

в отношении которых в исключительных случаях могут быть установлены временные ограничения или запреты экспорта» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 52. – Ст. 6461.

139. Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 18.07.2015) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
140. Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2010 г. № 979 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Протокола о внесении изменений в Договор о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6738.
141. Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2011 г. № 249 (ред. от 10.02.2014) «Об организации выезда из Российской Федерации для отдыха и (или) оздоровления несовершеннолетних граждан Российской Федерации, оставшихся без попечения родителей и находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2128.
142. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 649 (ред. от 10.02.2014) «О порядке предоставления учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы преимуществ в отношении предлагаемой ими цены контракта» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 29. – Ст. 4153).
143. Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР (утв. Постановлением СМ РСФСР от 20 июля 1981 г. № 389) // Собрание постановлений Правительства РСФСР. – 1981. – № 23. – Ст. 144.
144. Перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда

- женщин (утв. Постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 (ред. от 20.06.2011)) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 10. – Ст. 1130.
145. Правила проведения морских научных исследований во внутренних морских водах, в территориальном море, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 391 (ред. от 02.08.2016)) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3338.
146. Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов (утв. Постановлением Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 (ред. от 14.03.2014)) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 4081.
147. Правила вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации (утв. Постановлением Правительства РФ от 26 июля 2007 г. № 484 (ред. от 16.08.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) «О выводе объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации») // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4100.
148. Положение о факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования (утв. Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 152 (ред. от 23.04.2016) «Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования») // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 11 (ч. 1). – Ст. 1025.
149. Правила добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов (утв.

Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 2. – Ст. 223.

150. Правила установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 160 (ред. от 17.05.2016) «О порядке установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон») // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 10. – Ст. 1220.
151. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия (утв. Постановлением Правительства РФ от 9 марта 2010 г. № 131) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 11. – Ст. 1226.
152. Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 12.07.2016) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1649.
153. Положение о предоставлении помощи в возвращении в Российскую Федерацию гражданам Российской Федерации, оказавшимся на территории иностранного государства без средств к существованию (утв. Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2010 г. № 370) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 23. – Ст. 2832.
154. Положение о военно-врачебной экспертизе (утв. Постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565 (ред. от 19.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3831.

155. Приказ Минздрава РФ и Минюста РФ от 28 августа 2001 г. № 346/254 «Об утверждении Перечня медицинских противопоказаний к отбыванию наказания в отдельных местностях Российской Федерации осужденными к лишению свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – № 46.
156. Приказ Минобразования РФ от 25 марта 2003 г. № 1155 «Об утверждении Положения об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 15 мая (*утратил силу*).
157. Приказ МПС РФ от 18 июня 2003 г. № 35 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом животных» // Российская газета. – 2003. – 20 июня.
158. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11 февраля 2004 г. № 5 «О введении в действие Санитарных правил СП 2.6.1.01-04 «Обеспечение радиационной безопасности портов Российской Федерации при заходе и стоянке в них атомных судов, судов атомно-технологического обслуживания и плавучих энергоблоков атомных теплоэлектростанций СПРБП-04» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2004. – № 12.
159. Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 (ред. от 12.02.2009, с изм. от 07.02.2012) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 47.
160. Приказ МЧС РФ от 7 ноября 2005 г. № 792 (ред. от 01.06.2006) «Об утверждении Порядка рассмотрения и принятия решений о включении иных периодов работы (службы), которые в порядке исключения могут включаться в стаж государственной гражданской службы федеральных государственных гражданских служащих, дающий право на

установление ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет» // Российская газета. – 2005. – 20 дек.

161. Приказ Минобороны РФ и Министерства образования и науки РФ от 10 июля 2009 г. № 666/249 «Об организации деятельности учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2009. – № 44.
162. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. № 750н «Об утверждении правил проведения экспертизы лекарственных средств для медицинского применения и форм заключения комиссии экспертов по результатам экспертизы лекарственных средств» // Российская газета. – 2010. – 6 сент.
163. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 04 октября 2011 г. № 1129н «О стоимости одного дня пребывания в санаторно-курортных учреждениях граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, в 2012 году» // Российская газета. – 2011. – 21 окт.
164. Приказ Минприроды России от 18 мая 2012 г. № 137 (ред. от 21.11.2014) «Об установлении максимальной площади охотничьих угодий, в отношении которых могут быть заключены охотхозяйственные соглашения одним лицом или группой лиц, за исключением случаев, предусмотренных частью 31 статьи 28 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2012. – 21 июня.
165. Приказ Ростехнадзора от 18 марта 2014 г. № 105 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности морских объектов нефтегазового комплекса» // Российская газета. 2015. 06 февр.

166. Приказ Минкультуры РФ от 11 июля 2014 г. № 1215 «Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями» // Российская газета. 2015. 6 февраля.
167. Приказ Федеральной налоговой службы РФ от 8 мая 2015 г. № ММВ-7-2/189@ «Об утверждении форм документов, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации и используемых налоговыми органами при реализации своих полномочий в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, оснований и порядка продления срока проведения выездной налоговой проверки, порядка взаимодействия налоговых органов по выполнению поручений об истребовании документов, требований к составлению акта налоговой проверки, требований к составлению акта об обнаружении фактов, свидетельствующих о предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации налоговых правонарушениях (за исключением налоговых правонарушений, дела о выявлении которых рассматриваются в порядке, установленном статьей 101 Налогового кодекса Российской Федерации)» // Официальный интернет-портал правовой информации (URL: <http://www.pravo.gov.ru>).
168. ППБО-109-92. Правила пожарной безопасности на железнодорожном транспорте» (утв. Приказом МЧС РФ от 11 ноября 1992 г. № ЦУО-112 (ред. от 06.12.2001)) // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.08.2016). *(Документ официально опубликован не был).*
169. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» (утв. Постановлением Главного

государственного санитарного врача РФ 6 ноября 2001 г. (ред. от 10.06.2016)) // Российская газета. – 2002. – 15 июня.

170. Инструкция об условиях и порядке приема в военные образовательные учреждения высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации, в которых предусмотрена подготовка кадров для внутренних войск, и в военные образовательные учреждения высшего профессионального образования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации (утв. Приказом МВД РФ и Минобороны РФ от 15 февраля 2005 г. № 93/48) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 11.
171. Инструкция по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы (утв. Приказом МЧС РФ от 19 августа 2005 г. № 640) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 49.
172. Инструкция о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их переводе из одного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения (утв. Приказом Минюста РФ от 1 декабря 2005 г. № 235 (ред. от 28.06.2013)) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 51.
173. Санитарные правила СП 2.6.1.2040-05 «Обеспечение радиационной безопасности при проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации атомных судов «(СП РБ АС-2005)» (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 декабря 2005 г. № 36) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 9.

174. Перечень уважительных причин пропуска срока обращения за пособием по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячным пособием по уходу за ребенком (утв. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 31 января 2007 г. № 74 (ред. от 05.10.2009)) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 11.
175. Инструкция о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (утв. Приказом Минфина РФ от 28 декабря 2010 г. № 191н (ред. от 31.12.2015)) // Российская газета. – 2011. – 5 марта.
176. Порядок предоставления жилых помещений, расположенных в закрытых военных городках, находящихся в ведении Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации (утв. Приказом Главного управления специальных программ Президента РФ от 17 февраля 2011 г. № 8) // Российская газета. – 2011. – 15 апр.
177. Инструкция о порядке разработки органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями нормативных документов по пожарной безопасности, введения их в действие и применения (утв. Приказом МЧС РФ от 16 марта 2007 г. № 140 (ред. от 28.12.2011)) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 18.
178. СанПиН «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы в дошкольных организациях 2.4.1.3049-13» (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 15 мая 2013 г. № 26 (ред. от 27.08.2015)) // Российская газета. 2013. 19 июля.
179. Устав города Пензы (ред. от 24.06.2016) (принят решением Пензенской городской Думы от 30 июня 2005 г. № 130-12/4) // Официальный сайт администрации города Пензы. – URL: <http://www.penza-gorod.ru>.

180. Квалификационные требования к педагогическим должностям в Пензенском государственном университете (юридический факультет) (утв. решением Ученого совета ЮФ 4 марта 2010 г., протокол № 7) // Сайт юридического факультета Пензенского государственного университета. – URL: <http://www.uf-pnzgu.ru>

Официальные документы

181. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения, 1992–1996 / сост. и отв. ред. Т. Г. Морщакова. – М., 1997.
182. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828.
183. Перечень морских портов Российской Федерации, в которые разрешаются заходы судов и иных плавсредств с ядерными установками и радиационными устройствами (утв. Распоряжением

- Правительства РФ от 6 января 1997 г. № 14-р (ред. от 24.06.2016)) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 3. – Ст. 396.
184. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2005 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4 и части второй статьи 9 Федерального закона «О карантине растений» в связи с запросом Законодательного Собрания Краснодарского края» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 7. – Ст. 603.
185. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6808.
186. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2012 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Звениговский муниципальный район» Республики Марий Эл» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1811.
187. Постановление Конституционного Суда от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 17. – Ст. 2480.
188. Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба

- № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2014. – № 2.
189. Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 342-О «По жалобе гражданина Сидорова Степана Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 УК РФ и частью первой статьи 399 УПК РФ» // Российская газета. – 2004. – 17 дек.
190. Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. № 70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дементьевой Аиды Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 20.
191. Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 376-О-П «По жалобе гражданина Алексеева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 26. – Ст. 3264.
192. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 985-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был).*
193. Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2010 г. № 1434-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «МП Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 ст. 89 Налогового кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы

- «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был).*
194. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // *Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5867.*
195. Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 323-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анохина Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). (Документ официально опубликован не был).*
196. Определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1903-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шибанкова Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). (Документ официально опубликован не был).*
197. Определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 2214-О «По жалобе государственного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и

звероводства имени профессора Б.М. Житкова Российской академии сельскохозяйственных наук» на нарушение конституционных прав и свобод положением части второй статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был).*

198. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 (ред. от 24.03.2016) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 1996. – 10–13 авг.
199. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Российская газета. – 1996. – 5 нояб.
200. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 7.
201. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 1999 г. № 90/14 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. – 2000. – 27 янв.
202. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. – 2005. – 19 апр.

203. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 6.
204. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – 28 июня.
205. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 22.12.2015) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 2.
206. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 (ред. от 03.03.2015) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Российская газета. – 2010. – 13 янв.
207. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – 6 июня.
208. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания // Российская газета. – 2012. – 22 июня.
209. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. – 2012. – 11 июля.

210. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – 2012. – 21 дек.
211. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. – 2013. – 27 дек.
212. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2015. – 29 дек.
213. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. – 2015. – 29 дек.
214. Письмо МНС РФ от 31 марта 2000 г. № ДЧ-8-07/1477 // Российский налоговый курьер. – 2000. – № 9.
215. Решение Верховного Суда РФ от 30 июля 2009 г. № ГКПИ09-677 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был).*
216. Решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 июля 2010 г. № ВАС-7688/10 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был).*
217. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 февраля 2005 г. № Ф03-А37/04-2/4414 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был).*
218. Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда Магаданской области от 23 сентября 2004 г. № А37-1793/04 // Доступ

- из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был)*.
219. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 151 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 8.
220. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пензенского областного суда от 21 мая 2008 // Архив Пензенского областного суда. Дело № 22-684-08.
221. Дело № 2-13/2008 // Архив Пензенского областного суда.
222. Решение Верховного Суда Республики Алтай от 8 сентября 2008 г. № 3-11/2008 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был)*.
223. Решение Верховного Суда Удмуртской Республики от 14 мая 2012 г. по делу № 7-124 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2016). *(Документ официально опубликован не был)*.
224. Дело № 2-05/2015 // Архив Пензенского областного суда.
225. Дело № 5-560/2008 // Архив судебного участка № 1 Колышлейского района Пензенской области.
226. Постановление Городищенского районного суда Пензенской области от 11 февраля 2013 года б/н // Архив Городищенского районного суда Пензенской области.
227. Приказ начальника ФБУ «Следственный изолятор № 1» № 86 от 17 декабря 2008 г. // Архив Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пензенской области.
228. Форма № 10.2. Особенности применения реальных мер наказания. Отчёт управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Пензенской области за 2010 год.
229. Постановление от 10 февраля 2013 г. // Архив Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области. Уголовное дело № 12110180.

230. Приказ ректора ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» № 171/з от 14.03.2013 г. // Отдел документационного обеспечения управления ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет».
231. Форма № 10.2. Особенности применения реальных мер наказания // Отчёт управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Пензенской области за 2014 год.

Научные издания

232. *Абрамов, В. И.* Права ребенка в России (теоретический аспект) / В. И. Абрамов; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 312 с.
233. *Аверин, А. В.* Судебная достоверность (Постановка проблемы) / А. В. Аверин. – Владимир: Транзит-Икс, 2004. – 312 с.
234. *Августин, А.* Исповедь / Августин Аврелий // Августин Аврелий. Исповедь; Абеляр П. История моих бедствий / пер. с лат. П. Абеляр. – М.: Республика, 1992. – 335 с.
235. *Александров, Н. Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1961. – 271 с.
236. *Алексеев, С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
237. *Алексеев, С. С.* Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
238. *Алексеев, С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 288 с.

239. *Алексеев, С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2000. – 748 с.
240. *Алексеев, С. С.* Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 176 с.
241. *Аниськов, И.* Язык закона / И. Аниськов, В. Мальцев; под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.
242. *Аржанов, М. А.* Государство и право в их соотношении / М. А. Аржанов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 287 с.
243. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 1 / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
244. *Арчер, П.* Английская судебная система / П. Арчер; под ред. и с предисл. Б. С. Никифорова, пер. Л. А. Ветвинского. – М.: Иностран. лит., 1959. – 268 с.
245. *Байтин, М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
246. *Барак, А.* Судейское усмотрение / А Барак; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун; вступ. статья М. В. Баглая. – М.: Норма, 1999. – 364 с.
247. *Баранов, В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1989. – 400 с.
248. *Баранов, В. М.* Классификация в российском законодательстве / В. М. Баранов, Е. В. Чуманов. – Нижний Новгород: Изд-во НА МВД РФ, 2005. – 258 с.
249. *Бентам, И.* Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 416 с.
250. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, П. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

251. *Бобнева, М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – М.: Наука, 1978. – 311 с.
252. *Богдановская, И. Ю.* Прецедентное право / И. Ю. Богдановская. – М.: Наука, 1993. – 239 с.
253. *Борисов, В. В.* Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории / В. В. Борисов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – 408 с.
254. *Бородин С. В.* Социальные отклонения / С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев, В. С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1989. – 368 с.
255. *Братко, А. Г.* Запреты в советском праве / А. Г. Братко; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 92 с.
256. *Васильев, А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
257. *Верещагин, А. Н.* Судебное правотворчество в России / А. Н. Верещагин. – М.: Международные отношения, 2004. – 344 с.
258. *Ветютнев, Ю. Ю.* Закономерное и случайное в правовой жизни / В. В. Ветютнев // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.
259. *Ветютнев, Ю. Ю.* Государственно-правовые закономерности (введение в теорию) / В. В. Ветютнев. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. – 204 с.
260. *Виц, Б. Б.* Демокрит / Б. Б. Виц. – М.: Мысль, 1979. – 212 с.
261. *Власенко, Н. А.* Язык права / Н. А. Власенко. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство; АО «Норма-Плюс», 1997. – 176 с.
262. *Волкова, Н. Н.* Классификация занятий (профессий) / Н. Н. Волкова. – М.; Полтава: Фирма «Техсервис», 2006. – 275 с.

263. *Вольтер, Ф.* Избранные произведения / Ф. Вольтер; вступ. ст. акад. В. П. Волгина; сост. и ред. Е. Книпович, Б. Песис. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1947. – 644 с.
264. *Гегель, Г.* Наука логики: в 3 т. / Г. Гегель; отв. ред. М. М. Розенталь. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – 248 с.
265. *Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. Наука логики. 1817. – 452 с.
266. *Гоббс, Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; предисл. и ред. А. Ческис. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
267. *Головаха, Е. И.* Психология человеческого взаимопонимания / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. – Киев: Политиздат Украины, 1989. – 189 с.
268. *Гредескул, Н. А.* К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права / Н. А. Гредескул. – Харьков: Тип. А. Дарре, 1900. – 248 с.
269. *Гроций, Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права: репринт. с изд. 1956 г. / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
270. *Гук, П. А.* Судебное нормотворчество: теория и практика / П. А. Гук. – изд. 2-е, доп. – Саарбрюкен (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2012. – 196 с.
271. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности (Сравнительное право) / Р. Давид; пер. М. А. Крутоголова, В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1967. – 496 с.
272. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1999. – 400 с.
273. *Давыдова, М. Л.* Нормативно-правовое предписание в теории права / М. Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 218 с.

274. *Давыдова, М. Л.* Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление / М. Л. Давыдова. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – 216 с.
275. *Давыдова, М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М. Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
276. *Данелян, Р. С.* Судейское усмотрение. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты / Р. С. Данелян. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 290 с.
277. *Денисов, Ю. А.* Абстрактное и конкретное в советском правоведении / Ю. А. Денисов, Л. И. Спиридонов; отв. ред.: В. Н. Боряз, Б. А. Чагин. – Л.: Наука, 1987. – 207 с.
278. *Деннинг, А.* ActiveX для профессионалов / А. Деннинг. – СПб.: Питер, 2002. – 436 с.
279. *Дженкс, Э.* Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Э. Дженкс; пер. Л. А. Лунц; предисл. М. М. Исаева, Л. А. Лунц. – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. – 378 с.
280. *Дигесты Юстиниана* / пер. с лат. И. С. Перетерский; под ред. Е. А. Скрипилева. – М.: Наука, 1984. – 456 с.
281. *Дормидонтов, Г. Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Юридические фикции и презумпции. Ч. 1 / Г. Ф. Дормидонтов. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. – 185 с.
282. *Дюрягин, И. Я.* Право и управление / И. Я. Дюрягин. – М.: Юрид. лит., 1981. – 158 с.
283. *Жеребкин, В. Е.* Логический анализ понятий права / В. Е. Жеребкин. – Киев: Вища школа, 1976. – 150 с.
284. *Жильцов, С. В.* Смертная казнь в России. История. Политика. Право / С. В. Жильцов, А. В. Малько. – М.: Норма, 2003. – 224 с.

285. *Иерингъ, Р.* Юридическая техника / Р. Иерингъ; пер. съ нѣм. Ф. С. Шендорфа. – СПб., 1906. – 105 с.
286. *Ильин, И. А.* О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М.: Рарогъ, 1993. – 235 с.
287. *Карбонье, Ж.* Юридическая социология / Ж. Карбонье; пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М., 1986. – 352 с.
288. *Квитко, И. С.* Термин в научном документе / И. С. Квитко. – Львов: Вища школа, 1976. – 125 с.
289. *Кедров, Б. М.* Классификация наук: в 3 кн. Кн. I. Энгельс и его предшественники / Б. М. Кедров. – М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. – 472 с.
290. *Кедров, Б. М.* Классификация наук: в 3 кн. Кн. II. От Ленина до наших дней / Б. М. Кедров. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
291. *Керимов, Д. А.* Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
292. *Керимов, Д. А.* Культура и техника законотворчества / Д. А. Керимов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
293. *Керимов, Д. А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М.: Аванта+, 2000. – 560 с.
294. *Кессиди, Ф. Х.* Гераклит / Ф. Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.
295. *Ковалев, А. Г.* Психология личности / А. Г. Ковалев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1970. – 391 с.
296. *Козлихин, Ю. И.* Нетрадиционные подходы к правопониманию / Ю. И. Козлихин // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 49–62.
297. *Колоколов, Н. А.* Судебная власть: о сущем феномене в логосе / Н. А. Колоколов. – М.: Юрист, 2005. – 560 с.

298. *Колпаков, А. В.* Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. Экономическая наука эпохи перемен / А. В. Колпаков. – М.: Канон + I, 2008. – 208 с.
299. *Котляревский, С. А.* Власть и право / С. А. Котляревский. – СПб.: Лань, 2001. – 368 с.
300. *Кросс, Р.* Прецедент в английском праве / Р. Кросс; под общ. ред. Ф. М. Решетникова; пер. с англ., предисл. Т. В. Апаровой. – М.: Юрид. лит., 1985. – 238 с.
301. *Кудрявцев, В. Н.* Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1978. – 192 с.
302. *Кулапов, В. Л.* Поднормативное правовое регулирование / В. Л. Кулапов, Ю. В. Медная. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 200 с.
303. *Кучинский, В. А.* Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – Минск: Наука и техника, 1969. – 200 с.
304. *Лазарев, Л. В.* Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М.: Городец; Формула права, 2003. – 528 с.
305. *Лапаева, В. В.* Конкретно-социологические исследования в праве / В. В. Лапаева. – М.: Юрид. лит., 1987. – 143 с.
306. *Лебедев, В. М.* Судебная власть в современной России / В. М. Лебедев. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.
307. *Левитов, Н. Д.* Психология характера / Н. Д. Левитов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1969. – 424 с.
308. *Лейст, О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст; под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало-М, 2008. – 246 с.
309. *Локк, Дж.* Соч.: в 3 т. / Дж. Локк; ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; ред. и сост. тома, авт. примеч. А. Л. Субботин; пер. с англ. и лат. Ю. М. Давидсона, Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова, Н. А. Федорова и др. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.

310. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин; том подг. к печати Н. П. Коликовым и А. Д. Копцевой. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1968. – 521 с.
311. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. Философские тетради / В. И. Ленин; том подг. к печати Н. П. Коликовым при участии А. Г. Хоменко. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1969. – 776 с.
312. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. Май – июль 1917 / В. И. Ленин; том подг. к печати Н. П. Мамаем. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1969. – 595 с.
313. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. Государство и революция / В. И. Ленин; том подг. к печати А. Д. Коцевой. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1969. – 438 с.
314. *Лисюткин, А. Б.* Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоведении / А. Б. Лисюткин; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2001. – 138 с.
315. *Лисюткин, А. Б.* Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект / А. Б. Лисюткин; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2001. – 346 с.
316. *Малько, А. В.* Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 250 с.
317. *Малько, А. В.* Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундигов. – Саратов: Изд-во СГАП, 2003. – 296 с.
318. *Малько, А. В.* Льготная и поощрительная правовая политика / А. В. Малько. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 233 с.
319. *Малько, А. В.* Льготы в российском праве (проблемы теории и практики) / А. В. Малько, И. С. Морозова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 274 с.
320. *Малько, А. В.* Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 359 с.

321. *Малько, А. В.* Правовая жизнь: основы теории / А. В. Малько // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2005. – С. 39–73.
322. *Малько, А. В.* Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2005. – 180 с.
323. *Малько, А. В.* Судебная политика и судебной-правовой прогресс / А. В. Малько, Д. С. Семикин, О. В. Люкина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 208 с.
324. *Мальцев, Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
325. *Мальцев, Г. В.* Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М.: Норма, 2007. – 800 с.
326. *Маркс К.* Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1956. – 686 с.
327. *Маркс К.* Соч. Т. 8 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1957. – 701 с.
328. *Маркс К.* Соч. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1959. – 765 с.
329. *Маркс К.* Соч. Т. 18 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – 800 с.
330. *Маркс К.* Соч. Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – 664 с.
331. *Маркс К.* Соч. Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – 824 с.
332. *Маркс К.* Соч. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – 734 с.
333. *Маркс К.* Соч. Т. 39 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1966. – 701 с.

334. *Марченко, М. Н.* Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. – М.: Велби; Проспект, 2007. – 512 с.
335. *Матузов, Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 292 с.
336. *Матузов, Н. И.* Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 293 с.
337. *Матузов, Н. И.* Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 510 с.
338. *Матузов, Н. И.* Правовая жизнь как объект научного исследования / Н. И. Матузов // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – С. 9–38.
339. *Матузов, Н. И.* О методологической ситуации в правоведении / Н. И. Матузов // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД, 2007. – С. 5–24.
340. *Матузов, Н. И.* Принципы права как объект научного исследования (вместо введения) / Н. И. Матузов // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 2010.
341. *Матузов, Н. И.* Возможность и действительность в российской правовой системе / Н. И. Матузов, Н. И. Ушанова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 392 с.
342. *Мицкевич, А. В.* Акты высших органов Советского государства / А. В. Мицкевич. – М.: Юрид. лит., 1967. – 175 с.
343. *Михайловский, И. В.* Очерки философии права. Т. 1 / И. В. Михайловский. – Томск: В. М. Посохин, 1914. – 632 с.

344. *Монтескье, Ш.* Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 800 с.
345. *Морозова, И. С.* Основы теории правовых льгот / И. С. Морозова; под ред. А. В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 260 с.
346. *Недбайло, П. Е.* Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960. – 150 с.
347. *Немытина, М. В.* Проблемы современного правопонимания / М. В. Немытина // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД, 2007. – С. 96–122.
348. *Нерсесянц, В. С.* Право и закон. Из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1983. – 366 с.
349. *Новик, И. Б.* Кибернетика. Философские и социологические проблемы / И. Б. Новик. – М.: Госполитиздат, 1963. – 499 с.
350. *Нырков, В. В.* Поощрения и наказания как парные юридические категории / В. В. Нырков; под ред. А. В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – 204 с.
351. *Нырков, В. В.* Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки / В. В. Нырков // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД, 2007. – С. 165–194.
352. *Оль, П. А.* Правопонимание: от плюрализма к двуединству / П. А. Оль. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 243 с.
353. *Осипов, Г. В.* Современная буржуазная социология (критический очерк) / Г. В. Осипов; отв. ред. М. П. Баскин. – М.: Наука, 1964. – 416 с.
354. *Остроумов, Г. С.* Правовое осознание действительности / Г. С. Остроумов. – М.: Мысль, 1969. – 300 с.
355. *Панин, Д. М.* Теория густот: опыт христианской философии конца XX века / Д. М. Панин. – М., 1993. – 294 с.

356. Папкина, О. А. Усмотрение суда / О. А. Папкина. – М.: Статут, 2005. – 413 с.
357. Парсонс, Т. Введение / Т. Парсонс // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / пер. с англ. под ред. Г. В. Осипова. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25–36.
358. Петров, Д. Е. Отрасль права / Д. Е. Петров; под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 192 с.
359. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / Г. Б. Петрова; под ред. В. М. Корнукова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – 182 с.
360. Пиголкин, А. С. Подготовка проектов нормативных актов / А. С. Пиголкин. – М.: Юрид. лит., 1968. – 166 с.
361. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон; под общ. ред. А. Ф. Лосева, Я. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова, С. П. Кондратьева, С. Я. Шейнман-Топштейн и др.; авт. ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – 805 с.
362. Платонов, К. К. Система психологии и теория отражения / К. К. Платонов. – М.: Наука, 1982. – 310 с.
363. Примечания в российском праве / В. М. Баранов, А. П. Кузнецов, С. В. Изосимов, И. Н. Бокова, Д. С. Кондаков. – Нижний Новгород: Изд-во НА МВД РФ, 2005. – 195 с.
364. Проблемы методологии и методики правоведения / А. М. Васильев, А. Б. Венгеров, М. П. Журавлев, Д. А. Керимов, и др.; редкол.: Н. М. Кейзеров, Д. А. Керимов, В. Н. Кудрявцев, И. С. Самощенко. – М.: Мысль, 1974. – 205 с.

365. Проблема связей и отношений в материалистической диалектике / В. С. Тюхтин, Г. Д. Левин, И. Г. Герасимов и др. – М.: Наука, 1990. – 288 с.
366. *Пряхина, Т. М.* Конституционная доктрина современной России / Т. М. Пряхина; под ред. В. Т. Кабышева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 140 с.
367. *Радбрух, Г.* Философия права: пер. с нем. / Г. Радбрух. – М., 2004. – 240 с.
368. *Радищев, А. Н.* Собр. соч.: в 3 т. / А. Н. Радищев; под ред. И. К. Луппола (гл. ред.), Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. – Т. 1. – 503 с.
369. *Радищев, А. Н.* Собр. соч.: в 3 т. / А. Н. Радищев; под ред. Н. К. Пиксанова, В. А. Десницкого, Д. С. Бабкина, Б. Б. Кафенгауза. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 3. – 676 с.
370. *Регельсбергеръ, Ф.* Общее учение о правѣ: пер. И. А. Базанова / Ф. Регельсбергеръ; под ред. Ю. С. Гамбарова. – М.: Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина, 1897. – 295 с.
371. *Репьев, А. Г.* Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика / А. Г. Репьев; Моск. ин-т предпринимательства и права (Пенз. фил.). – М.: Перо, 2013. – 231 с.
372. *Розова, С. С.* Классификационная проблема в современной науке / С. С. Розова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.
373. Российское государство и правовая система / О. Я. Баев, О. В. Баулин, П. Н. Бирюков, Т. М. Бялкина и др.; под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 704 с.
374. *Руссо, Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 123 с.
375. *Рыбалов, К. А.* Особый порядок судебного разбирательства и проблемы его реализации / К. А. Рыбалов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 152 с.

376. С# в подлиннике. Наиболее полное руководство: пер. с англ. / Х. Дейтел, П. Дейтел, Дж. Листфилд, Т. Нието, Ш. Йегер, М. Златкина. – СПб.: БХВ-Петербург, 2006. – 1056 с.
377. *Сенякин, И. Н.* Специальные нормы советского права / И. Н. Сенякин; под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 97 с.
378. *Сенякин, И. Н.* Специализация и унификация российского законодательства Проблемы теории и практики / И. Н. Сенякин; под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 194.
379. *Сенякин, И. Н.* Федерализм как принцип российского законодательства / И. Н. Сенякин. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 504 с.
380. *Сенякин, И. Н.* Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ) / И. Н. Сенякин, А. Б. Степин, В. Д. Подмосковный. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 240 с.
381. *Синюков, В. Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 496 с.
382. *Сичивича, О. М.* Сложные формы интеграции науки / О. М. Сичивича. – М.: Высшая школа, 1983. – 152 с.
383. *Сорокин, В. В.* Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период / В. В. Сорокин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 542 с.
384. *Сорокин, В. В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России / В. В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.
385. *Сорокин, П. А.* Преступление и кара: подвиг и наказание. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин; предисл. проф. М. М. Ковалевского. – СПб.: Изд. Я. Г. Долбышева, 1914. – 506 с.
386. *Спиноза, Б.* Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 727 с.

387. *Сподердайт, П.* Сферы. Макросферология: в 3 т. / П. Сподердайт. – СПб., 2007. – Т. 2: Глобусы. – 1023 с.
388. *Субочев, В. В.* Законные интересы в механизме правового регулирования / В. В. Субочев. – М.: Юрист, 2007. – 188 с.
389. *Субочев, В. В.* Законные интересы / В. В. Субочев. – М.: Норма, 2008. – 237 с.
390. *Субботин, А. Л.* Классификация / А. Л. Субботин. – М.: ИФ РАН, 2001. – 94 с.
391. *Сырых, В. М.* Логические основания общей теории права: Элементный состав: в 2 т. / В. М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2000. – Т. 1. – 528 с.
392. *Тарановский, Ф. В.* Энциклопедия права / Ф. В. Тарановский. – Изд. 3-е. – СПб.: Лань, 2001. – 560 с.
393. *Тарасова, В. В.* Акты судебного толкования правовых норм: юридическая природа и классификация / В. В. Тарасова; под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2002. – 151 с.
394. *Тарасенко, А. А.* Общественные интересы и личность / А. А. Тарасенко; науч. ред. Н. Н. Заренок. – Минск: Наука и техника, 1980. – 151 с.
395. *Тарасов, Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. – Екатеринбург: Из-во Гуманитарного университета, 2001. – 265 с.
396. Типология и классификация в социологических исследованиях / В. Г. Андреенков, Ю. Н. Толстова, А. А. Мирзоев и др.; отв. ред. В. Г. Андреенков, Ю. Н. Толстова. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
397. *Тиунова, Л. Б.* Системные связи правовой действительности / Л. Б. Тиунова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. – 136 с.
398. *Тихомиров, Ю. А.* Теория закона / Ю. А. Тихомиров; отв. ред. д-р юрид. наук В. П. Казимирчук. – М.: Наука, 1982. – 255 с.
399. *Трофимов, В. В.* Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / В. В. Трофимов; под ред. д.ю.н.,

- проф. Н. А. Придворова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 308 с.
400. *Трубецкой, Е. Н.* Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб.: Юрид. ин-т, 1998. – 183 с.
401. *Уолкер, Р.* Английская судебная система / Р. Уолкер; пер. с англ. Т. В. Апаровой; отв. ред. и предисл. Ф. М. Решетникова. – М.: Юрид. лит., 1980. – 631 с.
402. *Федорова, М. М.* Классическая политическая философия / М. М. Федорова. – М.: Весь мир, 2001. – 224 с.
403. *Фихте, И. Г.* Соч. Работы 1792–1801 гг. Система общего наукоучения / И. Г. Фихте; сост., общ. ред., вступ. ст., примеч. П. П. Гайдено; пер. М. Левиной и др. – М.: Ладомир, 1995. – 656 с.
404. *Фомин, А. А.* Чрезвычайное законодательство в Российском государстве. Теория. История. Практика / А. А. Фомин; под ред. И. Н. Сенякина. – Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2002. – 246 с.
405. *Фридмэн, Л.* Введение в американское право: пер. с англ. / Л. Фридмен; под ред. М. Калантаровой. – М.: Прогресс, 1992. – 286 с.
406. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
407. *Хайдаков, С. М.* Принципы именной классификации в дагестанских языках / С. М. Хайдаков; отв. ред. Г. А. Климов. – М.: Наука, 1980. – 247 с.
408. *Халфина, Р. О.* Право как средство социального управления / Р. О. Халфина; отв. ред. И. Пискотин. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
409. *Шафиров, В. М.* Естественно-позитивное право / В. М. Шафиров. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. – 345 с.
410. *Шафиров, В. М.* Обеспечение права: человекоцентристский подход / В. М. Шафиров. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. – 228 с.

411. *Шебанов, А. Ф.* Форма советского права / А. Ф. Шебанов. – М.: Юрид. лит., 1966. – 213 с.
412. *Шеллинг, Ф. В. Й.* Система трансцендального идеализма / Ф. В. Й. Шеллинг // Соч.: в 2 т. / сост., ред. издания, авт. вступ. ст. А. В. Гулыга; примеч. А. В. Гулыги, М. И. Левиной; пер. с нем. М. И. Левиной. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с.
413. *Шептулин, А. П.* Система категорий диалектики / А. П. Шептулин. – М.: Наука, 1967. – 375 с.
414. *Шершеневич, Г. Ф.* Определение понятия о праве / Г. Ф. Шершеневич. – Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1896. – 83 с.
415. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права: Философия права. Часть теоретическая. Т. 1: Вып. 1–4 / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Бр. Башмаковы, 1910–1912. – 839 с.
416. *Шершеневич, Г. Ф.* История философии права / Г. Ф. Шершеневич. – СПб.: Лань, 2001. – 526 с.
417. *Шестов, Л. И.* Странствование по душам / Л. И. Шестов // На переломе (философские дискуссии 20-х годов). Философия и мировоззрение / сост., авт. вступ. ст. П. В. Алексеева. – М.: Политиздат, 1990. – 528 с.
418. *Шопенгауэр, А.* О четвероюм корне... Мир как воля и представление: в 2 т.: пер. с нем. / А. Шопенгауэр; отв. ред.: Б. В. Мееровский, И. С. Нарский. – М.: Наука, 1993. – Т. 1: Критика кантовской философии. – 667 с.
419. *Экимов, А. И.* Интересы и право в социалистическом обществе / А. И. Экимов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 134 с.
420. *Эшби, Р. У.* Введение в кибернетику / Р. У. Эшби. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.
421. *Явич, Л. С.* Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) / Л. С. Явич. – М.: Юрид. лит., 1978. – 224 с.

**Публикации в периодических изданиях, материалы конференций,
сборники научных трудов**

422. *Абузярова, Д. Ф.* Некоторые правовые проблемы, возникающие при изъятии земель для размещения автомобильных дорог / Д. Ф. Абузярова // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения): сб. тезисов докладов (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / редкол.: О. С. Ростова (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. – С. 246.
423. *Александров, Н. Г.* К критике пережитков буржуазной идеологии в определении права / Н. Г. Александров // Советское государство и право. – 1948. – № 10. – С.43–49.
424. *Алексеев, С. С.* Право и правовая система / С. С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 27–34.
425. *Алексеев, С. С.* Право – институциональное социальное образование / С. С. Алексеев // Вопросы теории государства и права: межвуз. науч. сб.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права / ред. кол.: М. И. Байтин (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 3–10.
426. *Алексеев, С. С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
427. *Аллилуева, Е. И.* Цемент для гидротехнических сооружений: исключение или правило? / Е. И. Аллилуева, Л. М. Гаркун // Цемент и его применение. – 2007. – № 1. – С. 68–69.
428. *Антонов, М. В.* Интеграция знаний о праве в творчестве Ойгена Эрлиха / М. В. Антонов // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 79–87.

429. *Апарова, Т. В.* Прецедент в современном английском праве и судебное правотворчество / Т. В. Апарова // Труды ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1976. – Вып. 6. – С.175–185.
430. *Аскназий, С. И.* Общие вопросы методологии гражданского права / С. И. Аскназий // Ученые записки ЛГУ. Серия юридических наук / ред. кол.: А. В. Венедиктов (отв. ред.) и др. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. – Вып. 1. – С. 3–50.
431. *Байтин, М. И.* О современном нормативном понимании права / М. И. Байтин // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 98–107.
432. *Байтин, М. И.* Право и правовая система: вопросы соотношения / М. И. Байтин // Право и политика. – 2000. – № 4. – С. 4–14.
433. *Белов, Д.* Сталинград – это совершенно исключительный случай... / Д. Белов // Родина. – 2013. – № 1. – С. 78–80.
434. *Баклушинская, И. Ю.* Слепушонки – исключение из многих правил / И. Ю. Баклушинская // Природа. – 2007. – № 10. – С. 29–37.
435. *Бару, М. И.* Унификация и дифференциация норм трудового права / М. И. Бару // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 45–50.
436. *Басков, В.* Все ли равны перед законом и судом? / В. Басков // Советская юстиция. – 1993. – № 9. – С. 22–23.
437. *Блауберг, И. В.* Философский принцип системности и системный подход / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Б. Г. Юдин // Вопросы философии. – 1978. – № 8. – С. 39–52.
438. *Бобряшова, М. А.* Запрет на приобретение в собственность иностранным лицам земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения: исключения из общего правила / М. А. Бобряшова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – М.: Наука, 2011. – № 2. – С. 232–244.
439. *Бойков, А. Д.* Иммуниет депутатский / А. Д. Бойков // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – № 1. – С. 159–166.

440. *Бойков, В. Э.* Интересы в социальном управлении / В. Э. Бойков // Социология власти. – 2006. – № 2. – С. 5–17.
441. *Борисов, А.* Десять заповедей – свод божественных законов для человека / А. Борисов // Российская юстиция. – 2002. – № 3. – С. 43–45.
442. *Брызгалов, А. И.* Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения / А. И. Брызгалов // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 44–50.
443. *Быков, В. М.* Имел ли право Конституционный Суд РФ приостановить действие Конституции Российской Федерации? / В. М. Быков // Российский судья. – 2010. – № 3. – С. 33–36.
444. *Валеев, Д. Ж.* Обычное право и начальный этап его генезиса / Д. Ж. Валеев // Правоведение. – 1974. – № 6. – С. 65–78.
445. *Варламова, Н. В.* Аксиологический аспект правопонимания / Н. В. Варламова // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – С. 11–14.
446. *Васильев, А. М.* Диалектическая связь категорий общей теории права / А. М. Васильев // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 18–23.
447. *Вельяминов, Г. М.* Бог и право / Г. М. Вельяминов, В. С. Семенов // Московский журнал международного права. – 1999. – № 3. – С. 28–40.
448. *Витрук, Н. В.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н. В. Витрук // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – № 3 (28). – С. 95–102.
449. *Воеводин, Л. Д.* Юридическая техника в конституционном праве / Л. Д. Воеводин // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. – 1997. – № 3. – С. 3–9.
450. *Волегов, Ю. Б.* Значение дифференциации для совершенствования трудового законодательства / Ю. Б. Волегов // Советское государство и право. – 1983. – № 1. – С. 50–54.

451. *Волколуп, О.* Формы судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве / О. Волколуп // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 64–65.
452. *Володин, Е.* Исключения из правил особенности прием отдельных категорий иностранных работников / Е. Володин // Кадровик. – 2011. – № 7. – С. 182–190.
453. *Гаджиев, Г. А.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник конституционного права / Г. А. Гаджиев // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – № 3 (28). – С. 81–95.
454. *Головин, А. Ю.* Роль классификации в разработке новых и совершенствовании существующих правовых понятий (на примере криминалистической науки) / А. Ю. Головин // Современное состояние российского законодательства и его систематизация: материалы круглого стола (г. Тула, 23–24 сентября 1998 г.). – М.: ЮИ МВД РФ, 1999. – С. 269–276.
455. *Голоскоков, Л. В.* Проблема исключений в контексте информационной модернизации права / Л. В. Голоскоков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 207–208.
456. *Гордон, Л. А.* Социальная адаптация в современных условиях / Л. А. Гордон // Социологические исследования. – 1994. – № 8/9. – С. 13–15.
457. *Горшенев, В. М.* Нетипичные нормативные предписания в праве / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.
458. *Графский, В. Г.* Право как результат применения правила законной справедливости: интегральный подход / В. Г. Графский // Государство и право. – 2010. – № 12. – С. 5–13.

459. Гук, П. А. Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности / П. А. Гук, С. Ю. Суменков // Журнал российского права. – 2006. – № 8. – С. 123–130.
460. Гуськова, А. П. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону / А. П. Гуськова, С. С. Пономаренко // Российский судья. – 2002. – № 10. – С. 18–20.
461. Даубен, Д. У. Георг Кантор и рождение теории трансфинитных множеств / Д. У. Даубен // В мире науки. – 1983. – № 8. – С. 76–86.
462. Дементьев, И. О. «Исключения из общего правила»: смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны / И. О. Дементьев // Калининградские архивы. – 2014. – № 11. – С. 75–88.
463. Демидов, А. И. О методологической ситуации в правоведении / А. И. Демидов // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 14–22.
464. Демидов, В. Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства / В. Демидов // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 23–37.
465. Деревнин, А. А. Специальные нормы в российском праве / А. А. Деревнин // Академический юридический журнал. – 2002. – № 1. – С. 10–14.
466. Деревнин, А. А. Исключительные нормы в праве / А. А. Деревнин // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Усачев. – М.; Иркутск: ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2007. – Вып. 4. – С. 10–17.
467. Дыбовская, Н. В. Классификация субъектов насильственных преступлений против личности / Н. В. Дыбовская // Правоведение. – 1981. – № 4. – С. 36–41.

468. *Жарков, П. Л.* Исключительный случай полного исчезновения экстаза бедренной кости / П. Л. Жарков, Г. Р. Бекзаян // Радиология- практика. – 2008. – № 5. – С. 43–45.
469. *Жуйков, В. М.* К вопросу о судебной практике как источнике права / В. М. Жуйков // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 78–90.
470. *Зелькина, О. С.* Категория «структура» в системе категорий диалектики / О. С. Зелькина // Современные проблемы материалистической диалектики / отв. ред. В. И. Сведерский. – М.: Мысль, 1971. – С. 161–179.
471. *Звягинцева, М. Л.* Классификация мер защиты в советском семейном праве / М. Л. Звягинцева // Развитие социальной деятельности Советского государства и права: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Игнатенко. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 20–28.
472. *Золотых, В.* Новая практика применения особого порядка судебного разбирательства / В. Золотых, С. Цыганенко // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 46–47.
473. *Зорькин, В. Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.
474. *Измалков, В. А.* Исключительные случаи назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление / В. А. Измалков // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 186–192.
475. *Казимирчук, В. П.* О разработке вопросов методологии в советской юридической науке / В. П. Казимирчук // Советское государство и право. – 1962. – № 9. – С. 36–46.
476. *Каминская, В. И.* Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права / В. И. Каминская // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 33–44.

477. *Карташов, В. Н.* Правосистематизирующая технология (краткий очерк) / В. Н. Карташов // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию свода законов Российской империи: материалы Междунар. круглого стола (Москва, 18–19 января 2008 г.) / под ред. проф. В. М. Баранова, В. Г. Графского, С. В. Кодана; Институт государства и права РАН. – Нижний Новгород, 2008. – С. 284–294.
478. *Кашанина, Т. В.* Правовые понятия как средство выражения содержания права / Т. В. Кашанина // Советское государство и право. – 1981. – № 1. – С. 36–45.
479. *Кашепов, В. П.* Правовой режим смертной казни как исключительной меры уголовного наказания / В. П. Кашепов // Право на смертную казнь: сб. ст. / под ред. А. В. Малько. – М.: Частное право, 2004. – С. 138–147.
480. *Керимов, Д. А.* Потребность, интерес и право / Д. А. Керимов // Правоведение. – 1971. – № 4. – С. 95–103.
481. *Кобзев, А. И.* О категориях традиционной китайской философии / А. И. Кобзев // Народы Азии и Африки. – 1982. № 1. – С. 47–58.
482. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Междунар. симп. (Геленджик, 27–28 сентября 2007 г.) / под ред. В. М. Баранова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – 1134 с.
483. *Коробейникова, М. С.* Проблемы определения исключительности случая применительно к ст. 96 УК РФ / М. С. Коробейникова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2013. – № 1 (173). – С. 70–76.
484. *Корсакова, С. В.* Правовые исключения в муниципальном праве / С. В. Корсакова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 206–207.

485. *Кряжков, В. А.* Толкование Конституции РФ Конституционным судом РФ / В. А. Кряжков // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 3. – С. 2–10.
486. *Кудрявцев, В. Н.* Юридические нормы и фактическое поведение / В. Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1980. – № 2. – С. 12–20.
487. *Кудрявцев, В. Н.* О правопонимании и законности / В. Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.
488. *Кузьмин, А. С.* О правилах, исключениях из правил и особенностях представления семантики в слабоструктурированных системах / А. С. Кузьмин, А. А. Романов // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. – 2014. – № 10. – С. 29–36.
489. *Кузнецов, Э. В.* Естественное право как фактор духовного возрождения России / Э. В. Кузнецов // Правоведение. – 1993. – № 4. – С. 75–79.
490. *Куприянов, А.* Библейские корни правосознания россиян / А. Куприянов // Российская юстиция. – 1998. – № 1. – С. 59–62.
491. *Лазарев, В. В.* Поиск права / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2004. – № 7. – С. 3–14.
492. *Лазарева, В.* Новый УПК: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / В. Лазарева // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 67–69.
493. *Лакс, Дж.* О плюрализме человеческой природы / Дж. Лакс // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 103–111.
494. *Лапаева, В. В.* Кибернетика и правоведение: теоретический аспект междисциплинарных связей / В. В. Лапаева // Кибернетика и право. – М., 1984.
495. *Лапаева, В. В.* Социологическое обеспечение законотворчества / В. В. Лапаева // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 27–35.

496. Лапаева, В. В. Социология права: в поисках новой парадигмы / В. В. Лапаева // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 19–25.
497. Лапаева, В. В. Общественное мнение и законодатель / В. В. Лапаева // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 16–28.
498. Лапаева, В. В. Социология права как юридическая дисциплина? / В. В. Лапаева // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С. 47–57.
499. Лапаева, В. В. Социология права в системе обществоведения / В. В. Лапаева // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 81–90.
500. Лейст, О. Э. Три концепции права / О. Э. Лейст // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 3–11.
501. Лившиц, Р. З. О противоречивой двуединой природе права / Р. З. Лившиц // Подготовка и принятие законов в правовом государстве: материалы Междунар. семинара (Москва, Госдума, 28–29 апреля 1997 г.). – М.: Издание Государственной Думы, 1997. – С. 282–293.
502. Лившиц, Р. З. Судебная практика как источник права / Р. З. Лившиц // Журнал российского права. – 1997. – № 6. – С. 49–57.
503. Ломакина, Е. Е. Реклама табака и табачных изделий: законодательные ограничения и исключения из правил / Е. Е. Ломакина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». – 2011. – № 1. – С. 104–111.
504. Луппова, Н. Е. Целиакия у детей: исключение из правил / Н. Е. Луппова, В. Ф. Приворотский, О. Г. Черных, Н. И. Давыдова // Вопросы детской диетологии. – 2009. – Т. 7, № 2. – С. 69–72.
505. Люблинский, П. И. Судейское усмотрение / П. И. Люблинский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 10. – С. 241–292.
506. Малыгин, В. М. Есть ли исключения из «правила потока» при определении значений ЭДС электромагнитной индукции / В. М. Малыгин // Электрика. – 2015. – № 1. – С. 19–23.
507. Малько, А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А. В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.

508. *Малько, А. В.* Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4–16.
509. *Малько, А. В.* Правовой иммунитет: теоретический и практический аспекты / А. В. Малько, С. Ю. Суменков // Журнал российского права. – 2002. – № 2. – С. 24–38.
510. *Малько, А. В.* Исключения в праве в условиях реформ: постановка проблемы / А. В. Малько, С. Ю. Суменков // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 5–13.
511. *Малько, А. В.* Локальные правовые акты как средство реализации локальной правовой политики / А. В. Малько, Т. П. Пестова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 3. – С. 197–201.
512. *Малько, А. В.* Судебная практика как средство формирования судебной политики: вопросы взаимодействия и влияния на правотворчество / А. В. Малько, П. А. Гук // Современное право. – 2011. – № 12. – С. 83–85.
513. *Малько, А. В.* Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. – 2012. – № 2.
514. *Малько, А. В.* Юридические парадоксы применения смертной казни в современной России / А. В. Малько, В. А. Терехин // Государство и право. – 2011. – № 3. – С. 15–24.
515. *Манохин, В. М.* Правовое государство и проблема управления по усмотрению / В. М. Манохин // Советское государство и право. – 1990. – № 1. – С. 23–30.
516. *Мартышин, О. В.* Теория государства и права в постсоветское десятилетие / О. В. Мартышин // Право и политика. – 2000. – № 7. – С. 6–15.
517. *Мартышин, О. В.* Совместимы ли основные типы понимания права? / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21.
518. *Мартышин, О. В.* Метафизические концепции права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 64–71.

519. *Марченко, М. Н.* Является ли правовая система России составной частью романо-германской правовой семьи? / М. Н. Марченко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 1. – С. 66–76.
520. *Марченко, М. Н.* Формы судейского права и их особенности / М. Н. Марченко // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 1 (15). – С. 41–54.
521. *Марченко, М. Н.* Разнообразие взглядов на судейское право в романо-германской правовой семье / М. Н. Марченко // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 96–107.
522. *Мейен, С. В.* Методологические аспекты теории классификации / С. В. Мейен, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1976. – № 12. – С. 67–79.
523. *Мельник, В.* Божественная правда и справедливое правосудие / В. Мельник // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 9–11.
524. *Морозова, И. С.* Нормативные изъятия и дополнительные преимущества: общетеоретические проблемы / И. С. Морозова // Правоведение. – 2006. – № 3. – С. 190–198.
525. *Морозова, И. С.* Юридические исключения как объект научного исследования / И. С. Морозова // Юридическая мысль. – 2006. – № 6. – С. 19–29.
526. *Морозова, И. С.* Синергетическая детерминация юридических исключений / И. С. Морозова // Современное право. – 2007. – № 1. – С. 62–66.
527. *Морозова, И. С.* Институционализация и реализация юридических исключений / И. С. Морозова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 4. – С. 339–343.
528. *Морозова, И. С.* К вопросу о результативности юридических исключений / И. С. Морозова // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 6 (30). – С. 4–7.

529. *Морозова, И. С.* Модернизация института юридических исключений как одно из направлений развития российской правовой системы / И. С. Морозова // Российская правовая система: вопросы теории и практики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Наука, 2007.
530. *Муравьева, Н. В.* Правила и исключения делового языка / Н. В. Муравьева // Русская речь. – 2005. – № 1. – С. 69–72.
531. *Муравьев, И. А.* Формы законодательных исключений (на примере российских кодифицированных актов) / И. А. Муравьев // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. акад. МВД России, 2009. – С. 412–417.
532. *Мясников, А. Г.* Проблема исключений из долга правдивости: современные реконструкции практической философии И. Канта / А. Г. Мясников // Credo new: теоретический журнал. – 2006. – № 4. – С. 12–31.
533. *Наумов, А. В.* О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ / А. В. Наумов // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 38–39.
534. *Николаев, Е. А.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ: определение, юридическая природа, имплементация в правовую систему / Е. А. Николаев // Право и политика. – 2002. – № 3. – С. 15–30.
535. *Нерсесянц, В. С.* Право: многообразие определений и единство понятия / В. С. Нерсесянц // Советское государство и право. – 1983. – № 10. – С. 26–35.
536. Новые аспекты кристаллохимии металлгидридов: подтверждения и исключения из правил / В. Д. Русанов, В. К. Животов, А. И. Бабарицкий, С. А. Демкин Р. В. Смирнов, Ф. Н. Чебаньков, А. С. Московский, М. Б. Бибииков, Г. М. Коновалов, О. В. Сытнов,

- Е. Н. Герасимов // РЖ 19Б-2. Физическая химия (Кристаллохимия. Химия твердого тела. Газы. Жидкости. Аморфные тела. Поверхностные явления. Химия коллоидов). – 2005. – № 3. – С. 256–259.
537. *Образцов, В. А.* К криминалистической классификации преступлений / В. А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью; ред. кол.: В. В. Ключков (отв. ред.) и др. – М.: Юрид. лит., 1980. – Вып. 33. – С. 90–98.
538. *Осипов, А. В.* Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства / А. В. Осипов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – Т. 2, № 2 (74). – С. 124–128.
539. *Осовина, С. В.* Отражение вариантности в немецком произносительном словаре «Deutsches Ausspracheworterbuch» (на примере исключений из правил чтения) / С. В. Осовина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2014. – № 2. – С. 339–345.
540. *Орзих, М. Ф.* Содержание методологии юридической науки / М. Ф. Орзих // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 17–24.
541. *Павлушина, А. А.* Электронный документ: правило или исключение? / А. А. Павлушина, И. В. Гавриленко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 209–210.
542. *Паймина, О. С.* Оловянный, деревянный, стеклянный и прочие исключения из правил: случайность или закономерность? / О. С. Паймина // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8-2. – С. 139–141.
543. *Перельман, Н. Р.* Об исключительном случае трехэлементной односторонней краевой задачи Карлемана в классах аналитических функций / Н. Р. Перельман // Труды математического центра имени Н. И. Лобачевского. – Казань: Изд-во Казан. матем. об-ва, 2013. – Т. 46, № 11. – С. 365–366.

544. *Пиголкин, А. С.* Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве / А. С. Пиголкин, Н. Н. Вопленко // Проблемы совершенствования советского законодательства: тр. ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1979. – Вып. 16. – С. 11–20.
545. *Пяткина, С. А.* Интегративная юриспруденция Джерома Холла / С. А. Пяткина // Правоведение. – 1966. – № 3. – С. 104–110.
546. *Рабинович-Захарин, С. Л.* К вопросу о дифференциации советского трудового права / С. Л. Рабинович-Захарин // Вопросы советского гражданского и трудового права. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 95–110.
547. *Рабинович, П. М.* Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) / П. М. Рабинович, Г. Г. Шмелева // Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 31–39.
548. *Репьев, А. Г.* Категория «правовое преимущество»: к постановке научной проблемы исследования / А. Г. Репьев // Правовая культура. – 2013. – № 1 (14). – С. 48–51.
549. *Реут, В. И.* Законы Республики Беларусь: классификация, роль и место в системе национального законодательства / В. И. Реут // Гражданин и право. – 2006. – № 5. – С. 13–21.
550. *Романовский, Г. Б.* Исключения в праве женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве / Г. Б. Романовский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 212–213.
551. *Романовская, О. В.* Исключения при определении срока стажировки для соискателя должности нотариуса / О. В. Романовская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 210–211.
552. *Ромашов, Р. А.* Закон, правило, норма, долженствование / Р. А. Ромашов // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 13–19.
553. *Ромашов, Р. А.* Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания / Р. А. Ромашов // Концепции современного правопонимания: материалы круглого стола (Санкт-

- Петербург, 21 декабря 2004 г.) / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – С. 8–23.
554. *Румянцева, В. Г.* Правовое учение Роско Паунда / В. Г. Румянцева // История государства и права. – 2005. – № 2. – С. 50–52.
555. *Сабикенов, С. Н.* Об объективном характере интереса в праве / С. Н. Сабикенов // Советское государство и право. – 1981. – № 6. – С. 34–41.
556. *Сапун, В. А.* Инструментальная теория права в юридической науке / В. А. Сапун // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: сб. науч. тр. / редкол.: Т. М. Алеева (отв. ред.) и др. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – С. 17–30.
557. *Сапун, В. А.* Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники / В. А. Сапун, Я. В. Турбова // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 3. – С. 177–188.
558. *Скакун, А. А.* «Исключения из правил» в системе классицизма: к проблеме развенчания стереотипов в научном и обыденном мышлении / А. А. Скакун // *Studia Culturae*. – 2001. – № 1. – С. 29–32.
559. *Соколов, В. Я.* Юристы о смертной казни / В. Я. Соколов // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 5–13.
560. *Сухова, Н. И.* Особенности техники толкования правовых исключений / Н. И. Сухова // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения): сб. тез. докладов (по материалам Всерос. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2010 г.) / редкол.: О. С. Ростова (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2010. – С. 115–116.
561. Теория классификации и анализ данных: материалы Всесоюз. совещания [май 1981 г.] / под ред. Ю. А. Воронина. – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982. – 152 с.

562. *Терехин, В. А.* Правовой иммунитет как необходимый элемент статуса судей / В. А. Терехин, С. Ю. Суменков // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы современного Российского государства и права: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – Вып. 5 (14). – С. 37–47.
563. *Уйманов, В. Н.* Тюремный театр – элемент пенитенциарной системы или исключение из правил / В. Н. Уйманов // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 4 (21). – С. 126–134.
564. *Ушакова, Л. И.* Орфографические правила и исключения / Л. И. Ушакова // Русский язык в школе. – 2008. – № 4. – С. 15–21.
565. *Ушакова, Л. И.* Правописание корней с чередующимися гласными: правила и исключения / Л. И. Ушакова // Русская словесность. – 2011. – № 3. – С. 11–14.
566. *Феоктистов, В. Ф.* Китайская классическая философия и современность (к методологической постановке вопроса) / В. Ф. Феоктистов // Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. – М.: Восточная литература, 1997. – С. 29–41.
567. *Фитуни, Л. А.* О научной классификации и систематике межгосударственных торговых договоров и соглашений / Л. А. Фитуни // Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. – М.: Внешторгиздат, 1955. – С. 165–183.
568. *Фомина, Л. Ю.* Нормативная правовая терминология: современное состояние и проблемы унификации / Л. Ю. Фомина // Юрлингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 158–167.
569. *Фролов, А. Д.* Классификация правовых средств, стимулирующих устойчивость трудовых правоотношений // Материальное право и

- процессуальные средства его защиты: межвуз. темат. сб. / редкол.: В. К. Андреев, Р. Е. Гукасян (отв. ред.), А. А. Добровольский, М. В. Самойлова, К. С. Юдельсон. – Калинин: Изд-во Калин. ун-та, 1981. – С. 124–132.
570. *Халиков, А.* Вопросы, возникающие при особом порядке судебного разбирательства / А. Халиков // Российская юстиция. – 2003. – № 1. – С. 63–65.
571. *Хатуаева, В. В., Рябцева, Е. В.* Безотлагательность и исключительность как детерминирующие признаки следственных действий / В. В. Хатуаева, Е. В. Рябцева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 50–58.
572. *Чалый, А. А.* К вопросу о классификации международных договоров в законодательстве Союза СССР: международные отношения и международное право / А. А. Чалый // Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. – Киев: Вища шк., 1980. – Вып. 10. – С. 64–68.
573. *Черданцев, А. Ф.* Логическая характеристика права как системы / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 13–21.
574. *Чернобель, Г. Т.* Формализация норм права / Г. Т. Чернобель // Советское государство и право. – 1979. – № 4. – С. 29–36.
575. *Чернышев В. И.* Классификация обязательств из неосновательного приобретения (сбережения) имущества // Защита субъективного права и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль: ЯрГУ, 1977. – Вып. 2. – С. 56–61.
576. *Шундиков, К. В.* Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования / К. В. Шундиков // Правоведение. – 2002. – № 2 (241). – С. 16–23.
577. *Шундиков, К. В.* Инструментальный подход и инструментальная теория в современном правоведении: методологический аспект /

- К. В. Шундигов // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3. – С. 167–175.
578. *Эбзеев, Б. С.* Толкование Конституции РФ Конституционным судом РФ: теоретические и практические проблемы / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 5–12.
579. *Яценко, А. С.* Новая теория государственного права / А. С. Яценко // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 5, май. – С. 226–255.

Справочные и учебные издания

580. *Алексеев, С. С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.
581. *Алексеев, С. С.* Теория права / С. С. Алексеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
582. *Альбов, А. П.* Становление философии права в эпоху Античности и Средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А. П. Альбов, Д. В. Масленников, М. В. Сальников, М. Б. Ревна // История философии права: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 1998. – С. 13–77.
583. *Бабаев, В. К.* Общая теория права: краткая энциклопедия / В. К. Бабаев, В. М. Баранов. – Нижний Новгород: Нижегородск. юрид. институт, 1998. – 200 с.
584. *Бачинин, В. А.* История философии и социологии права: Для юридических, социологических и философских специальностей / В. А. Бачинин. – СПб.: Михайлов В. А., 2001. – 335 с.

585. *Братусь, С. Н.* Правоотношение / С. Н. Братусь // Юридический энциклопедический словарь / ред. кол.: А. Я. Сухарев (гл. ред.) и др. – М.: Сов. энцикл., 1984. – 415 с.
586. *Букреев, В. И.* Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению: учеб. пособие / В. И. Римская, И. Н. Букреев. – М.: Юрайт, 2000. – 336 с.
587. *Венгеров, А. Б.* Теория права: в 2 т. / А. Б. Венгеров. – М.: Юристъ, 1996. – Ч. 2, т. 1. – 166 с.
588. *Венгеров, А. Б.* Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
589. *Вопленко, Н. Н.* Право в системе социальных норм: учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 86 с.
590. *Вопленко, Н. Н.* Реализация права / Н. Н. Вопленко // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 2. – С. 707–730.
591. *Вышинский, А. Я.* Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – М.: Госюриздат, 1949. – 419 с.
592. *Гойман-Калинский, И. В.* Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие / И. В. Гойман-Калинский, Г. И. Иванец, В. И. Червонюк; под общ. ред. В. И. Червонюка. – М.: КолосС, 2003.
593. *Гревцов, Ю. И.* Социология права: курс лекций / Ю. И. Гревцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 467 с.
594. *Грицианов, А. А.* Всемирная энциклопедия: Философия / А. А. Грицианов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
595. История политических и правовых учений: учеб. / П. С. Грацианский, В. Д. Зорькин, Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц, и др.; под ред. В. С. Нерсисянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1988. – 816 с.

596. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. – М.: Норма, 2004. – 912 с.
597. *Казимирчук, В. П.* Современная социология права: учеб. для вузов / В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
598. *Карташов, В. Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Текст лекций: в 10 ч. / В. Н. Карташов. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1995. – Ч. 1. – 137 с.
599. *Карташов, В. Н.* Юридическая практика в правовой системе общества / В. Н. Карташов // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко.* – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 3. – С. 165–183.
600. *Кашанина, Т. В.* Юридическая техника: учеб. / Т. В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.
601. *Кистяковский, Б. А.* Философия и социология права / Б. А. Кистяковский; сост., примеч., указ. В. В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1999. – 800 с.
602. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учеб. / С. А. Комаров. – 6-е изд., доп. – СПб.: Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2001. – 352 с.
603. *Коркунов, Н. М.* Лекции по общей теории права (по изданию 1898 г.) / Н. М. Коркунов // *История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации / сост. Д. В. Жуков и др.; редкол.: С. А. Пяткина и др.* – М.: Остожье, 1998. – 603 с.
604. *Касаткин, Л. Л.* Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под ред. П. А. Леканта. – М.: Высш. шк., 1995. – 383 с.
605. *Куликова, О. В.* Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации / О. В. Куликова, А. С. Алихаджиева, И. В. Свечникова // *Справочно-правовая система «Гарант».*

606. *Макаров, Ю. А.* Особый порядок рассмотрения уголовных дел: практ. пособие / Ю.А. Макаров. – М.: Проспект, 2010. – 73 с.
607. *Малахов, В. П.* Философия права: учеб. пособие / В. П. Малахов. – М.: Академический проект, 2002. – 448 с.
608. *Малько, А. В.* Правовая жизнь общества: учеб. пособие / А. В. Малько, А. Е. Михайлов – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2007. – 164 с.
609. *Малько, А. В.* Цели и средства в праве / А. В. Малько // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 3. – С. 416–439.
610. *Маршакова, Н. Н.* Систематизация и классификация в уголовном законодательстве: теоретико-прикладные аспекты: учеб. пособие / Н. Н. Маршакова. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2007. – 48 с.
611. *Марченко, М. Н.* Источники права: учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М.: Проспект; Велби, 2005. – 760 с.
612. *Мицкевич, А. В.* Нормы права / А. В. Мицкевич // Общая теории государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – М., 2007. – Т. 2. – С. 553–571.
613. *Нерсесянц, В. С.* Философия права: учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. – М., 2001. – 652 с.
614. *Новгородцев, П. И.* Лекции по истории философии права / Н. И. Новгородцев. – М.: Раритет, 1995. – 446 с.
615. *Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева.* – Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.
616. *Общая теория прав и государства / под ред. В. В. Лазарева.* – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.

617. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
618. *Покровский, И. А.* Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Статут, 2001. – 353 с.
619. *Попков, В. Д.* Право в системе социальных норм / В. Д. Попков // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко.* – М., 2007. – Т. 2. – С. 108–141.
620. *Русская философия права: философия веры и нравственности (антология) / авт.-сост. А. П. Альбов и др.* – СПб.: Алетейя, 1999. – 437 с.
621. *Семенов, Н. Н.* Наука и общество: статьи и речи / Н. Н. Семенов. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1981. – 487 с.
622. *Синюков, В. Н.* Правовая система: вопросы правореализации / В. Н. Синюков, Ф. А. Григорьев. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. – 156 с.
623. *Сырых, В. М.* Теория государства и права / В. М. Сырых. – М.: Былина, 1998. – 512 с.
624. *Таганцев, Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. / Н. С. Таганцев; сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
625. *Хропанюк, В. Н.* Теория государства и права / В. Н. Хропанюк; под ред. В. Г. Стрекозова. – 2-е изд., доп., испр. – М.: Интерстиль, 1999. – 377 с.
626. *Черданцев, А. Ф.* Теория государства и права: учеб. для вузов / А. Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2001. – 432 с.
627. *Черданцев, А. Ф.* Юридические документы и юридическая техника / А. Ф. Черданцев // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко.* – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – Т. 2. – С. 785–802.

628. Шундиков, К. В. Механизм правового регулирования: учеб. пособие / К. В. Шундиков; под ред. А. В. Малько. – Саратов: Изд-во СГАП, 2001. – 211 с.
629. *Шутак, И. Д.* Теория и практика оговорок в праве: система понятий: терминологический словарь / И. Д. Шутак . – СПб.: Алетейя, 2001. – 190 с.
630. Юридическая техника / Рудольф фон Иеринг; сост. А.В. Поляков. – М.: Статут, 2008. –231 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

631. *Амануллина, А. Ф.* Судебный контроль в стадии исполнения приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Амануллина А. Ф. – Казань, 2008. – 25 с.
632. *Антонова, Н. А.* Правотворчество органов местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонова Н. А. – М., 2009. – 20 с.
633. *Апт, Л. Ф.* Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Апт Л. Ф. – М., 1973. – 16 с.
634. *Афанасьева, В. И.* Привилегия как источник исключительного права в процессе становления и развития патентного права России X–XIX веков: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Афанасьева В. И. – М., 2007. – 42 с.
635. *Афзалетдинова, Г. Х.* Исключительные режимы в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Афзалетдинова Г. Х. – М., 2016. – 29 с.
636. *Балдандоржиев, В. Б.* Судебный контроль как механизм взаимодействия органов судебной и исполнительной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Балдандоржиев В. Б. – М., 2003. – 24 с.

637. *Беляева, Г. С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Беляева Г. С. – Курск, 2013. – 44 с.
638. *Берг, Л. Н.* Судейское усмотрение и его пределы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Берг Л. Н. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
639. *Бодров, С. Ю.* Судебный прецедент в системе источников российского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бодров С. Ю. – Казань, 2004. – 24 с.
640. *Борисов, Г. А.* Отправные нормативные установления советского законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Борисов Г. А. – Харьков, 1991. – 45 с.
641. *Блохин, Ю. В.* Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Блохин Ю. В. – М., 1991. – 25 с.
642. *Васильева, Т. А.* Судебный прецедент как источник права в европейской юриспруденции XVII–XIX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Васильев Т. А. – Казань, 2012. – 30 с.
643. *Власова, Т. В.* Прецедентное право Англии: теоретико-сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Власова Т. В. – М., 2002. – 22 с.
644. *Вороненков, Д. Н.* Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Вороненков Д. Н. – М., 2009. – 66 с.
645. *Габараева, Н. В.* Конституционно-правовые аспекты судебного контроля в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Габараева Н. В. – Волгоград, 2007. – 18 с.
646. *Гатауллин, А. Г.* Теоретические и организационно-правовые основы конституционного судебного контроля в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Гатауллин А. Г. – Казань, 2009. – 53 с.

647. *Гук, П. А.* Судебный прецедент как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гук П. А. – Саратов, 2002. – 30 с.
648. *Гук, П. А.* Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Гук П. А. – М., 2012. – 49 с.
649. *Гумашвили, Л. Э.* Теоретические основы криминалистических классификаций и их значение в судебном доказывании (на примере построения и использования классификации документов по делам о хищениях социалистического имущества): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гумашвили Л. Э. – М., 1979. – 25 с.
650. *Давыдова, М. Л.* Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Давыдова М. Л. – Саратов, 2002. – 31 с.
651. *Давыдова, М. Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Давыдова М. Л. – Волгоград, 2010. – 50 с.
652. *Дубатовская М. В.* Характеристическое сингулярное уравнение с бесконечным индексом в исключительном случае: автореф. дис. ... канд. физ-мат. наук: 01.01.01 / Дубатовская М. В. – Минск, 1997. – 17 с.
653. *Дюкова, Е. А.* Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Дюкова Е. А. – М., 2008. – 21 с.
654. *Еременко, А. С.* Толкование правовых норм Конституционным судом РФ (вопросы теории конституционного правоотношения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Еременко А. С. – М., 2002. – 23 с.
655. *Евграфов, П. Б.* Соотношение структуры советского права и советского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Евграфов П. Б. – Харьков, 1981. – 18 с.

656. *Залоило, М. В.* Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Залоило М. В. – М., 2011. – 20 с.
657. *Загайнова, С. К.* Судебный прецедент (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Загайнова С. К. – Екатеринбург, 2002. – 16 с.
658. *Заец, А. П.* Согласованность нормативных предписаний как условие повышения эффективности правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Заец А. П. – Киев, 1985. – 18 с.
659. *Иванов, В. И.* Судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов В. И. – Омск, 2011. – 22 с.
660. *Игнатенкова, К. Е.* Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Игнатенкова К. Е. – Саратов, 2006. – 26 с.
661. *Карабеков, М. М.* Правовые акты как средства формирования и реализации правовой политики: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Карабеков М. М. – Краснодар, 2010. – 31 с.
662. *Ковтун, Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: автореф. дис. ... д-ра юрид наук: 12.00.09 / Ковтун Н. Н. – Н. Новгород, 2002. – 59 с.
663. *Колоколов, Н. А.* Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Колоколов Н. А. – Н. Новгород, 2005. – 52 с.
664. *Костерина, Н. В.* Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Костерина Н. В. – Волгоград, 2005. – 20 с.
665. *Кофанов, Л. Л.* Возникновение и развитие римского права в VIII– V вв. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Кофанов Л. Л. – М., 2001. – 36 с.

666. *Кошелева, В. В.* Акты судебного толкования правовых норм: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кошелева В. В. – Саратов, 1999. – 28 с.
667. *Крылов, В. Н.* Роль научных абстракций в построении системы категорий теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Крылов В. Н. – М., 1985. – 21 с.
668. *Куандыков, М. К.* Судебный прецедент как источник права в англосаксонской системе права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Куандыков М. К. – Алматы, 2002. – 27 с.
669. *Кудряшова, Н. Ю.* Приближенные методы решения сингулярных интегральных уравнений в исключительных случаях: автореф. дис. ... канд. физ-мат. наук: 01.01.07 / Кудряшова Н. Ю. – Пенза, 2000. – 18 с.
670. *Кузнецов, В. Е.* Системы программирования с исключениями из правил: автореф. дис. ... д-ра техн. наук: 05.25.01 / В. Е. Кузнецов. – М., 1988. – 35 с.
671. *Ласточкин, Р. Н.* Явная несправедливость как основание к отмене или изменению приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ласточкин Р. Н. – Казань, 1983. – 16 с.
672. *Левченко, В. Ю.* Судебный контроль в сфере военного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 / Левченко В. Ю. – М., 1997. – 18 с.
673. *Ломовцева, М. Л.* Российская и американская системы конституционного судебного контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ломовцева М. Л. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.
674. *Луцевич, С. С.* Судебный прецедент и перспективы его признания в качестве источника права в официальной российской правовой доктрине: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Луцевич С. С. – Краснодар, 2006. – 29 с.

675. *Макарова, О. В.* Судебный контроль судов общей юрисдикции за соответствием нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти федеральным законам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Макарова О. В. – М., 2005. – 26 с.
676. *Медная, Ю. В.* Поднормативное правовое регулирование общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Медная Ю. В.. – Саратов, 2008. – 22 с.
677. *Митрофанова, С. С.* Гносеологический анализ классификационной проблемы в современной науке: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Митрофанова С. С. – Новосибирск, 1986. – 36 с.
678. *Муравьев, И. А.* Законодательное исключение (теория, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Муравьев И. А. – Н. Новгород, 2009. – 234 с.
679. *Муравьев, И. А.* Законодательное исключение (теория, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Муравьев И. А. – Н. Новгород, 2009. – 33 с.
680. *Муратова, Н. Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Муратова Н. Г. – Екатеринбург, 2004. – 46 с.
681. *Мясников, А. Г.* Долг правдивости и право на ложь как проблема практической философии И. Канта (история и современность): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Мясников А. Г. – М., 2007. – 54 с.
682. *Никишин, В. В.* Судебный прецедент как источник экологического права Европейского Союза и России: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Никишин В. В. – М., 2011. – 27 с.

683. *Никулинская, Н. Ф.* Судебный контроль в сфере психиатрической помощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Никулинская Н. Ф. – М., 2009. – 29 с.
684. *Нырков, В. В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нырков В. В. – Саратов, 2003. – 33 с.
685. *Ображиев, К. В.* Судебный прецедент как источник уголовного права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ображиев К. В. – Ставрополь, 2004. – 24 с.
686. *Омарова, У. А.* Основные институты наследственного права России и степень отражения в них принципа социальной справедливости: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Омарова У. А. – М., 1999. – 54 с.
687. *Парфентьев, А. Л.* Нормативно-правовое предписание и его виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Парфентьев А. Л. – М., 1980. – 20 с.
688. *Паршина, Т. В.* Судебный контроль за законностью правовых актов: общеправовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Паршина Т. В. – Н. Новгород, 2005. – 29 с.
689. *Поддубный, А. О.* Особые условия применения административного задержания в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Поддубный А. О. – Саратов, 2003. – 26 с.
690. *Приходько, И. М.* Ограничения в российском праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Приходько И. М. – Саратов, 2002. – 26 с.
691. *Пучков, О. А.* Воспроизведение нормативных предписаний как способ формирования советского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пучков О. А. – Свердловск, 1988. – 19 с.
692. *Пчелинцев, С. В.* Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: автореф.

- дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 12.00.02 / Пчелинцев С. В. – М., 2006. – 52 с.
693. *Репьев, А. Г.* Иммунитет как категория российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Репьев А. Г. – Саратов, 2011. – 22 с.
694. *Румянцева, В. Г.* Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С.А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Румянцева В. Г. – СПб., 2002. – 26 с.
695. *Русман, Г. С.* Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Русман Г. С. – Челябинск, 2006. – 24 с.
696. *Сапун, В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сапун В. А. – Н. Новгород, 2002. – 49 с.
697. *Свинин, Е. В.* Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Свинин Е. В. – Владимир, 2006. – 25 с.
698. *Семенюта, Н. Н.* Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Семенюта Н. Н. – Екатеринбург, 2000. – 26 с.
699. *Семикин, Д. С.* Судебные акты в системе правовых актов современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Семикин Д. С. – Саратов, 2008. – 29 с.
700. *Сидоров, В. И.* Специализированный конституционный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сидоров В. И. – Н. Новгород, 2003. – 30 с.
701. *Скаков, А. Б.* Назначения вида режима колоний в порядке исключения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Скаков А. Б. – Алматы, 1995. – 26 с.

702. *Степкина, М. В.* Гносеологический статус классификации как формы познания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Степкина М. В. – Самара, 2006. – 18 с.
703. *Толстик, В. А.* Иерархия источников российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Толстик В. А. – Н. Новгород, 2002. – 54 с.
704. *Тришина, Е. Г.* Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Тришина Е. Г. – Саратов, 2000. – 29 с.
705. *Тяжкий, В. Г.* Типовые предписания и государственные рекомендации в системе советского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Тяжкий В. Г. – М., 1988. – 26 с.
706. *Фомин, А. А.* Юридическая безопасность субъектов российского права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Фомин А. А. – Саратов, 2008. – 58 с.
707. *Хабриева, Т. Я.* Толкование Конституции РФ: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Хабриева Т. Я. – М., 1997. – 50 с.
708. *Хижняк, С. П.* Формирование и развитие терминологичности в языковой системе: (на материале юридической терминологии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Хижняк С. П. – Саратов, 1998. – 32 с.
709. *Чадаев, А. М.* Проекционные методы решения задачи Римана и сингулярных интегральных уравнений в исключительном случае: автореф. канд. физ-мат. наук: 01.01.01 / Чадаев А. М. – Одесса, 1994. – 13 с.
710. *Черданцев, А. Ф.* Техничко-юридические нормы в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Черданцев А. Ф. – Свердловск, 1963. – 23 с.

711. *Шопина, О. В.* Система правовых актов в современной России: Проблемы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шопина О. В. – Саратов, 2002. – 26 с.
712. *Шундииков, К. В.* Цели и средства в праве: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шундииков К. В. – Саратов, 1999. – 24 с.
713. *Шутак, И. Д.* Оговорки в законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шутак И. Д. – СПб., 1994. – 16 с.
714. *Юшкова, Ю. А.* Иммуниет как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Юшкова Ю. А. – М., 2008. – 25 с.

Издания на иностранном языке

715. *Alderfer, C. P.* Existence, Relatedness, and Growth; Human Needs in Organizational Settings / C. P. Alderfer. – New York: Free Press, 1972. – 198 p.
716. *Austin, J.* Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of positive Law: in two vols / J. Austin. – London: John Murray, 1873. Vol. 1. – 504 p.
717. *Durkheim, E.* Soziologie und Philosophie / E. Durkheim. – Frankfurt, 1967. – 156 s.
718. *Ehrlich, E.* Grundlegung der Soziologie des Rechts / E. Ehrlich. München, Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1913. – 432 s.
719. *Ehrlich, E.* Die juristische Logik / E. Ehrlich. – Tübingen: Verlag von Z. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1918.
720. *Ehrlich, E.* Recht und Leben: gesammelte schriften zur rechtstatsachenforschung zur freirechtslehre / E. Ehrlich. – Berlin: Duncker und Humblot, 1967. – 252 s.
721. *Ehrlich, E.* Gesetz und lebendes Recht: vermischte kleinere Schriften / E. Ehrlich. – Berlin: Dunker und Humblot, 1986. – 259 s.
722. *Kalinowski, G.* Le probleme de la vérité en morale en droit / G. Kalinowski. – Lyon: Ed. Vitte, 1967. – 367 s.

723. *Maslow, A. H. Motivation and Personality / A. H. Maslow.* – New York: Harper & Row, 1954. – 411 p.
724. *Parsons, T. Essays in sociological Theory / T. Parsons.* – New York: Free Press of Glencoe, 1964. – 459 p.
725. *Pound, R. Interpretations of legal history / R. Pound.* – Cambridge: Harvard University Press, 1946. – 172 p.
726. *Sommerhoff, G. Analytical biology / G. Sommerhoff.* – London: Oxford University Press, 1950. – 194 p.
727. *Wroblewski, I. Zagadnienia terminologii nauk prawnych / I. Wroblewski // Nauka polska.* 1984. № 3. S. 73–79.

Интернет-ресурсы

728. Журналы заседания Священного Синода от 4 октября 2012 года. Журнал № 93 / Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 07.01.2013).
729. Законодательная деятельность. Схема законотворческого процесса. Противодействие коррупции / Официальный сайт Законодательного Собрания Пензенской области // URL: <http://www.zspo.ru> (дата обращения: 04.12.2015).
730. Законопроект № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (внесен в Государственную Думу ФС РФ 18.12.2015) / Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ // URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2016).
731. *Зверев, А. М. Генезис и система парных категорий диалектики / А. М. Зверев.* – Казань, 2008 // URL: <http://zverev-kazan.narod.ru/> (дата обращения: 12.01.2014).
732. *Медведев, Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию гражданского общества и правового государства / Д. А. Медведев* (1 февраля 2011 года, Екатеринбург) / Официальный сайт Президента РФ // URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.04.2014).

733. Показатели безопасности состояния дорожного движения. Дорожно-транспортные происшествия и пострадавшие из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств (Январь – Август 2016 г) / Официальный сайт ГИБДД МВД России // URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 18.09.2016).
734. *Путин, В. В.* Выступление на X съезде партии «Единая Россия» / В. В. Путин / Официальный сайт Всероссийской политической партии «Единая Россия» // URL: <http://www.er.ru>. (дата обращения: 23.02.2014).